

ЛЕВ КЛЕЙН

[ПУТЕВОДИТЕЛЬ]

Handwritten signature in blue ink, appearing to read 'A. R. ...'

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Leo Klejn [Guidebook]

St. Petersburg | 2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Лев Клейн

[Путеводитель]

Санкт-Петербург | 2020

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры РАН

Accepted for publication by the Academic Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:
Б.А. Раев, Е.И. Матяш (отв. ред.), М.Т. Кашуба (отв. ред.),
Л.Б. Вишняцкий, Ю.Ю. Пиотровский,
А.А. Ковалев, О.А. Щеглова

Editorial Board:
B.A. Raev, E.I. Matyash (ed.), M.T. Kashuba (ed.),
L.B. Vishnyatsky, Ju.Ju. Piotrovsky,
A.A. Kovalev, O.A. Shcheglova

Рецензенты:
доктор исторических наук Ю.А. Виноградов
(Институт истории материальной культуры РАН),
доктор исторических наук А.Ю. Алексеев
(Государственный Эрмитаж),
доктор исторических наук А.Г. Козинцев
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН)

Reviewers:
Doctor of Historical Sciences Yu.A. Vinogradov
(Institute for the History of Material Culture RAS),
Doctor of Historical Sciences A.Yu. Alekseev
(The State Hermitage Museum),
Doctor of Historical Sciences A.G. Kozintsev
(Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunsamera) RAS)

Лев Клейн. [Путеводитель]: Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна / отв. ред. Е.И. Матяш, М.Т. Кашуба. — Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. — 240 с. : ил.

Leo Klejn. [Guidebook]: Volume dedicated to the memory of Leo Samuilovich Klejn / eds. E.I. Matyash, M.T. Kashuba. — Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2020. — 240 p. : ill.

ISBN 978-5-907298-05-7

Сборник посвящен памяти выдающегося ученого-гуманитария, археолога Льва Самуиловича Клейна (1927–2019). Краткая биография отражает основные вехи жизни Клейна и этапы его становления как ученого, педагога и публициста. Статьи охватывают широкий круг научных интересов Л.С. Клейна: отражены его основные теоретические положения в археологии, вклад в историю науки и в изучение отдельных археологических культур от энеолита до средневековья; показана его деятельность как полевого археолога; представлены его разработки в филологии, культурологии, семиотике, искусствоведении. Важную часть составляют статьи, посвященные его педагогической и общественной деятельности. В книге имеются краткие воспоминания приемного сына Дамира. В приложении публикуются полный список работ Л.С. Клейна и основная литература о нем.

Книга рассчитана на ученых гуманитарного профиля (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся гуманитарным знанием.

This volume is dedicated to the memory of the outstanding humanities scholar Leo S. (Lev Samuilovich) Klejn (1927–2019). A short biographical essay provides an overview of the main landmarks of Klejn's life and the main stages of his scholarly and pedagogical career. The articles included in the volume reflect a wide range of Klejn's scholarly interests and his contributions to the fields of theoretical archaeology, history of science, and to the study of a whole number of archaeological cultures from the Neolithic through the Middle Ages. A number of articles deal with Klejn as a field archaeologist, a philologist, a semiotician and an art historian. Particular attention is given to his pedagogical and public activity. A short memoir of Klejn's adopted son Damir characterizes him as a person. The appendix contains a full list of Klejn's publications and of main publications about him.

The book is designed for a wide range of researchers in the humanities (archaeologists, historians, ethnographers) and experts in allied subjects, humanities degree students, and all readers interested in humanitarian knowledge in general.

Первая страница обложки — Л.С. Клейн, январь 2008 г. (фотография из личного архива Л.С. Клейна)
First page of cover — L.S. Klejn, January 2008 (photography from the personal archive of Leo S. Klejn)

ISBN 978-5-907298-05-7

doi.org/10.31600/978-5-907298-05-7

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук, 2020

© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
БИОГРАФИЯ И ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ (<i>Е.И. Матяш, Е.Р. Пономарев</i>)	9
ВКЛАД В НАУКИ	29
Основные теоретические положения Клейна в археологии	29
Концепция предмета археологии в научном творчестве Л.С. Клейна (<i>С.В. Палиенко</i>)	29
Методологическая природа археологии (<i>Стивен Д. Лич</i>)	43
Leo Klejn's panoramic view of theoretical archaeology as his way to metaarchaeology (<i>Anna Izabella Zalewska, Dorota Cyngot</i>)	49
Теория, классификация и типология, процедуры и принципы (<i>Е.М. Колпаков</i>)	59
«Любимый курс»: труды Л.С. Клейна по истории археологии (<i>И.Л. Тихонов</i>)	69
Археология и не только	81
Кэрбунский клад трипольской культуры: возвращение к нерешенным проблемам (<i>И.В. Палагута</i>)	81
Катакомбная культура (<i>В.Я. Стеганцева</i>)	88
Проблематика индоевропейской прародины в трудах Л.С. Клейна (<i>С.В. Конча (†)</i>)	94
Л.С. Клейн и «варяжский вопрос» (<i>О.Л. Губарев</i>)	106
Лев Клейн о проблеме происхождения славян (<i>С.В. Воронятов</i>)	116
Полюшко-поле (Л.С. Клейн и полевая археология) (<i>Б.А. Раев</i>)	119
Филология — Гомеровские штудии (<i>Д.В. Панченко</i>)	125
Антропология, культурология, семиотика и не только	129
Что стоит за типами? (<i>А.В. Тетенькин</i>)	129
Изучение восточнославянского язычества (<i>Е.Н. Дувакин</i>)	145
Л.С. Клейн об искусстве (<i>Н.М. Калашникова, И.В. Палагута</i>)	159
Девиантность, творчество, правосудие (<i>Я.И. Гилинский</i>)	165
Изучение человека — homo (<i>Е.И. Матяш</i>)	173
Философия у Клейна (<i>Г.Л. Тульчинский</i>)	179
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПУБЛИЦИСТИКА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ. ЖИЗНЬ	188
Педагогическая деятельность. Школа Клейна (<i>С.А. Васильев</i>)	188
Клейн — публицист (<i>А.М. Ельяшевич</i>)	193
Лев Клейн как полемист (<i>О.Л. Губарев</i>)	200
The quintessential archaeologist (<i>Ludomir R. Lozny</i>)	207
Воспоминания (<i>Д. Гибадуллин-Клейн</i>)	211
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Об идеальной среде для преподавания археологии (<i>Л.С. Клейн</i>)	213
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Л.С. Клейн: список печатных работ и литература о нем (<i>Л.С. Клейн, Л.М. Всевиов</i>)	216
Список сокращений	238

CONTENT

FOREWORD	7
BIOGRAPHY AND PRIVATE LIFE (<i>E.I. Matyash, E.R. Ponomarev</i>)	9
CONTRIBUTION TO SCHOLARSHIP	29
Klejn's main theoretical ideas in archaeology	29
L.S. Klejn's conception of the subject of archaeology (<i>S.V. Palienko</i>)	29
Methodological nature of archaeology (<i>Stiven D. Leach</i>)	43
Leo Klejn's panoramic view of theoretical archaeology as his way to metaarchaeology (<i>Anna Izabella Zalewska, Dorota Cyngot</i>)	49
Theory, classification and typology, procedures and principles (<i>E.M. Kolpakov</i>)	59
«Favorite course»: Klejn's works on the history of archaeology (<i>I.L. Tikhonov</i>)	69
Archaeology and more	81
Trypolian culture — Cărbuna hoard: returning to unresolved issues (<i>I.V. Palaguta</i>)	81
Catacomb culture (<i>V.Ya. Stegantseva</i>)	88
Problem of Indo-European homeland in the works of L.S. Klejn (<i>S.V. Koncha</i> (†))	94
L.S. Klejn and the «Varangian problem» (<i>O.L. Gubarev</i>)	106
Leo Klejn about the problem of the origins of the Slavs (<i>S.V. Voroniatov</i>)	116
O field, wide field (L.S. Klejn and field archaeology) (<i>B.A. Raev</i>)	119
Philology — Homeric studies (<i>D.V. Panchenko</i>)	125
Anthropology, culturology, semiotics and more	129
What stands behind types? (On the theory of cultural transmission) (<i>A.V. Tetenkin</i>)	129
Studies of East Slavic paganism (<i>E.N. Duvakin</i>)	145
L.S. Klejn on art (<i>N.M. Kalashnikova, I.V. Palaguta</i>)	159
Deviation, creativity, justice (<i>Ya.I. Ghilinsky</i>)	165
Study of man — homo (<i>E.I. Matyash</i>)	173
Philosophy in Klejn's works (<i>G.L. Tulchinsky</i>)	179
PEDAGOGICAL ACTIVITY, PUBLICISTIC WRITING, INTERNATIONAL CONTACTS	188
Pedagogical activity. Klein's school (<i>S.A. Vasiliev</i>)	188
Klejn as a publicist (<i>A.M. Eliyashevich</i>)	193
Klejn as a polemist (<i>O.L. Gubarev</i>)	200
The quintessential archaeologist (<i>Ludomir R. Lozny</i>)	207
Memorials (<i>D. Gibadullin-Klejn</i>)	211
CONCLUSION. About the ideal milieu for teaching archaeology (<i>L.S. Klejn</i>)	213
APPENDIX.	
Leo Klejn: list of scholarly works and literature about him (<i>L.S. Klejn, L.M. Vseviov</i>)	216
List of abbreviations	238

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь, научное творчество, размышления и публикация Льва Самуиловича Клейна (1927–2019) уже стали и, несомненно, еще станут предметом многих книг, которым предстоит быть написанными его последователями и оппонентами, коллегами и научными противниками, современниками и учеными следующих поколений, которым еще только предстоит прийти в гуманитарное знание. Однако настоящее издание занимает особое место потому, что эту книгу инициировал, продумал и модерировал сам Лев Самуилович, которого побудили к этому следующие обстоятельства.

Несколько лет назад в интернете некие «активисты издательского дела» предлагали за приличные деньги биографическую книгу «Л.С. Клейн», скопированную со статьи в «Википедии», которую они предлагали в отличном качестве напечатать каждому, кто пожелал бы ее заказать. Удивленный Клейн решил не вступать в переговоры с так называемыми издателями, а выпустить свою подлинную библиографию отдельной книгой с соблюдением всех авторских прав. Понятно, что сам он такую книгу написать не мог. 10 декабря 2012 г. от Льва Самуиловича М.Т. Кашуба получила письмо следующего содержания:

«Статья его [Матяша. — М.К.] после месячного обсуждения признана в "Википедии" образцовой (в числе лучших 400 из 700 000), он получил за нее награды, она красовалась на первой странице "Википедии", словом, все основания для того, чтобы положить ее в основу книги. Но теперь выяснилось, что Женя переселяется на три года (а может, и дольше) в Нанкин, в Нанкинский университет и будет осваивать новые курсы преподавания на китайском языке. Никакого времени и условий (библиотек) для работы над книгой у него не будет. План переработки есть, он составлен. Значит, нужен соавтор. Матяш согласен полностью и со своей стороны готов помогать.

Лучшим соавтором был бы Вишняцкий, но на нем редактирование Ежегодника и Стратума, не говоря

уж о собственных работах. На совещании с Белецким и Щегловой было признано, что наилучшая кандидатура — Вы... И Белецкий, и Щеглова готовы помогать. Разумеется, я предоставлю все, что от меня может потребоваться, и стерплю любую степень критичности.

Соглашайтесь, Майя! От Вас зависит, чтобы книга получилась интереснее статьи в "Википедии". А я выдам достаточное количество фотографий и приложений, чтобы она имела спрос... В моих мемуарах немало сожальительных пропусков. Если Вы согласитесь... то я сообщу Вам рабочий план по превращению статьи в книгу.

Ваш Л. Клейн».

Однако статья из «Википедии» не превратилась в книгу, хотя ее структура была учтена. В ответ было предложено сделать сборник научных статей, каждая из которых отражала бы одно из направлений многогранного научного творчества Клейна, пригласив специалистов по его рекомендации. Лев Самуилович с воодушевлением воспринял эту идею, и началась работа, потребовавшая много лет. Естественно, встал вопрос и о названии сборника. Путеводитель — Guidebook — это и справочник, и аннотированный указатель, и «руководящая книга», призванная побудить к продолжению размышлений и исследований в намеченном направлении. Льву Самуиловичу импонировала и аллюзия к значимому персонажу цикла «Земноморье» американской писательницы Урсулы Ле Гуин, дочери знаменитого антрополога Альфреда Льюиса Крёбера, которого Клейн ценил и часто цитировал в своих лекциях и публикациях. Мастер Путеводитель, один из девяти главных хранителей знания в мифическом мире Земноморья, ставил перед учениками вопросы о внутренней сути вещей и бытия. Таковым был и он сам.

Л.С. Клейн успел лично познакомиться с большинством текстов и поблагодарить каждого автора этой книги.

М.М. Девятов.
Портрет Л.С. Клейна.
Бумага, карандаш

БИОГРАФИЯ И ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.И. Матяш¹, Е.Р. Пономарев²

Ранние годы

Лев Самуилович Клейн родился 1 июля 1927 г. в Витебске, в интеллигентной еврейской семье, атеистической и сильно русифицированной: обиходным языком семьи уже два поколения был русский. Спустя многие годы в одном из интервью известный археолог признается: «Я не особенно чувствую себя евреем. Свое еврейство я ощущаю, только когда наталкиваюсь на барьеры со стороны властей. В семье у нас не разговаривали ни на идише, ни на иврите, и у нас не было иудейской религии» (Taylor 1993: 723–735)³.

«Если... — пишет он сам (Клейн 2012б), — определять этнос по языку, культуре и самосознанию, то мы должны признать себя результатом ассимиляции. Можно осуждать или не осуждать ассимиляцию инородцев средой, основным населением, но она есть реальность. <...> Полагаю, что большинство нынешних евреев в России представляет собой не отдельный этнос, а нечто вроде касты внутри русского народа. Их отличают от остального русского населения только узнаваемые (и то не всегда) фамилии, предпочитаемые профессии и физические особенности».

Себя Л.С. Клейн считает русским еврейского происхождения (Клейн 2012а). По воспоминаниям деда Льва Самуиловича, его далекие предки по отцовской линии были балагулами (евреями-ямщиками) и ездили по дорогам, связывавшим Варшаву с Москвой и Петербургом. Это подтверждается реалистичностью преданий, сохранившихся в семье от наполеоновского времени: предание сохранило детали, которых

позже в семье не могли узнать — что в наполеоновской армии было много немцев и что наполеоновским войскам был отдан приказ не отступать из Москвы, а наступать на Петербург (Клейн 2011: 21).

Оба деда Льва Клейна до революции были предпринимателями: один — фабрикантом, другой — купцом первой гильдии. Отец, Станислав Семенович (по паспорту Самуил Симхович) Клейн, родился в Варшаве, так что польское имя было ему дано при рождении, в Гражданскую войну был офицером-медиком в Добровольческой армии Деникина, под конец войны (с 1920 г.) оказался в Красной армии. Потомок капиталистов, сын деникинского офицера — плохая анкета для советского юноши.

Мать, Ася Мойсеевна, работала хирургом.

«Если у меня есть какие-то [творческие] способности... — вспоминал Клейн, — я думаю, что они у меня действительно от матери. От отца я мог унаследовать организаторские способности, волю, но музыкальные и прочие творческие дарования — от матери. Она всегда блестяще училась (на одни пятерки), очень много знала и была не только известным хирургом, но и любимым преподавателем» (Клейн 2011: 25).

Вместе со Львом рос его младший брат Борис. У него был великолепный бас шаляпинского тембра, но он оставил музыку и окончил юридический факультет Ленинградского университета. Несколько лет он проработал в прокуратуре, но потом бросил нелюбимую работу и вернулся к родителям в Гродно работать преподавателем истории в вузе. Дружба с опальным писателем Василем Быковым, а также возмущение вторжением советских войск в Чехословакию привели его к исключению из партии и увольнению из университета без права поступления на преподавательскую и ответственную работу. Позже Борис Клейн восстановился в партии и поступил на работу в местный университет, а спустя десятилетие эмигрировал в США (см. Клейн Б. 2008).

¹ КНР, Фучжоу. Независимый исследователь, автор статьи о Л.С. Клейне для «Википедии» на русском языке. Адрес электронной почты: ramyat@list.ru.

² Д. филол. н., проф. Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Военмех, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Санкт-Петербург, Россия. Адрес электронной почты: eronomarev@mail.ru.

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Клейн,_Лев_Самуилович.

Отец Самуил Симхович Клейн

Мать Ася Мойсеевна Клейн

Старшая (приемная) сестра Серафима была хирургом, как и мать. После войны жила в Риге. Муж ее, Аркадий Николаевич Хазанов, полковник медицинской службы, был начальником Рижского госпиталя. Их потомство и сейчас живет в Риге.

Детство будущего ученого (по его собственному определению, «благополучное и трудовое» — Клейн 2010б: 25) проходило в Витебске. Он был очень одарен в самых разных сферах. Лев имел абсолютный музыкальный слух, отлично рисовал, писал недурные стихи, брал призы по современным танцам, ему легко давались языки, с юности он овладел, сам того не заметив, техникой быстротечения — пробегал глазами не по буквам, а по строчкам (видя всю строку сразу) и листал страницы со страшной быстротой, все усваивая. Учителя не уставали нахваливать его сочинения.

Лев, вместе с братом Борисом, учился в белорусской средней школе и в музыкальной школе по классу рояля. «По музыке я продвигался очень быстро, — вспоминал ученый, — из первого класса сразу в третий, а из пятого, минуя шестой и седьмой, сразу в училище». Вместе с братом Лев выступал на концертах, исполняя в сольных концертах Вторую венгерскую рапсодию Листа. Однако стать профессиональным музыкантом юному Клейну не захотелось. Психологическое отторжение концертной деятельности, многочасовые ежедневные упражнения в ущерб любым другим увлечениям, а также, в некоторой степени, отсутствие хорошего контакта с преподавательницей Е.Р. Шуман — все это привело к тому, что на одном из концертов Лев демонстративно захлопнул крышку рояля и ушел со сцены, положив таким образом конец своему музыкальному образованию и музыкальной карьере (Там же: 26).

Л.С. Клейн с родителями. Петродворец, 1969 г.

Война

В 1941 г. оба родителя Льва Клейна были призваны в армию в качестве врачей (отец — в первые же дни войны, мать — чуть позже). Остальные члены семьи (14-летний Лев совместно с дедом, бабушкой и младшим братом) уже через две недели после начала войны оказались с минимумом пожитков в теплушке в отходящем эшелоне. По устным рассказам Клейна, дед не хотел уезжать: не мог поверить в зверские расправы немцев над евреями. «Немцы приличные люди, я же имел с ними дело», — говорил он. Он вообще не верил советским газетам. Порывался остаться, чтобы охранять дом и добро. Усадили его почти насильно. Эвакуация проходила поэтапно: сначала в Волоколамск, но бои подошли и туда, затем в Егорьевск (Московской области), а осенью — в Йошкар-Олу (Марийской АССР), город тогда был в основном деревянный. Приютились на окраине города.

Там Лев, чтобы прокормить семью, поначалу работал в колхозе, затем продолжил обучение в восьмом и девятом классах средней школы. Школа была непростая. Это была эвакуированная из Ленинграда школа для детей сотрудников Академии наук, с очень интеллигентными учениками и высоким уровнем преподавания. Уже в 8-м классе Клейн написал сочинение-исследование о том, как звали неизвестного автора «Слова о полку Игореве» (сочинение сохранилось), —

через 30 лет исследование на ту же тему напишет академик Б.А. Рыбаков (оба исследователя разошлись в определении личности автора). Окончив 9-й класс, Клейн в 1944 г. ушел на фронт — 16-летним добровольцем (Там же: 27–30).

Служил на 3-м Белорусском фронте в военно-строительной части и прошел с нею от Смоленска до Каунаса. Временами исполнял обязанности переводчика, так как неплохо владел немецким языком. Особенно запомнились будущему ученому переправа через Березину — понтонный мост под налетом немецких самолетов, дорога на Минск с трупами людей и лошадей в летнюю жару, ночь под массивной бомбежкой на станции Молодечно...

После контузии (повреждение глаз) Клейна отправили на лечение в Рославль и дали отпуск, потом белый билет. В Рославле он поступил в железнодорожный техникум (на вагоностроительную специальность) — по настоянию отца: отец хотел видеть его имеющим практическую специальность. Сам он стремился к гуманитарным наукам. С отцом Лев договорился так: год он проучится в техникуме, и, если не увлечется практическим делом и захочет уйти, отец предоставит ему полную свободу. Год Лев проучился на отлично (за этот год окончилась война), а сдав экзамены, заявил отцу, что хочет поступать в гуманитарный вуз. Это было не так-то просто с неоконченным средним образованием (Там же: 30–33).

Студенческие и аспирантские годы

После войны семья поселилась в Гродно. Отец после демобилизации стал директором железнодорожной больницы, мать — хирургом в другой больнице и заведующей городской скорой помощью. Там же, в Гродно, Лев Клейн сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил в Гродненский педагогический институт на факультет языка и литературы. Новоиспеченный абитуриент стремился в столичный вуз, но выбора не было: все, кто сдавал на аттестат при этом пединституте, обязаны были поступать туда (Там же: 34–33).

В 1947 г., после двух лет обучения и конфликта с первым секретарем горкома партии (Там же: 38–39), Лев Клейн решил перевестись на очное отделение в Ленинградский университет, где уже учился заочно. На 1-м курсе заочного отделения филологического факультета он написал курсовую работу и получил исключительно высокий отзыв от В.Я. Проппа. Перевестись на второй курс очного дневного отделения ему было чрезвычайно трудно: началась борьба с космополитами. По совету В.Я. Проппа он подал заявление не только на филфак, но и на истфак, на кафедру археологии (Пропп считал, что археология сможет дать многие ответы там, где фольклористика бессильна). Несмотря на сплошные пятерки и рекомендацию Проппа, все инстанции отказывали Клейну в переводе и на тот, и на другой факультет, отказали и в министерстве в Москве.

Рецензия проф. В.Я. Проппа на контрольную работу по фольклору студ. I курса Л. Клейна

Тема «Медведь в народной сказке, языке и обряде» избрана студентом Клейном самостоятельно с разрешения кафедры. Работа представляет собой самостоятельное исследование (ок. 5 печ. листов или больше) и далеко превосходит рамки контрольной работы не только по объему, но и по качеству. По типу она приближается к дипломным. В работе собран большой материал. Тов. Клейн проявил огромную начитанность. Приводится свыше 150 названий трудов, какового количества достаточно было бы для диссертации.

Метод работы в целом правилен. Явления фольклора сводятся к исторической действительности. Тов. Клейн проявил незаурядные научные способности.

Недостатки работы (растянутость изложения, приведение материалов, не относящихся непосредственно к теме, тяга к рассуждениям общего характера и т.д.) объясняются отсутствием школы и навыков в писании научных работ.

Оценка: отлично с характеристикой работы как выдающейся.

Профессор В. Пропп

4. VII. 47 (Личный архив Л.С. Клейна, ср. Клейн 2010б: 41–43)

Однако когда уже начались занятия, вернулся с курорта ректор А.А. Вознесенский, брат Н.А. Вознесенско-

Титульный лист выпускного альбома исторического факультета ЛГУ. 1951 г.

го, первого заместителя Председателя Совета министров СССР (вскоре оба брата будут расстреляны по Ленинградскому делу). Клейн пробился на прием к нему и от волнения подал оба заявления — на филфак и на истфак — уже с визой министра. Ректор, по словам Клейна, поморщился и спросил: «Это что же — какой-то министр распоряжается в *моем* университете?» После этого поверх всех «Отказать» начертал «Принять» на обеих бумагах. Так Клейн поступил сразу на два факультета; до IV курса он учился одновременно на обоих: историческом (на кафедре археологии под руководством проф. М.И. Артамонова) и филологическом (изучал русскую филологию под руководством проф. В.Я. Проппа). Он был единственным студентом в СССР, который обучался на двух очных отделениях (Клейн 2010б: 44). Окончил студент Клейн только исторический факультет (1951, диплом с отличием; см. отзыв).

Отзыв проф. А.Н. Бернштама на дипломную работу Л.С. Клейна

Работа Л.С. Клейна «Геродотовы легенды о происхождении скифов в свете древневосточной письменности» отнюдь не студенческий диплом.

Я с большим интересом прочитал прекрасно оформленную, безупречную в части научного аппарата, снабженную интересными картами, умную работу. Это по существу большая часть отличной кандидатской диссертации. <...>

Автор настойчиво и убедительно, я бы даже сказал, деспотически убеждает читателя его диплома в том, что «скифы впервые появились в Передней Азии не в конце VII в., а в первой половине VII в., не сразу же вслед за киммерийцами, а полвека спустя после первого появления киммерийцев в Азии, не в погоне за киммерийцами, не в борьбе с киммерийцами, а в согласии и в союзе с ними» (стр. 39). И далее: «Северное Причерноморье и было древнейшей родиной скифов, и речь должна идти не о вторжении скифов из Азии в Северное Причерноморье, как это представляет Геродот, а об их возвращении в Северное Причерноморье из Передней Азии» (стр. 48).

(Архив кафедры археологии, копия в архиве Л.С. Клейна; ср. Там же: 72⁴)

⁴ Позже Л.С. Клейн ее доработал и опубликовал (Клейн 1975).

Выпускники кафедры археологии ЛГУ 1951 года с профессорами Б.Б. Пиотровским и Л.А. Мацулевичем.
Лист выпускного альбома

Л.С. Клейн (второй справа) проводит практические занятия с ребятами из школьного кружка. Начало 1950-х гг.

Профессор М.И. Артамонов

Л.С. Клейн — учитель средней школы с коллегами и выпускницами

С кружковцами на практическом занятии

В полевой разведке — опрос местных жителей

Летний поход со школьниками по пути «из варяг в греки»

Как белобилетник, он не занимался на военной кафедре, но ко времени окончания университета зрение улучшилось, комиссия признала его ограниченно годным, и ему все-таки присвоили офицерское звание, но не артиллериста, как всем сокурсникам, а офицера-переводчика.

В студенческие годы наибольшее влияние на Клейна оказали его научные руководители — директор Эрмитажа, зав. кафедрой археологии М.И. Артамонов и профессор В.Я. Пропп.

С Артамоновым студент ездил в Волго-Донскую экспедицию копать курганы и хазарско-славянскую крепость Саркел–Белую Вежу. Как признавал Лев Самуилович, он и впоследствии «благоговел перед [Артамоновым] и старался подражать в работе — прежде всего, думать независимо, не отдавать в печать ни одной работы, если в ней нет интересной идеи, писать ясным простым языком (не играть в ученость)». Заметное влияние Артамонова сказалось и в том, что многие научные поиски Клейна продолжали линию, начатую его учителем: это и изучение совместных погребений, и этногеография Скифии, и происхождение индоевропейцев, и проблема соотношения этноса и археологической культуры (Там же: 69).

Пропп тогда еще был в опале как формалист и космополит, да еще немец по рождению (правда, в тюрьме Пропп пробыл очень недолго), его всемирная слава началась позже. Клейн запомнил Проппа как очень красивого старичка и замечательного лектора. Влияние Проппа сказывалось в структуралистских и семиотических идеях, заметных в археологических работах Клейна, в типологическом мышлении, в уважении к формальному воплощению идей, возможно, и в обращении к гомеровскому эпосу — Клейн четко разделил древнюю литературу и исторические сведения об описываемой эпохе.

Вопреки обещаниям Артамонова (Там же: 73), места в аспирантуре истфака для Клейна не нашлось, не нашлось его ни в Минске, ни в Москве (в Институте археологии АН СССР). В 1951–1954 гг. Лев Самуилович поступал в четыре разные аспирантуры, все безуспешно (Там же: 73–77). Отказывали совершенно четко по причинам национального несоответствия — это был самый разгар преследования евреев как «космополитов». В Белоруссии объясняли откровенно: не наш национальный кадр (хотя Клейн владел белорусским языком, которым глава приемной комиссии не владел).

Он работал в экспедиции А.И. Тереножкина на р. Молочной (Украина), затем, получив место школьного учителя, поселился в поселке Волосово Ленинградской области. Параллельно готовился к поступлению

в аспирантуру (Там же: 77). Полгода он проработал библиографом в Библиотеке Академии наук в Ленинграде. Последующие годы работал учителем в средних школах Ленинграда и Гродно.

Когда с принятием «некоренных кадров» стало легче, Артамонов все-таки вытащил Клейна в Ленинград. В 1957 г. Лев Самуилович поступил в аспирантуру Ленинградского университета по кафедре археологии, которую окончил в 1960 г. Затем более полутора лет мыкался без работы, читал лекции на той же кафедре без оплаты и без официального оформления курса в бумагах (Там же: 101), а в 1962 г. был принят в штат в качестве ассистента. Для этого потребовался доклад Артамонова на партбюро о том, что Клейн необходим, поскольку в отличие от других работников может читать самые разные курсы — практически какие угодно. Его поддержал замдекана, очень влиятельный человек, страдавший от «дыр» в расписании.

Преподавание в университете

Окончив аспирантуру, Клейн вместо диссертации (сначала он хотел писать о скифах, потом — о миграционном происхождении катакомбной культуры) представил рукопись книги по норманнской проблеме, отвергавшую официальный антинорманизм. Это не могло быть тогда напечатано — книга опубликована только через полвека (Клейн 2009). Кроме того, он организовал при кафедре проблемный семинар с большой славяно-варяжской секцией, разрабатывавшей вопросы норманнского влияния в Древней Руси. В 1965 г. Клейн с участниками семинара выступил на публичной дискуссии по норманнскому вопросу, перевернувшей в некотором смысле всю советскую историческую науку: оказалось, что высказаться против всеми, казалось бы, принятой теории — можно.

Отстояв для себя, своих учеников и вообще всех исследователей саму возможность объективно заниматься норманнской проблемой, Клейн снова отложил работу над диссертацией. В только что найденном в Поднепровье у с. Кэрбуна кладе он обнаружил любопытные аналогии раннетрипольским вещам, занялся раннетрипольской культурой и увлек ею свой семинар. В результате появилось серийное издание «Проблемы археологии», первый выпуск которого (в 1968 г.) был посвящен Кэрбунскому (Карбунскому) кладу и другимкладам бронзового века.

Наконец, была написана и кандидатская диссертация «Происхождение донецкой катакомбной культуры». Кафедра долго не решалась ее утвердить: слишком смелой казалась выдвинутая Клейном идея

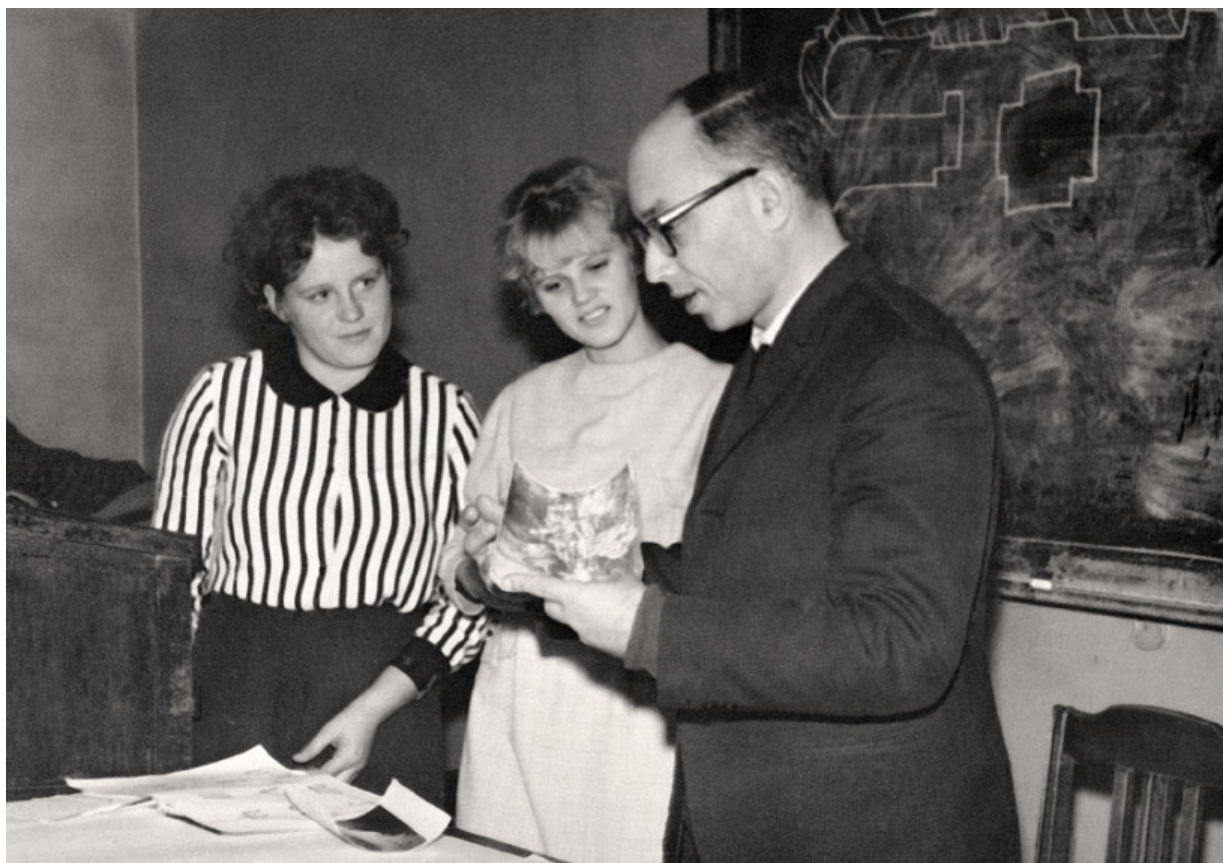
миграционного (с Дуная или из Ютландии) происхождения донецкой катакомбной культуры. Древние миграции, особенно с запада на территорию СССР, все еще считались политически нежелательными. Гипотеза Клейна до сих пор не подтверждена однозначно, но и не отвергнута. Защита проходила вдвое дольше обычного и чрезвычайно напряженно, один из официальных оппонентов (акад. Б.Б. Пиотровский) выступал дважды, кто-то упал в обморок, диссертанта ученики вынесли из зала заседаний на руках.

С начала 1970-х гг. Клейн увлекся разработкой общей теории археологии, что шло вразрез с установками археологического истеблишмента. Во-первых, считалось, что общей теорией для гуманитарных дисциплин является диалектика и другая не требуется. Во-вторых, в советской научной системе, насквозь иерархизированной, разработка теоретических «установок» была привилегией высших персон научной номенклатуры, преимущественно старцев. В-третьих, они были убеждены, что для теоретических новаций нужен большой эмпирический и практический опыт, а молодежь должна учиться и внимать. К этому времени Клейн был не так уж молод — далеко за сорок. Но

для заправлявших наукой старцев это не было зрелостью. Теоретические разыскания не столь пожилого ученого натолкнулись в лучшем случае на непонимание, а в основном — на чрезвычайное раздражение начальства (ср. отзыв).

**Отзыв ученого секретаря ЛОИА АН СССР
канд. ист. н. В.С. Сорокина о работе
Л.С. Клейна «Общая теория археологии»**

Л.С. Клейн считает, и, по-моему, совершенно верно, что задачей общей теории археологии <...> является установление закономерностей возникновения, развития (изменения) и исчезновения (смены) археологических культур, отражающих реальный ход исторического процесса. Рассматривая преемственность культуры в качестве процесса передачи информации в чередующихся поколениях, Л.С. Клейн представляет культуру того или иного человеческого общества как функционирующую информационную систему и исследует вопрос о ее стабильности и изменчивости. Возможность количественной оценки стабильности и изменчивости археологической культуры по представляющим ее вещественным материалам и при сопоставлении различных археологических комплексов, выражен-

Л.С. Клейн со студентками истфака — участницами археологического кружка. Начало 1960-х гг.

ная в ряде формул, является наиболее существенным разделом работы Л.С. Клейна, т.к. открывает дорогу объективным историческим выводам...

Следует сказать, что работа Л.С. Клейна представляет собой нечто новое для советской археологии. Более того, в настоящее время большинство советских археологов ни по специфике своих профессиональных знаний, ни психологически, ни технически не готовы к тому, чтобы принять общую теорию археологии, предлагаемую Л.С. Клейном, или, хотя бы, оценить ее по достоинству.

Подпись и печать (В. Сорокин)

18 октября 1972 г.

(Личный архив Л.С. Клейна)

На партийных заседаниях в Москве руководители археологии высказывались в том духе, что мы, мол, проглядели, как в Ленинграде выросла *школка* Клейна. Они печатаются на Западе, выступая перед иностранной аудиторией, и дискредитируют советскую археологию. Из Московского университета ушло в министерство высшего образования письмо профессора Д.А. Авдусина, тогда ведущего антиинорманиста страны, о том, что надо бы воспрепятствовать выезду клейновского ученика

Г.С. Лебедева в Швецию на конференцию именно потому, что он ученик Клейна. Атмосфера сгушалась.

Но обвинения в антисоветской пропаганде Клейну могли предъявить и значительно раньше. В 1962 г. университетский отряд Клейна в составе Кобяковской археологической экспедиции раскопал под Новочеркасском Садовый курган — богатое мужское погребение I века н.э., в котором сочетались местные золотые вещи сарматского производства (сбруя коня и нашивки с одежды) с импортными вещами из мастерских римского мира (восемь серебряных чаш с накладными медальонами, серебряный таз, глиняная амфора и прочее). После Новочеркасского клада — кургана Хохлач, раскопанного за сто лет до того, это была самая значительная находка. Начальница экспедиции попыталась отстранить Клейна от раскопок, чтобы открытие досталось ей одной. Она обратилась в КГБ, утверждая, что Клейн выражал сочувствие Новочеркасскому восстанию, а фото и сокровища готовится отправить за рубеж. Фотограф отряда был арестован, но начальник местного КГБ быстро разобрался в причинах конфликта. Устыдив начальницу, он освободил фотографа, вернул фото Клейну и отказался возбуждать дело.

Л.С. Клейн и И.В. Дубов на кафедре археологии ЛГУ. Вторая половина 1970-х гг.

Л.С. Клейн и А.Д. Столяр. Заседание кафедры археологии ЛГУ. Вторая половина 1970-х гг.

За роялем на студенческом вечере, посвященном 45-летию истфака ЛГУ. 1976 г.

Интересно продолжение этой истории. Клейн, сдав отчет и находки, оставил начальнице все возможности для дальнейшей научной работы, но она смогла опубликовать лишь несколько коротких статей. По распоряжению министра культуры вещи из этого кургана были помещены в Ростовский музей. В 1971 г. музей был виртуозно ограблен (с помощью веревочной лестницы, спущенной из соседнего дома), — похищены крупные золотые фалары (из сбруи коня, по 186 камней в каждом). Прежде чем вора поймали, была взята под подозрение экспедиция Клейна, к тому времени вновь работавшая в тех же местах (сработали инсинуации начальницы), — сотрудники уголовного розыска приезжали в экспедицию, Клейна допрашивали целый день. Тем временем вор переплавил фалары первого века на золотые колечки, которые начал сбывать на рынке. Тут его и поймали.

Наиболее значительные работы по материалам Садового кургана выполнены Клейном и его учениками Б.А. Раевым и М.Б. Щукиным. Полная публикация памятника так и не была осуществлена: когда Клейн получил возможность работать над материалами Садового кургана, последовал арест, и работа была прервана.

В целом научная карьера Клейна продвигалась медленно. Только в 1976 г. он получил в университете должность доцента. Лишь последние (до ареста) пять полевых сезонов Клейн был начальником экспедиций. Его первая монография «Археологические источники», вошедшая в золотой фонд российской науки, вышла

в свет только в 1978 г. (первая научная работа — в 1955-м), да и то во многом благодаря случаю: в университетском издательском плане появилась «дыра». Лев Самуилович положил в издательство «куклу» (страницы с произвольным текстом нужного объема), сбросил с себя часть преподавательской нагрузки (тут кафедра пошла навстречу) и примерно год писал давно продуманную книгу.

Независимость мышления

Еще школьником Клейн проявил свободомыслие и независимость. В своей школе в Йошкар-Оле он создал подпольную либеральную организацию «Прометей», издававшую рукописный журнал. Школьниками занялся местный НКГБ (Клейн 2010б: 27–30), однако дело замяли — потому что организатор был неприлично мал по возрасту. В компанию школьных друзей-прометеевцев, кроме самого Клейна и его брата Бориса, входили Олег Птицын (впоследствии видный ученый-биохимик), Ролан Быков (впоследствии актер и кинорежиссер) и др.

В Гродненском пединституте студент Клейн, тогда замсекретаря комсомольской организации пединститута, выступил на конференции против первого секретаря горкома партии Слободина (критиковал за недостаток заботы о молодежи). Тот потребовал исключения критикана из комсомола и посоветовал

В Волго-Донской археологической экспедиции. 1949–1951 гг.

Л.С. Клейн — начальник раскопа

Начальник экспедиции М.И. Артамонов

Применение техники на раскопе — новаторство «эпохи великих строек»

На могильнике Саркела

В донских степях

Отбор образцов итальянских бронз из 3-го Соколовского кургана. Сидит С.С. Миняев, стоит слева — Б.В. Иванов. На кафедре археологии ЛГУ, осень 1970 г.

органам разобраться, не антисоветчик ли Клейн. От этого дела Льва спас переезд в Ленинград.

В университете он подготовил доклад против марризма — всеильного тогда учения академика Марра, выступил с этим докладом в Академии наук (оппонентами студенту были виднейшие ученые) и принял участие в знаменитой дискуссии по языкознанию. Марризм тогда считался «железным инвентарем марксизма». Клейна собирались исключить из комсомола, но тут — неожиданно для всех — против марризма выступил сам Сталин (Там же: 27–30). Принятый преподавателем на «идеологический» факультет, Клейн остался беспартийным. Славяно-варяжский семинар, возвращавший к жизни так называемую норманнскую теорию, уже, казалось бы, давно отвергнутую столпами советской науки, и занятия теорией археологии демонстрировали невиданную в СССР научную свободу.

Раздражал он не только археологические верхи. Так, он выписывал из-за границы пластинки с полузапретной в СССР музыкой «Битлз» и «Пинк Флойд», а когда такие посылки исчезали (с таможни такой товар поступал прямо на черный рынок), упорно строчил жалобы во все инстанции и добивался следствия над коррупционерами. В художественной самодеятельности факультета, которую курировал Клейн, проходили смелые пародии на устои партийной идеологии — доходило дело до разбирательства в обкоме партии. Клейн по своему характеру был неспособен держать себя в рамках верноподданности и подчинения системе; он все время балансировал на краю дозволенного (ср. Kristiansen 1993).

Реставрация амфоры с Б.А. Раевым. Осень 1970 г.

Пугало и его частое печатание в зарубежных изданиях по собственной инициативе. В восточногерманских, английских и американских изданиях он печатался с начала 1960-х гг. Как позже вспоминал Лев Самуилович, коллеги-археологи часто предостерегали его от публикаций в иностранных изданиях и от иной «неодобренной» сверху научной деятельности, вызывавшей усиленное внимание органов безопасности.

Уголовное преследование

5 марта 1981 г. доцент ЛГУ Л.С. Клейн был арестован по обвинению в мужеложстве. Клейна арестовали, отобрали ключи от квартиры, поместили на сутки в камеру. На следующий день состоялся обыск в квартире, которая в течение суток была в полном распоряжении следствия. Во время обыска «обнаружили» порнографию. Дактилоскопический анализ порнографии следствие, по понятным причинам, не сделало. Клейн письменно потребовал проверить, есть ли на фотографиях отпечатки его пальцев, и суд не смог принять порнографию в качестве доказательства (Клейн 2010б: 345 — на основании протоколов судебного заседания).

Клейн о «Ленинградской волне»

«Как только наши войска вступили в Афганистан, "разрядка напряженности" окончилась. Отношения с Западом обострились. В Ленинграде началась волна арестов интеллектуалов — профессоров, художников. Первым был арестован Азадовский, вторым я, далее в тюрьму последовали Рогинский, Мирек, Мейлах и др. <...> Поскольку тогда власть придерживалась постулата, что у нас нет политических заключенных, каждому предъявляли какое-нибудь уголовное обвинение» (Там же: 331).

На кафедре археологии ЛГУ, подготовка к лекции по типологии в курсе «Археология бронзового века». Конец 1970-х гг.

Завязкой дела послужило заявление бывшего секретаря райкома комсомола П-ва, который внезапно вспомнил, что за 13 лет до того Клейн его склонил к мужеложству, и вот теперь он просит судить соблазнителя и проверить, не совершал ли он подобного позднее. Через несколько дней после заявления он прислал Клейну письмо, в котором признавался, что был вынужден совершить подлость и оклеветать Клейна и что о том же пишет прокурору. Но письмо прокурору в деле не появилось, а письмо Клейну было найдено при обыске и (по оплошности следователей) было к делу приобщено. Перелистывая дело, судья называл его «письмо неизвестного» и предпочел не заметить его важного содержания. П. вернулся к своим показаниям, и не мог не вернуться — он шел подсудимым по другому делу, по которому ему грозило суровое наказание. Судили его по иронии судьбы в тот же день, что и Клейна, в том же суде, но в другом зале, и, конечно, оправдали.

В обвинении Клейна он не фигурировал. Фигурировали трое студентов (не из учеников Клейна), из которых один был жильцом Клейна. Двое (в том числе жилец) в первый же день суда отказались от своих показаний, заявив, что следователи выбили их угрозами и обманом, а третий, член партии, обещал быть «благоразумным» (не «честным» или «искренним»), а «благоразумным») и не мог отказаться от своих показаний, но и он рассказал о применении к нему незаконных методов допроса. Суд им всем не поверил. А жильцу Клейна С. В-ву пригрозили, что если он не вернется к своим показаниям, то из свидетеля превратится в обвиняемого и сядет рядом с Клейном. Что и было исполнено.

«Покорение» дольмена. Северный Кавказ, 1970-е гг.

Случайно во время суда (суд был закрытый) присутствовавшая вне зала публика заметила, что некий человек угрозами заставляет всех троих свидетелей вернуться к своим показаниям. Публика тотчас обратилась к судье по поводу этого ЧП. Судья, не ожидавший подвоха, попросил поодиночке в зал суда жалобщика и свидетелей, и все они описали эпизод одинаково. Более того, свидетели рассказали, что этот самый человек, а не следователи, и вел все допросы, назвали его имя — С.А. Белозеров. Он оказался уполномоченным КГБ по Ленинградскому университету. Суд замял этот эпизод (зафиксированный в протоколах) и более к нему не возвращался. Хотя ведение судебных действий посторонними лицами, не зарегистрированными в судебных документах, абсолютно незаконно и делает суд несостоятельным.

По словам Клейна, уже когда он сидел в тюрьме, уголовники провели собственное расследование по данному вопросу, поскольку это имело значение для дальнейшего статуса Клейна в зоне; в частности, они выясняли, появлялся ли Клейн в местах встреч «голубых», был ли замечен в контактах с «голубыми», изучали аргументацию обвинения и, на основании своего опыта, пришли к мнению, что обвинение не соответствовало действительности (Там же: 322–380). По этой и другим причинам Клейн получил высокий статус и пользовался уважением среди заключенных. Вряд ли рассказ об этом — выдумка: он опубликован вскоре после освобождения, выдумку могли бы опровергнуть многие сокамерники.

Согласно первому приговору Клейн был осужден к трем годам заключения (прокурор требовал больше), но 11 августа 1981 г. вышестоящий суд отменил этот приговор, что в советское время случалось крайне

На студенческом капустнике в лектории истфака ЛГУ на Менделеевской, 5. 1974 г.

редко. Был назначен новый судебный процесс, и новый суд вынес иной приговор, куда более мягкий: полтора года заключения, которые Лев Самуилович к этому времени большей частью отбыл. В лагере оставалось досидеть пять месяцев.

Из лагерной характеристики на осужденного Клейна Льва Самуиловича

...Нормы выработки перевыполняет. Требования правил внутреннего распорядка режима содержания выполняет полностью. Замечаний и нарушений не допускал. Взысканий не имеет.

В общении с осужденными отряда бесконфликтен. Пользуется уважением и авторитетом. По характеру настойчив, принципиален, доброжелателен. Внешне аккуратен, чист. За собою следит.

Не признав себя виновным на суде, осужденный продолжает отстаивать свою непричастность к вменяемому ему преступлению. За время отбывания наказания в поведении осужденного проявлений гомосексуальности не наблюдалось.

Вывод: осужденный Клейн Л.С., не признавая за собой преступления, зарекомендовал себя с положительной стороны.

СОГЛАСОВАНО 7 сент. 1982 г.

Зам начальника УС 20/7
по ПВР

Начальник
отряда

Майор Солосов Б.И.

л-т Суханов Д.Г.

(Личный архив Л.С. Клейна)

После освобождения Клейн был лишен ученой степени кандидата наук и звания доцента (также с целым рядом нарушений законности). Судимому в той же волне арестов К.М. Азадовскому удалось после долгих мытарств добиться отмены приговора. Клейн сначала

добивался того же (как и возвращения степени и звания), но, убедившись в том, что отношение общества к нему стало даже лучше, чем до ареста, решил не терять времени на длительные хлопоты. Сам закон ведь был отменен, а в новых условиях проще оказалось защитить новую диссертацию, сразу докторскую. В качестве диссертационной работы была зачтена его монография «Археологическая типология». ВАК единогласно утвердила докторскую степень. Вскоре Клейн получил и ученое звание «профессор».

Свои тюремные впечатления и свежие воспоминания о своем деле Клейн описал на основании документов под псевдонимом «Лев Самойлов» в журнале «Нева» (Самойлов 1988; 1989; 1990; 1991), а затем выпустил книгой под заглавием «Перевернутый мир» (Берлин, 1991; СПб., 1993; Любляна 2001; Донецк 2010а) уже под своим именем. Очерки попали в общую струю так называемой новой (перестроечной) лагерной прозы. Спокойно и обстоятельно автор рассказывал свою непростую историю, стержнем которой было утверждение: страх проник во все поры общества. Рассказанная история демонстрировала состояние дел в советской правоохранительной системе — развал следствия, отсутствие независимости суда, избияния заключенных, «беспредел» и бесчинства воров в лагерях и тюрьмах, общий провал идеи «перевоспитания». Читатели писали, что мужество автора «тянет на медаль "За отвагу"».

В этих очерках также содержались доказательства участия органов госбезопасности в формировании уголовного дела (эпизоды судебного процесса, случайно зафиксировавшие участие КГБ). Публикация завершалась открытым письмом И.И. Стреминского,

бывшего следователя по данному делу, народному депутату СССР — главному редактору журнала «Нева» Б.Н. Никольскому. Следователь признавал, что дело было откровенно сфабрикованным, вести это дело его вынуждали «силы застоя», все факты изложены Клейном верно (Самойлов 1990).

Очерки породили дискуссию и в научной среде. Клейн поставил вопрос о криминальном мире как результате дефицита культуры и о природе человека, о роли культуры в эволюции.

Из Послесловия Я.А. Шера к книге Л.С. Клейна «Новая археология»

«...я не был его студентом, и меня не переполняли восторженные чувства его учеников. Я высоко ценю его таланты, его безграничную эрудицию, острый ум и многие другие качества. Моя оценка Клейна многократно возросла после того испытания, которое он блестяще выдержал, будучи осужденным по вздорному обвинению. Иногда вспоминаю, как после выхода на волю он приходил ко мне в Эрмитаж по понедельникам, когда нет посетителей, и, гуляя со мной по Растреллиевской галерее, рассказывал мне о своем отбывании срока в лагере. В этих рассказах начисто отсутствовали жалобы на судьбу, а вместо того был пылкий и заинтересованный этнографический анализ социальной структуры лагерного "первобытного общества". Позднее все это было опубликовано в его известных статьях и в книге "Перевернутый мир", которые вызвали широкий резонанс» (Шер 2009: 366).

Возвращение в науку и университет

После освобождения из заключения Льва Клейна не принимали на работу, он около 12 лет оставался безработным (Клейн 2010б: 398–420).

Отзыв о научной деятельности Льва Самойловича Клейна

Л.С. Клейн — уникальное явление в отечественной археологии. Он — единственный из археологов, постоянно и последовательно, исходя из общих задач археологии, занимающийся теорией археологии. <...> Как правило, все наши археологи обращаются к теории науки от случая к случаю, из сиюминутных нужд.

Занятия теорией науки, нужной всем ученым, стремящимся к обоснованности своих выводов, сделали Л.С. Клейна широко популярным — его публикуют и в Москве и Ленинграде, в Свердловске и Томске, в Новосибирске и в Киеве. Множество его работ напечатано за рубежом, от Польши и ГДР до Англии и США. <...>

Исключительно велики его заслуги как воспитателя целой группы молодежи на кафедре археологии Ленинградского университета, где он был самым популярным преподавателем. <...>

Разумеется, есть люди, которые весьма критически относятся к работам Л.С. Клейна, есть те, кто нетерпим к его манере изложения своих взглядов. Но все признают его серьезные заслуги перед отечественной археологией. То, что он перестал работать на кафедре, это большая потеря для нашей науки. <...>

Ведущий научный сотрудник Лен. Отделения Института Археологии АН СССР, доктор исторических наук Г.П. Григорьев

7 января 1987 г.

(Личный архив Л.С. Клейна)

Но все эти годы он не сидел без дела, а трудился, кладя на бумагу свои подготовленные ранее археологические исследования и осваивая те отрасли науки, которые не требуют государственных ассигнований и официальных должностей: филология (Гомеровские штудии), фольклористика (изучение славянского языка), антропология девиантного поведения (изучение гомосексуальности), история науки. В отсутствие педагогической нагрузки и экспедиций сделано было довольно много. В 1991 г. появилась на русском языке «Археологическая типология», в 1993 г. — «Феномен советской археологии», в 1995 г. — второе, расширенное издание «Археологических источников», на сей раз оно вышло в серии «Классика археологии».

Ходатайство о восстановлении трудового стажа от Института истории материальной культуры РАН

Настоящее заключение выдано доктору исторических наук профессору Клейну Л.С. для предъявления в отдел социального обеспечения на предмет определения трудового стажа. В марте 1981 г. работа Л.С. Клейна в Санкт-Петербургском университете была прервана и возобновилась только в сентябре 1994 года. За исключением времени пребывания в местах отбывания наказания <...> весь остальной период перерыва в официальном трудовом стаже... т.е. 12 лет, Л.С. Клейн продолжал работать над своими научными исследованиями и публиковал их. Все это безгонорарные специальные издания, имеющие огромное научное значение, признанное во всем мире, что засвидетельствовано переводами этих трудов на иностранные языки. Таким образом, Л.С. Клейн работал безвозмездно на благо и во славу нашей науки. <...> Было бы справедливо, если бы 12-летний стаж был восстановлен по его реальной работе.

За 12 лет выполнено пять монографий объемом в 99,2 печатных листа. По существующим нормативам это означает 24,8 лет работы. <...>

Директор ИИМК РАН, чл.-корр. РАН

Е.Н. Носов (подпись, гербовая печать)

(Личный архив Л.С. Клейна; см. Клейн 2010б: 618)

Для Гомеровских штудий он не обладал совершенным знанием древнегреческого языка, но ныне массу деталей можно взять из переводов и множества анализов текста на современных европейских языках, которыми Клейн владел, а для целей Клейна его скромных знаний греческого было достаточно. Зато у него было преимущество перед классически образованными знатоками — он имел большой опыт в изучении фольклора и глубоко знал археологические реалии, а кроме того, владел теми методами исследований, которые обычно не применяются в классической филологии, но позволяют посмотреть на гомеровские тексты с исторической точки зрения. Он заметил, например, что метод Жана Астриюка, успешно примененный в библейской критике (расчленение текста по дублетам мотивов), никогда не применялся к гомеровским текстам. А дублетов в них обнаружилось множество. Дублеты оказались системными, показали высокую корреляцию. Текст «Илиады» стал расчленяться на составные части, которые было трудно выявить, потому что они в ней перемешаны. Выявленные части получили разную датировку, разную локализацию — возрождалась идея немецких ученых-аналитиков XIX в. «Илиада» стала превращаться в исторический источник.

Специалисты-античники восприняли эту идею в штыки: одни потому, что им был слишком дорог образ гениального Гомера, другие потому, что Троянская война в свете этой идеи с очевидностью превращалась в миф.

Из отзыва проф. И.М. Дьяконова о серии рукописей Л.С. Клейна по гомеровскому эпосу

Настоящая серия рукописей должна рассматриваться как крупнейший вклад в изучение как древнейшего в мире гомеровского эпоса, так и истории Древней Греции и Малой Азии. Кроме того, они имеют выдающееся теоретическое значение для изучения эпической поэзии вообще. <...>

Теория Л.С. Клейна, несомненно, вызовет обширную литературу, в том числе, несомненно, будут и критические замечания; однако она построена столь основательно, что совершенно отвергнуть ее будет, кажется, невозможно, да и поправки сколько-нибудь кардинального характера представляются маловероятными. Труд Л.С. Клейна означает начало новой эпохи в гомероведении; приятно, что он появится в нашей стране.

Представляется совершенно необходимым, во-первых, доставить автору все возможные благоприятные условия для завершения его монументального труда и дальнейшего продолжения его работ, а во-вторых, немедленно начать публикацию его гомероведческих работ, которые имеют

все шансы приумножить славу советской гуманитарной науки.

25.06.1986 И.М. Дьяконов, доктор ист. н.,

Главный научн[ый] Спец[иалист] Лен[инградского] Отд[еления] ин[ститу]та востоковед[ения] АН СССР;

Почетный член Американской Академии наук и искусств;

Член-кор[респондент] Британской Академии;

Почетн[ый] чл[ен] Венгерского общ[ества] историков-классиков, Французского Азиатск[ого] общ[ества], Брит[анского] Корол[евского] Азиатск[ого] общ[ества], Амер[иканского] востоковедч[еского] общ[ества], Итальянск[ого] инст[итута] эгейско-анатол[ийских] исслед[ований].

(Личный архив Л.С. Клейна)

Публикация книг Клейна о гомосексуальности также оказалась прорывом: в стране лишь недавно было отменено уголовное преследование гомосексуалистов, во многих сферах общества он еще считается чем-то позорным. Многие ученые опасались затрагивать эту тему, опасаясь прослыть гомосексуалами, угодить под травлю, но Клейну терять было нечего. Книга «Перевернутый мир», описывавшая судебный процесс, тюрьму и лагерь, уже была рискованной, но ее можно было воспринять как некое оправдание. Последовавшая за ней капитальная книга «Другая любовь» была посвящена этой теме напрямую. Она стала одной из первых книг в нашей стране, рассматривающих эту тему не в плане разоблачения порока и борьбы с преступностью, а как естественно-научную, социальную и психологическую проблему. В ней, с одной стороны, осуждалась гомофобия, с другой стороны — содержалась критика гомосексуальной субкультуры.

В 1994 г. Клейн триумфально вернулся в университет. Декан философского факультета проф. Ю.Н. Солонин пришел к нему домой и пригласил начать преподавание на философском факультете. Лев Самуилович стал профессором кафедры философской антропологии. В 1996 г. он был приглашен преподавать в только что открытом Европейском университете в Санкт-Петербурге, одним из инициаторов создания которого выступил за несколько лет до этого.

С 1990 г. и особенно после выхода на пенсию (в 70-летнем возрасте) Лев Самуилович преподавал археологию и культурную антропологию в зарубежных университетах: Западно-Берлинском (ныне — Свободный университет Берлина), Венском, Даремском, Копенгагенском, Люблянском, Турку, Трумсё, Университете Вашингтона в Сиэтле, Высшей Антропологической школе в Кишиневе и др. Выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, Лондоне, Стокгольме, Мадриде и других научных центрах Европы.

1990-е гг. — новый этап преподавательской деятельности и научных путешествий (Германия, Италия, Австрия, Молдова)

Семья и личная жизнь

В своих мемуарах Клейн неоднократно упоминает о романтических отношениях с девушками, которые, впрочем, ни в одном из случаев не были долгими. В 1970 г. он сделал предложение своей бывшей студентке, состоялась помолвка, но спустя некоторое время Лев Самуилович пришел к выводу, что ошибся в выборе спутницы жизни, и с того момента попытки жениться не предпринимал («попытки женить меня были, но это были попытки уже совсем бесперспективные») (Клейн 2010б: 168).

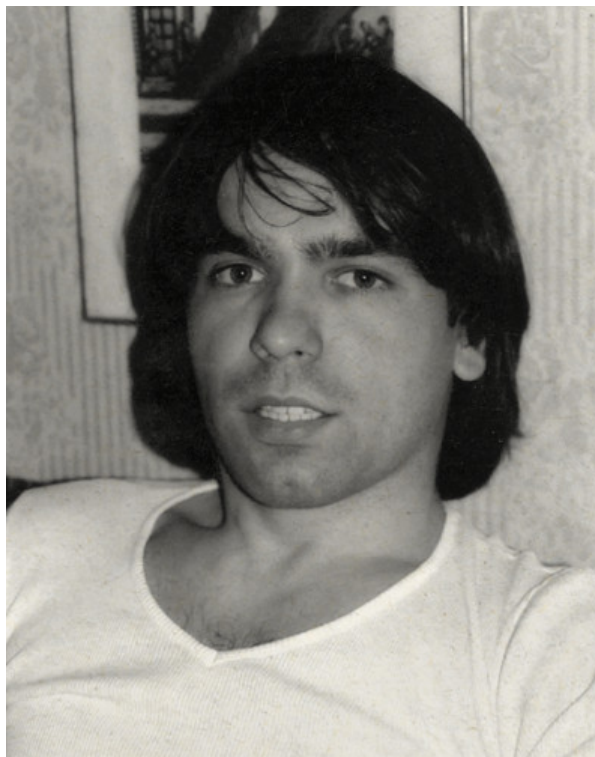
Ученый, который в студенческие и аспирантские годы сам испытывал проблемы с поиском жилья, после приобретения постоянного места жительства стал приглашать «на подселение» в свою квартиру друзей или коллег, которые на время оказались бездомными или испытывали трудности с жильем.

«Очень приятно было иметь возможность оказывать гостеприимство, — вспоминал он. — Вскоре оказалось, что это не только приятно и весело, но и удобно. Мои жильцы брали на себя целый ряд домашних обязанностей, высвобождая мне время для работы. А те, что были связаны со мною экспедициями, еще и помогали в работе — в чертежах, обработке фотоснимков» (Там же: 277).

Это послужило одним из поводов для обвинения ученого в гомосексуальности.

После освобождения Лев Самуилович не перестал приглашать жильцов. Некоторые из них жили в квартире долго, некоторые уходили быстро, начиная самостоятельную жизнь. Со всеми у Клейна сохранялись дружеские отношения. Одним из таких жильцов был Дамир Гибадуллин, поселившийся у Клейна летом 1997 г. Для провинциального мальчика из Йошкар-Олы, приехавшего учиться в Петербург, Клейн стал образцом столичного жителя. Через некоторое время отношения жильца и «лендлорда» переросли в отношения отца и сына. Клейн называл его приемным сыном. В 2001 г. Дамир принял двойную фамилию Гибадуллин-Клейн, перешедшую затем к его сыну Артуру. Артура Клейн считал своим внуком и нередко говорил, что у него тоже есть семья — не самая обычная, но настоящая. Сегодня Дамир Гибадуллин-Клейн — художник-дизайнер и успешный предприниматель. В последние годы жизни ученого Дамир так заботился о тяжелобольном Клейне, как далеко не каждый сын заботится о своем родном отце.

Клейн никогда не давал прямого ответа на вопрос о своей сексуальной ориентации и хотел, чтобы будущие биографы оставили этот вопрос открытым («доказывать, что я не гомосексуал, так же некрасиво, как

Дамир Гибадуллин-Клейн

доказывать, что я не еврей»). «Я никогда и нигде не объявлял себя в печати гомосексуалом, — говорил Клейн в одном из интервью, — как никогда (даже в суде) не отвергал этой возможности. Я отвергаю другое — право государства и общества вмешиваться в интимную жизнь гражданина, если он не нарушает закон» (Белецкий 2011).

Болезнь и последние годы жизни

В конце 1998 г. Клейну по данным разных анализов поставили скверный диагноз: рак простаты. Однако биопсия в раковом центре не нашла раковых клеток, и обрадованный больной уехал на год преподавать в Америку по программе «Фулбрайт». Когда же вернулся в Россию и решил повторить обследование, анализы крови показали увеличение раковых маркеров вдвое. Больного поставили перед выбором: операция, облучение или отсутствие лечения. В последнем случае — года два спокойной жизни, затем быстрый конец. Клейн лег на операционный стол.

В 2001 г. операция была сделана, за следующий год удалось восстановить здоровье, однако еще через три года онкологические процессы возобновились. Последующие годы прошли в постоянном преодолении болезни (регулярные курсы лечения, но без облучения, химии и гормонов). Он ставил на себе разные опыты,

С внуком Артуром. 2013 г.

пробуя экспериментальные методики лечения, отводя у болезни годы жизни.

После операции Лев Самуилович преподавательскую работу прекратил, но исследовательскую продолжал до последних месяцев жизни. Каждый год он выпускал несколько книг и десятки статей, приближаясь по формальным показателям к нормам небольшого научного института. По его словам, каждый очередной год он встречал как последний и трудился изо всех сил.

К основополагающим для археологов книгам Клейна «Археологические источники» и «Археологическая типология», сенсационной «Феномен советской археологии» (до сих пор это едва ли не единственная научная работа, посвященная взаимодействию советской идеологии и гуманитарной науки в СССР) добавились книги «Принципы археологии», «Введение в теоретическую археологию», «История археологической мысли» (в 2 т.), «История российской археологии: учения, школы и личности», «Время в археологии» и многие другие⁵. Можно сказать, одним человеком создан целый корпус книг, формирующих российскую археологию как современную науку. В декабре 2011 г. в Бирмингеме (Англия) в рамках ежегодного собрания TAG состоялась международная конференция по изучению вкла-

да Л.С. Клейна «в российскую, европейскую и мировую теоретическую археологию».

Клейну удалось сказать новое слово во многих областях гуманитарного знания, соседствующих с археологией. Его «История антропологических учений» (создана на основе авторского курса лекций, который Лев Самуилович несколько лет читал в Европейском университете) и многомерна в своей полноте, и эпатажна в некоторых разделах (например, язвительно критикует книги К. Леви-Стросса и сами методологические основы структурной антропологии — как бы наследуя В.Я. Проппу). Его «Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества» заставило фольклористику, историю и культурологию посмотреть на славянскую мифологию с совершенно необычной стороны. Его «Гармонии эпох: Антропология музыки» написаны умнее, чем сочинения многих профессиональных музыковедов (есть и в ней эпатажная составляющая — неожиданный марксистский бэкграунд, который он сам с улыбкой охотно признавал). На протяжении многих лет (с апреля 2008 г.) он вел злую и принципиально-честную колонку во всероссийской газете ученых «Троицкий вариант — Наука», откликаясь на все важные события в российской политике. «Когда бы я ни умер, я умру преждевременно», — написал он в статье 2004 г. (Клейн 2004).

Важнейшее место в его творчестве занимает автобиографическая книга «Трудно быть Клейном», в которой биография ученого и описание его научного вклада переданы главным образом через интервью разных лет, фрагменты его книг, документы и личную переписку. С одной стороны, это интереснейшие воспоминания — честные и яркие, развенчивающие немало авторитетов. С другой стороны, это отложенный спор со многими ушедшими из жизни оппонентами — потому что при их жизни Клейну так и не дали высказаться об их сомнительных, с точки зрения Льва Самуиловича, идеях и поступках. Наконец, это книга о научной этике, потому что автор не пропускает ни одного случая недостойного научного поведения: «страна должна знать своих стукачей». Литературный критик Илья Кукулин в рецензии «Гражданин Клейн» назвал «Трудно быть Клейном» одной из лучших мемуарных книг, которые были напечатаны за последние несколько лет (Кукулин 2010). Один из авторов этой работы посчитал, что Клейн действительно ощущал себя прогрессором из романа Стругацких, и назвал книгу учебником принципиальности (Пономарев 2010). В «Трудно быть Клейном» многосторонняя личность автора раскрылась полно и ярко, как никогда. Сегодня она читается как научный «exegi monument(um)».

⁵ См. Примечание.

Литература

- Белецкий С. 2011. В катакомбах истории // Город 812, 25 (134), 36–37.
- Клейн Б.С. 2008. Недосказанное. Имена. Минск: Лимариус. 456 с.
- Клейн Л.С. 1975. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // ВДИ 4, 14–27.
- Клейн Л.С. 2004. Анатомия Илиады: начало дискуссии // ВДИ 3, 207–214.
- Клейн Л.С. 2009. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия. 400 с.
- Клейн Л.С. 2010а. Перевернутый мир. 2-е изд. Донецк: Изд-во ДНУ. 406 с.
- Клейн Л.С. 2010б. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С. 2012а. Письмо с того света // ТрВ 21 (115), 23 окт. 2012, 12.
- Клейн Л.С. 2012б. Четырнадцать евреев? // ТрВ 20 (114), 9 окт. 2012, 12–13.
- Кукулин И. 2010. Гражданин Клейн // OpenSpace.ru (04.03.2010).
- Пономарев Е.Р. 2010. Повесть о прогрессоре // НЛО 103, 350–353.
- Самойлов Лев (Клейн Л.С.). 1988. Правосудие и два креста // Нева 5, 150–158.
- Самойлов Лев (Клейн Л.С.). 1989. Путешествие в перевернутый мир // Нева 9, 150–164.
- Самойлов Лев (Клейн Л.С.). 1990. Страх // Нева 1, 151–170.
- Самойлов Лев (Клейн Л.С.). 1991. Расправа с помощью права // Нева 2, 120–143.
- Самойлов Л.С. (Клейн Л.С.). 1993. Перевернутый мир. СПб.: Фарн. 224 с.
- Шер Я.А. 2009. Новая археология и Клейновская «Новая Археология» // Клейн Л.С. Новая Археология. Критический анализ теоретического направления в археологии Запада. Донецк: Изд-во ДНУ, 364–373.
- Klejn L.S. 1987. Arheoloski viri. Ljubljana: Studia Humanitatis. 174 s.
- Klejn L.S. 1991. Verkehrte Welt. In Breshnews Lagern. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag. 176 S.
- Kristiansen K. 1993. Exploring the limits: an interview with Leo Klejn (led by Dr. K. Kristiansen, the Editor) // Journal of European Archaeology 1/1, 184–194.
- Taylor T. 1993. Conversations with Leo Klejn // Current Anthropology 34/5, 723–735.

ВКЛАД В НАУКИ

Основные теоретические положения Клейна в археологии

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДМЕТА АРХЕОЛОГИИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.С. КЛЕЙНА

С.В. Палиенко¹

Введение

Современные исследователи истории археологии практически не затрагивают в своих работах послевоенную советскую археологическую науку. Еще менее изученной является советская теоретическая археология, которую автор статьи определяет как отдельную отрасль науки, изучающую археологическое познание (Палиенко 2015б: 392). Это направление развивалось в СССР в 1970-е — начале 1990-х гг., а его история в основном рассматривается в работах Л.С. Клейна (Клейн 1993; 2014; Klejn 1997; 2012), а также в общих чертах — в монографии Г.С. Лебедева (Лебедев 1991).

Одной из наиболее обсуждаемых советскими археологами-теоретиками тем было определение объекта и предмета археологии. Дискуссия по этой проблеме длилась в СССР с 1972 по 1992 г., однако ее история до сих пор остается малоизученной. Так, краткая характеристика основных концепций с указанием некоторых публикаций участников дискуссии приводится Л.С. Клейном в одной из его книг (Клейн 2004: 58–59), однако в англоязычном издании этой работы (Klejн 2001) полноценный обзор советской дискуссии отсутствует. Также краткое описание этих событий имеется в упомянутых выше немецком (Klejн 1997: 63–66) и английском (Klejн 2012: 97–98) изданиях «Феномена советской археологии». Правда, стоит отметить, что сам Лев Самуилович был непосредственным участником дискуссии, поэтому его видение ситуации несколько односторонне, как и общие оценки деятельности его оппонентов. Кроме того, он не использовал в своих работах архивные материалы, а ведь только в них отражены многие события того времени. Поэтому некоторые аспекты и подробности

дискуссии остаются за кадром как для зарубежного, так и для отечественного читателя.

С 2009 г. изучением этой темы занимается и автор настоящей статьи. За это время были исследованы различные аспекты дискуссии (Палиенко 2009; 2015а; Палиенко 2014; 2016). Однако концепция предмета археологии Л.С. Клейна и его общий вклад в вышеупомянутую дискуссию отдельно не рассматривались. Этой актуальной теме и будет посвящена данная статья, в основу которой также положен неопубликованный доклад на ежегодной конференции Группы Теоретической Археологии (ТАГ) в Бирмингеме в 2011 г.

Начало и первый этап дискуссии о предмете науки в советской археологии

В 1960-е гг. в советской археологии имела место дискуссия об определении понятия «археологическая культура». В журнале «Советская археология» были опубликованы статьи по данной проблеме (Захарук 1964; Клейн 1970; и др.), а в ЛГУ состоялась живая дискуссия (см. Клейн и др. 1970). Однако данные мероприятия не принесли каких-либо определенных результатов. Для дальнейшего решения этой проблемы требовалась активизация теоретических исследований. В частности, Л.С. Клейн считал необходимым обсудить содержание понятия «тип». Также он решил координировать свои усилия в области теории с другим активным участником дискуссии 1960-х г. — Ю.Н. Захаруком, который тогда работал в Киеве в ИА АН УССР. В середине 1971 г. между учеными завязалась переписка на эту тему (письмо Л.С. Клейна № 1 от 16.08.1971)². Однако перейти к каким-либо практическим шагам удалось только в начале 1972 г., когда Ю.Н. Захарук перешел на работу в московский ИА АН СССР на должность заместителя директора по науке.

¹ 01033, Украина, Киев, ул. Владимирская, д. 60. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, кафедра археологии и музееведения. Адрес электронной почты: svpaliy777@gmail.com.

² Оригиналы писем находятся в личном архиве Л.С. Клейна, фотокопии — в личном архиве автора.

Тогда было принято решение, что на Пленуме ИА АН СССР по итогам полевых исследований 1971 г., который должен был проходить в Москве с 25 по 28 апреля 1972 г., будет организована Секция теории и методики.

Все состоялось, как и было запланировано (НОА РАН, Ф. 1909, оп. 1, д. № 1063). Однако на первом же заседании дебаты разгорелись по проблеме определения объекта и предмета науки в археологии. Хотя этой теме был посвящен только один доклад В.Ф. Генинга, но ее затронули и другие выступавшие — Ю.Н. Захарук и В.Д. Викторова. Также имело место и широкое обсуждение, в котором принял участие и Л.С. Клейн (см. Палиенко 2016). Эта стихийно возникшая дискуссия продлилась до 1992 г., и, по мнению автора статьи, ее можно разделить на два периода (Палиенко 2015а: 204–205):

1) 1972–1983 гг. — выработка первичных концепций различными советскими исследователями, обсуждение их на семинарах и конференциях, а также в печати;

2) 1983–1992 гг. — выход в свет первой специализированной монографии по проблеме (Генинг 1983), дискуссия о предмете археологии на страницах журнала «Советская археология», основными участниками которой были Л.С. Клейн, В.Ф. Генинг, Ю.Н. Захарук, обсуждение ряда концепций других исследователей.

На теоретической секции Пленума по итогам 1971 г. также было анонсировано создание Бюро секции теории и методики, которое подведет итоги и станет выдавать информацию о дальнейшей работе в этой области (НОА РАН, Ф. 1909, оп. 1, д. № 1063, л. 35). В ноябре 1972 г. всем участникам заседания Бюро, в том числе и Л.С. Клейну, из Москвы пришли письма с приглашением. Для Льва Самуиловича было определено направление «Критика зарубежных концепций археологических теорий», а разработкой проблемы объекта и предмета должны были заниматься В.Ф. Генинг и Ю.Н. Захарук.

После этого Л.С. Клейн подготовил свою часть доклада и отправил ее в Москву, однако он был категорически не согласен с окончательным сводным вариантом, так как текст был основательно переделан. В письме Ю.Н. Захаруку он потребовал снять его подпись с подготовленного доклада, а также в довольно жесткой форме отозвался о самой идее коллективной разработки археологической теории. На конференцию в Самарканд он не поехал (Клейн 2010: 225–226).

На заседании теоретической секции Пленума по итогам 1972 г. проблема объекта и предмета археологии затрагивалась как в коллективном докладе, так и в отдельных выступлениях. Свои концепции представили Г.П. Григорьев, В.С. Бочкарев (ученик Л.С. Клей-

на), Ю.Н. Захарук, а также В.М. Массон. Вероятно, тогда же в Самарканде был заслушан доклад В.Ф. Генинга и В.Д. Викторовой по этой теме, но в сборник тезисов конференции он не вошел (Розенфельд 1974: 319; Захарук 1978б: 17).

Еще одна публичная дискуссия по проблеме объекта и предмета археологии состоялась 7–10 апреля 1975 г. в Ленинграде на Пленуме, посвященном итогам археологических исследований в 1974 г. Именно тогда имела место работа Секции-симпозиума методологического семинара ЛОИА и Сектора Средней Азии и Кавказа по теме «Предмет и объект археологии и вопросы методики археологического исследования» (НОА РАН, Ф. 1909, оп. 1, д. № 1132, л. 45–46).

Что же касается самого Л.С. Клейна, то в первой половине 1970-х гг. на заседаниях Проблемного семинара ЛГУ он и его ученики активно обсуждали проблемы типологии, в том числе само определение типа и его место в культуре. Практически одновременно с этим Л.С. Клейн работал над монографией «Новая археология», которую планировал защитить в виде докторской диссертации. Поэтому данная проблематика преобладала в публикациях самого Льва Самуиловича, хотя в дискуссиях на семинаре и в кулуарах также поднимались и общие теоретические вопросы, в частности об определении предмета и объекта археологии. Например, зимой 1972/73 г. он сделал доклад на эту тему на заседании методсеминара ЛОИА АН СССР (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 312, д. № 774, л. 47). Также эта проблема нашла отражение и в теоретических докладах его учеников — В.С. Бочкарева и Г.С. Лебедева.

Затем в 1974 г. Л.С. Клейн попытался изложить свои взгляды на проблему предмета археологии в отдельной статье (письма Л.С. Клейна № 16 от 07.05.1974 и № 17 от 18.09.1974). Однако она пролежала в редакции КСИА два года, но так и не вышла (Клейн 2010: 230). Ее удалось опубликовать только в 1977 г. (Клейн 1977).

В конце 1970-х гг. основная дискуссия развернулась между А.Н. Рогачевым (Рогачев 1978) и Ю.Н. Захаруком (Захарук 1978а), продолжая начатую в 1975 г. полемику. Также в 1978 г. вышла статья Юрия Николаевича, где давались дополнительное обоснование его концепции и критика теоретических разработок основных оппонентов (Захарук 1978б). Кроме того, проблема объекта и предмета археологии обсуждалась на заседаниях Методсеминара ЛОИА АН СССР. В 1979 г. были заслушаны соответствующие доклады Т.Д. Дмитриевой и М.В. Аниковича (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 312, д. № 1147, л. 24–48). Второй докладчик также выступал в 1983 г. (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 312, д. № 1305, л. 7–18). В том же 1983 г. вышла и книга В.Ф. Генинга «Объект и предмет

науки в археологии», положившая начало второму этапу дискуссии. Именно тогда указанная проблема начинает обсуждаться наиболее остро.

Взгляды Л.С. Клейна на предмет археологии и концепции первого этапа дискуссии

Рассмотрим детально представленную Л.С. Клейном теоретическую концепцию предмета археологии в общем контексте первого этапа дискуссии. Разработка данной проблематики в начале 1970-х гг. была обусловлена развитием археологической науки в СССР. Подробно об этом говорится в коллективном докладе, представленном на самаркандской сессии. Его авторы констатировали, что проблема предмета археологии на тот момент имела первостепенное значение для науки. Ибо в зависимости от того или иного ее решения могли быть определены цели и задачи, методы и содержание археологических знаний, структура самой археологической теории, место и взаимоотношение археологии с другими науками в общей системе научного знания (Генинг и др. 1973: 8–9).

Что касается статьи Л.С. Клейна, посвященной этой теме (Клейн 1977), то исследователь привел три основные концепции по данной проблеме и, раскритиковав их, предложил свою собственную. Сравнивая археологические источники с историческими, он детально остановился на их специфике — наличие двойного разрыва: в традициях и в объективации. Поэтому, по его мнению, археологам необходимо доводить изучение материальных древностей до того уровня, когда они включаются в систему культуры, рассматриваемую в статике и динамике. Так как культура в общем не может быть предметом археологии, то в него входит в качестве конечного звена только один ее аспект — включение материальных древностей в систему ее функциональных связей. Основой этого включения являются три процесса:

- 1) последовательное развитие культуры;
- 2) «опредмечивание» идей и событий;
- 3) «археологизация». Тут есть собственные причинно-следственные механизмы и закономерности, которые входят в предмет археологии.

Л.С. Клейн также выделил три уровня глубины предмета:

- 1) вещи и их соотношения;
- 2) их связи и соотношение в системе культуры;
- 3) закономерности и причинно-следственные механизмы, лежащие в основе этих связей и отношений. По его мнению, археология не ограничивается

выделением археологических культур, в ее компетенцию также входит формирование генетических (трассовых) секвенций, то есть рядов культур, в которых происходил исторический процесс. Исторические реконструкции явлений (автохтонность, миграции, влияния, трансформации) — дело археолога, а их объяснение — историков и социологов, именно тут Л.С. Клейн провел рубеж археологии.

Несмотря на то, что статья была опубликована с задержкой, Л.С. Клейн с самого начала принимал активное участие в теоретических дискуссиях. В ЛГУ под его руководством в то время работал теоретический семинар, где обсуждались многие актуальные проблемы археологии, в том числе и предмета науки. Поэтому идеи Л.С. Клейна нашли отражение во взглядах его учеников. Их публикации появились раньше, а концепции предмета были близки к приведенной выше.

Так, в тезисах самаркандского доклада В.С. Бочкарева указано, что объект исследования археологии представлен материалом со специфическими закономерностями, а также у нее существует и самостоятельный метод — типологический. При этом археология находится в диалектическом единстве с палеоисторией. Они достаточно отчетливо разделены, но их независимое друг от друга существование невозможно. Завершенная археологическая процедура превращает археологический материал в объект палеоистории, которая берет на себя объяснительные функции. Именно в палеоистории привлекаются данные не только археологии, но и других общественных и смежных наук (Бочкарев 1973).

Еще один ученик и соратник Льва Самуиловича, Г.С. Лебедев, давая системное описание археологической культуры, отметил, что археология занимается изучением артефактов — материальных следов деятельности древних людей, исследованием форм их связей (классификация и систематизация). При этом реконструкция и анализ древней деятельности как системы требует предварительного системного описания артефактов, сгруппированных в комплексы и другие образования более высокого порядка (памятник, культура, секвенция), рассматриваемые в процессе развития (Лебедев 1975).

Специфике археологических источников Л.С. Клейн (1978) посвятил целую книгу. Хотя в ней напрямую проблема определения предмета археологии не затрагивалась, однако было дано более углубленное и расширенное обоснование специфики археологических источников и их отличия от исторических, что до этого послужило базой для наделения археологии статусом источниковедческой науки. Также Л.С. Клейн

сравнивает процедуры обработки исторических и археологических источников, выстраивая схему, которая отражает процедуру археологического исследования в понимании сторонников «строгой археологии».

Далее Лев Самуилович указал:

«По завершении всей этой источниковедческой обработки археологических источников полученная информация готова для использования в историческом, социологическом или культурологическом исследовании, готова для включения в синтез с результатами обработки других видов источников» (Клейн 1978: 80).

А ведь именно этим, как он писал в своих предыдущих работах, и заканчивается сфера деятельности археолога.

Однако о специфике археологических источников одним из первых заговорил другой ленинградский ученый — Г.П. Григорьев. В его докладе на самаркандской конференции впервые прозвучал тезис: «Ископаемые объекты суть археологические источники, а не исторические, в них исторической информации не содержится. Прямо никакой археологический источник не способен дать ответы на вопросы историка. Другое дело, что историк, взяв из рук археолога археологические выводы, может использовать их как исторический источник» (Григорьев 1973: 41). Это утверждение вызвало широкий резонанс и шквал критики в 1970-е гг. Что касается определения объекта и предмета археологии, то, по мнению Г.П. Григорьева, объект — это совокупность археологического материала в широком смысле, а также контекст ископаемых объектов и отношения между ними или данные непосредственно, или выводимые аналитически. Предметом же является установление закономерностей развития ископаемых объектов и отношений между ними. Однако автор отметил, что ошибочно думать, будто археология — это только источниковедение археологических материалов. И хотя классификация объектов, внешняя и внутренняя критика источников, выработка категорий анализа — действительно относятся к источниковедению, но заключения о развитии групп родственных культур — это уже интерпретационный уровень.

Но далеко не все археологи-теоретики были согласны с подобными формулировками. Диаметрально противоположную точку зрения высказал В.Н. Боряз — философ-консультант методологического семинара ЛОИА АН СССР. Он посвятил обсуждаемой проблеме свой доклад на Пленуме по итогам 1974 г. По мнению ученого, объектом археологии является общество, при этом она изучает все стороны его жиз-

ни и стремится к полному и всестороннему его познанию. Археология является общественной, исторической наукой (Боряз 1975).

В концепциях других ученых объект и предмет археологии были сложными. Так, Ю.Н. Захарук, поднявший одним из первых эту проблему, также разработал собственную концепцию. Ссылаясь на философов, он выделил объективный предмет исследования (Π_1) — фрагмент объективной реальности, изучаемый наукой, и предмет науки (Π_2) — научные знания о нем. Π_1 состоит из объекта (S_1), он же субъект истории, — конкретные общества древности — и объекта (O_1) — результатов их общественно-производственной деятельности, понимаемой как культура в широком значении. Π_2 состоит из объекта науки (O_2) — археологических источников и реконструируемой на их основе истории конкретных обществ прошлого (S_2). По мнению Ю.Н. Захарука, Π_1 оказывается понятием онтологическим, а Π_2 — гносеологическим (Захарук 1973).

В.Ф. Генинг сделал доклад по данной теме на Пленуме ИА АН СССР по итогам 1971 г., где детально рассмотрел соотношение археологии и истории. Он дал дефиниции категориям объекта и предмета археологической науки, определив в качестве первого овеществленные остатки социальной деятельности людей (коллективов, обществ) прошлого, второго — основные закономерности процесса овеществления социальной деятельности людей (коллективов, обществ) на различных этапах развития, вскрытие конкретного многообразия путей овеществления этой деятельности в условиях общеисторической закономерности развития общества (Генинг 1975б: 12–13). Однако в дальнейшем исследователь развил свою концепцию. Всю совокупность свойств, связей и отношений археологических памятников он отнес к объекту познания археологии на эмпирическом уровне, тогда как на теоретическом уровне объектом являются древние общества. В предмет эмпирического уровня, по мнению В.Ф. Генинга, должны быть включены все специфические археологические закономерности, а также специфический археологический язык терминов и понятий, тогда как на теоретическом уровне — закономерности перехода физической, умственной, социальной и др. деятельности в предметные результаты (Генинг 1975а).

Два уровня археологического исследования — уровень источниковедческого анализа и интерпретационный, на котором различаются две различные области интерпретации — этнокультурная и социологическая, выделил и В.М. Массон. Он также указал, что предметом археологии является изучение зако-

номерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах (Массон 1973).

Альтернативную точку зрения высказали исследователи палеолита: А.Н. Рогачев и его ученик М.В. Аникович. По мнению первого исследователя, первобытная археология в отличие от древневосточной, античной и средневековой, являющихся вспомогательными историческими дисциплинами, представляет собой самостоятельную общественную науку, задачей которой является познание первобытных исторического процесса и культуры на основании изучения вещественных источников (Рогачев 1975). Второй ученый также указал, что первобытная археология — это самостоятельная конкретная историческая наука, так как других источников о дописьменном прошлом, кроме археологических и, отчасти, антропологических, нет. С накоплением материала она получила возможность перейти от общей социологической характеристики доклассовой формации к попыткам воссоздания конкретной истории отдельных регионов, а в будущем не исключено — конкретных обществ. Данные других наук используются археологами-первобытниками как вспомогательные (Аникович 1975).

В 1983 г. выходит книга В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии». В ней концепция исследователя получила дальнейшее развитие. Он дал определение археологии как науки, изучающей историческое развитие социальной структуры отдельных древних обществ по закономерностям выражения этого развития в предметном мире данных обществ и сохранившихся от него остатков в археологических памятниках. В этой дефиниции, по мнению В.Ф. Генинга, представлены все компоненты системы: объект и предмет археологии (Генинг 1983: 219). На втором этапе дискуссии вокруг этого определения разгорелись самые ожесточенные дебаты.

В этой книге также дана развернутая критика точек зрения оппонентов. Так, в одно направление «чистой археологии» были объединены концепции Г.П. Григорьева, Л.С. Клейна, В.С. Бочкарева, Г.С. Лебедева. Основные критические замечания В.Ф. Генинга можно свести к следующему:

1. Ограничивая объект науки археологическими памятниками, группа авторов вполне логично ограничивает предмет и задачи археологии только операциями с вещевыми останками, исключая из науки рассмотрение проблем социального развития. При этом развитие материальной культуры уподобляется особому виду движения материи в отрыве от социального развития.

2. Концепция «чистой археологии» ограничивает предмет археологии и тем самым цели, задачи и методы исследований исключительно эмпирическим уровнем познания или собственно вещеведческими задачами. При этом археология теряет характер исторической науки, так как изучение археологических памятников, артефактов превращается в самоцель.

3. Оппоненты постоянно противопоставляют археологию и историю, причем не только как различные науки, но и как науки различного уровня.

4. Сторонники «чистой археологии» не только ограничивают задачи науки классификацией и типологией, но и считают, что основой для их решения являются не историко-социологические посылки, а формальные, «объективные данные».

5. Категории «свойство», «артефакт», «тип», «признак», «культура», «комплекс», «ансамбль» и т.п. берутся оппонентами в виде простых логических конструкций. Сущностные стороны характеристики категории, связанные прежде всего с социальной деятельностью, остались вне внимания.

6. Общеетеоретическая основа концепции «чистой археологии» отнюдь не нова и в большинстве своем заимствована из арсенала западноевропейской археологии, стоящей на позитивистских позициях.

Эта публикация подвела итоги первого и ознаменовала начало следующего этапа дискуссии об объекте и предмете науки в советской археологии.

Второй этап дискуссии о предмете археологии

Во время второго этапа основная полемика разгорелась в 1986–1992 гг. на страницах журнала «Советская археология». Ее основными участниками стали Л.С. Клейн, В.Ф. Генинг и Ю.Н. Захарук. Все началось с публикации критической статьи-отзыва Л.С. Клейна на книгу В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии» (Клейн 1986), на что в 1989 г. последовали два ответа — от В.Ф. Генинга и Ю.Н. Захарука (Генинг 1989а; Захарук 1989). В 1991 г. вышла еще одна, достаточно резкая статья Л.С. Клейна (Клейн 1991б), после чего В.Ф. Генинг написал письмо в редакцию журнала с просьбой прервать дискуссию, так как был утрачен ее основной предмет (Генинг 1992а). По сути, это ознаменовало окончание общей дискуссии по данной проблеме на просторах теперь уже бывшего СССР.

Также в 1986–1992 гг. на страницах «Советской археологии» имело место обсуждение статьи В.А. Башилова и Э.Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии», где исследователи

предлагали выделить в структуре археологического познания особый реконструктивный уровень (Башилов, Лооне 1986). Публикация вызвала множество критических отзывов (Боряз 1988; Викторова 1988; Бочкарев, Григорьев 1988). Кроме этого, в поддержку концепции В.Ф. Генинга высказался М.И. Гладких из Киева, предложивший откорректировать некоторые не совсем удачные формулировки, не меняя содержания (Гладких 1987). Собственное видение проблемы места археологии в системе наук предложили Е.Д. Гражданников и Ю.П. Холюшкин (Гражданников, Холюшкин 1991), на что последовал отзыв Ю.Н. Захарука (Захарук 1992а). Также свою точку зрения на данную проблему уточнил М.В. Аникович, поддержав источниковедческий статус археологии (Аникович 1988), и в отдельной статье подверг жесткой критике теоретические построения Ю.Н. Захарука (Аникович 1989).

Помимо страниц центрального журнала, в этот период проблема объекта и предмета археологической науки рассматривалась на заседаниях Методсеминара ЛОИА АН СССР. Так, 4 апреля 1984 г. обсуждалась указанная выше книга В.Ф. Генинга (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. № 1346, л. 17–32), а 8 января 1986 г. — упомянутая выше статья В.А. Башилова и Э.Н. Лооне (Там же. Д. № 1437, л. 1–1 об.).

В московском ИА АН СССР данную проблематику обсуждали на заседаниях Сектора теории и методики археологии. 24 апреля 1985 г. рассматривалась статья-отзыв Л.С. Клейна на книгу В.Ф. Генинга, поданная к публикации в «Советской археологии» (НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1382, л. 42–43). И хотя подавляющее большинство сотрудников отдела не разделяло взгляды ленинградского ученого, во время обсуждения были отмечены некоторые недостатки в его аргументации, а часть присутствовавших высказалась против публикации, тем не менее было принято положительное решение.

Также на секторе проходила апробация теоретических концепций Ю.Н. Захарука. 12 ноября 1986 г. он выступил с докладом «Археологическая наука историческая или источниковедческая» (НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1412, л. 79–81), который лег в основу его статьи 1989 г. Еще раз проблема объекта археологической науки обсуждалась в этом научном подразделении уже в самом финале дискуссии — 12 и 19 ноября 1992 г. С соответствующим докладом вновь выступил Ю.Н. Захарук (НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1653, л. 64–68).

Помимо этого, в 1989 г. дискуссия возникла во время подготовки к публикации в «Советской археологии» статьи-ответа В.Ф. Генинга, что нашло отражение в переписке между этим ученым и редакцией журнала. Де-

тальнее с этим можно ознакомиться в одной из публикаций автора настоящей статьи (Палиенко 2015а).

Представители «чистой археологии» не оставили без внимания критику их концепций со стороны В.Ф. Генинга. Так, обсуждению указанной выше книги этого автора было посвящено заседание Методсеминара ЛОИА АН СССР 4 апреля 1984 г. (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. № 1346, л. 17–32). На нем выступили с докладами Е.М. Колпаков и Г.С. Лебедев, а в обсуждении приняли участие В.С. Бочкарев и их учитель — Л.С. Клейн. Правда, в протоколе заседания записано, что он выступал, но содержание самого выступления отсутствует. Данный эпизод подробно уже рассматривался (Палиенко 2014), здесь приведем лишь его общую оценку.

По мнению автора настоящей статьи, состоявшееся тогда обсуждение было ответом представителей «строгой археологии» на критику их концепции. На характер дискуссии и основные аргументы во многом повлияла внешняя среда — обострение внутренней и внешней обстановки в СССР при Ю.Н. Андропове. Содержавшиеся в книге справедливые замечания В.Ф. Генинга о том, что основные постулаты концепции представителей культурархеологии противоречат марксизму и близки к западным теориям, могли иметь негативные последствия для Л.С. Клейна, недавно освободившегося из мест лишения свободы. По этой причине его ученики — Г.С. Лебедев и Е.М. Колпаков в своих докладах всячески старались показать соответствие «строгой археологии» историческому материализму и перенести все обвинения на оппонента, приписывая субъективный идеализм его взглядам. Это обстоятельство во многом определило и тон последующей дискуссии на страницах «Советской археологии».

В 1986 г. в этом журнале выходит статья Л.С. Клейна с критикой вышеуказанной книги В.Ф. Генинга (Клейн 1986). Как уже было сказано, именно эта публикация положила начало дискуссии на страницах издания, продлившейся до 1992 г.

Большинство замечаний Л.С. Клейна касались формулировок и языка книги оппонента. Больше всего возражений вызвало положение, что археология может исследовать исторический процесс всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности древних обществ в пределах сохранившихся остатков и следов деятельности. По мнению Л.С. Клейна, археологические источники слишком односторонни, лакунарны, фрагментированы, информация о прошлом в них преобразована, искажена. На основе одних лишь археологических источников исторический процесс реконструиро-

вать опасно: он получается однобоким, искаженным, недостоверным. К счастью, есть другие виды источников, которые исследуются другими науками. Полученная от них информация должна передаваться специалистам по ее синтезу, которые и реконструируют весь исторический процесс в рамках истории, а для ранних этапов — преистории. Так как процесс научного познания глубоко эшелонирован, археология охватывает лишь часть его этапов, у нее есть предел. Поэтому спорить имеет смысл лишь о более точном определении этого рубежа.

Утверждение В.Ф. Генинга о содержании в археологических памятниках только одного компонента структуры функционирующего общества — предметного мира (сохранившаяся до наших дней часть) Л.С. Клейн считал упрощенной для археолога-теоретика трактовкой. По его мнению, археологические памятники большей частью вообще не содержат какой-либо компонент функционирующего общества, не содержат его предметный мир. Именно потому что археологические памятники не таковы, какими они представляются Генингу, археология не в силах изучать функционировавшие общества: у нее нет для этого подходящих (более того — необходимых!) источников.

В статье Л.С. Клейн также пытался обосновать правомерность выделения преистории или доистории, ссылаясь на К. Маркса и Ф. Энгельса, а также доказать, что концепция «строгой археологии» не противоречит марксизму, в то время как у теоретических разработок его оппонента есть аналогии в работах Л. Бинфорда.

Социальную и психологическую базу концепции социоархеологии Л.С. Клейн усматривал в том, что в археологию постоянно вливается поток людей с широкими гуманитарными и социально-историческими интересами, но зачастую без достаточной археологической подготовки. Они хотят ввести в само определение выбранной науки свое право на простые методы и широкие выводы, на «дилетантские вылазки» за традиционные границы (Клейн 1986: 214–215).

На эту критику ответил В.Ф. Генинг, который еще раз подчеркнул, что в основе построений Л.С. Клейна лежит идея культурно-исторического процесса вне социальных связей и отношений, понимаемого в очень укороченном виде. Но одно дело — рассматривать материальные остатки как остатки культурной системы (культурархеология), а другое — когда они включаются в социально-историческую систему (социоархеология). Социальное, а не культурное является определяющим фактором в развитии общества. Поэтому адекватное отображение истории прошлых обществ

можно получить, только основываясь на принципах историзма в исследовании социальных (но не культурных) систем (Генинг 1989а).

Против позиции Л.С. Клейна с критической статьей выступил и Ю.Н. Захарук (1989). По его мнению, идея реконструкции прошлого особенными синтетическими науками на основании всех видов исторических источников противоречит практике исторического познания, развитию и опыту всех отдельных исторических наук.

Также Ю.Н. Захарук указал, что проблема синтеза касается не синтеза источников, а синтеза исторической информации, которую поставляют отдельные исторические науки. Социальное прошлое нашло свое отражение в разных видах исторических источников, а решение главной задачи всего исторического познания — реконструкция истории человечества, — безусловно, предполагает синтез всей исторической информации, которую поставляют отдельные исторические науки. И хотя каждая такая наука при реконструкции прошлого прежде всего опирается на данные собственных источников, но она не может игнорировать информацию и других исторических наук. И все археологи, «письменные» историки, лингвисты и этнографы являются не только специалистами-источниковедами, но и историками.

Л.С. Клейн ответил своим оппонентам в новой статье в 1991 г. Но тут он вновь оставил без внимания многие серьезные аргументы противоположной стороны, также им не были критически рассмотрены публикации В.Ф. Генинга, вышедшие за время дискуссии, в том числе и монографии. Л.С. Клейн перешел на личности, а критика историзма археологии переросла в политическую критику, например:

«Пусть мы будем сторонниками "чистой" археологии, согласен. В парных оппозициях "чистые — нечистые", "чистые — грязные" мы занимаем лучшую часть.

Осознав специфику археологических источников, "чистая археология" ратует за статус самостоятельной источниковедческой дисциплины, за собственную методику исследований, которая бы позволила противостоять "нечистым" искушениям и соблазнам. "Чистая археология" — это строгая наука, а "грязная археология" легко становится служанкой политической конъюнктуры» (Клейн 1991: 109).

В.Ф. Генинг написал письмо в редакцию журнала и попросил прервать дискуссию, так как утрачен ее основной предмет, при этом он добавил, что он остается всегда готовым к ней вернуться в случае рассмотрения его аргументов по существу (Генинг 1992а).

Следует отметить, что за время дискуссии на страницах «Советской археологии» В.Ф. Генинг продолжил развивать собственную концепцию, а в конце сформулировал основные положения фундаментальной археологической теории (ФАТ) (Генинг 1992б). Им также было опубликовано множество статей и несколько монографий по теории археологии (Генинг 1989б; Генинг, Генинг 1992), большинство из которых остались незамечены его оппонентами. Только Ю.Н. Захарук высказал собственное мнение по поводу ФАТ (Захарук 1992б). Отдельные теоретические положения, изложенные в монографии В.Ф. Генинга, были рассмотрены Л.С. Клейном только в 2004 г. (Клейн 2004: 345–346, 354).

Необходимо также обратить внимание на то, что В.Ф. Генинг в совместной с В.В. Генингом монографии признал, что из предмета археологии также нельзя исключать и закономерности формирования системы археологических памятников, поскольку, лишь познавая законы перехода предметного мира из живой исторической действительности в ископаемый мир, или в процессе археологизации предметного мира, можно совершить мысленную редукцию к живой действительности, реконструировать ее и исследовать закономерности социального развития древних обществ прошлого (Генинг, Генинг 1992: 14).

В начале 1990-х гг. Л.С. Клейн продолжил отстаивать источниковедческий статус археологии, а в статье 1992 г. главную дилемму он сформулировал по-новому: археология — science или humanity (Клейн 1992). Так, говоря о методологической природе археологии, Лев Самуилович определил последнюю как источниковедческую науку. Ее главное задание — это перевод информации, которая содержится в вещах и комплексах вещей (археологические источники) с языка вещей на язык истории — язык исторических явлений, событий и процессов. Для того чтобы это сделать, археологам необходимо проследить весь путь, которым историческое событие или процесс приводили к определенным материальным следам, проследить, учитывая все возможные воздействия различных факторов и неизбежные утери информации на каждом из пройденных шагов. А это означает выделение нескольких последовательно протекающих процессов преобразования информации. В частности, Л.С. Клейн указал четыре таких процесса, на протяжении которых информация может быть искажена или утрачена. Опираясь на эти законы, археологи восстанавливают этап за этапом прежние состояния источников, памятников, артефактов и комплексов, ретроспективно — от конца существования к началу.

Л.С. Клейн также отметил, что методологическая природа истории и археологии — различна: история — индивидуализирующая наука, а с учетом индивидуализации человеческих произведений — гуманитарная, тогда как археология — нет. Общее у этих двух наук то, что обе не выявляют законов, а только используют их, но история — для объяснения фактов, а археология — для реконструкции. То есть, по его мнению, археология является прикладной, а не фундаментальной наукой.

Можно сказать, что на этом дискуссия об объекте и предмете науки в советской (или уже в постсоветской) археологии завершилась.

Итоги дискуссии

Менее чем через год после завершения полемики ушел из жизни В.Ф. Генинг. С развалом СССР нарушилось стабильное финансирование науки, что привело к сокращению исследований. Интерес к теории в 1990-е гг. угас. В 1996 г. в ИА НАН Украины был реформирован Отдел теории и методики, а разработка теоретических проблем прекратилась полностью. Ушли из жизни или сменили тематику многие другие участники дискуссии. В России ведущим археологом-теоретиком становится Л.С. Клейн, что во многом обусловило доминирование его концепции и существенное влияние на формирование взглядов молодого поколения исследователей.

В начале XXI в. вышли в свет основные теоретические монографии Л.С. Клейна: «Принципы археологии» (Клейн 2001) и «Введение в теоретическую археологию» (Клейн 2004), которая вначале появилась в англоязычной версии (Klejn 2001). Однако в первой книге проблема определения предмета археологии не затрагивалась. Еще один пик монографических публикаций Льва Самуиловича приходится на 2009–2014 гг. Правда, большинство вышедших тогда книг являются историографическими, а несколько сугубо теоретических книг не касаются рассматриваемой здесь проблемы.

В «Введении в теоретическую археологию» есть отдельный раздел, посвященный проблеме предмета археологии (Клейн 2004: 64–78), однако он практически полностью повторяет соответствующую статью 1977 г. Текст данного раздела в англоязычном издании (Klejn 2001: 11–18) соответствует русскоязычному, за исключением нескольких абзацев.

Таким образом, на данный момент концепция предмета археологии Л.С. Клейна полностью повторяет первоначальные тезисы, впервые сформулированные

в 1974 г. и опубликованные в статье 1977 г. Никаких принципиальных изменений и дополнений за истекшие годы автор туда не внес. А между тем, как было сказано выше, за время дискуссии, особенно ее второго этапа, главные оппоненты Л.С. Клейна, в частности В.Ф. Генинг, выпустили большое количество теоретических публикаций, существенно дополнили и видоизменили свои ранние теоретические концепции, выдвинули новые идеи, которые практически все остались без внимания оппонентов.

В упомянутой выше книге Л.С. Клейна 2004 г. также приводится краткая характеристика концепций предмета археологии, сформулированных участниками дискуссии, с указанием основных публикаций (Клейн 2004: 58–59). Там же дается и критика некоторых положений из монографии В.Ф. Генинга 1989 г. (Там же: 345–346, 354). В англоязычном издании книги полноценный обзор теоретической дискуссии в советской археологии отсутствует, а В.Ф. Генинг упоминается шесть раз, из которых три — это критика отдельных, вырванных из контекста положений его концепции (Клейн 2001: 66, 87, 108). То есть, по сути, дискуссия об определении объекта и предмета археологии не завершена, а законсервирована по состоянию на 1992 г. — аргументы сторон так и остались критически не преодоленными. Кроме того, за прошедшие годы в науке произошли значительные изменения, связанные с внедрением новых технологий и подходов. И если теоретическая археология на постсоветском пространстве скорее мертва, то на Западе развитие теории продолжается. Поэтому сейчас имеет смысл вновь вернуться к предмету дискуссии, но уже приняв во внимание новейшие достижения мировой археологической науки, как в области теории, так и практики.

Что же касается общих оценок дискуссии об определении объекта и предмета, то попытки подвести ее итоги предпринимались, однако большинство авторов сами были ее участниками, например Л.С. Клейн и М.В. Аникович. Исключение тут, пожалуй, составляет статья киевского археолога С.В. Смирнова (Смирнов 1993), но она осталась практически незамеченной на постсоветском пространстве.

С.В. Смирнов обратил внимание на наличие общих элементов в концепции как Л.С. Клейна, так и В.Ф. Генинга, несмотря на значительные и принципиальные расхождения. По его мнению, причина спора состоит в том, что оба автора уделяли чрезмерное внимание чисто формальным границам между археологией и другими науками, которые возникли под влиянием деформированного развития науки и преобладания в ней источниковедческого момента. Поэтому, если рас-

сматривать археологию не обособленно от других дисциплин, а как науку, соединенную с ними широкими пограничными зонами, осознавая многоуровневость собственно археологического знания, то разница между взглядами обоих исследователей будет не такой уж значительной (Там же. С. 8).

Относительно утверждения Л.С. Клейна, что исторические реконструкции должен осуществлять историк на основе источниковедческих разработок археологов, С.В. Смирнов отметил, что практика свидетельствует об обратном. Ведь выполнять исторические реконструкции на основе археологических материалов можно только тогда, когда ученый хорошо понимает специфику археологических источников. Ученый обратил внимание, что если успех источниковедческой работы определяется поставленными заданиями, то чем глубже осознается конечная цель исследования, тем четче и более целеустремленно осуществляется обработка источников на основе критериев, заданных этой целью. Поэтому, если основные задания формулируются в пределах одной дисциплины, а подчиненная их решению источниковедческая работа осуществляется в пределах иной, то необходимая взаимосвязь нарушается (Там же).

Говоря о последующих оценках дискуссии, можно привести мнение еще одного ее участника — М.В. Аниковича:

«Позднее, когда Л. Клейн недвусмысленно провозгласил источниковедческий статус археологии, убедительно аргументируя эту точку зрения и не менее убедительно возражая своим оппонентам, дискуссия возобновилась. Против источниковедческой версии археологии были мобилизованы тогда все силы. Однако оппоненты не смогли выдвинуть сколько-нибудь убедительных аргументов в защиту своих воззрений, отчасти запутались в терминологии (что и было продемонстрировано Л. Клейном, особенно в статье, вышедшей в 1991 г.) и в конечном счете предпочли завершить спор выражением личной обиды. Ничего принципиально нового не внесли и другие участники дискуссии.

В настоящее время, похоже, взгляды на археологию как источниковедческую дисциплину доминируют в нашей науке. Во всяком случае, сколько-нибудь активных возражений они уже не вызывают» (Аникович 2005: 488).

Возможно, многие не согласятся со столь радикальными оценками, провозглашающими полную победу концепции «строгой археологии». Однако бесспорным остается тот факт, что отношение к данному подходу в среде археологов действительно изменилось. На данный момент можно говорить если не о полной

смене парадигмы в российской археологии, то, по крайней мере, о значительных сдвигах в этом направлении. По мнению автора настоящей статьи, это обусловлено рядом как объективных, так и субъективных причин, которые становятся понятны при рассмотрении общесоциального исторического контекста.

Дискуссия в контексте развития советской археологии и роль концепции Л.С. Клейна

Основной объективной причиной, повлекшей смену парадигмы, стали изменения в общественном сознании, произошедшие в СССР в 1970–80 гг. Перемены в экономике и советском обществе нашли свое отражение в науке, подтвердив тем самым хорошо известный марксистский тезис. Так, разочарование интеллигенции в советском строе и марксизме привело к поиску альтернативы в первую очередь в работах западных философов. Поэтому, критикуя концепцию своего оппонента, В.Ф. Генинг во многом был прав, так как справедливо считал, что взгляды Л.С. Клейна не являются марксистскими. Ведь последний позже сам признал, что «строгая археология» имеет неокантианскую основу. Что касается категоричности дискуссии, жесткости формулировок, особенно со стороны Л.С. Клейна, то причиной тому были как общая ситуация в СССР — перестройка, когда подобная критика только приветствовалась, так и обстоятельства в жизни самого Льва Самуиловича (подробнее см. Палиенко 2014: 150).

Еще одним проявлением указанного выше процесса стало отвержение марксизма многими советскими археологами. Так, начиная с эпохи застоя, и особенно в перестройку большинство исследователей начало воспринимать марксизм как набор догм или же вообще как набор обязательных для цитирования изречений классиков. Непонимание вызывало серьезное отторжение и не добавляло популярности теории В.Ф. Генинга, построенной именно на основе марксистской философии. Более того, направление по историзации археологии было ведущим в СССР. Поэтому концепция В.Ф. Генинга воспринималась многими как официальная идеология или пережиток советского режима. И наоборот, существовавшая среди интеллигенции в тот период мода на все западное сыграла на руку его оппонентам.

Процессы, происходящие в СССР в 1980-е — начале 1990-х гг., нельзя рассматривать изолированно от остального мира. На Западе, правда несколько ранее, началось распространение постмодернизма,

а в археологии — постпроцессуализма. Определенные параллели между своими теоретическими работами и подходами постмодернистов проводит и сам Л.С. Клейн (2011: 380).

Еще одной объективной причиной, повлекшей смену парадигмы, стало засилье эмпиризма в советской археологии. Так, в результате интенсивных полевых работ сформировалось новое поколение археологов. Они были прекрасными полевыми, но в своих исследованиях, как правило, не выходили за рамки эмпирики. Такие специалисты проводили в экспедициях по 6–8 месяцев, а их главная задача состояла в раскопках и подготовке отчетов. Они поздно получали научные степени и очень скептически относились к любой теории. Однако эмпирикам гораздо легче принять источниковедческий статус археологии и продолжать работу с археологическим материалом, чем разбираться в тонкостях философии, этноархеологии и палеосоциологии, без которых невозможна работа в рамках социоисторического направления.

Были и субъективные причины. Так, Л.С. Клейн, на втором этапе принявший наиболее активное участие в дискуссии, опубликовал свои основные теоретические работы в 1990-е — 2000-е гг. Поэтому его теоретические разработки оказались на виду у нового поколения специалистов. Популяризации идей Л.С. Клейна также способствовала легкость чтения его трудов, чего не скажешь о работах его оппонентов, особенно В.Ф. Генинга. Кроме того, чтобы разобраться в тонкостях социоисторического подхода, необходимо иметь определенные знания в области марксистской гносеологии, но подавляющее большинство молодых специалистов с марксизмом практически не знакомо. В отличие от своих оппонентов, Л.С. Клейн издавал свои работы за рубежом. Многие западные коллеги о советской археологии знают только из публикаций самого Льва Самуиловича.

Дополнительным фактором, способствовавшим распространению концепции «строгой археологии», стало и то, что Л.С. Клейн и его ученики долгое время работали в ЛГУ, а оппоненты были сотрудниками академических учреждений и рано ушли из жизни. Это справедливо, по крайней мере, для Ленинграда / Санкт-Петербурга. Значительная часть сегодняшних сотрудников ИИМК РАН в свое время были студентами Л.С. Клейна и познакомились с его идеями еще в студенческие годы. Будучи замечательным лектором и организовав в университете работу теоретического семинара, он смог добиться в целом положительного отношения к своим концепциям.

Хотелось бы остановиться на причинах, побудивших Л.С. Клейна заняться разработкой теоретических проблем. Он писал об этом в своем учебнике по теории (Клейн 2004: 57) и в своих мемуарах. Последние стоит процитировать:

«Моя оппозиция использованию археологии в политических целях толкнула меня к разработке методов археологической аргументации, критериев надежности, оценке фактов, независимой от субъективных устремлений. <...>

Исторический материализм был детально разработан в советских философских и исторических институциях как инструмент для обслуживания политических целей режима. Им можно было доказать все, что властям требовалось. Таким образом, мое начальное намерение вывести археологию из истории коренилось в необходимости освободить ее от скованности цепями исторического материализма...» (Клейн 2010: 213).

Если внедрение принципов марксизма в науку в 1930-е гг. ознаменовалось появлением концепции социархеологии, то обратный процесс был обозначен становлением «строгой археологии» в 1970–80 гг., что связано с утверждением либеральной идеологии в позднем советском обществе. Безусловно, что связь этих двух явлений не осознавалась большинством участников дискуссии. Для многих «строгая археология» была чем-то новым и интересным — явной альтернативой надоевшей всем генеральной линии. Противостояние официальной идеологии, которое в 1970-е гг. проявлялось в среде археологов в форме теоретических дискуссий, во время перестройки приняло форму открытых политических дебатов. Именно этим можно объяснить уменьшение внимания ученых к теоретической проблематике и спад дискуссий в самом конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Заключение

Накопление археологического материала в послевоенные годы и неразрешенность некоторых теоретических проблем привела к дискуссии об определении объекта и предмета археологии, которая в СССР продолжалась с 1972 по 1992 г.

На первом ее этапе (1972–1983 гг.) участники сформулировали свои основные концепции, которые могут быть объединены в три большие группы:

1) источниковедческая («строгая», или «чистая», археология), где объектом / предметом археологии объявляются археологические источники — концепции Г.П. Григорьева, Л.С. Клейна, В.С. Бочкарева, Г.С. Лебедева;

2) обществоведческая (социоархеология), где объектом науки в целом / объектом на одном из уровней является развитие древнего общества, — концепции В.Н. Боряза, В.Ф. Генинга, Ю.Н. Захарука, В.М. Массона;

3) промежуточная, где обществоведческой наукой является только первобытная археология, тогда как археология более поздних периодов — наука сугубо источниковедческая, — концепции А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича.

Л.С. Клейн с самого начала принимал непосредственное активное участие в этой дискуссии, однако на первом этапе источниковедческий статус археологии скорее ассоциировался с концепцией Г.П. Григорьева. Это связано с задержкой публикации соответствующей статьи Л.С. Клейна, однако его идеи, по-видимому, повлияли на взгляды его учеников. Главная же заслуга Льва Самуиловича на первом этапе — это детальное исследование специфики археологических источников, которое стало своеобразным обоснованием источниковедческого статуса археологии.

Уже на следующем этапе (1983–1992 гг.) ситуация меняется, и Л.С. Клейн становится одной из центральных фигур вновь разгоревшейся полемики по проблеме, теперь уже на страницах журнала «Советская археология». Ее основными участниками стали Л.С. Клейн, В.Ф. Генинг и Ю.Н. Захарук. Там также имело место и обсуждение концепций других авторов — В.А. Башилова и Э.Н. Лооне, Е.Д. Гражданникова и Ю.П. Холюшкина. В тот период указанная проблема обсуждалась на заседаниях Методсеминара ЛОИА АН СССР в Ленинграде и на заседаниях Сектора теории и методики археологии ИА АН СССР в Москве.

В 1992 г. В.Ф. Генинг написал письмо в редакцию «Советской археологии» и попросил прервать дискуссию. По сути дискуссия перешла в политическую полемику, при этом многие аргументы сторон так и не были рассмотрены. Несмотря на это, определение археологии как источниковедческой дисциплины было принято многими учеными и прочно вошло в российскую науку. При этом Л.С. Клейн никаких принципиальных изменений и дополнений в свою концепцию предмета археологии за истекшие годы не внес.

Тем не менее некоторые исследователи считают победившими в дискуссии именно сторонников «строгой археологии». Этому способствовали как объективные, так и субъективные причины.

К объективным причинам можно отнести изменение общественного сознания в советском обществе, разочарование в марксизме и моде среди интеллигенции на все западное, распространение постмодернизма, а в археологии — постпроцессуализма в Европе

и США, засилье эмпиризма в советской археологической науке.

Среди субъективных причин следует выделить выход в последующие два десятилетия большого количества теоретических работ Л.С. Клейна, легких для восприятия и оказавших влияние на формирование нового поколения исследователей. Странники альтернативных концепций были преимущественно сотрудниками академических учреждений, тогда как Л.С. Клейн и его ученики работали в ЛГУ и имели возможность популяризировать свои идеи дольше своих оппонентов.

И если внедрение принципов марксизма в археологию в 1930-е гг. ознаменовалось появлением кон-

цепции социархеологии, то обратный процесс был обозначен становлением «строгой археологии» в 1970–80 гг., что связано с утверждением либеральной идеологии в позднем советском обществе.

Также можно утверждать, что дискуссия об определении объекта и предмета археологии не завершена, а законсервирована по состоянию на 1992 г. — аргументы сторон так и остались критически не преодоленными. Поэтому сейчас имеет смысл вновь к ней вернуться, но уже приняв во внимание новейшие достижения мировой археологической науки как в области теории, так и практики. Ведь именно она, как известно, критерий истины.

Источники и литература

- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1., д. № 774 // Отчет о научно-исследовательской работе ЛОИА за 1973 г. 88 л.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. № 1147 // Протоколы № 1–6 заседаний Методсеминара ЛОИА. 88 л.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. № 1305 // Протоколы № 1–7 заседаний Методсеминара ЛОИА. 42 л.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. № 1346 // Протоколы № 1–5 заседаний Методсеминара ЛОИА. 55 л.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. № 1437 // Протоколы № 1–5 заседаний Методсеминара ЛОИА. 25 л.
- НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1063 // Пленум Института археологии, посвященный итогам полевых исследований 1971 г. Секция теории и методики (25–28 апреля 1972 г.). 35 л.
- НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1132 // Отчет о научно-исследовательской работе Института археологии АН СССР за 1975 г. 67 л.
- НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1382 // Протоколы № 1–24 заседаний Отдела теории и методики Института археологии АН СССР за 1985 г. 94 л.
- НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1412 // Протоколы № 1–31 заседаний Отдела теории и методики Института археологии АН СССР за 1986 г. 105 л.
- НОА РАН. Ф. 1909, оп. 1, д. № 1653 // Протоколы № 1–25 заседаний Отдела теории и методики Института археологии РАН за 1992 г. 89 л.
- Аникович М.В.* 1975. Первобытная археология — конкретная историческая наука (к постановке проблемы) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы Симпозиума ЛОИА АН СССР. Л.: ЛОИА АН СССР, 14–18.
- Аникович М.В.* 1988. «Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания? // СА 1, 218–224.
- Аникович М.В.* 1989. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук / Отв. ред. В.Н. Боряз. Л.: Наука, 73–98.
- Аникович М.В.* 2005. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus 1, 487–506.
- Боряз В.Н.* 1975. Природа археологического источника и объект археологии как науки // Предмет и объект археологии и вопросы методик археологических исследований. Материалы симпозиума метод. Семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: ЛОИА АН СССР, 6–11.
- Боряз В.Н.* 1988. О правомерности выделения «реконструктивного» уровня исследования в археологии // СА 1, 208–217.
- Бочкарев В.С.* 1973. К вопросу о структуре археологического исследования // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН, 56–60.
- Бочкарев В.С., Григорьев Г.П.* 1988. Отклик на статью В.А. Башилова и Э.Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» // СА 1, 226–228.

- Викторова В.Д. 1988. Отклик на статью В.А. Башилова и Э.Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» // СА 1, 224–226.
- Генинг В.Ф. 1975а. Объект и предмет археологии (к вопросу о соотношении эмпирического и теоретического уровня знаний в современной археологии) // Новейшие открытия советских археологов: ТД конф. Ч. III. Киев: б/и, 14–17.
- Генинг В.Ф. 1975б. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии // Вопросы археологии Урала 13, 5–16.
- Генинг В.Ф. 1983. Объект и предмет в науке археологии. Киев: Наукова думка. 220 с.
- Генинг В.Ф. 1989а. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки», «полуфабрикат знания» // СА 3, 215–227.
- Генинг В.Ф. 1989б. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев: Наукова думка. 296 с.
- Генинг В.Ф. 1992а. О стиле дискуссии Л.С. Клейна // РА 4, 257–259.
- Генинг В.Ф. 1992б. Проблема построения фундаментальной археологической теории // СА 1, 69–84.
- Генинг В.Ф., Генинг В.В. 1992. Очерки философии социоархеологии. Проблема обоснования социоисторических исследований в археологии. Киев: Теллус. 250 с.
- Генинг В.Ф., Захарук Ю.Н., Каменецкий И.С., Клейн Л.С., Массон В.М., Федоров-Давыдов Г.А. 1973. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН, 6–10.
- Гладких М.И. 1987. Генинг В.Ф. Объект и предмет археологии. Киев: Наукова думка, 1983. 224 с. [рецензия] // СА 2, 273–280.
- Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. 1991. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) // СА 2, 111–114.
- Григорьев Г.П. 1973. О предмете археологии // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН, 41–43.
- Захарук Ю.М. 1964. Проблеми археологічної культури // Археологія XVII, 12–42.
- Захарук Ю.Н. 1973. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН, 43–46.
- Захарук Ю.Н. 1978а. Археология или первобытная археология? // КСИА 152, 23–29.
- Захарук Ю.Н. 1978б. Спорные вопросы предмета и объекта археологии // КСИА 152, 7–17.
- Захарук Ю.Н. 1989. Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА 3, 207–214.
- Захарук Ю.Н. 1992а. К дискуссии о статусе археологии // РА 4, 97–101.
- Захарук Ю.Н. 1992б. О статье В.Ф. Генинга «Проблемы построения фундаментальной археологической теории» // РА 4, 83–86.
- Каменецкий И.С. 1970. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА 2, 18–36.
- Клейн Л.С. 1970. Проблема определения археологической культуры // СА 2, 37–51.
- Клейн Л.С. 1977. Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Известия лаборатории археологических исследований 9. Кемерово: Изд-во КемГУ, 3–14.
- Клейн Л.С. 1978. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ. 120 с.
- Клейн Л.С. 1986. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА 3, 209–219.
- Клейн Л.С. 1991. В защиту «чистой археологии» // СА 2, 102–110.
- Клейн Л.С. 1992. Методологическая природа археологии // РА 4, 86–96.
- Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л.С. 2001. Принципы археологии. СПб.: Бельведер. 152 с.
- Клейн Л.С. 2004. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. I: Метаархеология. СПб.: Бельведер. 472 с.
- Клейн Л. 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л. 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПбГУ. 626 с.
- Клейн Л.С. 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия. 636 с.

- Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфиц О.И.* 1970. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА 2, 298–302.
- Лебедев Г.С.* 1975. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методик археологических исследований. Материалы симпозиума метод. Семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: ЛОИА АН СССР, 56–58.
- Лебедев Г.С.* 1992. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ. 463 с.
- Массон В.М.* 1973. Археология за бортом гуманитарии (некоторые зарубежные теории и вопрос о предмете археологической науки) // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН, 46–49.
- Палиєнко С.В.* 2009. Дискусія щодо статусу археології в радянській науці (друга половина 80-х — початок 90-х рр.) // Часопис української історії 11, 90–95.
- Палиєнко С.В.* 2014. Обсуждение книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии» на методологическом семинаре ЛОИА АН СССР: обстоятельства и факты // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць 89/10, 147–152.
- Палиєнко С.В.* 2015а. За лаштунками дискусії про предмет археології: листування В.Ф. Генінга з редакцією «Радянської археології» // Праці Центру пам'яткознавства 28, 204–212.
- Палиєнко С.В.* 2015б. Методологічні семінари наукових установ АН СРСР та УРСР як засіб розвитку радянської теоретичної археології // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 19, 392–397.
- Палиєнко С.В.* 2016. Обсуждение проблемы объекта и предмета археологии на заседании теоретической секции Пленума по итогам полевых исследований 1971 г. // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.) / Ред. В.А. Алекшин, Е.С. Ткач, А.А. Бессуднов. СПб.: Невская книжная типография, 346–349.
- Рогачев А.Н.* 1975. О предмете и методе первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методик археологических исследований. Материалы симпозиума метод. Семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: ЛОИА АН СССР, 11–14.
- Рогачев А.Н.* 1978. О предмете и методе первобытной археологии // КСИА 152, 17–23.
- Розенфельд Р.Л.* 1974. Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 года // СА 4, 319–322.
- Смирнов С.В.* 1993. До питання про сучасні тенденції розвитку археологічних знань // Археологія 3, 3–13.
- Klejn L.S.* 1997. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Frankfurt/M: Peter Lang, 412 S. (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel 6).
- Klejn L.S.* 2001. Metaarchaeology. København: Munksgaard. 150 p. (Acta Archaeologica 72/1, suppl. III).
- Klejn L.S.* 2012. Soviet archaeology: trends, schools, and history / Translated from the Russian by R. Ireland and K. Windle. Oxford: Oxford University Press. 456 p.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА АРХЕОЛОГИИ

Стивен Д. Лич¹

Метод и методологическая природа

В концепции археологии Л.С. Клейна положение о методологической природе археологии, пожалуй, одно из наиболее оригинальных и неожиданных.

Сам термин «методологическая природа» необычен. Суть в том, что определить предмет археологии — недостаточно для ее мало-мальски удовлетворительного понимания. По Клейну, наряду с предметом археологии нужно очертить ее методологическую природу. Двойное определение нередко фигурирует в дефинициях археологии, но на втором месте нередко употребляется слово «метод». Очень часто можно в общих книгах и статьях увидеть формулировку «предмет и метод археологии». А.М. Тальгрэн написал статью об «археологическом методе», а Эвжен Неуступны — книгу «Археологический метод». Слово «метод» здесь употребляется не для обозначения конкретных приемов, как «стратиграфический метод», «типологический метод» и т.п., но и не в самом общем смысле — для утверждения научности археологии, а в среднем и достаточно широком смысле — для отличия археологической методологии от всякой другой научной. Чтобы избежать многозначности термина «метод», Клейн и ввел термин «методологическая природа».

«Об археологическом методе исследования никто, конечно, ничего еще не слышал» (Забелин 1878: 1).

Клейн не определяет археологию исключительно по ее предмету. Он также спрашивает, как археолог действует, изучая этот предмет. Конечно, предмет и методология, похоже, связаны, но тем не менее стоит оперировать этими вещами по отдельности. Вникая в проблему, в чем отличия методологии археологии, мы должны определить ее отношения к другим дисциплинам — как тем, которые похожи на нее, так и тем, которые отличаются.

История с преисторией и археология

Уже из определения предмета археологии вытекает, что историк (а вместе с ним преисторик) и археолог ставят перед собой разные цели. Они добиваются ответов на разные вопросы. Археолог добывает материальные древности и относится к ним как к археологическим источникам, т.е. стремится превратить их в исторические источники. Его интересует в прошлом: *кто, что, где, куда, откуда, когда и как*. А историк хочет узнать, *почему*, по какой *причине* произошло то или иное событие. Ведь задача истории — выяснять *причинно-следственную связь событий*. Этим она отличается от социологии, которая изучает те же факты социальной жизни, но для других целей — для выведения законов социального бытия. В том числе и *законов культурно-исторического процесса*, в просторечии называемых «законами истории». Этими последними ведает та отрасль то ли социологической науки, то ли философии, которая (отрасль) на Западе называется «историософией» или «философией истории», а в советской науке это входило в задачи «исторического материализма».

Археолог же получает свои вопросы «от истории, от социологии, от философии, от общего любопытства. У археологов много разных мотивов» (см. Клейн по Лич 2011б: 17). Вероятно, то же можно сказать и об историках. История (с преисторией) и археология — это разные науки, они должны быть разделены (Клейн 1991б; Klejn 1993; 1995). Относительно истории это на практике признается всеми, относительно преистории — почти никем. Но тем не менее сохраняется глубокое различие между их методологиями.

Гуманитарная или точная наука?

Философы-неокантианцы Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт предложили схему, по которой академические дисциплины делятся на номотетические и идиографические. Номотетические — это те,

¹ United Kingdom, Keele, Staffordshire, ST5 5BG. Keele University, School of Politics, International Relations and Philosophy.
E-mail: s.d.leach@keele.ac.uk.

которые нацелены на выявление законов в массе материала, а идиографические дисциплины (родственное слово — идиом) — это те, которые заняты выявлением и объяснением фактов в их индивидуальности. Виндельбанд и Риккерт заявляли, что точные науки номотетичны, а гуманитарные — идиографичны. Гуманитарные — это не просто относящиеся к социальной сфере и мышлению, а отличающиеся неточностью и многозначностью формулировок и выводов, связанной с большой ролью индивидуальности и неподчиненности закономерностям. Антропология и социология, например, должны быть отнесены к точным, поскольку они в первую очередь заняты формулированием законов на основе больших выборок материала. Наоборот, историю придется отнести к гуманитарным наукам, потому что историк заинтересован в фактах самих по себе, в их индивидуальности. Историк использует и законы, но их производство — не дело историка, а вот социолог должен добывать именно их.

Тут можно спросить: а археология по этой схеме является точной или гуманитарной наукой? Но Клейн утверждает, что задавать такой вопрос было бы ошибкой, ибо на этом пути мы немедленно окажемся в затруднении. Он полагает, что этот вопрос упирается в выяснение двух родственных положений, которые оба — под вопросом:

(А) Природа археологии определяется альтернативно ее связями либо с антропологией (соответственно с социологией или социологически ориентированной историей), либо с идиографической историей.

(Б) Эти два домена действительно суть две половины исследовательского знания: точного или гуманитарного (Klejn 2001: 35).

Положение (А) под вопросом, потому что: «история стремится понимать уникальные события и героев, тогда как археология одержима обобщениями, типификацией и ее центральное понятие — "тип"» (Ibid.). Со своей стороны «археология не может считаться такой же, как антропология, потому что система археологических данных безжизненна. Она не имеет простого и прямого соответствия с обществом, которое жило в прошлом, и с культурой, которая жила в прошлом» (Ibid.). Так обстоит дело с (А).

Но и (Б), более глубокая предпосылка, тоже не держится. Клейн предпочитает схему знаний, более похожую на те, что предложили Фрэнсис Бэкон и Огюст Конт. В них есть деление между абстрактными и конкретными дисциплинами. Однако, как будет показано, Клейн не собирается относить археологию ни к аб-

страктным, ни к конкретным дисциплинам. Он считает, что методология археологии — вообще иного сорта.

Реконструкция

Клейн полагает, что *реконструкция* — это «всеохватная задача археологии» (Klejn 2001: 384; Клейн 2004: 155). Он выступает против идеи, что это главная задача истории. Его возражение гласит: «...история не может восстанавливать исчезнувшие без остатка факты в их конкретности и уникальности...» (Klejn 2001: 37; Клейн 2004: 152). Строго говоря, история как таковая «не реконструирует, а синтезирует историческое прошлое по данным своих источников. Результат синтеза не есть реконструкция» (Ibid.). Такой акт синтеза и есть, по Клейну, центральная задача истории. Тут получается некоторое взаимоналожение с социологией, но разница в том, что история, как уже сказано, остается сфокусированной на индивидуальном.

Так что реконструкция — не задача историка, это задача археолога, ибо «в археологии к ней сводится все» (Klejn 2001: 38; Клейн 2004: 155). А именно, по Клейну, главная задача археологии — это «перевести информацию с языка вещей на язык истории, язык исторических явлений, событий и процессов» (Ibid.; Клейн 1981).

Как археолог это делает? Очевидно, прошлое не может быть просто прочтено по материальным источникам. И вот почему. Одна трудность состоит в том, что одни и те же социальные явления оставляют в разных условиях разные следы. В пример Клейн приводит пращу и лук со стрелами. Они служат одной и той же функции (Klejn 2001: 38; Клейн 2004: 156). Аналогичная трудность существует в обратном направлении: при обнаружении сожженного дома приходят на ум разные причины: естественное бедствие, преступление (поджог), война или ритуал (Ibid.).

Археолог никогда не может преодолеть эти трудности полностью, но есть простое средство, с помощью которого их можно умерить до некоторой степени:

«Исследователь ищет принадлежащие к тому же типу или похожие предметы — уже опознанные, ищет похожие комплексы, уже интерпретированные. Или пусть столь же незнакомые, но лучше сохранившиеся» (Клейн 2004: 157). «Таким образом, он обеспечивает интерпретацию с помощью сравнения по близкому сходству» (Klejn 2001: 39).

В этом фундаментальном отношении археология ориентирована на типичное, на *типологию*. Верно, иногда попадаются уникальные предметы, но они могут быть описаны способом, который делает их пригодными для типологического изучения. То есть предмет должен быть описан как состоящий из (не уникаль-

ных) частей. Когда находки классифицированы и датированы, результаты исследований археолога оказываются в состоянии, когда их может использовать историк.

Короче, археологу свойственно обобщать то, что типично. Клейну очень нравится высказывание шведского археолога Мальмера, в котором тот констатирует этот факт:

«Археологическая аргументация без типологических аргументов немислима. Стратиграфический комплекс, который показывает, что сосуд А старше сосуда Б, сам по себе не имеет никакой доказательной силы сверх того, что касается самих этих двух сосудов. Если же мы хотим свидетельство этого комплекса обобщить и сказать, что сосуды типа А старше сосудов типа Б, то мы уже обращаемся к типологическому аргументу. Ибо двух идентичных сосудов нет...» (Malmer 1962: 47; цитату см. Клейн 1991а: 84).

Теперь должно быть ясно, что, по мнению Клейна, реконструкция — а значит, и ориентация скорее на типологию, чем на индивидуальное, — составляет фундаментальное различие между методологией археолога и историка. Резюмируя:

«Археология, безусловно, связана с историей. Но связана деловыми отношениями — как партнер. В остальном они не только не идентичны друг другу, но даже не родственны. Они разной методологической природы. Если история — индивидуализирующая наука, а с учетом индивидуальности человеческих произведений — гуманитарная, то археология нет. И это кардинальное различие» (Klejn 2001: 40; Клейн 2004: 159).

Тем не менее у обеих дисциплин есть нечто общее. Оно состоит том, что, хоть ни одна из них не открывает законы (в отличие, скажем, от социологии), они обе используют законы, хотя и для разных целей.

История использует законы для объяснения фактов, тогда как археология использует законы для реконструкции. История ориентирована на объяснение, тогда как археология — на интерпретацию. Различие существенно: оно служит для категоризации археологии в отношении к другим исследовательским дисциплинам.

Криминалистика

По клейновской схеме группирования исследовательских дисциплин выходит, что археология не принадлежит ни к абстрактным, ни к конкретным наукам (которые вместе образуют фундаментальные науки), а скорее к прикладным наукам (Ibid.).

Ведь археолог, пытающийся реконструировать события прошлого по их материальным остаткам, оказы-

вается в том же положении, что и следователь (детектив), нашедший окурки на месте преступления:

«Оставлен ли этот окурки преступником, жертвой, свидетелем или случайным прохожим, не видевшим ничего? Выкурена ли сигарета в момент и на месте события, интересующего следствие, или окурки выпал из опрокинутой пепельницы, куда он попал задолго до события? Список возможных соответствий между вещами и событиями не беспределен (Так, папиросу явно не курили ни лошадь преступника ни собака следователя), но все же очень велик, и трудно гарантировать его полноту» (Klejn 2001: 24; Клейн 2004: 117).

Источники как археолога, так и следователя имеют много разных потенциальных значений, и чтобы облегчить решение проблемы, обе профессии пытаются обобщить типичное. (В этом месте читатели могут вспомнить краткую монографию Шерлока Холмса «О различии между пеплом разных видов табака». Если предпочтительнее не художественно-литературные примеры, то можно привести значение классификаций пуль и типов крови для детектива.) По наблюдению Клейна, упор на реконструкцию и типологию — значительный общий отличительный фактор как археологии, так и криминалистики, и это контрастирует с упором на объяснение и индивидуализацию в истории.

«Контраст состоит в следующем. Задача археолога — реконструировать артефакты и на простейшем уровне прошлые события. Как детектив, археолог реконструирует прошлые события. Но он не имеет глубокого интереса к причинам, по которым они возникали» (см. Клейн по Лич 2011б: 38).

Против этого наблюдения можно возразить: а разве археолог (и детектив) не спрашивают иногда «почему?» Но Клейн и не утверждает, что археолог никогда не спрашивает «почему?». А только что это не является его основной заботой.

«Верно, в работе археолога есть такой элемент — "почему", но он в конечном счете подчинен вопросу "что произошло?" Например, археолог может спрашивать, "почему этот артефакт фрагментирован таким именно образом?" или "почему этот сосуд поставлен в эту яму?" Но не "почему эта культура продвинулась в этом направлении?" Это уже вопрос преисторика или историка. Подобным же образом детектив может спрашивать "почему этот кошелек оказался в этом кармане?" но не "почему этот человек оказался вором?"» (см. Клейн по Лич 2011б: 17).

Кроме того, историк спрашивает, почему произошло то или иное событие в культурно-историческом процессе, а археолог — почему все сформировалось так

в процессе образования данного археологического источника.

«Разница, конечно, есть: детектив ограничивается патологической стороной (современной) общественной жизни, и его сведения будут использованы в судебном процессе, но в остальном его цель та же, что и археолога: "восстановить события и процессы прошлого по их материальным следам и фрагментированным остаткам"» (Klejn 2001: 40; Клейн 2004: 160).

«...в основе археология есть разновидность криминалистики» (Hroudá 1978: 15).

Клейн заметил, что археология и криминалистика не только имеют очень схожие методологии. Старшая из этих двух дисциплин, криминалистика, на деле влияла на младшую, археологию. Ряд важных методов был взят археологией из других источников: например, стратиграфия — из геологии, типология — из палеонтологии, терминология и понятие замкнутого комплекса — из нумизматики, но криминалистика также воздействовала на археологию, повлияв на формирование важных принципов. В частности, судебное вмешательство в случаях известных археологических подделок, как Глозельские артефакты и «тиара Сайтафарна», показало необходимость стандартизированного протокола на каждом этапе исследования, независимо от того, какие гипотетические интерпретации могут быть выдвинуты в каждый данный момент (Klejn 2001: 40; Клейн 2004: 160). Есть аналогия между полевым дневником археолога и записной книжкой следователя, а далее — протоколами следствия и судебного процесса. Клейн полагает не случайным, что некоторые выдающиеся археологи подвизались и в детективном жанре (Кассон, Глин Дэниел). Кстати, в недавние годы криминалистика и археология сочетались в раскопках жертв репрессий тоталитарных режимов в Белоруссии, России, бывшей Югославии и в Польше.

Пафос Клейна состоит в настоянии, что, подобно криминалистике, археология нуждается в детальной разработке собственных теорий и методов и в солидной профессиональной подготовке своих кадров, а ее пребывание во составе исторической науки препятствует этому.

«...всем понятно, что следователю необходимо овладеть методами детективной работы, прежде чем приняться за дело. Шерлок Холмс был гениальным самоучкой, но Шерлок Холмс — литературный персонаж. В реальности, как мы знаем, самоучки и недоучки, как правило, прибегают к "незаконным методам допроса" и безнадежно портят дело. В археологии — та же картина» (Клейн 2012: 6).

Взгляд Клейна на археологию как на прикладную науку, родственную криминалистике, можно представить как некоторую приверженность идее Уолтера Тэйлора:

«Археология — не более чем метод и набор специальных технических средств для сбора культурной информации. Археолог как археолог на деле не что иное, как технарь» (Taylor 1948: 44; 1967: 41). Однако Клейн оговаривает: «археология не просто метод или техника. У нее есть своя система понятий, своя теория и свои собственные принципы» (Klejn 2001: 41; Клейн 2004: 161).

Параллели и взаимодействие между двумя дисциплинами впечатляют, но надо отметить, что, хотя археология развила осознание своей истории, история криминалистики пока еще мало осознана ее практиками. Разработанная история этой дисциплины может быть интересна как детективам, так и археологам.

Краткий историографический экскурс

В печати Клейн впервые выдвинул это сравнение работы археолога с работой детектива в 1967 г. в популярной статье «Глазами Шерлока Холмса» (Клейн 1967). С тех пор он возвращался к этому сравнению с детективом много раз, и, право, он написал больше об этом сравнении, чем любой другой автор. Среди 25 афоризмов («Заповеди»), как известно, вывешенных на видном месте на стене его семинара, первым шло изречение:

«Археология — это не история, вооруженная лопатой, а детектив, в котором следователь опоздал к месту происшествия на тысячу лет. Историю напишут потом судьи. Вот и смекай, чем заняться» (Klejn 2001: 132; Клейн 2010: 625).

На Западе это сравнение делалось мимоходом во многих детективных романах и рассказах «золотого века» детектива — в 1920-х и 1930-х гг., включая произведение Агаты Кристи, которая сама участвовала в раскопках, будучи женой известного археолога сэра Мэллована. Это же сравнение было разработано также в рассказе философа и археолога Робина Дж. Коллингвуда «Кто убил Джона Доу?» и развито в его посмертной «Идее истории» (Коллингвуд 1980; см. Лич 2011а). Однако Клейн выдвинул это сравнение не под влиянием Коллингвуда. Более того, надо отметить, что в отличие от Коллингвуда он всячески старается подчеркнуть, что это скорее археолог, чем историк, похож на детектива.

Интерес к работе детектива, видимо, зародился у Клейна в 1950-е гг. в общении с братом, тогда работавшим в прокуратуре, и с его другом-следователем Иго-

рем Быховским — все трое жили в одной комнате в поселке Волосово (Клейн 2010: 79). По печатной продукции можно проследить, что аналогия с детективом занимала Клейна уже в 1960-е гг. (Клейн 1967). Разработка сходства методологии археологов и следователей была развернута в «Археологических источниках» (Клейн 1978; 1995, см. в указателе «Детективная работа археолога», «Реконструкция»). Тогда еще Клейн считал *детективную работу* частью деятельности археолога — так он называл *реконструкцию ситуаций*. Позже, особенно под влиянием собственного столкновения со следствием (обвинение и суд 1982 г. — см. Клейн 2010: 322–364), он пришел к мысли, что это сходство пронизывает всю деятельность археолога. Это отражено в «Заповедях» слушателям проблемного семинара, писавшихся с конца 1960-х по середину 1990-х гг. и напечатанных позже (Клейн 1999). В развернутом виде новое понимание изложено в статье «Методологическая природа археологии» (Клейн 1992), которая с небольшими дополнениями воспроизведена в книге «Метаархеология» (Klejn 2001: 32–41; Клейн 2004: 136–164).

В первом томе «Археологического исследования» Клейн в главе о логике археологических исследований, говоря о доказательствах и гипотезах, снова ссылается на опыт криминалистики и советует археологам почитать криминалистическую литературу (Клейн 2012: 60–61, 82–83).

Возражения и отклики

В первом томе «Археологического исследования» Клейн (2012: 6) отмечает, что, хотя сравнение с детективом он находил у очень многих археологов, понимание того, что это не просто художественный прием, а выражение сути дела, оказывается у немногих исследователей (Hroudá 1978; Elsner 1990; Leach 2008; Лич 2011a), а Лич анализировал эти мысли у Коллингвуда. Так что у Клейна есть единомышленники.

И все же, хотя на упомянутые здесь книги Клейна было много рецензий и откликов, в них обойден вопрос о методологической природе археологии и аналогии с криминалистикой. Это не значит, что с этой идеей согласны. Похоже, что археологи в массе относятся к ней с молчаливым отвержением. Молчание, возможно, обусловлено тем, что возражение очень трудно аргументировать, оно носит не столько логический, сколько эмоциональный характер. Но в интервью и отдельных выступлениях мимоходом отвержение проскальзывает.

В яростной полемике, которую в печати вели против Клейна во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг. Ю.Н. Захарук и В.Ф. Генинг, в основном обсуждался вопрос о предмете археологии, но осуждалось именно разделение с историей, так что подразумевалась и методологическая природа археологии. Матс Бюрстрём, редактор журнала «Каррент Суэдиш Археолоджи», в интервью с Клейном задавал ему ряд последовательных вопросов, явно говорящих о неприемлемости клейновской позиции:

«— Вы имеете в виду, что преистория и археология должны рассматриваться как отдельные дисциплины?

— Значит, вы отделяете изучение источников от интерпретации. Не является ли такое разделение вредным для археологии?

— Но почему нужно разделять этот непрерывный процесс изучения на две отдельные стадии, зачем разделять их на две разные дисциплины? Почему не позволить профессионалам быть одновременно археологами и преисториками?

— А ваша собственная практика — она в согласии с этой теоретической позицией?

— Если археология как дисциплина предполагает заниматься только систематизацией и классификацией археологических источников материала и не включать никаких "исторических" интерпретаций (Клейн не ограничивает археологию столь сильно!

— С.Л.), будет ли возможно мотивировать людей заниматься археологией?» (Burström 1994: 10–11).

Хотя интервьюер ограничивался вопросами, по контексту ясно, что в его сознании подразумевались его собственные отрицательные ответы. Клейн отвечал подробно и, по-видимому, убедительно, поскольку уточнения не требовались, а предлагались все новые, другие вопросы.

Постоянно возникающая трудность заключается в том, что, по мысли оппонентов, взгляд Клейна на археологическую методологию, с одной стороны, отрывает археологию от истории, а с другой — подвергает археологию к стопам истории. Клейн отвечает на это следующим образом:

«Да, я, конечно, учитываю это представление. Археологи боятся утратить престиж своей профессии. Они хотят непосредственно участвовать в решении великих проблем социологии и истории. Но не надо поддаваться метафорам. Да, археология обслуживает историю — но она не ниже ее. Украинский поэт Тарас Шевченко назвал археологию "матерью истории". Служанка или мать? Коннотации разные, а смысл тот же» (см. Клейн по Лич 2011б: 17).

Ныне многие представители «вспомогательных дисциплин» все чаще именуют свои науки «базовыми». Смысл тот же, что назвать их материнскими.

За критикой взгляда Клейна, что археология — прикладная наука, стоит также подспудное опасение, что эта концепция археологии оставляет мало места для творчества и воображения. Против этой настороженности у Клейна есть возражение, что, напротив, нередко абдукция, скачок воображения требуется в археологии. (Пример из его собственной работы —

идентификация северопричерноморских катакомбных культур как индоариев, хотя Клейн и не упоминает это в данном контексте.) Однако, по Клейну, все же археолог меньше, чем историк, нуждается в том, чтобы представлять себя на месте своих героев, в их роли и одежде.

Словом, археологи в большинстве хотят быть одновременно историками или преисториками, а многие еще и философами. Но получается это крайне редко.

Литература

- Забелин И.Е.* 1878. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. 1. Киев, 1–17.
- Клейн Л.С.* 1967. Глазами Шерлока Холмса // Знание — сила 12, 15–17.
- Клейн Л.С.* 1978. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ. 120 с.
- Клейн Л.С.* 1981. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Материалы совещания / Ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 16–18.
- Клейн Л.С.* 1991а. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С.* 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники 4, 3–12.
- Клейн Л.С.* 1992. Методологическая природа археологии // РА 4, 86–96.
- Клейн Л.С.* 1995. Археологические источники. 2-е изд., доп. СПб.: Фарн. 350 с. (Классика археологии).
- Клейн Л.С.* 1999. Заповеди участникам археологического семинара Л.С. Клейна (годы чеканки 1964–1995) // Stratum plus 3, 389.
- Клейн Л.С.* 2004. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер. 472 с.
- Клейн Л.С.* 2005. Заповеди семинару. Как писать ясно // Коршунков В.А. История древнего мира: Учебно-методический комплекс. Киров: Изд-во ВятГТУ, 105–107.
- Клейн Л.* 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С.* 2012. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк: Изд-во ДНУ. 623 с.
- Коллингвуд Р.Дж.* 1980. Идея истории. Автобиография / Пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 485 с. (Памятники исторической мысли).
- Лич С.* 2011а. Археолог и детектив: от Ленинграда до Сент-Мери Мид // РАЕ 1, 70–72.
- Лич С.* 2011б. В беседах с Л.С. Клейном (Стивен Лич) // Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.А. Лышша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск: Изд-во Уссурийского государственного педагогического института, 36–44.
- Elsner J.* 1990. Significant details: systems, certainties and the art-historian as detective // *Antiquity* 64/245, 950–952.
- Hrouda B.* 1978. Einleitung und Beweggründe // *Methoden der Archäologie* / Hrsg. B. Hrouda. München: Beck, 13–17.
- Klejn L.S.* 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity* 67/255, 339–348.
- Klejn L.S.* 1995. Prehistory and archaeology // *Whither archaeology? Papers in honour of Evzen Neustupny* / Ed. M. Kuna, N. Venclova. Praha: Institute of archaeology, 36–42.
- Klejn L.S.* 2001. Metaarchaeology. København: Munksgaard. 150 p. (*Acta Archaeologica* 72/1, suppl. III).
- Leach S.D.* 2008. The archaeologist and the detective // A paper read at the section of Histories of Archaeology Research Network, London (unprinted).
- Malmer M.P.* 1962. Jungneolithische Studien. Lund: Gleerups Forlag. 995 S. (*Acta Archaeologica Lundensia* 8/2).
- Taylor W.W.* 1948. A study of archaeology. [Menasha, Wis.]: American Anthropological Association. 256 p. (*Memoirs of the American Anthropological Association* 69).

LEO KLEJN'S PANORAMIC VIEW OF THEORETICAL ARCHAEOLOGY AS HIS WAY TO METAARCHAEOLOGY

Anna Izabella Zalewska¹, Dorota Cyngot²

Leo S. Klejn (1927–2019) is one of the most prominent thinkers who occupies a permanent place in the history of archaeological thought as one of the masters in the field of theoretical archaeology. Klejn's panoramic view of theoretical archaeology presented in his books and articles, especially in his seminal *Metaarchaeology* (Klejn 2001), is the result of a long and astute reflexive process. One of the fundamental tenets of his diagnosis of archaeology from the meta-level is the assumption that without theory "there would be no science and no scholarly study" (Ibid.: 2), although, as he accurately observed, archaeologists too often substitute simple components of theory for theory as a whole (Ibid.: 71). Klejn's vision of the nature of archaeology and the specificity of theoretical archaeology is fully and comprehensively set out in a readable but at the same time highly critical perspective in a number of his works. While we are especially able to approach his vision in his *Metaarchaeology*, it is also seen in his other works, e.g. in: *Panorama of theoretical archaeology* (Klejn 1977), *Arkheologicheskiye istochniki* [Archaeological Sources] (Клейн 1978), *Arkheologicheskaya tipologiya* [Archaeological typology] (Klejn 1982; Клейн 1991), *Phenomen sovetskoy arkheologii* [Phenomenon of Soviet Archaeology] (Клейн 1993).

Archaeology could not exist as a form of science or scholarly study without theory, and as a complex discipline obliged in its research practice to present its material and reasoning fully and with all its interconnections, there exists a body of theory (labelled by Klejn "endoarchaeological theories") that is specific to archaeology and embracing all of it. At the same time, Klejn considers in his analysis of archaeological theory that there is the necessity of reflecting on the higher theoretical level directed toward the

perfection archaeological discipline itself (which he named "metaarchaeological theories"). A third type of theory comes from the wider contexts, concepts and laws from parallel disciplines. These he labelled "paraarchaeological theories". In this article we attempt to signalise the above-mentioned and many other issues related to the legacy of the theoretical thought of Leo Klejn.

The frame for wise doubts: "...is what I am creating a theory?"

"...Is what I am creating a theory?" (cf. Klejn 2001: 66) — that question preceded one of the chapters of the crucial book *Metaarchaeology* by Leo Klejn. We suggest treating that motto as significant and symptomatic for the whole of Klejn's form of communication, saturated by countless questions. The title of the above mentioned chapter was also formulated as a question: "What is archaeological theory?" (Ibid.: 66).

Klejn's questions could of course be perceived only as a stylistic trait, the use of rhetorical questions, being figures of thoughts (*figurae sententiarum*), and as merely an effective strategy of argumentation. However, we consider that the strategy that he preferred of displaying / questioning is far more than pure rhetoric. It is, in our opinion, a way of promoting critical thinking as part of "theoretical activities" and introducing elements of assuming dialogue to mobilize the readers' attention (and win the readers' favour).

Klejn's phrasing of ideas as questions, in form of a dialogue, is also intended to persuade the readers to see the complexity of the components of the system of theory and the necessity of transforming those components "into an efficient working mechanism, into an instrument of cognition" (Ibid.: 71). This corresponds with the epistemological demand of the "logic of questions" and has serious "interrogative implications" (cf. Grobler 2006: 94–95).

He asks some questions concerning methods of their interpretation, namely: is any method or interpretation theoretical? How can we separate the history of theoretical

¹ 20-031, Poland, Lublin, Plac Marii Curie-Skłodowskiej 4. Maria Curie-Skłodowska University, Faculty of Humanities. E-mail: azalew@op.pl.

² 00-140, Poland, Warsaw, Al. Solidarności 105. Polish Academy of Sciences, Institute of Archaeology and Ethnology. E-mail: dorota@iaepan.edu.pl.

thinking from the history of archaeology in general, and from the history of discoveries, excavations, biographies of scholars (Klejn 2001: 4)? Continuing the issue: Klejn even sees it as a necessary question “whether theory in archaeology is possible at all or if archaeology is a descriptive, factographic discipline” (Ibid.: 5).

Finally, Klejn wrote that he himself became a theoretician because he had “a very strong taste for theoretical questions”. In his words, “every question, every difficulty on which [he] stumbled as an archaeologist prompted [him] to look to see if there was some general key which solved this problem as well as related and future problems” (Taylor 1993: 730).

Leo Klejn’s panoramic view of theoretical archaeology

In Leo Klejn’s understanding, archaeology is a very complex discipline obliged to present its material fully and with all its interconnections for research analysis (see Klejn 1993: 509; Taylor 1993: 729), which should deal with archaeological sources (material artefacts, things, traces) in many, but always critical and theoretically aware, ways.

Klejn declares himself as preferring a middle road — between two ways of defining the theoretical branch in any discipline: a broad one, including both philosophical problems and particular theories, and a narrow one, embracing merely the general theory of the discipline (Klejn 1977: 1; 2001: 5). This means that from

“a whole agglomerate of interconnected problems usually designated as philosophical, methodological, logical, theoretical and in part historical, <...> closely interconnected and acting under the guise of ‘theoretical archaeology’ ...”,

for Klejn, the most crucial were

“only those that were specific to archaeology and which embraced the whole of archaeology” (Klejn 2001: 5).

Leo Klejn proposed a panoramic outline of the structure of theoretical archaeology. He described the general theory as a three-part entity, consisting of theories dealing with three spheres connected with archaeology: i.e. endo-, meta- and paraarchaeological (Клейн 1991: 339; Klejn 2001: 9). The term “endoarchaeological theories” should be understood to refer to “inner” and “properly” archaeological ones — “as they are in the very kernel of our activity”, eg. theory of classification and typology, as well as theory of migration recovery (Klejn 2001: 9). “Metaarchaeological theories” — are constructs of a higher theoretical level directed “toward the archaeological discipline itself, toward its perfection. These are philosophical, cognitive and scientific problems as well as being problems of logic and psychology, so to say self-crit-

icism and self-cognition of archaeology” (Ibid.). “Paraarchaeological theories” are taken from disciplines parallel to archaeology, such as

“sociology, history, culturology, anthropology, ethnology, linguistics, geography and others, [but] nevertheless elaborate on concepts and laws which are condition sine qua non of the functioning of archaeology. Among these concepts are ‘culture’, ‘artefact’, ‘ethnos’, ‘society’, ‘epoch’, etc. These theories establish regularities of migrations, diffusions, autochthonous development, influences, borrowings, independent inventions and so on. <...> Belonging to this too are concepts of culture, material culture and historical process” (Ibid.).

Klejn declared that theoretical archaeology should be considered in this grouping. He also considered the sources of theoretical archaeology, “namely social context, demands of research practice, of the nature of archaeological record, the special character of archaeological re-creation of the past, and the development of scholarly cognition” (Klejn 1993: 508). He also discussed the limits of theoretical archaeology — “strictly connected with the discipline of archaeology itself” (Klejn 1993: 508; 2006; Taylor 1993: 729), as well as its essence — “which may be defined as theories concerning archaeologies in systemic order, i.e. the system of theory” (see Taylor 1993: 729; Klejn 2001: 66–71), its structure and how it works (Klejn 2001: 72–86), and then, finally, its functions (Ibid.: 87–100).

Leo Klejn’s thoughts on the theoretical implications of dealing with archaeological sources (Клейн 1978) and with typology (Клейн 1979; Klejn 1982; Клейн 1991; cf. Stig Sørensen 2015: 87 f.) and also on treating archaeology above all, as a source-studying discipline (Taylor 1993: 729) are for many reasons worth thorough consideration and analysis.

Metaarchaeology and the “disciplinary matrix”

Leo Klejn’s panoramic and at the same time systemic way of understanding the discipline of archaeology may justify an attempt to perceive it through the prism of ordered elements, spheres and stages of the whole scientific process. That includes looking at it as a coherent set of beliefs on the nature of the world as well as the ideas and categories constituting it. From this perspective, a useful tool to analyse such a complex theoretical proposal as Klejn’s could be the “disciplinary matrix” concept of Thomas Kuhn (1963; 1993; 1996; 2009).

At the same time we need to emphasize that Kuhn was not a favourite thinker of Klejn (Klejn 2013: 244; see also Клейн 2011). According to him, the model proposed by

that writer cannot easily be applied to archaeology. Kuhn postulates the existence of the “paradigm”, a rigid and universal system of principles and rules that appears during a “scientific revolution” and guarantees the truth without resorting to previous research and logic. This is a kind of scientific fashion. Dealing with the history of archaeological thought, Klejn noticed that archaeologists do not use this concept because there is no rigid system of principles and rules in the discipline (Клейн 1995; 2011: 28–29, 36, 334, 363). A number of such systems always compete with each other, so the archaeologist always has the possibility to choose from one of the several scientific currents to adopt (or start a new one). As Klejn highlighted, the “New Archaeology” had such an innovatory status. It was, however, internally differentiated (Клейн 2009: 60–68, 193–269), most archaeologists never joined it, and it had more critics than supporters (Ibid.: 22, 73).

What encourages us, despite such reservations, to use such a disputable conceptual tool to describe the complexity of the theoretical thought of Leo Klejn is the aim to show the enormity, complexity and significance of the legacy of his theoretical thought against the background of the principles upon which the entire discipline of archaeology is built (as perceived by Klejn, see 2001: 42–56). That we present within the framework of the notion of the “disciplinary matrix” (seen by Kuhn as the constellation of shared commitments, see Kuhn 1963; 1996).

Kuhn is treated here, as by many commentators (however not unanimously), as one of the most influential philosophers of science of the twentieth century, who attempted to explain the nature of functioning of “normal science” with its processes of crisis, revolutions, and renewal, as well as the birth of a mature science. What we find also encouraging is the attempt to use Kuhnian paradigmatic matrix as a conceptual tool in the field of historiography, where outgoing models (biographical and concerning researched subject matter) were presumed insufficient. Even the way of conceptualizing the subject matter — by modelling — was recognized as paradigmatic, in one of possible meanings of the word (Pomorski 1987: 81–87). What makes the analysis worth attempting is the observation, that — according to Kuhn — paradigms function silently (Kuhn 2009: 316, 324–335).

While being aware of several problems connected with Kuhn's model of scientific development, we suggest that even if the “disciplinary matrix” cannot be fully filled with the categories elaborated in Klejn's panoramic view on theoretical archaeology and as such cannot be used as a guide for generating “completely complex” paradigm for theoretical archaeology — we propose to treat the Kuhnian

matrix as a handy heuristic device for the analysis of the discipline *in statu nascendi*.

In the *Postscript* to the second edition of *The Structure of Scientific Revolutions*, Thomas Kuhn proposed two analytical categories: “exemplars” and “disciplinary matrices” (see Kuhn 1963 and the following editions). These cover: 1) “symbolic generalizations” — expressions deployed without question or dissent by group members; 2) “commitments to certain models”, heuristic and ontological which provide the group with certain preferred or permissible analogies and metaphors; 3) “shared values” — important determinants for the group behaviour in the field of its scientific activities.

Such a proposal was Kuhn's reaction to the ambiguity of the terms “theory” and “paradigm” being challenged. While Kuhn's model of scientific development has been the object of criticism (and some scholars treat his ideas as outmoded), we found the results of the application of Kuhn's “disciplinary matrix” a useful means to diagnose the complexity of advanced scientific concepts, including especially Klejn's panoramic view of archaeological theory. The more so that in archaeology one cannot definitely speak of agreement on what should be understood by “theory in archaeology” or / and “theoretical archaeology” (see e.g. the debate by Leo Klejn with Matthew Johnson, cf. Johnson 1999; Klejn 2006).

In Leo Klejn's vision of theoretical archaeology, “symbolic generalizations” are laid out quite explicitly and systematically. The first component of the description of a particular discipline, including “tasks of cognition” as well as “aspects of consideration”, problems of object matter and subject matter, i.e. ontological and epistemological approach (Klejn 2001: 12; IV) includes the description of the conditions of distinctiveness of a discipline.

According to Klejn, the subject matter of any discipline, being condition of its distinctiveness, is determined by the nature of its sources, methods of research and its systemic unity with the aims of cognition (Ibid.: 13). He defines archaeology as a source-studying, “methodologically independent and a particular social-historical discipline” (Ibid.: 17). This is constrained by the two main characteristics of archaeological sources: materiality and fading twice into oblivion (threshold of comprehension / threshold of oblivion), which is crucial for determining limits, the methods of research and the manner of interpretation in archaeology. At the same time — as a discipline aspiring to be scientific one — archaeology has a strong need for theory. The theory should serve practice, and problems originating in archaeological practice are the cause of a search for better theoretical propositions, applicable in general and in details to the evidence recognized as archaeological.

So, the subject matter of ‘theoretical archaeology’ is — in Klejn’s words:

“a cluster of closely interrelated problems having a general archaeological character and usually designated as philosophical, methodological, logical, and theoretical, including, in part, historiographical ones” (Klejн 1977: 1).

It encompasses a complex of interdependent problems of different hierarchy and ranges called in other terminological systems for example: “the philosophy of science”, “epistemology of science”, “logic of science”, “methodology”, “general theory”, “central theory”, “theory and method” (Ibid.), or “the logical structure of scientific constructions in archaeology”, “the theory of processing of archaeological data” (Klejн 2001: 5).

As the discipline of archaeology is determined by the uniqueness of archaeological sources, its main ordering and interpretative categories are driven by the nature of archaeological sources (Ibid.: 35). Theory should serve the practice, and problems originating in practice should be perceived as causes for searching for some theoretical propositions (Ibid.: 22).

As a consequence, the notion of “type” has a special role for Klejn. For him it is one of the central concepts of archaeology, necessary for processing, scientific description and interpretation of archaeological material (Ibid.: 35). This is clearly visible in his several works, where he deals with type as a term, notion, definition and idea (Клейн 1979; Klejn 1982; Клейн 1991; Klejn 2001). Klejn analyses “types” at three levels (concerning cognition, representation and content) and from different points of view: level of abstraction, level of complexity of analysed features, operations needed for structuring of archaeological objects (Клейн 1991: 338–395; see also Minta-Tworzowska 1994; 2016: 346).

Klejн’s concepts and formulas as components of archaeological thinking

According to Leo Klejn, one of the basic concepts for archaeological thinking is the sequence of diagnostic possibilities of archaeological sources: from “dead material culture” *via* “dying” to “living material culture”. Also of importance are the stages of oblivion: the so-called “double break” involves the necessity to decode the source (Klejн 2001: 27–29). As a result: “Archaeological sources differ from other material sources by their antiquity, and from other ancient ones by their materiality” (Ibid.: 29). Fragmentation and lack of social-historical context of sources are considered as well (Клейн 1978; Klejn 2001: 26–29). Those features were precisely defined and illustrated by

sophisticated figures and diagrams (see especially Klejn 2001).

Approaching the subject of “common convictions” indicated by Kuhn, as the crucial components of scientific processes, we must specify that the convictions presented by Klejn in his works are convictions and are general, but they are not commonly shared within the scientific community. They are postulated with full conviction at least by Leo Klejn. However there are some unanimous “metaphysical assumptions” exposed also by Klejn: generally, the all-embracing task in archaeology is “to convert information from the language of things into the language of historical phenomena, events and processes”, while the relationships are not unambiguous (Ibid.: 38).

Completing his set of basic archaeological principles, Leo Klejn consulted plenty of archaeological works, paying special attention to those proposed by Christopher Hawkes (1957) and Robert Dunnell (1978). This overview is of panoramic character, and covers many ideas of different philosophical or ideological background (Klejн 2001: 42–56). With regard to these principles, Klejn asks a major question: “Is the axiomatisation of archaeology possible”? This is followed by another one: “How many and what principles build the basis for archaeological interpretation and make it explicitly reliable”? (Ibid.: 43). What he sees as crucial are just principles of interpretation. Although they have been called into question, six of them appeared to him to be generally accepted as fundamental for archaeology. These are (Ibid.: 47–52): determinism (laws, regularities), universalism (unity of human nature), uniformitarianism (actualism), systemic order in culture (interrelationships of all elements of a culture), material/ non-material correlation (between a material object and its sociocultural status), fundamental sufficiency of data (possibility to reconstruct and interpret the past world).

Leo Klejn’s systemic solution for each of these principles is as simple as it is intelligent: he proposed a dialectic view of the principles of archaeology presenting opposed pairs of concepts such as the following (Ibid.: 53–56, also Fig. 9 there): 1 — determinism vs. indeterminism; 2 — universalism vs. individualization; 3 — material things seen as unequivocal correlates of non-material events and ideas vs. polysemism; 4 — uniformitarianism vs. historicism; 5 — systemic order in culture vs. irregularity; 6 — fundamental sufficiency, completeness of archaeological data vs. initial incompleteness of data.

This concept gave dynamics and logic space to the set of fundamental principles in archaeology making them not oversimplified and “closer to human thinking, partly intuitive, but also plastic and very rich in ideas, and less like the

strict and rigid logic of computer" (Ibid.: 56). They thus, one may assume, come closer to the past social reality.

In Klejn's opinion, the status of archaeology is like this:

"Universal laws are inessential, while essential laws not universal. Data are always terribly incomplete, and meaning is hidden which must be deciphered. So it is impossible to avoid contradictions in the basis of archaeology" (Ibid.: 55).

Klejn's view of the specificity of archaeological theory

Klejn situates archaeology between different disciplines indicating it as one of applied sciences, as opposed to fundamental ones, i.e. abstract and concrete (Ibid.: 36). The specificity of the discipline is conditioned by heuristic directions which determine the properties of the analysed material, the aims of study, and the place of the discipline in the system of knowledge (Ibid.: 32–34, also Fig. 4 there). For Klejn, under some conditions, "archaeology, by its methodological nature is either a science or a humanity. Or even art" (Ibid.: 34–35). Klejn stresses that archaeology cannot be considered as anthropology or sociology, because it reveals regularities, not equivalent to laws observed in living societies; it cannot be considered as history (or pre-history), because of different aims — it concerns generalizations, typification, not unique events (Ibid.: 35).

According to Klejn, theory functions in a transitive, meditative way and is placed in the middle as the notions are arranged in a circle-like scheme (Ibid.: 70, Fig. 10). Such a position underlines the functions of archaeological theory: identificative, integrative, selective, descriptive, systematizing, explanatory, predictive, instrumental, providing heuristic control, synthesizing and finally enlightening (Ibid.: 87–100).

It is worth emphasizing that Klejn presented an array of notions concerning the idea of theoretical archaeology, and added his critical remarks which concern each of them (Ibid.: 66–68): — the "ordered totality of facts" (which according to him is impossible for non-empiricists to accept); — the ordered totality of concepts (according to Klejn, concepts themselves do not constitute theory while they may be just generalizations; so concepts should be interdependent); — systems of laws (it is necessary to differentiate between laws as observed regularities and laws formed by theory to interpret observations); — a set of interconnected methods (it is only a set of procedures; the methodological apparatus should be inferred from theory); — the projection of philosophical theory (it is reduction of theoretical work to an arrangement of the materials according to general schemes set; for example Marxism).

The "modules", "patterns" and "norms", which constitute the "paradigmatic matrix", as postulated by Thomas Kuhn, do not occur as separate (simply articulated) qualities in Leo Klejn's proposals, but they can be pointed out as interconnected elements of his "theoretical system". Klejn gives for example a number of "principles" that are opposite to the notions of "theory", and form pairs of opposite "modules" such as (Ibid.: 69–71): practice — speculation; method — empirics; hypothesis — fact; metatheory — object.

Since according to Kuhn's disciplinary matrix, "shared and preferable terms" should also be perceived as significant, it is worth noting how Leo Klejn considers the role of language of theory (and notices its political/ ideological, aesthetical and ethical dimensions). Klejn seems to invest a lot of effort in ensuring the accuracy and adequacy of his communications. An example can be seen in his *Terminological Dictionary* (part of the book *Arkheologicheskaya tipologia* [Archaeological Theory]), containing e.g. semiotic notions of metaarchaeology, some of the main archaeological notions, labels for archaeological objects and for their characteristics, general notions, all of them ordered by groups, supplied with short definitions and with diagrams (Клейн 1991). Among other things, it is an attempt to create a common system of notions and terms and contains labels for archaeological objects and their groups. He devoted a whole chapter of *Soviet archaeology* (Клейн 1993) to the art of reading between the lines, describing the efforts of archaeologists to convey messages in contradiction to official ideology (cf. Härke 2000: 34).

The possibilities of explanation and historical cognition, a category of interpretation, are understood as an indirect reflection, outstretched in time and reflected by the conscience of observers, informants and historians, creating a real chain of interpreters of the past, and images that are "more or less near to real prototypes and can be absolutely distorted and complete fantasy" (Klejn 2001: 22).

For those archaeologists who are interested in theory, Leo Klejn's considerations of the language of science should be of great importance. The more so that the subject matter is ambiguous, not easy and far from everyday experience. Klejn considered it important to differentiate between the terms of theoretical archaeology and loose wording, especially because the border between them is not quite clear also in other disciplines. He identifies in archaeology examples of "science-like language", such as: circular chains of labels, pretentiousness, banality decorated with terms taken from other languages (Greek roots, English accent, German syntax), all of these are used and often misused for description of simple notions (Клейн 1978: 115), the use of such means of expression has both linguistic significance as well as its intellectual consequences.

Remembering the linguistic education of Leo Klejn in the formalistic school of Vladimir Propp, we understand better how important language in all possible dimensions was for him. This is clearly visible in all of his works, written elegantly and clearly, precisely and consciously, with several examples of play on words, and use of universal maxims, sometimes jokingly, sometimes with annoyance, never indifferently or superficially.

In his writings, the mentioned categories are precisely defined, with proceeding critical (both positive and negative) references to the terminology of other authors. His general precision in expressing himself did not prevent Leo Klejn from using figurative language, also accurate and simple to memorize. We can give as examples such phrases as his use of metaphors describing archaeological sources, they are “a periscope-like dive into the past”, a “complicated periscope consisting of a system of mirrors”: straight, concave, convex, bizarrely distorted, and different filters — rotating, opaque, coloured etc. (Klejn 2001: 23). Another example concerning the comprehension of the sense of “double-isolated” sources, as “a bridge to be built from the known to the unknown” (Ibid.: 30), is very impressive. We may also mention a maxim, almost biblical in tone, against empiricism: “who sows Hyperscepticism, harvests empiricism” (Ibid.: 57).

The most ambiguous and unclear part of Kuhn’s exposition of his matrix provokes a question about the shared values and attitudes, which Klejn potentially presents as worth sharing among theoreticians of archaeology. We point here only to three of them which are strongly entangled: firstly, distance to relativism — for serious, as well as axiological and epistemological reasons — Klejn describes himself as “very sensitive to toying with relativism”. He perceived Western thought as moving too far towards relativistic ideas (after Taylor 1993: 734; see also Binford 1989).

Secondly, professionalism — Klejn wants to establish archaeology as a profession and the archaeologist as a professional (Klejn 2001: 23, 89). Thirdly, a serious attitude and systemic approach to complex archaeological problems. In numerous reviews, discussions and interviews, Klejn presented many intellectually and emotionally engaged opinions. For example, he noticed “the intense conflicts and passions which arise when man studies man” (Klejn 1977: 24).

Theoretical problems as the real scientific problems

From analysing the concept of theoretical archaeology as it was presented by Leo Klejn in his stimulating books

and comments characterised by in-depth reflection, and the way Thomas Kuhn understands the “paradigm” (and especially “disciplinary matrix”), it can be concluded that there is some intellectual connection between both those great thinkers — perceived here as guides (in Russian — *путеводителю*) in theoretical considerations.

On the general level, they both talk about standards for programs of information processing based on a particular explanatory idea. For both of them, theoretical problems are the real scientific problems — Klejn even stresses the necessity of isolating them as an “autonomous branch of archaeology”. In 2004 he wrote a chapter: *Theoretical archaeology as an autonomous branch* [*Teorieticheskaya arkhologia kak avtonomnaya otrasl'*] (Клейн 2004: 22–30). The main difference however is that, while Kuhn is talking about a paradigm, he points out the accepted examples of actual scientific practices, while Klejn, when writing about theoretical archaeology, points to the expected examples of actual scientific practices of archaeology.

Our main qualm is whether Klejn’s positioning of theoretical archaeology and his demarcation of the range of archaeology can be seen as the starting point for a higher appreciation the status of theory among archaeologists and a stimulus for transdisciplinary collaboration, or rather as an obstacle. We find problematic his demarcation of an expert field (theoretical archaeology) and the way he establishes the scope of archaeological studies (derived from his understanding of the archaeological source). In his demarcation, Klejn stresses mainly practical arguments. Firstly, as Klejn verbalized it, only a few archaeologists will be able to succeed in both theoretical and practical fields (Klejn 2001: 2). Secondly, the theoretician needs keen abilities (in establishing distant associations, systematizations, good articulation of ideas, etc.) and knowledge (philosophy, logic, social sciences in general). Thirdly, the very specific and separate procedures of processing information and those of synthesis in archaeology force Klejn to avoid any traps of a “merged discipline” (Ibid.: 14–15); also, from one side processing of sources and from the second one searching for laws or regularities. According to Klejn,

“with the development of source-studying, the drive becomes stronger to admit that the processing of sources is quite a complicated business and strikingly different to the procedure of synthesis. If so, the processing of sources, both the written and especially the archaeological sources, must be separated into special disciplines. Here, only the role of the source-studying discipline, the handmaiden of history, remains as a part of archaeology” (Ibid.: 15).

So, uniqueness and importance are seen by Klein as the nexus of archaeology’s identity. He stresses that those

features must be seen as the results of the specificity of the nature of archaeological evidence.

For Leo Klejn from his theoretical perspective in all spheres of archaeological research, wherever the need arises for justifications of models, patterns, specimens, authorities etc., other than by purely archaeological interpretations, that is where archaeology ends. The extent of archaeology is as far as that and no further. But then, should such an approach surprise us in the case of such an intellectualist and individualist as Leo Klejn was?

Closing remarks

Leo Klejn made great efforts to build as complete a picture of theoretical archaeology as possible. This is well expressed by the term “panorama” so aptly chosen by Klejn himself. Also of a panoramic nature are Leo Klejn's analyses of all the elements and factors that he proposed as the main notions or principles and patterns of proceeding in archaeology, shown with their inner dialectical dynamics. An effort to show the whole possible array of views and positions on the analysed theme seems to be a commendable, distinguishing feature of Leo Klejn's work, which we could call his “panoramic view”.

Having a full, panoramic and critical view of the *status quo* of the discipline, Klejn searched for a place for theory in archaeology and he found it in the centre, between antagonistic, contradictory solutions. In a similar way, Leo Klejn indicated his own position in relation to different research schools — by saying “As for myself, I have chosen the middle of the road” (Ibid.: 5, see also p. 16).

More fully exploring and debating Klejn's many ideas, including ones not discussed here, can possibly call into question what has so far seemed an obvious relationship not only between Klejn and Kuhn, not only between archaeology and theoretical archaeology but also between Klejn's theoretical archaeology and other theoretical archaeologies. A complex and systemic understanding of theoretical archaeology as presented by Leo Klejn, even if disputable, can be the starting point for selecting “pre-requisites” for theoretical archaeology and for revising the “sample space” of archaeology (Tabaczyński, Zalewska 2012: 17, 24–27; Cyngot, Zalewska 2015: 209).

The results of an analysis of the theoretical system of Leo Klejn using the conceptual tool of Thomas Kuhn (with his concept of paradigm, matrices) can bring us closer to the ideas of Klejn's theoretical archaeology. The completeness, complexity and interrelations between elements of Klejn's concept enable the conclusion that it would be difficult to indicate any “community of agreement” under the label of “theoretical archaeology” which could fulfil the

standards of “normal science”. According to Kuhn, “normal science” succeeds in making progress only if there is a strong commitment by the relevant scientific community to their shared theoretical beliefs, values, instruments and techniques, and even metaphysics. But, even in terms of potentiality, it is easier to feel committed to something, which is at least ordered or even structuralized, even if deficiently. And here Klejn's panoramic view seems to us very helpful.

Analyzing works of many archaeologists, Leo Klejn gives not only their views on themes under discussion but also indicates often their scientific origins in terms of schools, namely their masters, e.g. “his [Kluckhohn's] pupil Walter Taylor”, “his [Binford's] disciple James Hill” (Klejn 2001: 59), “Binford's teacher Albert Spaulding” (Ibid.: 61), “Binford recounted a remark by his teacher Leslie White” (Ibid.: 67). He analyses also such data as the percentage of quotations of “atheoretical” and “theoretically inclined” archaeologists in America (after Ezra Zubrov) and in Britain (after Julian Thomas) in the time of domination of the New Archaeology to determine the place of theory among archaeologists (Ibid.: 60). Maybe he uses ideas and categories, in the same way as Kuhn does (i.e. schools, publications, common views, etc. factors of “sociology of knowledge”)?

In our opinion, Leo Klejn's theoretical proposals enrich the concept of archaeology as such. Klejn's ideas can be seen as a necessary tool kit useful in completing the panorama of paradigms functioning in archaeology in the past and currently, including its parallel tracks and divergences. From our perspective this is clearly visible in Polish archaeological literature (e.g. articles in multi-author volume *Teoria i praktyka badań archeologicznych* [Theory and practice of archaeological research], vol. I: 1986; Tabaczyński 1987; 2012a; 2012b; 2015; Mamzer 2004; 2006; Cyngot, Zalewska 2012: 197; Słowikowski 2012; Minta-Tworzowska 2016; Zalewska 2016), and last but not least — in the volume dedicated to Leo Klejn: *The Archaeologist: Detective and Thinker* (Barford 2004; Tabaczyński 2004). What is worth noting, Polish theoretical thought in the field of archaeology was known and appreciated by Klejn himself (e.g. Klejn 2013).

We dedicate the above considerations to the memory of the late Leo Klejn, master of theoretical problems seen from the meta-level, eminent guide through the maze of theoretical archaeology problems. We do so with the hope, that he will remain and / or will become for many a leader (and his outstanding works will stay a must-read mandatory items) for all archaeologists, not just those with theoretical inclinations.

English proofreading by Paul M. Barford

References Cite

- Barford P.M.* 2004. Polish archaeology and Marxism: just a passing phase? // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалев, О.А. Щеглова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 182–197.
- Binford L.R.* 1989. Data, relativism, and archaeological science // *Debating archaeology* / Ed. L.R. Binford. San Diego: Academic Press, 55–57.
- Cyngot D., Zalewska A.* 2012. Zmienność i dynamiczność podziałów tematycznych w archeologii. Wprowadzenie // *Przeszość społeczna. Próba konceptualizacji* / Eds S. Tabaczyński et al. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 193–206.
- Cyngot D., Zalewska A.* 2015. O kluczowych dla archeologii zagadnieniach i terminach. W dialogu ze Stanisławem Tabaczyńskim // *Archeologia Polski* 60/1–2, 207–227.
- Dunnell R.C.* 1978. Archaeological potential of anthropological and scientific models of function // *Archaeological essays in honor of Irving Rouse* / Eds R.C. Dunnell, E.S. Hall. The Hague, Paris & New York: Mouton Publs., 41–73.
- Grobler A.* 2006. Metodologia nauk (Methodology of sciences). Kraków: Wyd. Aureus / Znak. 344 s.
- Hawkes C.F.C.* 1957. Archaeology as science: purposes and pitfalls // *Archaeological Newsletter* 6/4, 93–100.
- Härke H. (Ed.) 2000. *Archaeology, Ideology and Society: The German Experience*. Bern; Frankfurt am Main: Peter Lang. 590 p. (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel 7).
- Johnson M.* 1999. *Archaeological Theory: an introduction*. Oxford: Blackwell. 328 p.
- Klejn L.S.* 1977. A Panorama of theoretical archaeology // *Current Anthropology* 18/1, 1–42.
- Klejn L.S.* 1982. *Archaeological typology*. London: Oxford. 322 p. (BAR. International Series 153).
- Klejn L.S.* 1993. It's Difficult to be a God // *Current Anthropology* 34/4, 508–511.
- Klejn L.S.* 2001. Metaarchaeology. København: Munksgaard. 150 p. (Acta Archaeologica 72/1, suppl. III).
- Klejn L.S.* 2006. Neither archaeology nor theory: a critique of Johnson // *Antiquity* 80, 435–443.
- Klejn L.S.* 2013. Teoretyczna orientacja polskiej archeologii // *Przegląd Archeologiczny* 61, 243–248.
- Kuhn T.S.* 1963. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press. 264 p.
- Kuhn T.S.* 1993. Metaphor in science // *Metaphor and Thought* / Ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 533–542.
- Kuhn T.S.* 1996. *The Structure of Scientific Revolutions*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press. 212 p.
- Kuhn T.S.* 2009. *Struktura rewolucji naukowych*. Transl. H. Ostromęcka, J. Nowotniak. Warszawa: Fundacja Aletheia. 356 s.
- Mamzer H.* 2004. *Archeologia i dyskurs. Rozważania metaarcheologiczne*. Poznań: Instytut Archeologii i Etnologii PAN. 279 s.
- Mamzer H.* 2006. From a metaarchaeological point of view // *Archeologia Polona* 44. Special theme: Archaeology — anthropology — history. Parallel tracks and divergences [Eds of the vol. D. Cyngot, S. Tabaczyński, A. Zalewska. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology], 65–71.
- Minta-Tworzowska D.* 1994. *Klasyfikacja w archeologii jako sposób wyrażania wyników badań, hipotez oraz teorii archeologicznych*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza. 226 s.
- Minta-Tworzowska D.* 2016. Teoria archeologii w ujęciu Lwa Samujłowicza Klejna na tle naukowej biografii // *Folia Praehistorica Posnaniensia* XXI, 339–354.
- Pomorski J.* 1987. Paradygmaticzna struktura historiografii (Paradigmatic structure of historiography) // *Przegląd Humanistyczny* 10, 77–101.
- Słowikowski A.* 2012. Metaarcheologia jako immanentna filozofia archeologii // *Przeszość społeczna. Próba konceptualizacji* / Eds S. Tabaczyński et al. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1083–1086.
- Stig Sørensen M.L.* 2015. “Paradigm lost” — on the State of Typology within Archaeological Theory // *Paradigm Found. Archaeological Theory: Present Past and Future. Essays in Honour of Evžen Neustupný* / Eds K. Kristiansen, L. Šmejda, J. Turek. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 84–94.
- Tabaczyński S.* 1986. *Archeologia średniowieczna. Problemy. Źródła. Metody. Cele badawcze* (Medieval archaeology. Problems, Sources. Methods. Tasks of research). Wrocław; Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź: Ossolineum. 274 p.
- Tabaczyński S.* 2004. Coconstructing the past: The cognitive status of archaeological evidence // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалев, О.А. Щеглова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 105–113.
- Tabaczyński S.* 2012a. *Kultura i kultury* // *Przeszość społeczna. Próba konceptualizacji* / Eds S. Tabaczyński et al. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 571–604.

- Tabaczyński S. 2012b. Socjologia pradziejów. Zarys problematyki // Przeszość społeczna. Próba konceptualizacji / Eds S. Tabaczyński et al. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 732–769.
- Tabaczyński S. 2015. The 'Annales' School, 'la nouvelle histoire' and Polish Archaeology // Paradigm Found. Archaeological Theory: Present Past and Future. Essays in Honour of Evžen Neustupný / Eds K. Kristiansen, L. Šmejda, J. Turek. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 108–123.
- Tabaczyński S., Zalewska A. 2012. Ku istotnościowej koncepcji źródła archeologicznego. Uwagi na temat aktualnej kondycji myśli teoretycznej w badaniu przeszłości społecznej. Wprowadzenie // Przeszość społeczna. Próba konceptualizacji / Eds S. Tabaczyński et al. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 17–28.
- Taylor T. 1993. Conversations with Leo Klejn // *Current Anthropology* 34/5, 723–735.
- Teoria i praktyka badań archeologicznych [Theory and practice of archaeological research]. 1986 / Eds W. Hensel, G. Donato, S. Tabaczyński. Przesłanki metodologiczne I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź: Ossolineum. 412 s.
- Zalewska A.I. 2016. Archeologia czasów współczesnych w Polsce. Tu i teraz // Archeologia współczesności / Ed. A.I. Zalewska. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 21–39.
- Клейн Л.С. 1978. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ. 120 с.
- Клейн Л.С. 1979. Понятие типа в современной археологии. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках // Типы в культуре / Отв. ред. Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 50–74.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л.С. 1995. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. Рец. на: Г.С. Лебедев. История отечественной археологии 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992 // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 173–183.
- Клейн Л.С. 2004. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. I: Метаархеология. СПб.: Бельведер. 472 с.
- Клейн Л.С. 2009. Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Изд-во ДНУ. 394 с. (Теоретическая археология 1).
- Клейн Л.С. 2011. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 + 626 с.

Leo Klejn's panoramic view of theoretical archaeology as his way to metaarchaeology

Anna Izabella Zalewska, Dorota Cyngot

Leo S. Klejn (1927–2019) is obviously one of the most prominent thinkers who, due to his eminent contributions to the field of theoretical archaeology, has a permanent place in the history of archaeological thought. Klejn's panoramic view of theoretical archaeology presented in his books and articles, especially in his seminal book *Metaarchaeology*, is the result of a long and astute reflexive process. One of the fundamental tenets of Klejn's view is that there can be no science and no scholarly study without theory. He postulated that archaeology, as a complex discipline that is obliged to present its material fully and with all its interconnections, needs certain "endoarchaeological theories" specific to the discipline and encompassing all of it. Klejn also stressed the necessity of reflecting on the higher theoretical level directed toward the perfection of the archaeological discipline itself. He named such reflection "metaarchaeological theories". They cover the philosophical, cognitive, scientific, logical and psychological problems that would enable self-criticism and the self-cognition of archaeology. In his theoretical

reflection, Klejn did not omit to include the wider contexts such as the concepts of culture, material culture and historical process, proving how important are concepts and laws taken from parallel disciplines that are a *sine qua non* condition of the functioning of archaeology, such as sociology, history, culturology, anthropology, ethnology, linguistics, geography and others. He named these "paraarchaeological theories". This article discusses the above-mentioned issues and many others related to the legacy of the theoretical thought of Leo Klejn. To describe the vastness, complexity and significance of that legacy, it is presented via the frame of the Kuhnian "disciplinary matrix" treated as a handy heuristic device to analyse advanced scientific concepts. The authors hope that by such a presentation of Klejn's theoretical legacy, it will become obvious to many readers, not just those with theoretical leanings, that it provides a fundamental and useful guide through the maze of theoretical archaeological issues. This legacy, both complex and valuable, deserves to become part of wider archaeological thought.

Панорамное видение теоретической археологии Льва Клейна как его путь к метаархеологии

Анна Изабелла Залевска, Дорота Цынгот

Лев Самуилович Клейн (1927–2019), безусловно, является одним из самых выдающихся мыслителей, который навсегда вошел в историю археологической мысли как непревзойденный специалист в области теоретической археологии. Широкий охват всех областей теоретической археологии, представленный в книгах и статьях Льва Клейна, особенно в его новаторской книге «Метаархеология», является результатом длительного тонкого и глубокого исследования. В основе концепций Льва Клейна лежит предположение, что без теории не может быть науки и научного исследования и что археология как сложная дисциплина, которая должна представлять свой материал в полном объеме со всеми его взаимосвязями, для исследовательского анализа требует всеобъемлющих, специфических для археологии, собственных теорий, обозначенных Клейном «эндоархеологическими теориями». Он также подчеркнул необходимость построений, основанных на более высоком теоретическом уровне, направленном на совершенствование самой археологической процедуры. Такое исследование философских, когнитивных, научных, логических и психологических проблем, которые могут привести к внутренней критике и самопознанию в археологии, он назвал «ме-

таархеологическими теориями». В своих теоретических построениях Лев Клейн затронул и более широкие проблемы концепции культуры, материальной культуры и исторического процесса, доказывая, насколько важны понятия и законы смежных дисциплин, таких как социология, история, культурология, антропология, этнология, лингвистика, география и другие, являющихся неперенным условием функционирования археологии. Он назвал это «параархеологическими теориями». В статье отмечены упомянутые выше и многие другие вопросы, связанные с наследием теоретической мысли Льва Клейна. Для того чтобы показать грандиозность, сложность и значимость этого наследия, оно представлено в рамках «дисциплинарной матрицы Куна», используемой как удобный эвристический инструмент для анализа передовых научных концепций. Авторы надеются, что обзор этого наследия как сложного и многообразного, ценного и необходимого для археологического знания для многих читателей (а не только для тех, кто обладает теоретическим мышлением) ясно представит теоретическое наследие Клейна как действительно необходимое и ценное руководство в многообразии проблем теоретической археологии.

ТЕОРИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ, ПРОЦЕДУРЫ И ПРИНЦИПЫ

Е.М. Колпаков¹

Теория

Л.С. Клейн четко различает археологическую теорию (инструмент исследования) и теоретическую археологию — совокупность применений этого инструмента в науке (Клейн 1978а; 1978б; 1979; 1980; 1999; см. обобщенно Klejn 2001; Клейн 2004).

Структура теоретической археологии

По Клейну, три вида археологических теорий составляют теоретическую археологию (Клейн 2004: 36–42).

Эндoarхеологические теории (внутренне археологические, собственно археологические) имеют дело с археологическим материалом и призваны дать идеи для его обработки, для истолкования, для извлечения из него исторической информации. К ним и принадлежит теория классификации и типологии.

Метархеологические теории нацелены на саму археологическую науку, на ее усовершенствование. Это, так сказать, археологическая рефлексия, самокритика и самопознание археологии. Сюда относится определение предмета археологии, ее методологической природы, ее значения, характера ее фактов, да и самой ее теории.

Параархеологические теории развиваются в основном в других науках: социологии, истории, культурологии, антропологии, этнологии, лингвистике, географии и т.д., но разрабатывают понятия и законы, без которых невозможно функционирование археологии. В числе этих понятий «культура», «артефакт», «этнос», «общество», «эпоха» и др. Эти теории устанавливают закономерности миграций, диффузии, признаки автохтонного развития, влияний, заимствований, независимых инвенций и т.п.

Функции археологической теории

(Там же: 290–320)

1. **Опознавательная** — самое общее отграничение материалов для исследования, да и подход к ним, короче — определение предмета и целей археологии.

2. **Интегративная** — обеспечение единства археологии.

3. **Селективная** — после распознавания археологических материалов выбор и отбор материалов для каждого конкретного исследования производится соответственно теоретической установке.

4. **Дескриптивная** — описание представляет собой перевод информации о материале в знаковую систему для фиксации, хранения, переработки и передачи. Но исходным пунктом для опоры описания на теорию является то, что к тому времени, когда научное описание начнется, язык для него уже должен существовать.

5. **Систематизирующая** — всякое описание не только обобщает, но и подводит материал под категории, приведенные в некоторую систему. Строгое взаимосоогласование и соподчинение этих категорий в соответствии со спецификой материала и задачами исследования создает научную схему упорядочения.

6. **Объяснительная** — в исследовательской процедуре археологии это задача *культурно-исторической интерпретации* памятников, которая сродни задачам перевода с одного языка на другой, а также (в другой своей части) задачам детектива. В применении к собственно археологии *объяснительная* функция оказывается функцией *интерпретационной*.

7. **Предсказательная** — в археологии выступает как *реконструктивная*.

8. **Инструментальная** — оборачиваемость теории методом.

9. **Эвристическая** — в очень большой мере *теория порождает теорию*; новая теория происходит из преобразования старых теорий.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. Адрес электронной почты: eugenkolp@yandex.ru.

10. **Контрольная** — пока доверие к данной теории не подорвано, пока ее основания широки и устойчивы, она служит критерием для *проверки новых фактов и новых законов*. Теория выступает как критерий научности новых открытий и направлений в археологии. Более того, как бы теории ни противоречили друг другу, они все же образуют некий *теоретический фонд* в виде вложений разных теорий в *теоретическую картину мира*, на соответствие которой мы проверяем новые открытия.

11. **Синтезирующая** — всякая теория *синтезирует* материал — конденсирует эмпирическую информацию и упрощает ее мозаику. Тенденция к принципиальной простоте выражается в том, что теория стремится объяснить как можно более широкий круг явлений из как можно меньшего числа предпосылок. Новая теория должна показать свое преимущество именно в том, что она *объясняет, и те явления, которые прежняя объяснить не могла*.

12. **Осветительная** — теория, разворачивая перед исследователем схему соотношений в его материале и схему устройства его собственного инструментария, определяя цели и задачи, освещает ему пути продвижения и участок для работы. «Теория подобна вышке, на которой устанавливают прожектора, освещающие площадку строительного участка» (Регирер 1966: 101).

Механизм археологического познания

Есть основания понимать **археологию** как науку, *добывающую и обрабатывающую материальные древности в качестве источников информации об историческом прошлом*. В задачу археологии входит *историческая интерпретация археологических материалов*, т. е. *опознавание по следам и остаткам и реконструкция вещей, исторических событий, процессов и культурных явлений далекого прошлого*, тогда как каузальную связь между ними устанавливает уже история (Клейн 1978а: 3–40; 2004: 262).

Археология принадлежит к группе прикладных наук (Клейн 2004: 161). Коль скоро археология — источниковедческая наука, а археологические источники — это древние вещи и комплексы вещей, то ее задача — перевести информацию с языка вещей на язык истории, язык исторических явлений, событий и процессов (Клейн 1981: 16–17; 2004: 155). Однако социальные явления и исторические события в разных условиях оставляют в материальной культуре разные следы.

Чтобы не впасть в упрощение, надо обратным ходом проследить весь путь, которым историческое событие или процесс приводили к определенным материальным следам; проследить, учитывая все воз-

можные воздействия различных факторов и неизбежные утери информации на каждом из пройденных шагов. Это означает выделение нескольких последовательно протекавших процессов преобразования информации — от побудительных стимулов и возникших под их воздействием идей к социально-историческим явлениям, а от них — к образованию археологических источников и превращению оных в исторические (Клейн 1978а: 45–48, 54–56, 63–80; 2004: 156). В самом грубом обобщении эти процессы сводятся к четырем:

1. **Опредмечивание** — это создание артефактов на базе идей и в результате каких-то событий.

2. **Отложение** — это выход предметов из действующей культуры (в результате изнашивания, поломки, устаревания, утери, припрятывания, похорон) и упокоение их в виде остатков и следов на земле (или под землей, под водой) в мусоре или в культовых сооружениях и т.п.

3. **Археологизация** — это превращения, которые происходят с материальными остатками и следами в отложенном состоянии под воздействием естественных, а подчас и культурных процессов в течение длительного времени — перемешивание, компрессия, истлевание, фоссилизация, окаменение и т.п.

4. **Открытие** — это выявление, добывание, фиксация, обработка и публикация памятников; все это процессы, при которых часть информации тоже может быть искажена или утрачена (Клейн 2004: 156–157).

Предложенное Клейном понимание археологии влечет за собой определенные следствия. Во-первых, реализация существенного различия археологии и истории по их методологической природе обосновывает дополнительно разделение этих двух дисциплин в исследованиях и обучении. Во-вторых, вопреки принципам «критической теории», степень объективности археологического познания зависит больше от потенций и строгого соблюдения критериев и методов, чем от политических убеждений исследователя. В-третьих, очерчен основной источник инноваций в методах, заимствуемых из других дисциплин: это криминалистика, которая развивается быстрее, чем археология. В-четвертых, как в криминалистике, из-за неполноты и фрагментарности данных, ошибки возможны (Клейн 2004: 163).

Чтобы объяснять и предсказывать поведение объектов (что и требуется прежде всего от теории), нужно знать *законы этого поведения*. Поэтому *законоутверждающие (номологические) предложения* являются ядром, сутью теории. В них формулируется зависимость между переменными явлениями, а также усло-

вия и границы, в которых эта зависимость действует, характер этой зависимости. *Теоретические законы* отличаются прежде всего тем, что охватывают *глубинные, скрытые зависимости между явлениями (причинные или функциональные)*. В археологии непосредственно наблюдаемые объекты отделены от объектов, которые, собственно говоря, и интересуют исследователя (т.е. от социокультурных систем прошлого). Археолог должен судить о поведении интересующих его некогда живых, но исчезнувших объектов по «поведению» (изменчивости, разнообразию) других объектов — мертвых. Поэтому законы поведения непосредственно наблюдаемых объектов (археологического материала) могут в археологии быть только эмпирическими. Для объяснения же этого поведения археологу нуждается в двух сериях теоретических законов.

Во-первых, это законы поведения активных объектов, интересующих археолога лишь в конечном счете. То есть *законы функционирования и развития социокультурных систем*. Значит, это *законы культурно-исторического процесса (процессуальные законы)*.

Во-вторых, *законы отражения культурно-исторического процесса в археологических материалах*. Это законы, по которым последовательно происходят:

- опредмечивание идей;
- материализация событий;
- омертвление и археологизация материальной культуры;
- отложение результатов;
- поступление следов и остатков в исследовательскую обработку.

Комментарии автора

С моей точки зрения, рассуждения Клейна базируются на двух принципиально слабых предпосылках. Во-первых, на «номологических» представлениях о науке вообще, во-вторых, на представлении о необходимости проходить последовательность археологизации (в широком смысле) в обратном порядке.

1. Дискуссия о природе объяснения в исторических науках далека от завершения. Но, по крайней мере, ясно, что объяснение через подведение под общий закон занимает в нашем деле весьма скромное место. С другой стороны, и выведение общих и частных законов и теорий вовсе не является главной целью исторических наук. В этих науках важнейшее место занимают установление фактов прошлого и объяснение событий и процессов через конкретные причинно-следственные связи. «Ссылка на универсальные законы и на "архетипы" в антропологии имеет столько же объяснительной силы, сколько и ссылка на Провидение» (Березкин 2012:

15). Отсюда принципиальная слабость теоретической археологии Клейна: нельзя сказать, что он не прав, но и для применения его теорий и методов нет места в археологии.

2. Идея об обратном прохождении «шлюзов» кажется очевидной только из кабинета без окон и дверей. Конечно, хорошо бы восстановить события прошлого в обратном порядке, но вся археология изначально построена без этого. Мы больше строим классификации орнаментов на черепках, а не целых сосудах. Работаем с морфологическими классификациями, даже не зная функций предметов. Используем отдельные признаки предметов. Картографируем типы находок без всяких реконструкций. В одном из основополагающих понятий археологии, замкнутом комплексе, главное — это одновременность упокоения его составляющих, а реконструкция процесса его образования — отдельная задача, которая может способствовать доказательству «замкнутости», а может быть и бесполезной для этого. Как правило, реконструировать возможно лишь некоторые элементы этот процесса. Продолжать этот перечень можно до бесконечности.

Классификация и типология

Любое выделение *групп* во множественном материале или распределение объектов по группам для Клейна — группирование или классификация в широком смысле (Там же: 74, 364). Представлено двумя разновидностями: *классификацией и типологией*.

Классификация (в узком смысле) — разновидность группирования по сходствам и различиям, оперирующая с классами и удовлетворяющая всем логическим правилам деления объема понятий (Там же: 365).

Типологизация (построение типологии) — разновидность группирования: выделение ассоциаций и типологических групп в некотором материале и распределение объектов по типологическим группам.

Обращаясь к классификации, археолог сосредоточивает внимание на **логической** стороне операций группирования, сортировки, систематики артефактов, на соотношениях объектов с классом и классов между собой; обращаясь к типологии — на **содержательной** стороне группирования. Типология ориентирована на отображение реальной сложности связей, текучести явлений, глубинных структур материала, поэтому не подчиняется формально-логическим требованиям *классификации* (Там же: 366).

Все археологические методы классифицирования распределены у Клейна по трем стратегиям группирования (Там же: 219–224).

Индуктивная (аналитическая) — стратегия, которая диктует восхождение от уровня элементарных характеристик через уровень группировки целых *артефактов* (в *типологии* уровень *типов*) к уровню *культур* и выше. Идея состоит в том, чтобы на основе учета и строгой корреляции множества черт автоматически получить типы, а затем таким же индуктивным комбинированием типов подняться к культурам. «Восхождение», диктуемое этой стратегией, не следует представлять как **«группировку (классификацию) снизу»** — техническую разновидность, осуществимую в разных стратегиях. Там имеется в виду просто постепенное **объединение** объектов во все более обширные группы — таксоны все более высокого ранга, но одного порядка — на одном уровне интеграции. Здесь же подразумевается **подъем по уровням интеграции** — от простых объектов к все более сложным. В плане структурообразования тип здесь рассматривается редуционистски — со стороны элементарных характеристик — и определяется только через них: как статистически устойчивое сочетание равноправных черт (Там же: 369–370, 220–221).

Рационалистическая (гипотезно-дедуктивная) — стратегия группирования, прилагающая к материалу априорные произвольные критерии, привнося их со стороны — из смежных наук, из жизненной практики, из воображения. Эти критерии определяют набор учитываемых особенностей материала, их иерархию, число и размеры ячеек. Приложение этих критериев рассматривается как гипотетическое, а проверкой гипотезы считается удовлетворительный результат — когда оправдалось ожидаемое распределение материала по ячейкам или получено распределение, оптимально соответствующее частной задаче или общим формальным идеалам группировки: сходство внутри ячеек наибольшее, между ячейками — наименьшее (Там же: 370, 220–221).

Системная (культурная) — стратегия (предложенная Клейном), диктующая «нисхождение» по уровням интеграции от системы к подсистемам и элементам — от *археологической культуры* к *типам*, а затем от типов к *признакам*. Основана на идее о том, что оценкой веса какой-либо характеристики для культурно значимой группировки можно обзавестись, только проследив поведение этой характеристики на вышележащем уровне интеграции. По этой идее, сначала нужно выявить культуры, затем выделить в них типы, а уж затем, зная культурную значимость типов, расчленив их на признаки. Только после этого можно начать обратное движение от признаков через типы к культурам. А на первых порах археологические культуры

воспринимаются как непосредственно данные практической исследований, и эта данность уточняется выборочным анализом изменчивости свойств материала и учетом *эвидентных типов*.

«Нисхождение», составляющее суть данной стратегии, не следует отождествлять с группировкой **«группировки сверху»**: там речь идет о движении от всей совокупности объектов постепенным **разбиением** ее на одном уровне интеграции (в противоположность «группировке снизу» — постепенному объединению объектов во все более крупные группы). Здесь же имеется в виду **нисхождение по уровням интеграции** — от сложных объектов ко все более простым. Типы здесь рассматриваются с вышележащего уровня и определяются как устойчивые схемы соответствия стереотипного облика артефактов их стандартным позициям в характерных культурных контекстах. Это *культурные типы* (Там же: 371, 223–224).

Тип, стиль, культура

Согласно Клейну, существуют культурные типы — «те группировки предметов по сходству, которые введены в материал самими творцами, создателями культуры, когда они упорядочивали и подчиняли своим нормам материал» (Клейн 1991: 74, 380). Задача археолога — открыть эти культурные типы (хотя бы настолько, насколько они отразились в археологическом материале) (Там же: 85–86, 106). Открыть их можно только с помощью системной стратегии группирования, которая диктует «нисхождение» по уровням интеграции от системы к подсистемам и элементам — от *археологической культуры* к *типам*, а затем от типов к *признакам* (Там же: 371).

Тип — один из видов *абстрактов*: результат идеализации (абстрагирования, суммирования и усреднения) целых артефактов (вещей или сооружений) предположительно одного назначения, объединяемых по их сходствам между собой и отличиям от других артефактов того же или иного назначения.

Археологическая культура — общее понятие, включающее в себя как свои аспекты *культурный комплекс* и *культурную группу*. Определяется на базе упорядоченной совокупности устойчиво (регулярно) взаимосвязанных *типов* явлений материального мира, данных нам в археологических остатках, т.е. типов *вещей* и *сооружений* и типов отношений между ними (Там же: 391, 169).

Культурный комплекс — система, состоящая из значительного ряда существенных *типов*, связанных сильной сопряженностью и относящихся по крайней мере к нескольким из важнейших *фракций* археологи-

ческого материала (желательно характеризующих хотя бы несколько из важнейших аспектов социокультурной жизни: производство, обитание, культ и т.п.) (Там же: 390, 170).

Культурная группа — совокупность комплексов и отдельных находок, объединенных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением одного культурного комплекса или даже отдельных, но характерных только для него сложных компонентов (Там же).

Критерием выделения археологической культуры могут выступать:

а) одинаковое стратиграфическое распределение типов «руководящих древностей» с сосредоточением их в одной свите слоев сравнительной стратиграфии некоторого региона (**стратиграфическая версия**);

б) одинаковое территориальное распространение и распределение некоторых типов (**территориальная версия**);

в) стилистическое родство некоторых типов в рамках определенного периода и территории (**стилистическая версия**);

г) ковариация — параллельная изменчивость в пространстве (*кодивергенция*) и времени (*контрадиция*), словом, согласованность, когерентность изменений (**ковариационная версия**);

д) сочетаемость типов в (*замкнутых*) комплексах (комбинаторная версия).

Последняя (комбинаторная) версия распадается на две:

1) **корреляционно-типологическая версия**, при которой критерием выделения археологической культуры выступает устойчивое сочетание типов, регулярно связанных друг с другом (не обязательно непосредственно) через замкнутые комплексы, которые могут быть весьма различными (*комплекс связанных типов*);

2) **тип-комплексная версия**, здесь — устойчивое сходство самих сочетаний в комплексах, сходство самих комплексов (*тип комплекса*).

Абсолютные количественные нормативы конструирования археологических культур не поддаются фиксации. Охват территории, времени, количество памятников или находок вообще не имеют значения и могут быть сколь угодно малы или велики. Важнее плотность (густота и сила) связей и размах отличия от соседних групп (степень типологической обособленности). В поисках нормативов этого плана археологи подсознательно или осознанно исходят из ориентировки на соответствующие качества *этнографических культур*, совпадающих с отдельными народностями, говорящими на собственных языках, или с другими

общностями (конфессиональными, потестарными и т.п.), равнопорядковыми социальным организациям.

Однако, учитывая их разнообразие и отсутствие норм обособленности (степень отличия от родственных и соседних групп определяется историей и ситуацией), не удается обосновать выбор эталонов. К тому же доступная измерению часть материальных объектов, перешедшая из живой культуры в археологическую, не обязательно адекватно отражает соотношения, важные в этом плане. Поэтому представление о живых социальных организациях служит лишь самым общим и приблизительным ориентиром, а количественные нормы для придания ранга культур *ассоциациям* и *общностям* археологического материала устанавливаются не очень стабильно и не очень унифицированно, исходя из локальной научной традиции, из богатства и степени изученности материала, из условий и задач изучения. Ранговые оценки могут изменяться: что считалось одной культурой, разделяется на несколько; *варианты культуры* приобретают статус культур, и, наоборот, несколько локальных групп могут быть поняты как варианты одной культуры (Там же: 391).

Комментарии автора

Если взглянуть на теоретическую литературу за последние четверть века, то очевидно, что она развивалась в другом направлении, нежели типологическая мысль Клейна. Понятие культурного типа, являющееся центральным в концепции Клейна, практически перестало интересовать археологов. Теперь почти никого даже среди теоретиков не интересует, отражают ли наши типы те, которые существовали в древней культуре.

Однако более важным мне представляется признание того очевидного факта, что для одного и того же материала всегда существуют разные культурные классификации, разные культурные типы, на что обратили внимание Джеймс Хилл и Роберт Эванс. И Клейн согласился с ними, предложив соответствующий принцип Хилла–Эванса (Там же: 227). Но тогда встает вопрос о том, какую из существующих культурных классификаций должен выявить археолог? Может, следует стремиться к выявлению всех культурных классификаций? К этому нужно добавить, что ряд этноархеологических исследований показал, что в живой культуре дело с культурными типами обстоит вовсе не так просто, как это представляется Клейну.

Но главное, по-моему, состоит в том, что задача археологической классификации вовсе не концентрируется на выделении культурных типов. По крайней мере, значительная часть научных проблем археологии,

базирующихся на классификации, решается на основе типов, явно не являющихся культурными. И вот этот вопрос — о задачах археологической классификации — Клейн вообще не стал рассматривать. Потому что ему кажется само собой разумеющимся, что обладание культурными типами само по себе позволит ответить на те вопросы, которые ставятся перед археологическими типологиями.

В то же время в чем на деле проявляется в археологии «культурность» культурных типов? Она проявляется в увязке типов с хронологией, локализацией, социальной стратификацией, конкретными обществами прошлого и т.д. Именно это и доказывает, что археологические типы «культурно значимы». А понятие культурного типа здесь ничего не добавляет к нашим познавательным возможностям.

Мне представляется, что было бы правильнее и точнее рассматривать не стратегии группирования вообще, а отдельно стратегии формирования, отбора и оценки веса признаков, выбора метода классифицирования и вида классификации. В ряде случаев одно предопределяет другое — тогда можно говорить о стратегии группирования в целом, но во многих случаях зависимость между ними довольно слабая и допускает множество сочетаний.

Процедуры и принципы

Нормативность процедуры

Поскольку археология — научная дисциплина, главный процесс ее функционирования — научное исследование должен быть дисциплинированной деятельностью, подчиненной определенным обоснованным правилам. Он расчленен на этапы (или уровни), и организация этих этапов, т.е. их набор и последовательность, или *процедура археологического исследования* (ПАИ), — не произвольна (Клейн 2004: 375–376).

Археологический факт практически равнозначен длинному пробегу информации от прошлых событий и явлений. На этом пути информация протискивается сквозь ряд шлюзов (14 шлюзов), где часть ее искажается и утрачивается. Эта *конверсия информации* фиксируется как серия состояний, которые суть уровни археологического факта. Ставя перед собой целью познание тех событий и явлений, археолог неизбежно совершает *реконверсию информации* (Там же: 376).

Под всеми вариантами ПАИ покоится общая база — процесс конверсии и реконверсии через 14 шлюзов. За всеми видоизменениями можно все же различить три главные конфигурации.

Индуктивная процедура. Это схема, которой следовали, не задумываясь над ее экспликацией, многие ученые-естествоведы и гуманитарии. Из археологов ее отчетливо сформулировал первым Софус Мюллер:

- 1) сбор материала;
- 2) наблюдение (осмотр его);
- 3) выводы о частностях;
- 4) обобщения — выводы о правилах (с установлением типов, комбинаций, стилей, культурных групп);
- 5) подтверждение их подведением под общечеловеческие правила (в частности, подключение к современным);
- 6) выяснение причин обнаруженных явлений сравнением и заключением по аналогии, выдвижение и проверка гипотез (Müller 1898: 292–307).

Конечной целью является познание причинной зависимости; от материала к этой конечной цели ведет исследователя постепенное обобщение, индукция (Клейн 2004: 381–382).

Проблемно-установочная процедура. Другая схема процедуры на практике применялась в археологии тоже давно, но стихийно, спорадически и нестрого, а в отчетливом виде изложена применительно к археологии впервые в работе У.Тэйлора (Taylor 1948: 152–202, tab. 4):

- a. Определение проблемы в рамках концепции.
- b. Работа с материалами:
 - сбор данных;
 - критика их пригодности;
 - анализ;
 - интерпретация (установление техники, назначения и т.п.);
 - описание;
 - подача (в публикациях и т.п.).
- c. Построение локальных хронологий.
- d. Синтез по связям в контексте обнаружения.
- e. Сравнительное изучение культуры в статике и динамике.
- f. Изучение природы культуры, ее констант, законов, функционирования.

По У.Тэйлору, только этапы В и, возможно, С — дело археологии, а далее эстафету перенимают историография и этнография (D), этнология (E) и антропология (F).

У Л.С. Клейна путь исследователя прослеживается трижды: от наблюдений к гипотезам («логическая эвристика»), от данных к неизвестному («психологическая эвристика») и наиболее подробно — от археоло-

логического материала к историческим и социологическим заключениям (специально-археологические методы). С постановки проблемы (формулирование задачи) начинается второе из этих продвижений, с характеристики наблюдений — первое. Поэтому оба этапа не рассматриваются при третьем продвижении, и оно начинается непосредственно с критики источников:

- 1) внешняя критика;
- 2) внутренняя критика;
- 3) описание материала;
- 4) классификация;
- 5) выявление связей и расстановка во времени и пространстве;
- 6) историческая реконструкция;
- 7) социологическое истолкование (Клейн 2004: 383–384).

Дедуктивная процедура. В конце 1960-х гг. археологам предложена схема процедуры, широко практикуемая в физико-химических науках. По ней исследование начинается с выдвижения гипотезы, из которой дедуцируются ожидания, сопоставимые с материалом, — в сопоставлении и состоит проверка гипотезы. Эта дедуктивная схема ПАИ впервые изложена (хотя и по частям) у Л. Бинфорда в работах 1967–1972 гг. (Binford 1972: 47–48, 92–93, 114–121, 245–260) и наиболее ригористично — у Дж. Фрица и Ф. Плога (Fritz and Plog 1970). Перечень этапов ПАИ у них таков:

- 1) обзаведение гипотезой;
- 2) выведение из нее ожиданий;
- 3) разработка плана сбора данных;
- 4) приобретение данных;
- 5) анализ данных, преобразующий данные так, чтобы они стали пригодными для проверки ожиданий;
- 6) проверка ожиданий (установление связи между переменными);
- 7) оценка гипотезы по результатам проверки, оценка объяснения (Клейн 2004: 385–386).

В некотором отношении проблемно-установочная схема ПАИ может рассматриваться как промежуточная между двумя другими. Поэтому основной спор разгорелся между сторонниками крайних концепций ПАИ, а наличие средней просто не замечалось — ее адептов зачисляли в тот или другой из крайних лагерей. Аргументы каждого из этих крайних вариантов подробно рассмотрел Дж. Хилл (Hill 1972).

Сторонники дедуктивистской схемы считают, что **индуктивистская процедура** построена на ложных предположениях:

- 1) будто и впрямь можно прибыть в поле без априорных представлений и собрать всю информацию, со-

держась в памятниках, — все, что попадет («пылесосный подход» — Ibid.: 67);

- 2) будто собранные таким путем данные окажутся универсальными и их сможет потом использовать любой исследователь для решения любых задач;

- 3) будто каждый археологический факт однозначен, будто факты сами за себя говорят и простого их обобщения достаточно для понимания прошлого.

Между тем и трактовка фактов зависит от аспекта рассмотрения, и при сборе информации одна программа нередко технически исключает другую (например, слой можно снимать либо горизонтальными срезами, либо вертикальными). Индуктивистская процедура заставляет приспосабливать цели к характеру собранных данных, а этот характер предопределен незамеченной, неосознанной подготовленностью исследователя. Собирая вслепую материал, археолог наберет массу деталей, вообще никому не нужных — ни сейчас, ни в будущем.

Защитники индуктивистской схемы обвиняют сторонников **дедуктивистской схемы** в том,

- 1) что те навязывают материалу какой-то один аспект рассмотрения и игнорируют богатство и многообразие информации, содержащейся в источниках, более того, что это приведет к упущениям в сборе данных;

- 2) что ориентировка на проверку одной-единственной гипотезы психологически собьет исследователя — побудит его изыскивать подтверждения этой гипотезе и не искать опровержений;

- 3) что дедуктивная процедура особенно не подходит именно археологам, так как памятники обычно преподносят сюрпризы — дают не то, что от них ожидают;

- 4) что есть экспедиции (спасательные), которые стимулированы не запросами исследователей, а потребностями жизненной практики;

- 5) что археологи обычно не имеют возможности проверять гипотезы экспериментами, и т.д. Некоторые из этих недостатков Хилл опровергает или смягчает, другие оправдывает неизбежностью.

Проблемная установка может быть уподоблена выдвижению гипотезы в начало исследовательского процесса, но не узко определенной гипотезы, а некой *суммарной гипотезы*, составленной из всех принципиально возможных, практически необходимых и реалистичных гипотез относительно существа проблемы. Это как бы *матрица гипотез*. На деле в науке всегда, относительно каждого потенциально-го источника материала, существует конечный, даже не очень большой набор актуальных проблем. А им

соответствует такой же набор программ по сбору сведений. Для многих источников эти проблемы и программы, обусловленные господствующей ведущей теорией, — общие. Получается если не универсальный, то достаточно широко применимый *пул проблем и программ*, тяготеющий к формированию широкой, но *стандартной программы*, которая бы фиксировала высший на данное время профессиональный уровень методики и могла служить основой для частных модификаций.

Нетрудно заметить, что коренное структурное различие между рассмотренными генерализациями схем ПАИ лежит в размещении кортежа операций (один или несколько этапов), связанных с выдвиганием и развертыванием гипотез. В *индуктивной* процедуре этот кортеж следует за длинной чередой операций по широкому сбору и обработке материалов, так что результаты обработки рассматриваются как предпосылка и объект приложения гипотезы. Независимые факты для последующей проверки должны быть привлечены извне. В *проблемно-установочной* процедуре кортеж расчленен — вперед вынесена только матрица гипотез. В *дедуктивной* процедуре указанный кортеж целиком выносится вперед, так что добывание и обработка фактов оказываются узко ориентированными на проверку заданной гипотезы. Но здесь-то что послужит фактуальной предпосылкой гипотезы, объектом ее приложения? В конечном счете какая-то информация о фактах, известных до того.

Таким образом, во всех случаях налицо один и тот же цикл, состоящий из четырех кортежей операций:

- а) подготовка исходных фактов;
- б) обзаведение гипотезой;
- в) привлечение независимых фактов;
- г) проверка гипотезы.

Какова же разница? В одном случае (индуктивная процедура) за исходные факты принимаются свежие материалы, а за привлекаемые для проверки факты принимаются результаты прежних исследований. В других случаях (проблемно-установочная и дедуктивная процедуры) — все наоборот: за исходные факты принимаются результаты прежних исследований, а за привлекаемые — свежий материал. Разница сказывается в характере обработки новых данных: в первом случае их стремятся собирать применительно к любому возможному гипотезам, во втором случае — к определенной матрице гипотез, в третьем — к одной заданной гипотезе. Естественно, что чем ближе исследование к полевой работе, тем опаснее такая избирательность и тем предпочтительнее сдвиг к противоположной процедуре.

Первое ограничение: все три типа процедуры рассчитаны только на *конкретное*, преимущественно эмпирическое, но также интерпретационно-теоретическое исследование. Процедура *общетеоретического (методологического)* исследования археолога вообще пока обсуждению не подвергалась.

Второе ограничение: будучи идеальной, схема ПАИ имеет в виду *полную* проработку материала, *предельное* преобразование извлеченной из него информации, проведение ее через *все* этапы археологического и исторического (или социологического, культур-антропологического) изучения. А в исследовательской практике вполне допустимы и рациональны также *частные* исследования, занимающие на шкале ПАИ лишь узкий отрезок в один или несколько этапов.

Третье ограничение: все рассмотренные схемы ПАИ имеют в виду работу археолога над *свежими первоисточниками* — над собранными им самим вещественными материалами, необработанными. Немало исследований, однако, проводится по «привлеченному», т.е. «чужому», давно отобранному и обработанному *музейному* материалу, по *литературным* данным. Процедура такого исследования обязательно должна предусмотреть регрессивную проверку проделанной другими исследователями части операций.

Итак, логическим стержнем и гносеологической основой полного конкретно-археологического исследования оказывается процесс преобразования информации, ведущей от фактического материала (непосредственных объектов археологии) к его использованию в понятиях истории, социологии, культур-антропологии и т.п. Вот тот единственный сюжет, который лежит в основе всех трех фабул — индуктивной, проблемно-установочной и дедуктивной. Достаточно очевидно, что выбор той или иной из этих фабул определяется характером исследования, а абсолютизация какой-то из них — философской позицией археолога (Клейн 2004: 386–391).

Комментарии автора

Представление о существовании индуктивной и дедуктивной процедур научного исследования кажется сейчас устаревшим. Еще на закате «новой археологии» даже наши американские коллеги додумались, что эти процедуры надо закольцевать, превратив в одну «спиральную». Такая ПАИ попала даже в учебники.

Процедуры научных исследований, безусловно, существуют, но их не одна, не две и не три. Их столько, сколько самих исследований. Да, они состоят из одинаковых элементов, но их последовательность прибли-

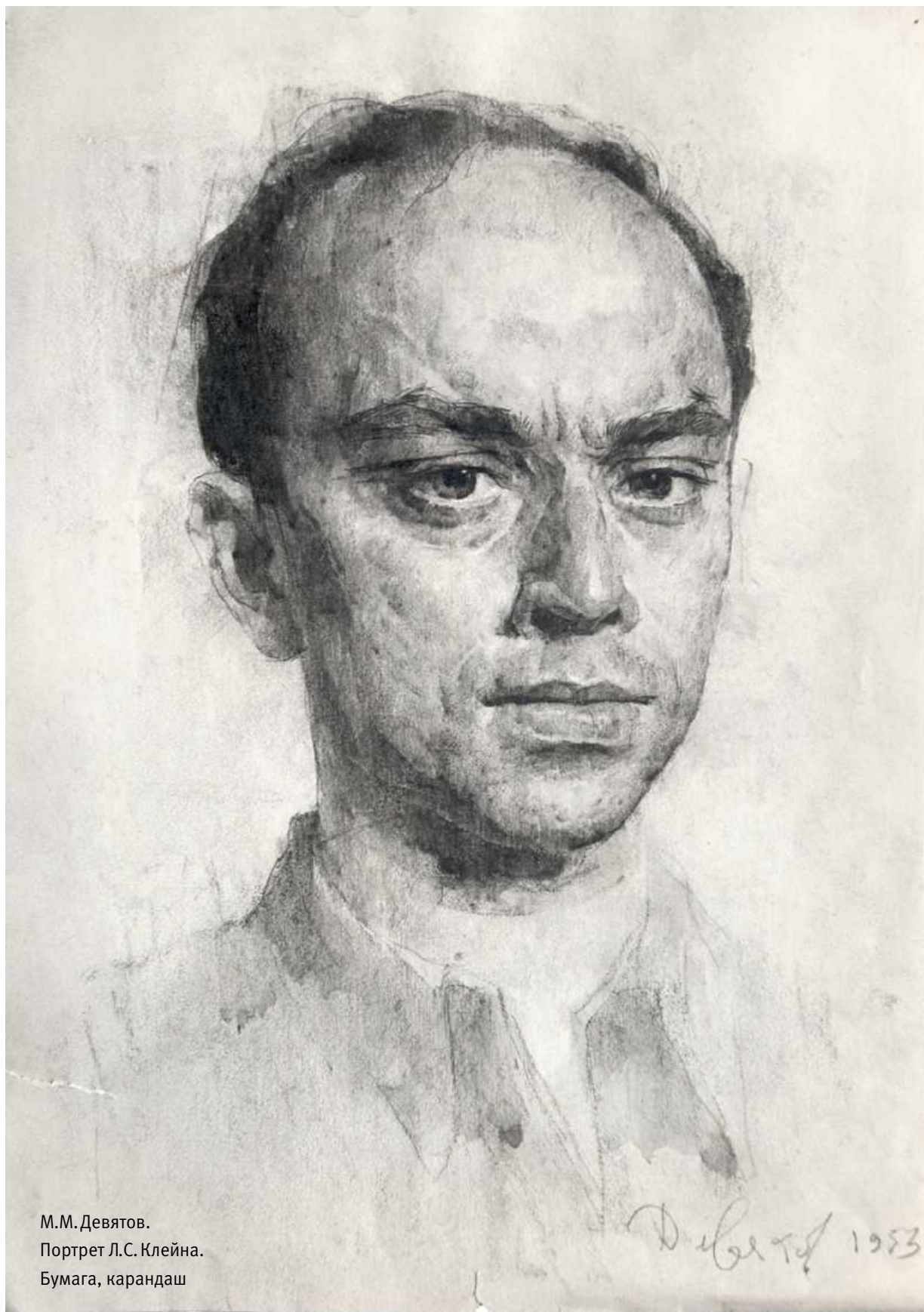
жается к индивидуальной, так же как последовательность четырех аминокислот в молекуле ДНК.

Философы и методологи науки многое сделали для понимания процесса научного исследования. Однако

надо признать, что пока все работы по методологии науки далеки от реальной науки. Навязывать реальной науке красивые философские построения пока еще рановато.

Литература

- Березкин Ю.Е.* 2012. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение 6, 3–18.
- Клейн Л.С.* 1978а. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 120 с.
- Клейн Л.С.* 1978б. Археологическая теория (проблема статуса и дефиниции) // Проблемы археологии 2 / Отв. ред. М.И. Артамонов, Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 8–17.
- Клейн Л.С.* 1979. Теории в археологии // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 30–39.
- Клейн Л.С.* 1980. Структура археологической теории // Вопросы философии 2, 99–115.
- Клейн Л.С.* 1981. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Материалы совещания / Ред. Л.М. Плетнева. Томск, Изд-во ТГУ, 16–18.
- Клейн Л.С.* 1991. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С.* 1999. Функции археологической теории // *Stratum plus* 3, 8–25.
- Клейн Л.С.* 2004. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. I: Метаархеология. СПб.: Бельведер. 472 с.
- Регирер Е.И.* 1966. О профессии исследователя в точных науках. М.: Наука. 167 с.
- Binford L.R.* 1972. *An Archaeological Perspective (Studies in archaeology)*. New York: Seminar Press. 464 p.
- Hill J.N.* 1972. The Methodological Debate in Contemporary Archeology // *Models in Archeology* / Ed. D.L. Clarke. London: Methuen, 61–107.
- Fritz J.M., Plog F.T.* 1970. The Nature of Archaeological Explanation // *American Antiquity* 35/4, 405–412. doi:10.2307/278113.
- Klejn L.S.* 2001. Metaarchaeology. København: Munksgaard. 150 p. (*Acta Archaeologica* 72/1, suppl. III).
- Müller S.* 1898. *Nordische Altertumskunde nach Funden und Denkmälern aus Dänemark und Schleswig. II Band: Eisenzeit.* Straßburg; Berlin: Verlag von Karl J. Trübner. 324 S.
- Taylor W.W.* 1948. A study of archaeology. [Menasha, Wis.]: American Anthropological Association. 256 p. (*Memoirs of the American Anthropological Association* 69).

М.М.Девятков.
Портрет Л.С.Клейна.
Бумага, карандаш

«Любимый курс»: труды Л.С. Клейна по истории археологии

И.Л. ТИХОНОВ¹

В предисловии к своей «Истории археологической мысли», родившейся из университетского курса лекций, который читался с некоторыми перерывами около полувека, Лев Самуилович Клейн написал: «Этот курс — мой любимый» (Клейн 2011: 6). В автобиографии «Трудно быть Клейном» автор назвал его «очень личным курсом» и пояснил, почему он так считает (Клейн 2010: 548–549). Во всех биографических справках, посвященных Л.С. Клейну, непременно указывается, что история науки является одной из основных сфер многогранной научной деятельности ученого, талантливо проявившего себя в различных отраслях гуманитарного знания.

В общей сложности среди более чем полутысячи опубликованных работ Льва Самуиловича Клейна не менее четырех десятков так или иначе связаны с историей мировой и российской археологии. Это несколько солидных монографий, среди которых два объемных двухтомника, серия статей, тезисов докладов и рецензий. Его труды в этой области вызывают неподдельный интерес и среди профессионалов, и у самой широкой публики, интересующейся историей и археологией. Мне самому довелось быть свидетелем, как активно раскупали участники III (XIX) Всероссийского археологического съезда, проходившего осенью 2011 г. в Новгороде и Старой Руссе, только что вышедший двухтомник Клейна по истории мировой археологии.

Внимание к истории своей науки было обусловлено рано проявившимся у Л.С. Клейна интересом к теоретическим и методологическим проблемам археологии. Он неоднократно высказывал свое мнение о том, что история археологии, особенно история идей, научных школ и концепций, является неотъемлемой частью теоретической археологии. Его первые работы в этой области появились еще в 1960-е гг. Это были пу-

бликации к юбилею учителя — М.И. Артамонова (Клейн 1961; 1968а; Клейн, Шилов 1968) и статьи, анализирующие взгляды основоположников марксизма на первобытную археологию и ее связи с этнографией (Клейн 1968б; 1968в; 1970).

Отличное владение иностранными языками позволяло ученому следить за зарубежной литературой и публиковаться за рубежом. В 1974 г. в восточногерманском журнале появилась большая статья Л.С. Клейна, посвященная анализу научной деятельности и личности известного немецкого археолога конца XIX — первой трети XX в. Густава Коссины (Klejn 1974). Статья вызвала большой интерес в немецкой археологии по обе стороны железного занавеса, в том числе и у прямых учеников Коссины. В ней впервые были четко систематизированы и сформулированы методы работы ученого, имя которого стало одиозным из-за использования его идей и трудов нацистской пропагандой. В советской литературе Косцина упоминался только в негативном контексте. Клейном также впервые было детально рассмотрено отношение к работам ученого и при его жизни, и после смерти. Автор статьи показал значимость трудов Коссины для внедрения картографического метода и становления этногенетической проблематики в первобытной археологии Европы, несмотря на все его ошибки и заблуждения. По сути, это было первой попыткой реабилитации научного реноме крайне противоречивой, но весьма заметной фигуры в истории археологии XX столетия. Через четверть века в международном журнале «Stratum plus» появилась значительно расширенная и дополненная версия этой статьи на русском языке (Клейн 2000). А еще через три года в Берлине в университете Гумбольдта состоялась конференция «Die Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach (1890–1930) im europäischen Vergleich / The beginnings of academic pre- and protohistoric archaeology (1890–1930) in European perspective», приуроченная к 100-летию начала профессорской деятельности Г. Коссины

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. СПбГУ, Институт истории, кафедра археологии. Адрес электронной почты: i.tikhonov@spbu.ru.

в Берлинском университете. Доклады, прозвучавшие там, подтвердили правильность подхода и оценок Л.С. Клейна.

В определенной степени историографический характер имела и нашумевшая большая статья 1977 г. «A panorama of theoretical archaeology» (Klejn 1977), являвшаяся критическим разбором трудов по теоретической археологии, вышедших на Западе в 1960–1973 гг. Как уже упоминалось, с точки зрения Клейна, история археологии вообще или, по крайней мере, история археологической мысли являются составной частью теоретической археологии. Соответственно, теоретические построения должны опираться на прочный историографический базис. Эта англоязычная статья была переведена на несколько других иностранных языков и вызвала множество откликов в зарубежных изданиях. Немало удивления вызывал тот факт, что столь компетентный анализ новейших течений в археологии Западной Европы и США вышел из-под пера советского ученого с другой стороны железного занавеса холодной войны, разделившего мир на два противоборствующих лагеря.

В начале 1980-х гг. научная деятельность Л.С. Клейна оказалась на время прерванной вследствие сфабрикованного обвинения и заключения, но даже и в это время продолжали выходить работы, сданные в печать ранее.

Следующей заметной публикацией Клейна в области историографии стал «Феномен советской археологии», опубликованный одновременно на русском и испанском языках (Клейн 1993а; Klejn 1993а). Основой книги послужила статья 1982 г. в журнале «World Archaeology», вышедшая под тремя фамилиями вместе с учениками, когда основной автор уже находился в тюрьме (Bulkina, Klejn, Lebedev 1982). Собственно истории советской археологии в привычном хронологическом порядке изложения в этой книге была посвящена вторая глава, и хотя она являлась скорее ярким и насытым произведением в публицистическом жанре, чем строго научным исследованием, многие основные черты и тенденции развития археологии в СССР там были обрисованы верно. Следующие главы рассматривали в большей степени не событийную историю советской археологии, а ее специфику в послевоенный период, который автор имел возможность непосредственно наблюдать и даже участвовать в ряде событий. Важнейшим достижением книги стала одна из первых свободных от идеологической цензуры оценок влияния марксизма на отечественную археологию. Вслед за англоязычной статьёй были выделены семь направлений, сложившихся в советской археологии

в 1960–70 гг., отличающихся по используемой методологии и приоритетным целям изучения. В качестве приложения к книге был помещен очерк о сложных и противоречивых взаимоотношениях Гордона Чайлда с советской археологией. Через несколько лет появился новый вариант этой книги на немецком языке (Klejn 1997). Он заметно отличался от предшествующего большим объемом, поскольку туда были включены биографические очерки о крупнейших деятелях советской археологии.

С 1990-х гг. Л.С. Клейн стал участвовать в отечественных и зарубежных научных конференциях историографического характера, принимать участие в деятельности семинара по истории археологии, возникшего в Ленинградском университете в 1988 г. (Платонова, Тихонов 1992). На конференции «Проблемы истории отечественной археологии», организованной семинаром в конце 1990 г., он представил доклад об основных направлениях в археологии предреволюционной России (Клейн 1993б). По характеру участников эта конференция стала первым всесоюзным форумом подобной тематической направленности, впрочем оказавшись и последней, потому что вскоре СССР распался. В сборнике трудов семинара Л.С. Клейн поместил обстоятельную рецензию на книгу Г.С. Лебедева по истории отечественной археологии (Клейн 1995). Несмотря на то, что автор книги являлся учеником Льва Самуиловича и близким ему человеком, рецензия была более чем далека от комплиментарности и в первоначальном варианте даже излишне сурова. Подобная бескомпромиссность и отвращение к любой «групповщине» были всегда характерны для его творчества. Как ответственный редактор этого сборника, я взял на себя смелость чуть-чуть сократить некоторые наиболее жесткие формулировки. Впрочем, сам Лев Самуилович никогда никаких претензий по этому поводу мне не высказывал.

В 1992 г. он принял участие в Лондонской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гордона Чайлда, и опубликовал статью в сборнике материалов (Klejn 1994). Затем была череда юбилейных конференций в России, посвященных 150-летию Ф.К. Волкова (Клейн 1997) и А.А. Спицына (Клейн 2008а); 100-летию М.И. Артамонова (Клейн 1998б) и Г.Ф. Корзухиной (Клейн 2006), Н.П. Кондакову (Клейн 2005). Все доклады на этих научных форумах являлись попыткой определить место и роль выдающихся предшественников в истории мировой и отечественной археологии, соотнести их творчество с ведущими направлениями в науке и развитием ее методологии. На конференции, посвященной 70-летию историческо-

го факультета Санкт-Петербургского университета, Л.С. Клейн впервые представил свою классификацию типажей российских ученых прошлого, основанную на их специфической роли в истории науки (Клейн 2004). Позднее она была использована в его двухтомнике по истории российской археологии.

На уже упоминаемой конференции в Берлинском университете мне выпала честь представить наш совместный доклад о начале университетской археологии в России (Klejn, Tikhonov 2006). В материалах конференции по истории археологии, прошедшей в 2004 г. в шведском Гётеборге, Л.С. Клейн поместил заключительный обзор текстов представленных на ней пленарных выступлений (Klejn 2004).

Общеизвестна публикационная деятельность Л.С. Клейна как рецензента. Среди прочих, он написал несколько рецензий на вышедшие за рубежом издания по истории археологии. Среди них сборник, посвященный проблемам взаимоотношения археологии и идеологии в Германии в XX в. (Клейн 2007); статья Г. Коссака об истории и современном состоянии первобытной археологии в Германии, опубликованная в норвежском археологическом журнале (Klejn 1993b). Рецензированию подверглись фундаментальный труд немецкого профессора Г. Грюнерта о биографии Густава Коссины (Клейн 2008б) и второе, дополненное и расширенное издание «Истории археологической мысли» Брюса Триггера (Klejn 2007). После кончины канадского ученого, последовавшей в 2006 г., Лев Самуилович, отдавая дань памяти коллеге, опубликовал статью, анализирующую его роль в мировой археологии и изучении ее истории (Klejn 2008).

В оксфордском справочнике по археологии появилась статья об истории европейской археологии до 1900 г. (Klejn 1996). Особо следует отметить участие Клейна в первой и пока единственной «Энциклопедии по истории археологии», изданной под редакцией австралийского профессора Тима Марри. Кроме общего очерка о развитии археологии в России, Лев Самуилович поместил там биографические очерки о Г. Коссине, Г. Шлимане, Н.П. Кондакове, В.А. Городцове (Klejn 1999a; 1999b; 1999c; 1999d).

Биографией Генриха Шлимана он начал интересоваться уже в 1960-е гг., когда вел кружок по археологии для школьников в Ленинградском университете. Юные участники это кружка сумели разыскать в архивах новые документы, проливающие свет на то обстоятельство, почему русское правительство отказалась не только купить у Шлимана троянскую коллекцию по демпинговым ценам, но и вообще иметь с ним какие-нибудь дела. Выяснилось, что по законам Российской империи

он считался преступником как двоеженец, поскольку развод с первой женой Екатериной Лыжиной был оформлен в США и в России не признавался. При возвращении в Россию Шлиману грозила бы каторга. В автобиографии Л.С. Клейн указывал, что уже тогда подготовил книгу о Генрихе Шлимане, но она осталась неопубликованной (Клейн 2010: 181–182). Позднее часть этого текста вошла в статью во французском журнале (Klejn 1995) и в очерк, подготовленный к выставке в Эрмитаже «Шлиман. Петербург. Троя» (Клейн 1998а: 8–15). Также они составили отдельную главу в двухтомнике 2011 г. (Клейн 2011: 389–411).

Но это все было всего лишь прелюдией! Свои основные труды по историографии археологии Л.С. Клейн выпустил в свет, перешагнув порог восьмидесятилетия. В 2009 г. вышли сразу две книги, в которых историографическая составляющая играла заметную роль. В монографии о «новой археологии» (Клейн 2009а) детально разобраны теоретические основы одного из самых заметных и влиятельных направлений в археологии США и Западной Европы в 1960–70 гг. Дитя эпохи научно-технической революции — новая археология с ее ориентацией на точные и естественные науки, с попытками придать процедуре исследования артефактов строго научный характер — сыграла очень важную роль и в развитии теоретической базы археологии, и в применении конкретных методов изучения материала.

Начало создания основной части этой книги было положено Л.С. Клейном еще в 1970-е гг. Протоколы заседания кафедры археологии ЛГУ за 1972/73 учебный год сохранили записи об изменении темы его будущей докторской диссертации. Новая тема формулировалась как «Новая археология. Критический анализ современного направления археологии Запада», и книгу с таким названием было предложено включить в план изданий исторического факультета ЛГУ на 1974 г. (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 24, д. № 267, л. 60б, 160б.). О непростой судьбе этой рукописи, утерянной в Новосибирске, автор написал в предисловии (Клейн 2009а: 9). Прошло тридцать пять лет, и книга вышла; правда, издал ее уже Донецкий национальный университет. Так что рукописи не горят, но иногда теряются и, слава Богу, потом находят!

Вторая книга «Спор о варягах» (Клейн 2009б) была посвящена продолжающейся с середины XVIII в. дискуссии о роли норманнов на ранних этапах русской истории. К сожалению, и тогда, и позднее дискуссия очень часто выходила за рамки науки и приобретала политический и идеологический характер. Начало такому подходу положил еще М.В. Ломоносов, обвинив своего оппонента Г.Ф. Миллера в «политических ошибках» и апеллируя к властям:

«При сем отдаю на рассуждение знающим политику, не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить столь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут».

Книга Клейна содержала обстоятельный экскурс в историографию проблемы, биографический очерк о Миллере, детальное описание легендарной «варяжской дискуссии», состоявшейся в декабре 1965 г. на историческом факультете ЛГУ. Кульминационным моментом дискуссии стало выступление ученика Клейна — Г.С. Лебедева, блестяще показавшего неверный перевод на русский язык цитаты о роли варягов в истории Руси из сочинения К. Маркса «Секретная дипломатия», полностью меняющий ее смысл на противоположный (Клейн 2009б: 98, 139). В ту эпоху мнение классиков марксизма-ленинизма являлось наиболее важным аргументом в исторической науке, и данный прием позволил защитить новоявленных норманистов от разгрома со стороны партийных идеологов.

В 2010 г. вышли из печати мемуары Л.С. Клейна (Клейн 2010), пополнив полку воспоминаний, написанных археологами. До 1995 г. — посмертного выхода книги воспоминаний Б.Б. Питровского (Питровский 1995) (книги Б.Г. Федорова, М.Е. Массона, В.Я. Янина являлись не мемуарами, а рассказами о своей работе) — такого жанра в литературе по истории отечественной археологии не существовало вовсе. Зато в первые полтора десятилетия XXI в. появилось более десятка подобных трудов, созданных археологами прошлого или нашими современниками (см. Тихонов 2015: 310). Но даже в этой немалой серии мемуары Льва Самуиловича заняли особое место. Строго говоря, это и не совсем воспоминания в привычном мемуарном жанре. В подзаголовке обозначено: «автобиография в монологах и диалогах», что тоже не полностью точно. Существенную часть текста составляют отрывки из книг мемуариста, подобно цитатам, иллюстрирующие те или иные рассуждения автора. Лоскутный характер текста иногда затрудняет общее восприятие материала, а иногда, наоборот, делает его более выпуклым и четким. В немалой степени этому способствует использование в книге материалов многочисленных интервью, личной переписки, широкое привлечение различных документов. Книга хорошо проиллюстрирована, снабжена библиографией и указателями. Общеизвестно, что без немалой степени субъективизма отдельных оценок и суждений, особенно о коллегах, представить себе мемуарный жанр вообще невозможно! Историки отлично знают, сколь часто разные мемуаристы освещают одни и те же события с диаметрально противоположных

позиций. Иногда подводит память, а нередко ее избирательность представляет события в нужном свете. В этой же книге сам Лев Самуилович очень хорошо показал, как в зрелые годы Шлиман конструировал свою биографию, и там «нужно проверять каждую деталь» (Клейн 2010: 183).

Трудный путь «вхождения в науку» в воспоминаниях Клейна представлен всеми этапами: от первых студенческих опытов и учительства в средней школе, через аспирантуру, к началу преподавания в университете. Именно в этой главе автор уже полностью погружает читателя в глубины археологической науки и археологических источников. Одна за другой появляются на страницах книги «катакомбная культура», «спор о варягах», «прародина индоариев» и другие проблемы археологии, которыми жил научный мир 1950–70 гг. Рядом с наукой — личные дела и простые человеческие проблемы, о которых автор тоже пишет с большим юмором. Романтические стихи, сопровождающие эти страницы воспоминаний, говорят о беспорном поэтическом таланте автора. Воистину: талантливый человек — талантлив во всем!

В разных главах книги мы имеем возможность познакомиться с обширным кругом научных проблем, к решению которых Л.С. Клейн обращался в различные периоды своей творческой работы, — это земледельческий энеолит, культуры боевых топоров и шнуровой керамики Центральной Европы, бронзовый век степей, скифские и сарматские памятники, происхождение славян, норманнские древности, египетская хронология, филологические труды, посвященные составу гомеровского эпоса, и еще многое другое. Взгляды автора часто радикально расходились с позициями официальной советской науки и идеологии, создавая тернии на его пути, которые он преодолевал благодаря своему таланту, твердости характера, трудолюбию и внутренней дисциплине.

В постперестроечные годы он продолжал отстаивать свою позицию по многим злободневным вопросам, часто выступая с публицистическими статьями и заметками по различным актуальным проблемам научной и общественно-политической жизни на страницах газеты научного сообщества «Троицкий вариант». Поэтому во многих местах автобиографическая книга приобретала остропублицистический характер. Так, например, ее заключительная часть и приложения содержат оценку положения дел в современной российской археологии, науке и высшей школе в целом, и даже мнение автора об уровне общественного состояния в нынешней России. Название книги, понятное только знакомым с романом советских писателей-фан-

тастов братьев Стругацких «Трудно быть богом», порождено случайным эпизодом. Одну из своих давнишних рецензий на английский сборник об австралийских аборигенах Клейн, проводя сравнение участников сборника с героями романа Стругацких, назвал «It's difficult to be a god» (Klejn 1993c). В Москве была пущена острота, что Клейн подготовил автобиографию с подобным названием. Корректируя по-своему эту шутку, он и назвал свою реальную научную автобиографию «Трудно быть Клейном».

В 2011 г. была издана «История археологической мысли» в двух томах (Клейн 2011). Книга эта беспрецедентна в нашей литературе! До ее выхода в ответ на вопрос студентов перед экзаменом: «Что нам почитать на русском языке по истории зарубежной археологии?» — я был вынужден отвечать: «Монгайта», имея в виду историографическую главу в первом томе «Археологии Западной Европы», написанную А.Л. Монгайтом почти полвека назад (Монгайт 1973: 10–59). Конечно, были еще «История зарубежной этнографии» С.А. Токарева (Токарев 1978), публикации по отдельным персоналиям или проблемам, но обобщающих работ не было. По объему, всеохватности, степени детализации, хронологическим и географическим рамкам, концептуальности и структурированности книга Л.С. Клейна значительно превосходит все, что было создано на русском языке на эту тему. На мой взгляд, превосходит и зарубежные аналоги, прежде всего книгу Б. Триггера с аналогичным названием (Trigger 1989).

В литературе по истории археологии наряду с многочисленными монографическими изданиями, посвященными отдельным этапам и разделам сложения археологии как области знания и научной дисциплины, или рассматривающими эти процессы в отдельных странах, или рассказывающими об известных археологах прошлого, не так уж много работ, претендующих на полноту охвата всего материала. Книги Г. Кюна, Г.-Ю. Эгерса, К. Керама, Г. Даниела, Я. Малины и З. Вашичека, Б. Триггера, А. Шнаппа, У. Стибинга и других авторов стали серьезным вкладом в изучение истории археологии. Все они обладали массой достоинств, неповторимой индивидуальностью, как то: занимательность Керама, немало популяризовавшего археологию; фундаментальность Шнаппа, собравшего все, что было возможно, по самым ранним периодам становления археологии; теоретическая обоснованность Триггера, рассмотревшего историю археологической мысли в связи с общественным развитием; методологическая строгость и концептуальность Даниела и т.д. Следует учитывать, что многие из них вышли в свет уже достаточно давно и, естественно, не

могли учесть новые открытия или течения в археологии, появившиеся во второй половине или даже в последней четверти XX столетия.

Книга Л.С. Клейна, проработавшего огромный массив литературы не только монографического, но и частного характера, вобрала в себя многие вышеуказанные достоинства. Она и занимательна, и фундаментальна, и теоретически обоснованна, и методологически строга. Она охватывает всю историю археологии от самых ранних свидетельств об интересе людей к вещественным древностям в Древнем мире до теоретических концепций и школ конца XX в. При этом в ней присутствуют и анализ теоретических основ археологии в разные периоды, и история наиболее значимых открытий и трудов, и биографические сведения о выдающихся археологах, и общественный резонанс, вызываемый археологией.

Текст хорошо структурирован, каждая глава делится на разделы, связанные между собой строгой логичностью. Библиографическая, она же и источниковедческая база, поскольку архивные источники не привлекались, чрезвычайно обширна и близка к исчерпывающей. Л.С. Клейн имел возможность много работать в зарубежных библиотеках. Это для русскоязычного читателя имеет большое значение, поскольку очень многих используемых публикаций в российских библиотеках нет. А использование архивных источников вообще не характерно для историографических работ Л.С. Клейна. Это не его стезя, поскольку его кредо — это синтез, обобщение и критический анализ, стремление уловить и нарисовать общую картину, подчас не вдаваясь в детали. Подобный подход характерен для представителей старших поколений современных российских археологов, пишущих об истории своей науки. В таком же ключе создавали свои работы А.В. Арциховский, А.А. Формозов, А.Л. Монгайт, Д.Л. Бродянский, Г.С. Лебедев, А.Д. Пряхин, В.И. Гуляев и др. Для представителей следующей генерации совершенно очевидно, что без опоры на документальные материалы, отложившиеся в архивах, полной и достоверной истории науки быть не может (Тихонов 2008).

Конечно, в столь большом тексте при таком огромном охвате материала оказались неизбежны некоторые ошибки и неточности, которых легко можно было бы избежать, если проводить обсуждение до, а не после выхода книги. Подробное обсуждение этого монументального труда Л.С. Клейна состоялось на заседании Методологического семинара ИИМК РАН в феврале 2012 г. (Обсуждение 2013). Можно найти ряд неточностей в изложении научных биографий и взглядов Н.П. Кондакова, Б.В. Фармаковского, других персонажей.

Не убеждает меня выделение «комбинационизма», как особого направления, присущего школе Н.П. Кондакова. На мой взгляд, нет ничего принципиального, что отличало бы работы этих российских ученых от диффузионизма, становившегося все более популярным в европейской науке с конца XIX в. В некоторых случаях стремление Л.С. Клейна четко выделить отдельные школы и направления вступает в противоречие с историческими фактами и не учитывает возможность сочетания в творчестве одного исследователя довольно противоречивых взглядов, относящихся к разным подходам и направлениям. А вот представление о том, что различные парадигмы могут не сменяться, а сосуществовать и конкурировать друг с другом, абсолютно справедливо.

Есть, на мой взгляд, и некая разница между первым и вторым томом. В первом томе излагается практически полная история археологии почти до середины XX в., присутствует много информации о раскопках и открытиях, изданиях, деятельности учреждений, объединений и музеев, занимающихся археологией. Примечательно, что вслед за А. Шнаппом автор начинает рассмотрение истоков археологии с Древнего мира и большое внимание уделяет такому знаковому явлению для европейской культуры, как антикварианизм. Второй том является в большей степени историей теоретической археологии, сформировавшейся при активном участии самого Л.С. Клейна во второй половине XX в. Для него это не история, а большая часть собственной научной жизни и творчества. Здесь фигурируют только те археологи, которые, по мнению Л.С. Клейна, внесли какой-то вклад в развитие археологической теории или совершенствование методов археологического исследования. Для него главное в истории науки — движение мысли, развитие ее теоретической базы. Конечно, могут быть и другие подходы:

«Можно изучать историю коллекционирования и создания музеев, поскольку без накопления коллекций археология невозможна. Несомненный интерес представляет история возникновения и развития научно-исследовательских учреждений, что иллюстрирует процесс движения науки. Захватывающе интересна история археологических раскопок, показывающая постепенное наполнение древнейшей истории человечества конкретным содержанием, открытие исчезнувших цивилизаций. Практическое значение имеет история развития теоретической мысли, не говоря уже о постоянно волнующей борьбе идей на этом поприще. Несомненно, интересны биографии отдельных археологов, практически необходимо знакомство с ними, так как личность исследователя накладывает отпечаток на результаты его труда. Наконец, можно сосредоточиться на истории законодательства, касающегося археоло-

гии, что отражает отношение общества к своему прошлому» (Каменецкий 2006: 3).

У Клейна это именно «история археологической мысли», так что его подход абсолютно оправдан в книге с этим же названием.

По своему жанру это в большей степени курс лекций, этим объясняется и некоторая дидактичность изложения, и наличие вопросов после каждой главы для самостоятельной работы слушателей или читателей. Курс блестящий, вероятно лучший из когда-либо читавшихся на эту тему. Для российских студентов, изучающих археологию, это издание, несомненно, стало основным пособием по истории зарубежной археологии и намного облегчило им жизнь при подготовке к экзамену по историографии.

Начало этой работе было положено еще в 1960-е гг. на кафедре археологии ЛГУ, когда Л.С. Клейн стал разрабатывать свой оригинальный курс лекций по истории археологии. Первоначально он включал в себя сведения и по истории российской науки о древностях, но к началу 1970-х гг. историю отечественной археологии Клейн «передал» своему ученику Г.С. Лебедеву, который читал этот курс до 1991 г. и выпустил по его материалам свою книгу «История отечественной археологии» (Лебедев 1992).

В дальнейшем Л.С. Клейн постоянно совершенствовал этот материал, добавляя новые сведения и оценки, так что не будет преувеличением сказать, что двухтомник 2011 г. создавался почти полвека и вобрал в себя мудрость и опыт мэтра. Работа над ним была уже закончена в 2005 г., но, к сожалению, рукопись без движения пролежала несколько лет в издательстве. В интернет части этого текста попали значительно раньше, чем вышло печатное издание, причем чаще всего без указания имени автора. Очень обидно, что это издание не получило самого высокого полиграфического оформления, соответствующего уровню текста и статусу и книги, и автора. Мелковатый шрифт, плотные строчки, маленькие поля осложняют для читателя восприятие столь большого объема информации. Никак не могу согласиться с мнением рецензентов, отмечающих:

«Ценность многочисленных иллюстраций: исключительно полный портретный ряд ученых, живописные и фотоизображения множества "рабочих моментов" на раскопках эталонных памятников, пейзажи и интерьеры полевой и камеральной работы с древностями» (Тункина, Щавелев 2013: 237).

На мой взгляд, иллюстративный ряд мог бы быть значительно богаче и разнообразнее. Почти нет изображений археологических памятников и их раскопок. Цветных иллюстраций, хотя бы на вклейке, тоже нет, преобладают черно-белые портреты ученых неболь-

шого размера, более подходящие для энциклопедии или справочника. Если мы сравним двухтомник по этим параметрам с книгами зарубежных авторов, например с прекрасно иллюстрированной работой А. Шнаппа (Schnapp 1996), сравнение, увы, явно будет не в пользу двухтомника Клейна. Полагаю, что это случилось, потому что подбором иллюстраций занимались недостаточно опытные и компетентные в этой области лица. Суперобложка, на которой так много лиц, в итоге оказалась «безликой» потому, что так могла бы быть оформлена книга и по истории математики или философии, в ней нет ничего «археологического». Винкельман — фигура, безусловно, более чем достойная, но вряд ли его портрет может символизировать собой развитие археологической мысли к XXI в. Впрочем, все эти упреки по части оформления в адрес вовсе не автора, а издательства, которое и так задержало выход книги на несколько лет.

Абсолютно согласен с мнением С.А. Васильева о том, что это лучшая книга Л.С. Клейна (Клейн 2010: 548). Это, конечно, не значит, что автор этих строк подвергает сомнению достоинство и значение других книг Льва Самуиловича. Просто с его концепциями в области теории и методологии археологической науки или в других областях можно соглашаться или спорить, принимать или отвергать их полностью или частично. Эта же книга беспорна: с гигантским материалом, изложенным и систематизированным в ней в соответствии с оригинальной авторской концепцией, не соглашаться нельзя.

Археология и ее история как науки не только исторической, но и в значительной степени культурологической, на ранних этапах тесно связанной с историей искусства и формированием европейской культуры, всегда привлекали внимание не только специалистов, но и самых широких читательских масс. Поэтому не сомневаюсь, что круг читателей данной книги значительно шире археологической аудитории и она интересна всем интересующимся становлением и развитием европейской культуры в целом. Столь полного свода по истории археологии нет ни на одном из европейских языков. Поэтому было бы очень полезно ее издание на английском языке.

В 2014 г. вышло сразу два издания, продолживших труды Л.С. Клейна в области истории науки. «История антропологических учений» (Клейн 2014а) имеет прямое отношение к истории археологии, поскольку очень многие идеи и теории приходили в археологию именно из антропологии и этнологии. Как одновременно учебник, концептуальную монографию и справочник охарактеризовал эту книгу рецензент Ю.Е. Березкин (2015: 243).

В том же году появился двухтомник, посвященный истории российской археологии (Клейн 2014б; 2014в). Первый том содержит небольшие очерки, рисующие общую картину развития отечественной археологии. Первый из них описывает событийную историю, второй — историю развития археологической мысли в России. Во многом здесь использованы материалы «Феномена советской археологии». Отсюда, наверное, и излишняя политизация, публицистичность стиля, и в некоторых случаях даже поверхностность. К перечню мелких ошибок и неточностей, ранее приведенных в уже опубликованных рецензиях (Васильев 2016; Щавелев 2016), можно было бы добавить еще немало. Например, о «шапке Мономаха», которая якобы «была изготовлена восточными мастерами — Казанского ханства». Несколько сомнительной выглядит версия о том, что «истинным родоначальником петровских реформ» был его старший брат Федор. Весьма странно выглядит пассаж о начале сбора антиков в Императорском Эрмитаже:

«Закупка классических древностей на Западе возросла, а в 1768 г. (через год после гибели Винкельмана) был открыт построенный возле Зимнего дворца Эрмитаж — специально для царских коллекций античного искусства и европейской живописи Ренессанса. <...> новое здание было заполнено именно древностями, причем преимущественно как раз предметами классического искусства. Собрание античных гемм Екатерины II насчитывало 10 тысяч камней...» (Клейн 2014а: 38).

По этому поводу можно заметить, что единственной крупной покупкой антиков в XVIII в. стало приобретение коллекции античной скульптуры Д. Лайд-Брауна в 1785 г. Винкельман погиб как раз в 1768 г. (это, конечно, просто описка, потому что Л.С. Клейн, написавший очерк о Винкельмане, не мог не знать этого). Если имеется в виду Малый Эрмитаж, то он был построен в 1763–1767 гг. Около десяти тысяч резных камней насчитывала вся коллекция гемм Екатерины II, античных среди них было значительно меньше. Путеводитель по Эрмитажу, изданный в 1828 г., показывал, что античные древности занимали в то время в его экспозициях очень незначительное место (Тихонов 2014: 471–472).

Неверно утверждение, что впервые в русский язык термин «археология» был введен переведенным немецким изданием «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию...» И.-И. Эшенбурга. Первый том этого издания появился только в 1816 г., а в уставе Московского университета 1804 г. уже фигурировала кафедра «теории изящных искусств и археологии». Я об этом писал еще в 2003 г. (Тихонов 2003: 24).

Повторялся расхожий тезис, запущенный в научный оборот А.А. Формозовым об аристократическом характере РАО, занимавшегося исключительно классическими древностями и издававшего свои труды исключительно на французском языке (Формозов 2004: 25–26). Можно поспорить с опять-таки повторяемым вслед за А.А. Формозовым тезисом о прекращении исследований по каменному веку вследствие наступления реакции в 1880-е гг. Отсутствие кафедр антропологии в русских университетах не мешало работать и даже создать Антропологический музей при Московском университете Д.Н. Анучину. В Петербургском университете на кафедре географии и этнографии преподавали первобытную археологию Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевский, Ф.К. Волков.

Называя А.А. Спицына и В.А. Городцова «влиятельными» археологами к концу XIX столетия, Клейн переносил на ту далекую пору значение, которое оба приобрели в науке начиная со второй трети XX в., и особенно их место в истории археологии по современным представлениям. В те времена ни тот, ни другой никакого особого влияния не имели, никаких руководящих постов нигде не занимали и воспринимались окружающими как рядовые работники. Некоторые коллеги вообще не понимали смысла их деятельности: так, товарищ председателя Русского археологического общества граф И.И. Толстой записывал в своем дневнике:

«Бедный Спицын — несомненно замечательно туп и не ему заниматься наукой!.. Докладчиком был Спицын, причем его изложение было образцом ненаучного отношения к предмету» (Толстой 1997: 259, 261).

Конечно, эти краткие главы не могут претендовать на полное изложение данного материала на таком уровне, каковой мы видели в «Истории археологической мысли». Они скорее служат введением или фоном к основному содержанию книги — биографическим очеркам о пятидесяти девяти археологах прошлого. Сгруппированы эти очерки по характеру их научной деятельности и той роли, которую, по мнению автора, они играли в истории науки. В первый том вошли биографии дореволюционных ученых, во второй — жизнеописание деятелей науки советской эпохи. Многих из археологов советской поры Л.С. Клейн знал лично и мог поделиться своими собственными впечатлениями от общения с ними.

Биографии российских исследователей древностей изложены очень ярко и образно, читать их захватывающе интересно, притом что практически о каждом из приведенных персонажей уже были какие-либо публи-

кации. Л.С. Клейн проделал колоссальную работу по выявлению и суммированию огромного разрозненного материала и сумел создать образы в лучших традициях отечественной биографики, внеся свои, правда иногда очень субъективные, черты в портреты героев. Такого полного сборника биографических очерков об отечественных археологах у нас ранее не было. Можно много спорить, почему выбраны были те или иные фигуры, а какие-то, может быть не менее достойные, оказались обойдены вниманием. Но это дело автора, тем более что он оговорил свои принципы отбора и за немногими исключениями на страницах этой книги представил большинство ведущих фигур отечественной археологии.

Очень наглядно проявился в этой книге и основной принцип и подход Л.С. Клейна к истории археологии, выражающийся в стремлении внести строгую упорядоченность, систематизацию и классификацию в рассматриваемый материал. Эмпирическое изложение фактов не для него, его кредо и здесь — синтез и обобщение, максимальный охват, подведение концептуальной базы, картина прошлого науки широкими мазками.

Историографический аспект присутствует и в научно-популярной книге Л.С. Клейна, посвященной сарматским курганам (Клейн 2016а). Рассматривается история раскопок и изучения кургана Хохлач в Новочеркасске, начавшаяся еще в 1864 г., а также проводившиеся раскопки Садового кургана в этой же местности через столетие самим автором книги. В обеих историях есть и некий детективный след, связанный с пропажей впоследствии части находок, который делает чтение этой книги еще более увлекательным.

В октябре 2016 г. Клейн принял непосредственное участие в работе Международной научной конференции «Университетская археология: прошлое и настоящее», посвященной 80-летию кафедры археологии СПбГУ, поделившись с участниками своими соображениями о совершенствовании университетской подготовки археологов (Клейн 2017а)². Через год, в октябре 2017 г., в том же Петровском зале здания Двенадцати коллегий прошла научная сессия, посвященная 90-летию профессора Льва Самуиловича Клейна. Состояние здоровья не позволило ему приехать в университет, но он из дома через интернет выступил со своим докладом и слушал выступления других участников. Институт истории материальной культуры РАН издал сборник статей к юбилею выдающегося ученого (Ex Unique 2017).

В 2017 г. вышла в свет одна из последних книг Л.С. Клейна «Муки науки» (Клейн 2017б), составленная

² См. также Заключение в настоящем сборнике. — *Примеч. ред.*

в основном из эссе и заметок, ранее публиковавшихся в газете «Троицкий вариант». Их основная тема — положение дел, чаще всего совсем не радужное, в отечественной науке последних двух десятилетий. Если начинать отсчет научного пути автора со студенческих лет, то в тот год исполнялось 70 лет научной деятельности Л.С. Клейна. И столь значительный срок активного участия в научной жизни целого ряда дисциплин: археологии, истории, филологии, культурной антропологии, культурологии — позволял прибегать к многочисленным параллелям и реминисценциям из про-

шлого этих научных дисциплин. Поэтому некоторый историографический аспект в этом издании также присутствовал.

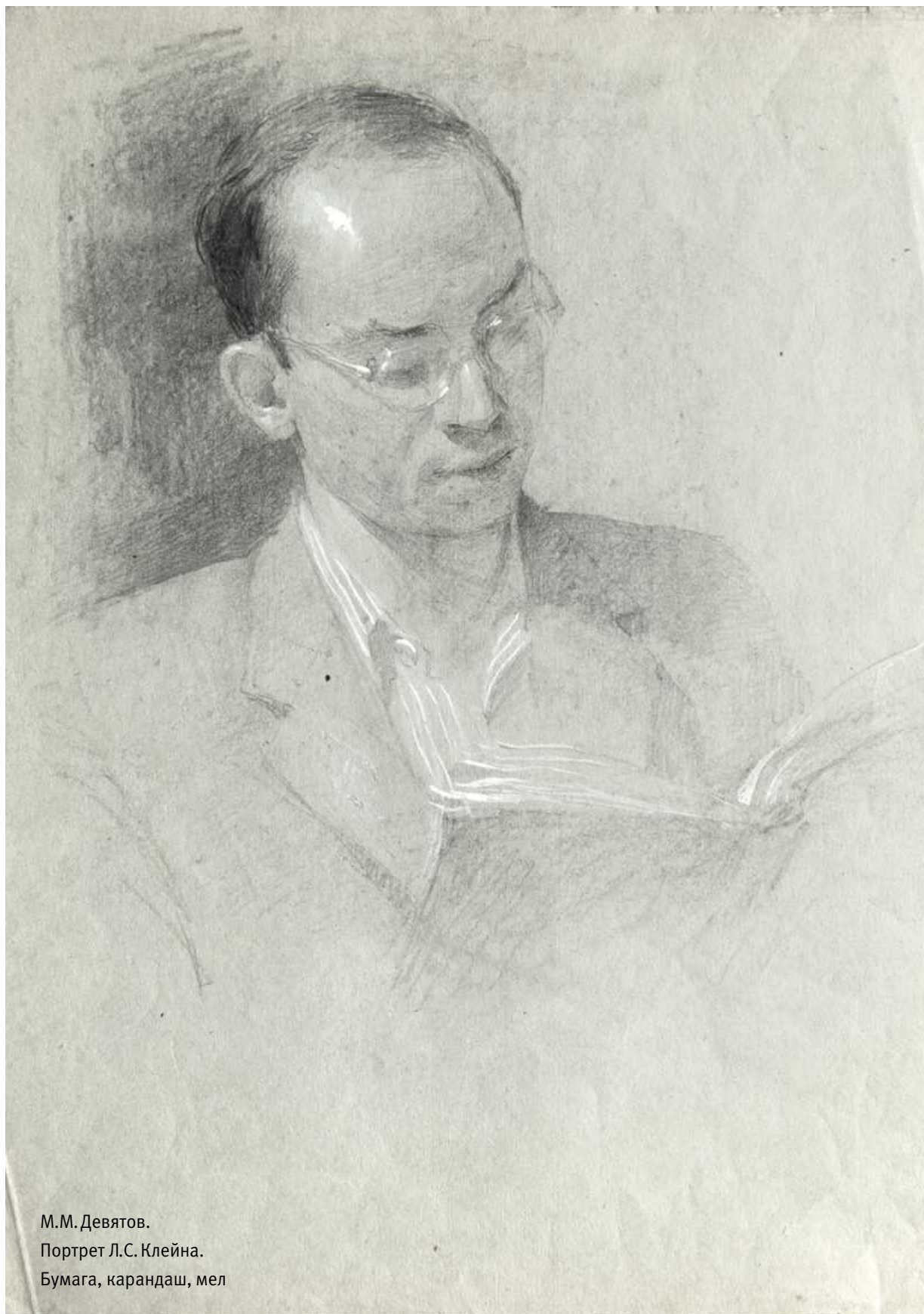
Своими трудами по истории науки, в первую очередь археологии, Лев Самуилович Клейн продолжил и значительно развил лучшие традиции петербургской историографии, восходящие еще ко второй половине XIX столетия (Тихонов 2017: 63–64). В формировании в конце XX в. Санкт-Петербургской историографической школы в российской археологии он внес очень большой, вероятно, самый значительный вклад.

Литература

- Березкин Ю.Е.* 2015. Рецензия на книгу: Клейн Л.С. История антропологических учений / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. 744 с. // АФ 24, 242–252.
- Васильев С.А.* 2016. История археологии российской от Мессершмидта до Формозова (Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: Евразия, 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с.) // Stratum plus 1, 339–350.
- Веселовский Н.И.* 1900. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896. СПб.: Тип. главного управления уделов. 514 с.
- Каменецкий И.С.* 2006. Археология: История раскопок и историография. Лекционный курс по специальности «Музейное дело и охрана памятников культуры». М.: МГУКИ. 43 с.
- Клейн Л.С.* 1961. Научная деятельность М.И. Артамонова // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М.И. Артамонова / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 5–6.
- Клейн Л.С.* 1968а. К семидесятилетию М.И. Артамонова // СА 4, 151–156.
- Клейн Л.С.* 1968б. Вопросы первобытной археологии в произведениях Маркса и Энгельса // ВЛУ 8. Серия истории, языка и литературы 2, 38–43.
- Клейн Л.С.* 1968в. Связь археологии и этнографии по К. Марксу и современная наука // ТД годичной сессии ЛОИЭ АН СССР. Л., 15–17.
- Клейн Л.С.* 1970. Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества // СЭ 5, 20–32.
- Клейн Л.С.* 1993а. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л.С.* 1993б. Археология предреволюционной России // Проблемы истории отечественной археологии. ТДК (11–13 декабря 1990 г.) / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 4–6.
- Клейн Л.С.* 1995. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. Рец. на: Г.С. Лебедев. История отечественной археологии 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992 // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 173–183.
- Клейн Л.С.* 1997. Российское палеоэтнологическое направление в контексте мировой археологии // Традиции отечественной палеоэтнологии. ТД Междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. Федора Кондратьевича Волкова (Вовка) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 49–52.
- Клейн Л.С.* 1998а. Генрих Шлиман в Петербурге // Шлиман, Петербург, Троя. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 19 июня – 18 октября 1998 года. СПб.: Славия, 8–15.
- Клейн Л.С.* 1998б. Место М.И. Артамонова в истории российской археологической мысли // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. К 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова. Санкт-Петербург 9–12 декабря 1998. ТД / Редкол. Г.В. Вилинбахов и др. СПб.: Изд-во ГЭ, 18–20.
- Клейн Л.С.* 2004. Типы ученых в истории российской археологии // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конф., посвящ. 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 230–231.
- Клейн Л.С.* 2005. Византиец // Кондаковские чтения-1. Проблемы культурной преемственности. Материалы I Междунар. науч. конф. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 5–24.

- Клейн Л.С. 2006. Из кладов России: Г.Ф. Корзухина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. ТД междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Гали Фёдоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г. / Ред.-сост. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 7.
- Клейн Л.С. 2007. Археология и идеология: немецкая археология при двух диктатурах. Рец. на сборник Harke H. (ed.) *Archaeology, ideology and society: The German experience*. Peter Lang, Frankfurt a. M. et al. [Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd. 7], 2000 // *Stratum plus* 3, 384–389.
- Клейн Л.С. 2008а. Место А.А. Спицына в мировой археологии // История и практика археологических исследований. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. члена-корреспондента АН СССР, проф. Александра Андреевича Спицына / Отв. ред. Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 61–72.
- Клейн Л.С. 2008б. Облик Косинны на пороге нового века (новая биография Косинны в труде Г. Грюнерта) // *АВ* 15, 234–237.
- Клейн Л.С. 2009а. Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Изд-во ДНУ. 394 с. (Теоретическая археология 1).
- Клейн Л.С. 2009б. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия. 395 с.
- Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С. 2011. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 + 626 с.
- Клейн Л.С. 2014а. История антропологических учений. СПб.: Изд-во СПбГУ. 744 с.
- Клейн Л.С. 2014б. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия. 702 с.
- Клейн Л.С. 2014в. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия. 636 с.
- Клейн Л.С. 2016а. Первый век. Сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия. 221 с.
- Клейн Л.С. 2017а. Об идеальной среде для преподавания археологии // Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 13–19.
- Клейн Л.С. 2017б. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: НЛО. 576 с.
- Клейн Л.С., Шилов В.П. 1968. Выдающийся исследователь скифской культуры: (К семидесятилетию проф. М.И. Артамонова) // *ВДИ* 4, 190–192.
- Монгайт А.Л. 1973. Археология Западной Европы. Т. 1. Каменный век. М.: Наука. 368 с.
- Обсуждение 2013. Обсуждение книги Л.С. Клейна «История археологической мысли» на методическом семинаре ИИМК РАН // *РАЕ* 3, 583–608.
- Пиотровский Б.Б. 1995. Страницы моей жизни. СПб.: Наука. 288 с.
- Платонова Н.И., Тихонов И.Л. 1992. Научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки» // *РА* 3, 276–279.
- Тихонов И.Л. 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ. 332 с.
- Тихонов И.Л. 2008. Археология и архивы // Академический архив в прошлом и настоящем. Сб. научных статей к 280-летию Архива Российской академии наук / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 268–275.
- Тихонов И.Л. 2014. Археология в Императорском Эрмитаже // *РАЕ* 4, 470–552.
- Тихонов И.Л. 2015. Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии) // *КСИА* 240, 302–317.
- Тихонов И.Л. 2017. Традиции изучения и преподавания истории археологии в Санкт-Петербургском университете // Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 58–69.
- Токарев С.А. 1978. История зарубежной этнографии. Учебное пособие. М.: Высшая школа. 352 с.
- Толстой И.И. 1997. Дневник 1906–1916. Публик. Л.И. Толстой. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга. 729 с.
- Тункина И.В., Щавелев С.П. 2013. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии // *Эпистемология & философия науки XXXVIII/4*, 235–240.
- Формозов А.А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак. 320 с.
- Щавелев С.П. 2016. Отечественная археология в лицах: версия Льва Клейна (Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: Евразия, 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с.) // *Stratum plus* 1, 351–364.

- Bulkin V.A., Klejn Leo S., Lebedev G.S.* 1982. Attainments and problems of Soviet archaeology // *WA* 13, 272–295.
- Ex Unigue Leonem 2017: Сб. статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-история. 360 с.
- Klejn L.S.* 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // *Jahresschrift für mitteleuropäische Vorgeschichte* 58, 7–55.
- Klejn L.S.* 1977. A panorama of theoretical archaeology // *Current Anthropology* 18/1, 1–42.
- Klejn Leo S.* 1993a. La arqueología soviética: Historia y teoría de una escuela desconocida. Con prefacio de G. Ruiz Zapatero. Barcelona: Crítica. 173 p.
- Klejn L.S.* 1993b. Is German archaeology atheoretical? Comments on Georg Kossack. Prehistoric archaeology in Germany: its history and current situation // *NAR* 26/1, 49–54.
- Klejn L.S.* 1993c. It's difficult to be a god: (Yoffee and Sherratt's Archaeological theory: Who sets the agenda?) // *Current Anthropology* 34/4, 508–511.
- Klejn L.S.* 1994. Childe and Soviet archaeology: a romance // *The archaeology of V. Gordon Childe. Contemporary perspectives* / Ed. D.R. Harris. London: UCL Press, 75–90.
- Klejn L.* 1995. Schliemann á Petersburg // *Dossiers d'Archéologie* 206, 16–27.
- Klejn L.S.* 1996. History of archaeology before 1900. European archaeology // *The Oxford companion to archaeology* / Ed. B.M. Fagan. New York; Oxford: Oxford University Press, 286–287 (History of archaeology).
- Klejn L.S.* 1997. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Frankfurt/M: Peter Lang. 412 S. (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel 6).
- Klejn L.S.* 1999a. Gustaf Kossinna // *Encyclopedia of archaeology: The great archaeologists* / Ed. T. Murray. Santa Barbara; Denver; Oxford: ABC-Clio, 233–246.
- Klejn L.S.* 1999b. Heinrich Schliemann // *Ibid.*, 109–125.
- Klejn L.S.* 1999c. Vasilij Alekseevich Gorodcov // *Ibid.*, 247–262.
- Klejn L.S.* 1999d. Nikodim Pavlovich Kondakov // *Ibid.*, 165–174.
- Klejn L.S.* 2004. Histories of archaeology: The view from Petersburg (Concluding comments) // *Histories of archaeology: archives, ancestors, practices*. Göteborg, 17–19 June 2004, Göteborg University — Institut national d'histoire de l'art — Archives of European archaeology. Göteborg: Göteborg University, 44–47.
- Klejn L.S.* 2007. Review of Trigger's History of archaeological thought, Second edition // *European Archaeological Journal* 9/1, 141–143.
- Klejn L.S.* 2008. Bruce Trigger in World Archaeology // *Bulletin of the History of Archaeology* 18/2, 4–12.
- Klejn Leo S., Tikhonov I.L.* 2006. The beginning of university archaeology in Russia // *Die Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach (1890–1930) im europäischen Vergleich*. Berlin, Internationale Tagung an der Humboldt-Universität zu Berlin ... März 2003 / Hrsg. J. Callmer u.a. Rahden, Westf.: Verlag Marie Leidorf, 197–208 (Berliner Archäologische Forschungen 2).
- Schnapp A.* 1996. The discovery of the past. The origins of archaeology. London: British Museum Press. 384 p.
- Trigger B.* 1989. A History of Archeological Thought. Cambridge: Cambridge University Press. 500 p. (Second ed. 2006).

М.М.Девятов.
Портрет Л.С.Клейна.
Бумага, карандаш, мел

Археология и не только

КЭРБУНСКИЙ КЛАД ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К НЕРЕШЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ

И.В. Палагута¹

Как признается сам Л.С. Клейн, трипольская культура вначале не особенно его привлекала, и он взялся за эту тему в тот момент, когда

«...возникает ощущение, что что-то не замечено никем, или сделано ошибочно, когда блеснет какая-то яркая аналогия, словом, когда становится ясно, что можно применить свои силы» (Клейн 2010: 150).

Такое ощущение возникло после публикации знаменитого Кэрбунского клада² (Сергеев 1963) — уникального комплекса из 853 предметов, анализ которых давал возможность связать Триполье с другими археологическими культурами энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы и, опираясь на надежные основания, вписать ее в общую систему хронологии Старого Света.

Тогда, в 1960-е гг., вскоре после изобретения радиоуглеродной датировки это было актуально и в свете возникших противоречий между ней и, казалось бы, устоявшейся археологической хронологией доисторической Европы, которая базировалась на ближневосточную и египетскую хронологическую шкалу исторических дат.

Неудивительно, что Л.С. Клейн активно включился в эту дискуссию. Также неудивительно, что профессиональный археолог оказался на стороне критиков новой шкалы абсолютных дат. Итогом его работы стала серия публикаций, касающаяся относительной хронологии энеолитических культур «балкано-карпатского круга», среди которых главное место заняла статья о Кэрбунском кладе. Оценки этой работы и в последующих тру-

дах и других исследователей, и самого автора неоднозначны. Достаточно привести выдержки из вышедшей 30 лет спустя монографии В.А. Дергачева, посвященной полной публикации кэрбунских находок:

«...это первая и единственная пока работа, преследующая цель детального анализа всего типологического набора изделий Кэрбунского клада во всех их проявлениях: хронологическом, территориальном и с точки зрения их происхождения. <...> несмотря на вот уже 30 лет, истекшие с момента выхода в свет этого труда, при полном игнорировании основных выводов, ни один из исследователей, насколько мне известно, так и не решился хотя бы в общих чертах определить причины их несостоятельности. <...> вопреки этим обстоятельствам, работа Л.С. Клейна — "о датировке Кэрбунского клада" по уровню постановки проблемы и процедуре анализа, несмотря на неоправдавшиеся результаты, остается образцом скрупулезного, изнурительного научного поиска» (Дергачев 1998: 16–18).

Что это были за «обстоятельства»? И почему основные выводы исследования были проигнорированы?

Сам Л.С. Клейн результаты своей работы охарактеризовал так:

«Детальную штудию я посвятил Карбунскому кладу раннетрипольского времени. Собрал, кажется, все аналогии его вещам, доступные мне по литературе, показал, что эти вещи импортные, дунайских типов, и что они датируют раннее Триполье временем тамошних культур тисапольгар, Караново VI и др. (кстати, позже эта синхронизация была подтверждена радиоуглеродными датировками). Но хотелось получить и абсолютную хронологию. Той же методикой множественного сопоставления однотипных вещей по горизонтам проделал я в 1964 г. аналогичную увязку разных слоев Каранова с памятниками Эгейского мира (Троя, элладский бронзовый век, Киклады). Типы формировал интуитивно. Составил уйму сопоставительных таблиц. Работа вышла гораздо более объемистой, чем исследование Карбунского клада, а результаты ее разошлись с первыми сводками радиоуглеродных дат. Я понадеялся на близость и массовость своих аналогий, на вы-

¹ 191028, Россия, Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 13. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная Академия им. А.Л. Штиглица, кафедра искусствоведения. Адрес электронной почты: ipalaguta@yandex.ru.

² В специальной русскоязычной литературе использовалось название Карбунский клад. Согласно современным нормам, принятым в Республике Молдова, названия населенных пунктов на русском языке пишутся в соответствии с оригиналом, т.е. Кэрбунский клад по названию населенного пункта Кэрбуна (Cărbuna). — *Примеч. ред.*

явленную ими однотипность, на очевидность своих типов и включил результаты ("короткую хронологию") в публикацию о Карбунском кладе (Клейн 1968), в маленькое предварительное сообщение о большой работе по связям Каранова с эгейским миром (Клейн 1965) и в полемическую статью о радиоуглеродном методе (Клейн 1966). Работы, как обычно, долго лежали в редакциях, прежде чем выйти, и когда они вышли, я уже подозревал, что моя "короткая хронология" ошибочна» (Клейн 1991: 11).

Почему же построения, выстроенные на достаточно объемном материале, все-таки получились «ошибочными»? Проблемы в цепочках аналогий, прежде всего, возникли на уровне сопоставления всего массива энеолитических материалов Дунайского бассейна с эгейскими и анатолийскими памятниками. Здесь Л.С. Клейн взял за основу построения Вл. Милойчича, последовательно отстаивавшего разработанную им «короткую» хронологию неолита Центральной и Юго-Восточной Европы (см. Milošić 1949; Мерперт 1957).

«Когда в начале 1950-х появился радиоуглеродный метод и разом удлинил всю хронологию Европы, Милойчич его отверг. Он поместил пространные статьи, приводя ряд слабых мест этого метода и настаивая, что им пользоваться нельзя. Он так и умер в этой уверенности.

Каюсь, и я поддавался убедительности штудий Милойчича и выступал против радиоуглеродного метода (я разделял эту ошибку с Иоахимом Вернером). Для тех, кто просто не знал этих штудий, принять радиоуглеродный метод было легче. А мне это было очень трудно.

Для меня, конечно, опровержение короткой хронологии было суровым личным уроком. Я долго держался за нее, дольше, чем следовало бы, не только потому, что уважал тщательность построений Милойчича, но и потому, что подсознательно верил в непреложность диффузии с Востока — тем более, чем громче ее у нас опровергали, исходя из марксистских догм. Внутреннее сопротивление догмам вызывало уклон в противоположную сторону. Падение короткой хронологии — урок не поддаваться ни магии безукоризненных построений, ни оппозиционным искушениям, а полагаться только на независимую проверку» (Клейн 2010: 153).

В 1960-е гг. в поиске опоры для своих построений Л.С. Клейн мог выбирать между балканской шкалой дат, уже сориентированных на радиокarbonные датировки, которую сразу же приняла и глава отечественной школы трипольведения Т.С. Пассек (Passek 1962), и венгерскими, среднедунайскими датировками, опирающимися на хронологию Вл. Милойчича. Тогда еще он вправе был выбрать последние. Но причины были не только в этом:

«...что же привело Милойчича к такому провалу, если его методы были столь строги и совершенны? <...> можно свести эти причины к двум. Первый фактор — это недоброкачественность и неполнота материалов из Юго-Восточной Европы (Болгарии, Румынии), на которых было построено восточное крыло его хронологической системы. Частично это выявилось еще при жизни Милойчича» (Клейн 2013: 257).

Осмелюсь добавить, что цепочки связей энеолита Юго-Восточной Европы с Малой Азией и Ближним Востоком детально не проработаны и сейчас, через 45 лет после работы Л.С. Клейна. Однако важнее другое:

«Вторым фактором были опрометчивые выводы из аналогий. Типы существовали во многих восточных культурах гораздо дольше, чем это предположали археологи, а аналогии привлекались не очень точные, слишком приблизительные. Но даже когда они были точными, при малом количестве находок избранная одиночная аналогия ненадежна, а как раз между Троей-Илионом и болгарскими памятниками простиралась довольно значительная лакуна — территория, где раскопок было очень мало (пограничные земли Турции и Болгарии), и они были низкого качества, так что приходилось основываться на одиночных аналогиях. Связи и совпадения между Египтом и Критом тоже очень скудные. Главной бедой Милойчича Эггерт и его соавторы считают "ошибку малых чисел". Ведь привязка импортированного типа к абсолютной хронологии точечная из-за малого числа таких находок, а на деле тип существовал длительное время. Одиночная (точечная) аналогия могла при возведении к оригиналу случайно угодить в край хронологического диапазона того или иного типа, а это могло привести к сильным сдвигам в результатах.

...мои ошибки коренились в том, что я принимал типы за точечные явления и аналогии рассматривал как основу для синхронизации. Между тем, во-первых, типы нужно определять более узко, иначе те таксоны, которые я сопоставлял, оказывались ближе к категориям, чем к типам, а во-вторых, на Востоке в ту эпоху (да и позже) типы жили очень подолгу, так что даже если по ним можно устанавливать культурное родство (влияния), синхронизировать родственные типы нельзя» (Там же: 257–259).

В итоге обозначенный массив аналогий при более детальном рассмотрении распался на несколько хронологических пластов. Отсюда дальнейшее «игнорирование основных выводов» работы, о котором писал В.А. Дергачев. Несмотря на позднейшую их критику самим автором, направления связей вещей из Кэрбуны в пределах Европы были определены правильно. Это ареалы распространения культур Гумельница и Варна в бассейне Нижнего Дуная, а также область Среднего Дуная, где параллельно с Трипольем-Кукутень разви-

вались культуры Тиса и, позднее, Тисаполгар-Бодроккерестур. Уточнение этих связей и корректировка относительной хронологии энеолитических культур и сегодня является важнейшей задачей археологии Европы. Несмотря на появление все новых радиоуглеродных дат, важнейшей составляющей ее решения является именно работа с археологическими материалами, ведь полноценное научное доказательство достигается путем сопоставления результатов, полученных независимо с помощью различных методов. Поэтому направление работы, заданное Л.С. Клейном, и целый ряд затронутых им проблем остаются актуальными.

Проведенный в последние десятилетия анализ серий металлических изделий показывает, что балканско-нижнедунайский и карпатско-среднедунайский очаги металлургии и металлообработки, при всей общности основных форм изделий, функционировали не параллельно, а последовательно (см. Рындина 1998). Этому не противоречит и анализ керамики. Взаимные импорты трипольской и гумельницкой посуды, взаимовлияния и общий характер в технике ее изготовления синхронны времени Кэрбуны — периодам Триполье А, VI — Прекукутень III, Кукутень А. Калиброванные радиоуглеродные датировки этих периодов примерно укладываются в диапазоне между 4800 и 4100 лет до н.э. Связи с тисаполгарской и бодроккерестурской культурами прослеживаются в керамических комплексах Триполье VII, CI — Кукутень А–B₂, B, калиброванные радиоуглеродные даты которых приходятся на первую половину IV тыс. до н.э. (Палагута, Старкова 2013; Palaguta, Starkova 2018).

Однако в обозначенных хронологических горизонтах слабым местом остается третья «точка опоры». Для более раннего периода, к которому можно отнести Кэрбуну, неясной остается линия его синхронизации с западнобалканскими и среднедунайскими культурами. Ряд ранних тисаполгарских дат вроде бы указывают на синхронность этой культуры с периодами раннего и начала развитого Триполья — А, VI (Kadrow 1996: Rys. 14). Это заставляет вспомнить о синхронизациях Л.С. Клейна. Однако археологические материалы таких оснований не дают. Предпринятая недавно киевским археологом Н.Б. Бурдо попытка подстроить его под радиоуглеродные даты не выдерживает критики: все приведенные ею примеры «керамики с элементами тисаполгарских традиций» из трипольских памятников обозначенных периодов на деле являются вполне характерными для самого Триполья и ничего общего с тисаполгарской посудой не имеют. Вся кажущаяся похожесть форм исчезает, если принимать во внимание не «элементы» рисунков из публикаций,

а весь комплекс признаков, включающий технику изготовления, орнаментации, обработки поверхности сосудов и характер их обжига. Основания для такого суждения у меня имеются: большая часть упомянутых в работе Н.Б. Бурдо коллекций была обработана мною в музеях и представлена в работе по Триполью VI (Palaguta 2007).

Однако вызывает интерес, что ряд трипольских орнаментов финала Триполье VI по мотивам и организации узоров образует параллели с декором, характерным для посуды культуры Тиса. А ее радиоуглеродные датировки попадают не на конец V тыс. до н.э., а уходят в его в первую половину. Таким образом, дальнейшие исследования этих взаимосвязей (на основании более тщательного анализа прежде всего керамических комплексов) — в очередной раз, как и почти полвека назад, — упираются в проблему соответствия археологической относительной хронологии и радиоуглеродных дат. Так что эта проблема, поставленная в 1960-е гг. Л.С. Клейном, и сейчас не менее актуальна, чем тогда, и на нее нельзя закрывать глаза в случае, если исследователь пытается достичь истины.

Еще один вопрос, обозначенный в работе Л.С. Клейна, касается происхождения форм ряда изделий Кэрбунского клада, в частности медных дисковидных подвесок. Смоделированная Л.С. Клейном схема генетических связей этих изделий (Клейн 1968: 35–44, рис. 8) оказалась не вполне корректной, т.к. возможен не только обратный порядок формообразования изделий, но и параллельное существование типов в рамках общего контекста сходных наборов украшений. Несмотря на это, нижнедунайский очаг происхождения этой формы вполне укладывается в рамки проведенного им картирования аналогий (Там же: рис. 9) и подтверждается последующими сериями находок близких по форме предметов. Среди них и золотые бляхи из Варненского некрополя (Иванов, Аврамова 1997), и трипольско-кукутенский клад из Брад (Ursachi 1990), и их керамические имитации из слоев целого ряда гумельницких и трипольских памятников. Все они убедительно показывают, что центр их формообразования находился именно в варненско-гумельницком, а не в трипольско-кукутенском ареале (Palaguta 2007: fig. 101).

Попытка В.А. Дергачева представить развитие этой формы как сугубо местное явление и, поставив типологический ряд с ног на голову (не от металлических к глиняным подражаниям, а наоборот), доказать, что медные дисковидные подвески «являются вторичными по отношению к глиняным и, в свою очередь, послужили образцами для изготовления более поздних золотых» (Дергачев 1998: 26), выглядит неубедительной.

Его ссылка на глиняную подвеску из якобы Бернашевки, которая из серии подобных изделий должна оказаться наиболее ранней, — ошибочна, т.к. она на самом деле происходит из Луки-Врублевецкой (Збенович 1989: 121, рис. 77: 9), памятника не начала раннего Триполья, а его финала, по-видимому даже более позднего, чем Кэрбуна. Весь ряд глиняных подвесок, таким образом, сдвигается на период Триполье VI — Кукутень А, совпадая с широким распространением подобных металлических изделий (как и в Триполье-Кукутень, глиняных подражаний) в культурах Гумельница и Варна. Кэрбунская находка как раз фиксирует начало складывания здесь прочных межкультурных взаимосвязей.

Однако разработка подобных частных вопросов относительной хронологии энеолитических культур «балкано-карпатского круга» не исключает и постановки вопросов, связанных с Кэрбунским кладом в иных плоскостях. Тогда, 45 лет назад, так и не было предпринято исследование характера клада, места его и аналогичных находок в контексте рассматриваемых культур. Именно в таком ключе проблематика стала развиваться позднее, с 1980-х гг. не без воздействия на нее со стороны постпроцессуальной археологии (см. Клейн 2011: 335 и сл.).

Для Л.С. Клейна в 1960-е гг. Кэрбунский клад

«...хотя и включает вещи, по тому времени драгоценные, не принадлежит к кладам длительного хранения, к сокровищницам, а состоит из вещей, подобранных для употребления по прямому назначению (причем бывших в употреблении) и спрятанных от какой-то опасности» (Клейн 1968: 71–72).

Напротив, Е.К. Черныш полагала, что это «набор ритуальных вещей, длительное время бытовавших»³, что соответствовало и сделанному ранее предположению Т.С. Пассек о культовом назначении вещей из клада (Пассек 1964: 6). Жаль, дискуссия на эту тему так и не состоялась.

При рассмотрении этой проблемы обращает на себя внимание то, что по характеру комбинации вещей в наборе, включающем украшения (браслеты, различные по форме и материалам подвески, бусы и пронизи), орудия труда (плоский медный топор) и оружие (проушные медный и каменные топоры), Кэрбунскому

кладу соответствуют другие трипольско-кукутенские клады. Среди них и близкий по времени клад в Брад периода Триполье VI — Кукутень А, и гораздо более поздний клад из Городницы периода Триполье VII — Кукутень В (Ursachi 1990; Sulimirski 1961). Кроме того, в ареале Триполья-Кукутень обнаружен ряд кладов, содержащих лишь часть набора — только украшения. Это клад из Ариушд, Хэбэшешть, Цвикловцев и недавно обнаруженный клад костяных подвесок из комплекса построек «Ж» поселения Майданецкое (László 1911; Dumitrescu et al. 1954; Sulimirski 1961; Мовша 1965; Шмаглий, Видейко 2000: 22, 24, 31, рис. 5: 10–19, 27).

Кэрбунский клад, конечно, наиболее богатый из аналогичных трипольских кладов. Помимо имеющихся далеко не во всех из них орудий труда и оружия, в его составе, по-видимому, присутствовал не один, а несколько наборов украшений. При их реконструкции стоит обратить внимание на наблюдение В.А. Дергачева, касающееся «антропоморфных» пластин-подвесок: заметная на многих отверстиях протертость металла говорит о длительном ношении их в подвешенном виде. В нижних отверстиях больших подвесок таких потертостей нет. В.А. Дергачев считает, что они не функциональны (Дергачев 1998: 30–31). Однако это могло быть связано и с тем, что на них крепились части значительно меньшего веса, чем вся деталь украшения.

Если сопоставить количество дополнительных отверстий в подвесках с несколькими отверстиями (26 в медных + 2 в перламутровых подвесках) с количеством подвесок с одним отверстием (23 медных + 3 перламутровых), то обнаруживается их примерное соответствие. Таким образом, кэрбунские украшения можно реконструировать как набор ожерелий с деталями из соединенных по две, по три или по четыре «шумящих» подвесок (рис. 1). Комплект, составляющий каждое из ожерелий, скорее всего, дополнялся пронизями и бусами из меди и раковин *Spondilus*, подвесками из зубов оленя и их имитациями из кости. Убор в целом дополняли браслеты из меди и раковин *Spondilus*, а также нашивные пластины из тех же раковин. Такая форма подвесок и их комбинация для Триполья-Кукутень уникальна, однако параллели ей прослеживаются в богатых погребениях Варненского некрополя (Иванов, Аврамова 1997).

«Статусность» предметов из Кэрбунского и других трипольских кладов очевидна. Большинство входящих в них изделий моделируется в глиняной пластике. Амулеты, аналогичные кэрбунским, часто изображаются висящими на шее женских статуэток, на некоторых фигурках можно встретить и изображение низок бус, также определяющих высокий статус изображаемых

³ Заметки Е.К. Черныш на полях статьи Л.С. Клейна, сделанные ею, судя по дате на титульном листе сборника, в январе 1969 г. Я с благодарностью вспоминаю одного из своих Учителей — Екатерину Константиновну Черныш (1924–2002), передавшую мне много книг и отписок статей по трипольской тематике из своей библиотеки, в том числе и сборник «Проблемы археологии» со статьей о Кэрбунском кладе.

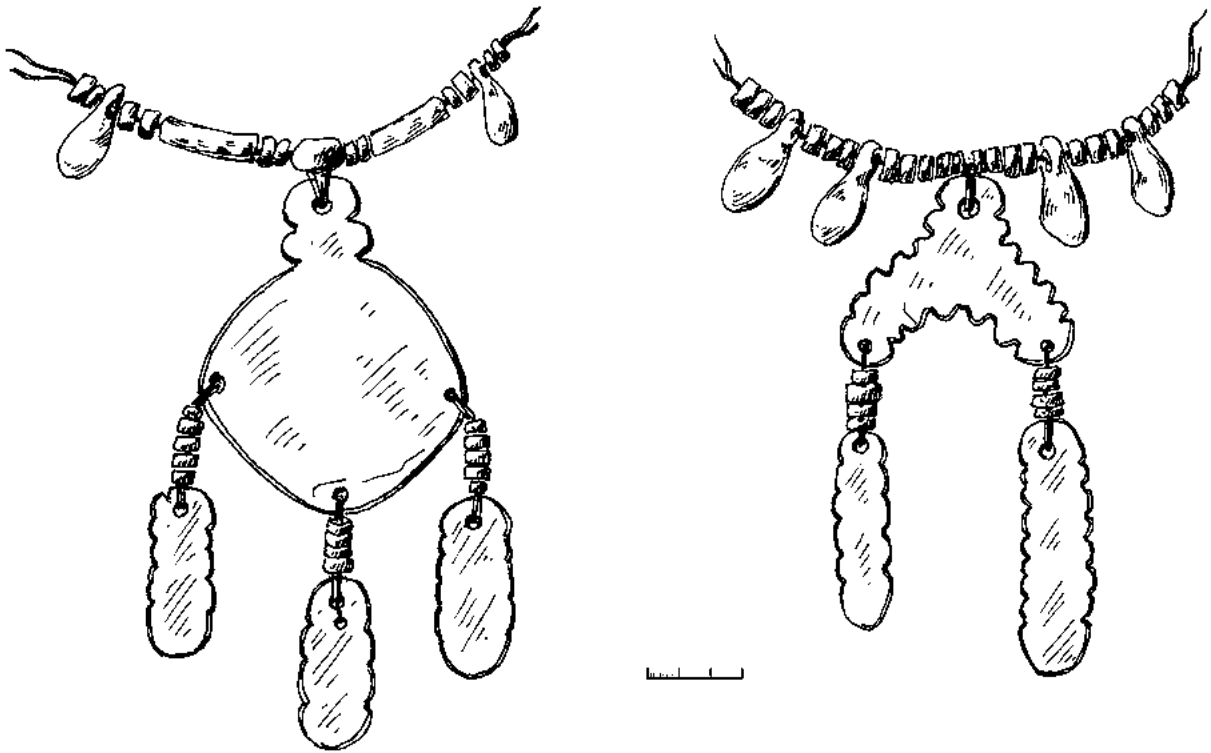

Рис. 1. Реконструкция украшений Кэрбунского клада

персонажей. В культурных слоях поселений нередко находки керамических бляшек-амулетов, воспроизводящих медные, но гораздо менее ценные. Имеется также целая серия глиняных моделей медных топоров (Palaguta 2007: fig. 98: 10–13).

«Устойчивость комбинаций» изделий в трипольских кладах была отмечена И.В. Манзурой. Он также обратил внимание на параллели им в наборах погребального инвентаря степных энеолитических погребений (Манзура 1996: 14–15). Сюда же можно отнести и могильник Джурджулешть в низовьях Прута (Наheu, Kurciatov 1993). Линию, намеченную И.В. Манзурой, можно продолжить и в сторону европейских раннеземледельческих культур. Обращают на себя внимание наборы «престижных» предметов из могил Варненского некрополя (см. Иванов, Аврамова 1997), откуда происходит серия балканских аналогий-прототипов предметам Кэрбунского клада, а также наборы украшений из погребений среднедунайской культуры Тиса — низки бус и пронизей с подвесками из зубов оленя (см. Korek 1989).

Главное отличие Триполья-Кукутень от окружающих культур — в отсутствии могильников. Одиночные погребения на поселениях — единицы, а могильники зафиксированы только на финальных ступенях раз-

вития этой культуры, когда в пределах всего ее ареала происходят процессы утраты ее целостности и самобытности. Значит, на протяжении большей части периода существования культуры ее носители практиковали обряд погребения, не оставляющий археологических следов.

Еще одна самобытная черта трипольско-кукутенской культуры, обусловленная спецификой расселения в пределах лесостепной зоны на окраине земледельческого ареала, — временный характер большинства поселений, каждое из которых существовало примерно 50–70 лет, после чего его жители сжигали поселок и переходили на другое место.

Нет ли связи между этими культурными особенностями и трипольскими кладами? Как справедливо заметил П.М. Кожин, когда автор обсуждал с ним обозначенную проблему, при проведении аналогии с погребальными наборами трипольские клады можно исключить из поселенческого контекста и рассматривать в кругу аналогий среди погребального инвентаря — как votивные наборы, посвящения ушедшему поколению (или поколениям), покидаемому вместе с оставлением поселка. Таким образом, депонирование клада может быть связано с ритуалом оставления поселения (Палагута 2016: 237).

Параллельнокладам в раннетрипольское время получили распространение наборы глиняных фигурок, мужских и женских, которые, вероятнее всего, наглядно воспроизводили группу предков (Палагута 2013а; 2013б). Вопрос о том, можно ли включить их в общий контекст реконструируемой мировоззренческой системы трипольского населения, важным компонентом которой был культ предков, требует дальнейшей специальной разработки.

Кэрбунский клад и аналогичные находки заставляют обратиться также к вопросу об общем наборе предметов, носивших престижный и/или ритуальный характер, циркулировавшем в различных формах в пределах не только балкано-карпатского «культурного круга», но и в степях Северного Причерноморья. Очевидно, что этот набор (вернее, представление о том, какие предметы должны обязательно включаться в этот набор) имел надкультурный характер. Состав погребального инвентаря мог не зависеть от принадлежности к какой-либо этнической группе: в него могли входить престижные предметы «интернационального» характера, распространявшиеся в рамках надкультурных систем обмена, служащие эквивалентом достатка, власти, силы (освященных святостью самих предметов) в пределах обширного региона.

В связи с этим возникает вопрос о функционировании в пределах культур «балкано-карпатского круга» и его окружения системы дарообмена и выделения в комплексах кладов и погребений как «подвижной» части, так и «священных» предметов длительного накопления и хранения, имеющих престижный характер и формирующих иерархию групп (Годелье 2007). Прямые параллели с меланезийским «кула» здесь, пожалуй, проводить не стоит (дискуссию по этому вопросу см. Greenfield 1991). Однако суммирование данных по распространению изделий из раковин *Spondylus*, различных типов предметов металла и технологий его обработки, взаимовстречаемости их в комплексах, возможно, прольет свет на особенности функционирования системы трансевропейских взаимосвязей неолита и медного века. Дальнейшие исследования в этом направлении в любом случае заставят вновь и вновь возвращаться к рассмотрению таких уникальных комплексов, как Кэрбунский клад.

«Что же касается трипольской культуры, то, опубликовав анализ Карбунского клада, я продолжал собирать материал, но понимал, что искушение вновь заняться трипольской культурой может повредить другим моим занятиям и чем-то нужно пожертвовать. <...> Иногда жалею» (Клейн 2010: 153).

Литература

- Бурдо Н.Б. 2007. Спільні керамічні традиції культур Карпатсько-дунайського регіону доби раннього енеоліту // *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Łańcut* (26–28, X, 2005 r.). Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków, 270–288.
- Годелье М. 2007. Загадка дара / Пер. с франц., примеч., указ. А.Б. Щербаковой; статья и коммент. А.А. Белика. М.: Восточная литература. 295 с.
- Дергачев В.А. 1998. Кэрбунский клад. Кишинев: Tipografia Academiei de Ştiinţe. 120 с.
- Збеневич В.Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев: Наукова думка. 224 с.
- Иванов И., Аврамова М. 1997. Варненски некропол. София: АГАТБ. 52 с.
- Клейн Л.С. 1965. К сравнительной стратиграфии эгейских и дунайских теллей // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. 4, 57–63.
- Клейн Л.С. 1966. Археология спорит с физикой. Спор о достоверности и точности радиоуглеродной хронологии // *Природа* 2, 51–62; *Природа* 3, 94–107.
- Клейн Л.С. 1968. О дате Карбунского клада (К проблеме абсолютной датировки раннетрипольской культуры) // *Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР)*. Сб. статей / Ред. М.И. Артамонов, Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 5–74 (Проблемы археологии I).
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С. 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПбГУ. 626 с.
- Клейн Л.С. 2013. Время в археологии. СПб.: Евразия. 382 с.
- Манзура И.В. 1996. Трипольские клады и погребения степного энеолита // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТД VIII международной конференции* / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов н/Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 14–16.

- Мерперт Н.Я. 1957. К проблеме датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы. В связи с трудами Вл. Милойчича // СА 1, 260–268.
- Мовша Т.Г. 1965. Скарб прикрас з пізньотрипільського поселення в с. Цвіклівці // Археологія 18, 161–170.
- Палагута И.В. 2013а. Наборы статуэток Прекукутени — раннего Триполья: опыт социокультурной интерпретации раннетрипольской пластики // РАЕ 3, 141–179, 208–211.
- Палагута И.В. 2013б. Первобытное общество в зеркале искусства: новый взгляд на интерпретацию антропоморфной пластики эпохи неолита // Вестник СПбГУ 15/2, 128–146.
- Палагута И.В. 2016. Трипольская культура в начале развитого периода (ВІ): относительная хронология и локальные варианты памятников. Киев: «Видавець Олег Філюк». 410 с.
- Палагута И.В., Старкова Е.Г. 2013. К проблемам хронологии Триполья-Кукутень и окружающих культур: ¹⁴C versus археологического материала // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского коллоквиума (2–3 декабря 2013 г., Санкт-Петербург) / Ред. Е.Н. Носов и др. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 77–82.
- Пассек Т.С. 1964. Новое из истории трипольских племен Днепро-Днестровского междуречья. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М.: Наука. 10 с.
- Рындина Н.В. 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите — энеолите). М.: Эдиториал УРСС. 288 с.
- Сергеев Г.П. 1963. Раннетрипольский клад у с. Карбуна // СА 1, 135–151.
- Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmbovița M., Gostar N. 1954. Hăbășești. Monografie arheologică. București: Editura Academiei RPR. 611 p.
- Greenfield H.J. 1991. A Kula Ring in Prehistoric Europe? A Consideration of Local and Interregional Exchange during the Late Neolithic of the Central Balkans // Between Bands and States / Ed. S.A. Gregg. Carbondale: Southern Illinois University at Carbondale, 287–308 (Center for Archaeological Investigations, Occasional Papers 9).
- Haheu V., Kurciatov S. 1993. Cimitriul plan eneolitic de lângă satul Giurgiulești (considerente preliminare) // Revista Arheologică n.S. 1, 101–114.
- Kadow S. 1996. Faza rzeszowska kultury malickiej // Kultura malicka. Drugi etap adaptacji naddunajskich wzorców kulturowych w neolicie północnej części Środkowej Europy / Red. J.K. Kozłowski. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 51–70.
- Korek J. 1989. Die Theiß-Kultur in der mittleren und nördlichen Theißgegend // Inventaria praehistorica Hungariae III, 5–124.
- László F. 1911. Háromszék vármegyei praemykenaei jellegű telepek – Stations de l'époque pré-mycénienne dans le comitat de Háromszék // Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárából II, 175–259.
- Milojčić Vl. 1949. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin: Mann. 136 S.
- Palaguta I. 2007. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BІ): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford: Hadrian Books. 182 p. (BAR IS 1666).
- Palaguta I.V., Starkova E.G. 2018. Problems of the relative chronology of the Tripolye-Cucuteni and neighbouring cultures in the Balkan-Carpathian area: ¹⁴C dates and archaeological materials // Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic — Middle Ages): collective monograph / Ed. M.T. Kashuba. E. Kaiser. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 99–125.
- Passek T. 1966. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale a l'époque Neolitique // VI Congres International des sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologiques de l'URSS. Moscou: L'Academie des Sciences de l'URSS Institute d'Archeologie. 24 p.
- Sulimirski T. 1961. Copper Hoard from Horodnica on the Dniester // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien XCI, 91–97.
- Ursachi V. 1990. Le depot d'objets de parure eneolithiques de Brad, com. Negri, dep. Bacău // Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte Européen / Ed. V. Chirica, D. Monah. Iași: Institut d'Archéologie, 335–386 (Biblioteca Archaeologica Iasensis IV).

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА

В.Я. Стеганцева¹

Если показать диссертацию Л.С. Клейна несведущему человеку, реакция будет одна — брови «домиком» и рот в виде буквы «О»: «Вот это??!! Кандидатская??!!!!!! Диссертация??!!!!!!» Работа действительно поражает воображение. Два тома, объемом 420 и 505 страниц (почти 42 авторских листа), переплетенных в синий ледерин и массивный альбом иллюстраций. Примерно десятью годами позже объем диссертационного исследования был ограничен 150–200 страницами текста, не считая приложений, но в 1968 г. автор был еще свободен в выборе объема. Неудивительно, что один из оппонентов не стал читать всю работу и попросил написать «рыбу» для отзыва. Впрочем, это далеко не единственный случай; например, руководитель Р.М. Фрумкиной не стал читать ее кандидатскую диссертацию: «основные положения он знал, а детали ему были неинтересны» (Фрумкина 1997: 123).

Исследование Л.С. Клейна состоит из Введения, восьми глав и Заключения. Каждый из десяти разделов еще и разбит на части, дополнительно озаглавленные, примерно как когда-то «Остров Сокровищ» или «Робинзон Крузо». Читать эту работу не менее интересно, чем книги Стивенсона или Дефо. Список литературы включает 728 наименований: 329 из них русскоязычные, 399 — иностранные. Не только по объему, но и по количеству, уровню и важности поднятых тем эта работа может быть оценена как докторская. К числу несомненных достоинств ее можно отнести яркий образный язык, полемический задор и логичность изложения².

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Издательская группа. Адрес электронной почты: veronika_s@mail.ru.

² «Все главное, что надо знать о Клейне, уже написал сам Клейн» (Вишняцкий, Раев 2017: 5). Лев Самуилович был куратором нашей группы (1970–1975 гг.). Разумеется, мы прослушали все его курсы. И теперь, когда я читаю работы Клейна, я слышу его голос. Поэтому в данный раздел вставлены большие выдержки из воспоминаний Учителя: это Он говорит, слушайте...

«Чтение порождало у меня в голове массу идей, которые так и подмывало тотчас проверить на материале, и мне было трудно, а порой и невозможно удержаться от немедленного вхождения в эти дебри. Я уже написал вчерне первую главу диссертации, связывавшей происхождение скифов-царских, погребенных в огромных катакомбах, с катакомбной культурой бронзового века (там проблемой было преодоление хронологического разрыва), когда в голове блеснули идеи о происхождении самой катакомбной культуры, показавшиеся мне очень многообещающими.

Я забросил все и стал заниматься только этим. Через некоторое время объявил кафедре, что прошу сменить мне тему диссертации на "Происхождение катакомбной культуры", а специализацию по железному веку на специализацию по бронзовому веку. Кафедра с большим сопротивлением, но согласилась. Только ввела ограничение: не катакомбной культуры вообще, это слишком широко, а происхождение донецкой катакомбной культуры» (Клейн 2010: 91).

Следует заметить, что ограничение несколько не смутило диссертанта. В работе использовались данные обо **всех** катакомбных культурах, известных тогда на территории нашей страны, и решались вопросы, касающиеся **всех** катакомбных культур. Сам исследователь включил в фактологическую базу исследования

«памятники почти из всех стран Европы к востоку от Рейна и с территорий разных стран Ближнего Востока» (Клейн 1968: 9).

Обычно кандидатскую диссертацию посвящают какому-то одному вопросу, для решения которого применяются несколько методик, оговоренных во вступлении.

Работа Л.С. Клейна впечатляет не только объемом, но и разнообразием тематики. Темы, поднятые исследователем, охватывают далеко не только вопросы происхождения культуры. Состояние науки в 1950–60 гг. было таково, что критические замечания в адрес недобросовестных авторов перерастали в обсуждение методологических проблем.

Для решения вопросов происхождения культуры нужно было решить ряд методических задач. В соответствующем разделе автореферата автор перечислил методы, использовавшиеся до него (типологический, методы аналогий и сопоставления комплексов), и методы, примененные им, известные ранее, но не применявшиеся к исследуемой проблеме: статистический, типологический, картографический, стратиграфический. Л.С. Клейн подчеркнул, что

«потребовалась разработка нового общего методического подхода к решению задач типа: происхождение конкретной культуры неолита или бронзового века, базирующейся на пастушеском хозяйстве» (Там же: 8).

Принципы этого подхода были направлены на строгий отбор, оценку и поиск прототипов конкретной культуры. Подчеркивалось, что прототипы не обязательно должны находиться поблизости, что комплексы промежуточного характера неизбежны при любом происхождении культуры, что среди культур с прототипами нужно искать наиболее подвижную, что в происхождении культуры необходимо различать три этапа: источники, сложение и становление, а также желательность равной оценки как автохтонного, так и миграционного происхождения (Там же: 8–9). Это потребовалось для решения именно миграционного происхождения донецкой культуры.

Круг вопросов, затронутых в диссертации, был настолько широк, что дальнейшая их разработка продолжилась, становясь направлениями. Критические штудии о проблемах выделения археологических культур развились в теоретические работы о предмете и методе археологии, о процедуре археологического исследования. Вопросы сопоставления вещевых материалов и особенностей погребальных сооружений впоследствии были развиты до комплекса работ по типологии и оформлены в докторскую диссертацию «Археологическая типология», защищенную в 1993 г. Темы погребального обряда выросли в «большой комплекс вопросов об индо-ариях». Разработка методических вопросов миграционных процессов продолжилась в статьях и монографиях. Вопросы об имущественной и социальной дифференциации были развиты в серии статей по реконструкции социальных структур.

«Москвичи (Кривцова-Гракова и ее ученица Попова) выводили ее из местной ямной культуры (в которой покойники погребены в простых ямах под курганами), для них катакомбная культура автохтонна. Для времен Марра доказательств и не требовалось — истина вытекала из учения Марра. Но теперь местное происхождение, преемственность нужно

было доказывать. У Кривцовой-Граковой и ее сторонников основных доказательств было два: прослеживание ямной традиции в катакомбной культуре (свидетельства преемственности) и смешанные комплексы (как бы промежуточные между ямной и катакомбной культурами).

Подобно своему учителю Артамонову, я был сторонником пришлого происхождения катакомбной культуры. Доказательства Кривцовой-Граковой и ее сторонников меня не убеждали. Что касается первого доказательства (следов преемственности в катакомбной культуре от ямной), то они в любом случае должны были иметься. Ведь полный разрыв был бы только в том случае, если бы люди ямной культуры были полностью вытеснены с Донецкой земли или истреблены. Это бывает редко. Обычно какая-то часть прежнего населения остается. Тогда элементы их культуры могут войти в культуру пришельцев.

Что касается смешанных комплексов, то и они могут быть в любом случае. Более того, если бы это были промежуточные звенья, комплексы переходного типа, то их можно было бы расположить в логическую цепочку с ямными и катакомбными комплексами: сосуды, топоры, обряды и прочее — все должно было располагаться от чисто ямных типов к чисто катакомбным с переходными типами посредине. Если такую цепочку выстроить невозможно, то, скорее всего, смешанные комплексы — результат контактов на стыке во время соседства или сосуществования обеих культур» (Там же: 114).

Все попытки объяснить происхождение катакомбной культуры были критически рассмотрены Л.С. Клейном и все были признаны неудовлетворительными (Бочкарев 2016: 19). Особенно досталось автохтонной. Именно тут были задействованы самые яркие аргументы, самая беспощадная логика. Мы учились на этих статьях.

К сожалению, картина миграции, предложенная Л.С. Клейном, оказалась довольно схематической. Круг культур шнуровой керамики и боевого топора был представлен достаточно ярко и выпукло, но для культур, использовавших в погребальном обряде катакомбные сооружения, этого не произошло, потому что публикации о них были более скудными.

Вопросы происхождения катакомбных культур волновали не только Л.С. Клейна, но и современных ему авторов. В.А. Фисенко предполагал миграцию с юга, а С.Н. Братченко, зная к 1974 г. об общих чертах в инвентаре и погребальном обряде ямных и катакомбных памятников, говорил о миграции «идеи» (Братченко 1976).

Основным камнем преткновения в вопросе происхождения катакомбной культуры в 1970–80-х гг. стало несомненное сходство отдельных черт погребального обряда и инвентаря раннекатакомбных и «поздне-

ямных» погребений, а несомненным отличием была только форма погребального сооружения. В работе А.В. Кияшко для решения этих проблем была предложена теория стимулированной культурной трансформации, третьего варианта культурогенеза (Кияшко 1999).

На рубеже XX–XXI вв. снова оживилась работа по катакомбной тематике, причем представитель московской школы предположил постепенный переход от ямного к катакомбному сооружению (Гей 2000), а археологи ленинградской / санкт-петербургской школы продолжили поиски истоков катакомбного способа погребения вне ареала катакомбных культур (Кияшко 1999; Стеганцева 2010; 2016).

Несомненным открытием стала работа о том, что на территории, занятой катакомбными памятниками, существуют не локальные варианты, а самостоятельные, хотя и родственные катакомбные культуры (Клейн 1970). Работа по выделению катакомбных культур продолжается до сих пор, предкавказская культура уже разделена на западноманьчскую, восточноманьчскую (Державин 1991; Андреева 2007), батуринскую (открытую в результате работ Кубанской экспедиции) и суворовскую (Клещенко 2013). Даже раннекатакомбные памятники разделены на западную и восточную группы (Стеганцева 2017).

«Полевой опыт в изучении катакомбных могил позволил мне разобраться во многих странных погребениях из старых раскопок Городцова, которые использовались как доказательства местного происхождения катакомбной культуры. Это так называемые "ямные погребения катакомбного типа" — когда покойники лежат в ямах, но по катакомбному обряду и с катакомбным инвентарем. Они рассматривались моими предшественниками как промежуточные звенья между ямной и катакомбной культурами и, стало быть, свидетельствами преемственности. Опираясь на свой опыт, я углядел в чертежах и описаниях этих могил следы разрушенных катакомб. Обычно эти погребения были впущены в уже готовый курган и лишь нижней частью входили в плотный материк, а верхняя часть помещалась в мягкой рушенной земле насыпи. Вот они и обрушились вскоре после похорон. Возможно, их делали зимой, в промерзлом грунте, а летом грунт не выдержал. От прежних катакомбных структур можно уловить сохранившиеся части: ступеньки сбоку (они нередко вели из ямы в катакомбу), наклоненные к покойнику каменные плиты (они закрывали вход) или кучи камней (от забивки входа), столб глины сбоку от покойника (заполнение входной шахты) и т.п.

На мой взгляд, статья об этом (она опубликована в 1961 г.) остается одной из лучших моих работ как археолога» (Клейн 2010: 114–115).

Действительно, эта работа актуальна до сих пор. Без сомнения, она входит в золотой фонд археологии наряду с такими исследованиями, как работы о кельтах и о реконструкции керамики М.П. Грязнова. Я считаю, что ее следовало бы переиздавать примерно каждые 20 лет. До сих пор на заседаниях нашего Отдела приходится объяснять молодым археологам, что они имеют дело не с ямными, а с катакомбными погребениями с не прослеженными входными ямами. Эта работа значительна не только как блестяще аргументированное доказательство «катакомбности» погребений, но и как свидетельство необходимости тщательной фиксации раскопок и зачисток. Например, по работам Синицына и Эрдниева, а также некоторых их учеников подобные реконструкции были бы совершенно невозможны.

«Мой учитель Артамонов считал катакомбную культуру пришедшей откуда-то с Кавказа. Меня же озаарило, что корни разных ее элементов уходят в разные концы Европы. Катакомбная форма могил явно произошла от имитации естественных пещер где-то в Эгейском мире (там есть и то, и другое — и естественные пещеры, и камерные могилы — катакомбы, и по короткой хронологии они предшествуют нашим). По керамике и топорам Донецкая катакомбная культура, очевидно, принадлежит к культурам шнуровой керамики и боевого топора Северной Европы, наиболее схожа — с ютландской культурой одиночных погребений. Тесемчатые оттиски в орнаменте и курильницы с отделениями (как бы карманами) известны на Дунае. Проблема в том, как связать их по хронологии и как объяснить их соединение. Невозможно же предположить, что эти компоненты культуры принесены по отдельности особыми миграциями из всех этих разбросанных очагов — почему это они все направились сюда и почему никаких других следов эти миграции не оставили? Но тогда кто и как соединил эти элементы во время некой сложной миграции и принес на Донец? Это совершенно не вязалось с господствовавшими представлениями об автохтонном происхождении культур и тем было особенно интересно. Да и в простую схему миграции не укладывалось и тем было тоже особенно заманчиво» (Там же: 115).

В этой работе, впервые после десятилетий господствования автохтонной теории происхождения катакомбной культуры, памятники южнорусских степей рассматривались как часть общеевропейской панорамы археологических культур.

В.С. Бочкарев обратил внимание на то, что донецкая культура рассматривалась Л.С. Клейном как единое явление, без вычленения раннего, развитого и позднего этапов (Бочкарев 2016: 20). Клейн даже подчеркивал, что именно донецкая культура имеет наиболее цельный

вид по сравнению с памятниками соседних территорий, является «эталонной». Это произошло потому, что выборка, с которой тогда работал исследователь, была недостаточно представительной. Теперь, когда в бассейне Северского Донца раскопано много курганов, стало ясно, что в курганах, исследованных В.А. Городцовым, были раскопаны далеко не все погребения. Это произошло из-за принятой тогда методики раскопок. Курганы копали кессонами (большими шурфами) размерами от 8 × 8 до 12 × 8 аршин (от 5,7 × 5,7 до 8,5 × 5,7 м) или реже траншеями длиной от 16 до 27 и шириной от 8 до 12 аршин (11,4–19 × 8,5–5,7 м) при диаметрах курганов от 24 до 90 м. При раскопках в Изюмском уезде в 41 кургане было исследовано 60 ямных погребений, а в 25 курганах — 30 катакомб. Шестьюдесятью годами позже при раскопках курганов «на снос» выяснилось, что число катакомбных погребений, как правило, значительно превышает число ямных, что впускные катакомбные погребения располагаются относительно центра кургана (основного ямного погребения) по дуге или дугам, что радиус первой дуги составляет примерно 4–6 м, а второй — 10–12 м (Братченко 1976: 16). Таким образом, раскопом размерами 8 × 8 м практически невозможно было обнаружить даже первую дугу впускных катакомб. Когда вместо кессона использовали траншею, число исследованных катакомб возрастало.

Часть базы данных Л.С. Клейна составили памятники, раскопанные в долине р. Молочной. Тут картина лучше, хотя А.И. Тереножкин отмечал как недостаток, что раскопки проводились без использования техники, что отразилось как на масштабах проводимых земляных работ, так и на полноте исследования. Курганы диаметром до 20 м раскапывались на снос, а у курганов большего диаметра полы оставались недоисследованными (Тереножкин 1960: 5). В 83 курганах было исследовано 82 ямных и 93 катакомбных погребения. При полном исследовании курганов катакомбных погребений должно быть значительно больше, чем ямных.

Несмотря на неполноту данных, массив имеющихся памятников не был однородным, и в материалах Городцова, и среди катакомбных погребений бассейна р. Молочной были и слабоскорченные раннекатакомбные, правда единичные, и более скорченные донецкие погребения, при этом формы катакомб также были различными.

«Такая **выдержанность**, такое **строгое соблюдение определенных норм** характерны только для донецкого варианта. Очевидно, население, оставившее эту культуру на Донце, длительное время не принимало в свою среду сколько-нибудь значительных примесей иноплеменных групп. В этом смысле

можно говорить о своего рода **чистоте донецкого варианта**» (Клейн 1961б: 72).

Как я уже отметила, массив катакомбных погребений не был однородным. Тут проявилась особенность подхода исследователя к «своему детищу», которое выглядит лучше, милее, чем соседние. Теперь известны и другие, не менее «выдержанные» и «чистые» культуры: бахмутская, западноманычская, восточноманычская, раннекатакомбная. Вершиной такого отношения можно считать высказывание У.Э. Эрдниева «Калмыцкая степь — центр катакомбной культуры».

В 1967–1968 гг. были защищены три диссертации по близкой тематике: работа С.Н. Братченко «Периодизация и хронология памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона», Л.С. Клейна «Происхождение донецкой катакомбной культуры» и В.А. Фисенко «Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия» (две последние — в Ленинграде).

Работа В.А. Фисенко, опубликованного по теме диссертации две работы, теперь упоминается только в историографических обзорах.

Работа С.Н. Братченко в 1976 г. была издана отдельной монографией, стала классической; все намеченные автором направления получили дальнейшее развитие в статьях и монографиях последующих лет, посвященных изучению культур энеолита — финала среднего бронзового века.

Работа Л.С. Клейна не была опубликована полностью. Многие ее положения были напечатаны в виде отдельных статей, некоторые из них подверглись критике и были встречены в штыки. Сам автор уже к моменту защиты диссертации отмечал, что

«трудоемкость работ привела к затяжке процесса исследования, и, поскольку выводы публиковались по частям, а исследование продолжалось, некоторые из ранее опубликованных выводов нуждаются в частных поправках» (Клейн 1968: 9).

Во многом это исследование опередило свое время.

В настоящее время исследователи катакомбных культур в своих публикациях ссылаются на следующие работы: «О так называемых ямных погребениях катакомбного типа» (Клейн 1961), «Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры» (Клейн 1962), «Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур» (Клейн 1962), «Происхождение донецкой катакомбной культуры» (Клейн 1968), «Катакомбная культура или катакомбные культуры?» (Клейн 1970). Первая и последняя работы из этого списка достойны были бы войти в золотой фонд археологии, если бы такой существовал. Наверняка пришло время.

«Вот почему я решил сделать это темой своей кандидатской диссертации, а не происхождение скифов, где бы я доказывал нечто противоположное: местное происхождение скифов в Северном Причерноморье. Миграции привлекали меня больше. Тема оказалась гораздо более трудоемкой, чем я представлял. Особенно много времени отняла обработка антропологического материала из катакомбных и ямных могил. Я решил, что если удастся показать их антропологическую разнородность, то это ведь будет коронное доказательство того, что катакомбная здесь пришлая. По сути, я взвалил на себя вторую диссертацию — антропологическую. Я их делал две в одной. Собрать все доступные мне костные материалы по одной культуре и по другой, проверить их археологическую атрибуцию, обмерить, обсчитать, найти надежные формулы сопоставления — это все отнимало у меня сотни вечеров (я ведь после аспирантуры должен был работать). Компьютеров тогда не было, в моем распоряжении была только обычная счетная машинка — механический арифмометр, ручку которого я крутил и крутил.

Но результат был отличный: данные обеих культур резко разошлись» (Клейн 2010: 115).

Теперь мы знаем, что между донецкой и ямной культурами находится пласт раннекатакомбных памятников, которые С.Н. Братченко (2001) считал ранним этапом донецкой. Если при антропологическом исследовании Л.С. Клейн сравнивал донецкие черепа с ямными, то между ними должны были быть различия, и они, конечно, были. Интересно, какие результаты получились бы из сравнения раннекатакомбных черепов с ямными? Но эти исследования стало возможным проводить гораздо позже.

«Вообще целая серия моих работ по катакомбной культуре пошла в публикацию, и они стали выходить в свет (в 1960 г. две, в 1961 и 1962 по три, в 1963 — две, в 1964 и 1966 по одной, в 1967 снова две, в 1968 — одна, но это был автореферат диссертации, а в 1969 и 1970 — снова по две; затем такие работы стали появляться реже)... В 1963 г. мою статью о роли миграции в происхождении катакомбной культуры перепечатали в США — это была моя первая работа на английском. Работа о богатых катакомбных погребениях, в которой я заметил, что символами власти у катакомбников были не боевые топоры, а лук и стрелы, вышла на немецком. Работа о сопоставле-

ниях с польскими катакомбами (культура Злоты) — на польском. Моя работа "Катакомбная культура или катакомбные культуры?" (1970) внесла перемену в общий подход к представлению об этих памятниках — все стали говорить о катакомбных культурах» (Клейн 2010: 116).

Я помню, что опубликованные за рубежом работы представляли особую гордость автора. Но, как и все в жизни, это имело обратную сторону. В русскоязычной печати они не появились и были недоступны для археологов даже довольно крупных городов, а когда недавно одному из учеников Л.С. Клейна понадобилась статья о погребениях со стрелами (Klejn 1967a; 1967b), он не нашел ее даже в библиотеке ИИМКА и вынужден был обратиться к тексту диссертации. Кстати, Лев Самуилович не упомянул статью о связи донецкой катакомбной керамики с культурой шнуровых кубков на немецком языке и публикацию о глиняных моделях колес на венгерском языке, совершенно недоступную даже редким среди археологов «полиглотам» с двумя-тремя языками (Klejn 1963; 1969).

Статья «Череп, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы» (Клейн 1961с) была опубликована в журнале «Советская этнография». Ссылку на нее я нашла только в работах С.Ж. Пустовалова, ученика Л.С. Клейна. Исследователям, позже писавшим о «масках» на черепах в катакомбных погребениях, эта работа осталась неизвестной, возможно, потому, что между публикацией статьи (1961 г.), обнаружением обрядовых действий с черепами погребенных и началом работ о «масках» прошло почти двадцать лет.

Очень жаль, что кандидатская диссертация Л.С. Клейна не опубликована полностью. Даже несмотря на то, что: во-первых, некоторые ее положения устарели, во-вторых, для исследования была использована недостаточно репрезентативная выборка, хотя многие ее выводы не подтвердились с накоплением новых материалов, — стоило бы опубликовать ее целиком. Как вызов узким специалистам-исследователям; как пример такого исследования, когда изучаемая культура показана как часть сложной и разнообразной мозаики европейских культур эпохи бронзы; как памятник возможностям человеческого разума.

Литература

Андреева М.В. 2014. Восточноманычская катакомбная культура. М.: Таус. 272 с.

Бочкарев В.С. 2016. Гипотезы Л.С. Клейна и С.Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: pro et contra // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Материалы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рожд. С.Н. Братченко / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 18–24.

- Братченко С.Н.* 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка. 254 с.
- Братченко С.Н.* 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. Ч. I–II. 76 + 124 с.
- Вишняцкий Л.Б., Раев Б.А.* 2017. Предисловие // *Ex Ungue Leonem*. Сб. статей к 90-летию Л.С. Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 5–6.
- Державин В.Л.* 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА РАН. 186 с.
- Кияшко А.В.* 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. 182 с.
- Клейн Л.С.* 1960. Новые данные о хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. 4, 144–148.
- Клейн Л.С.* 1961а. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа (К вопросу о происхождении катакомбной культуры) // СА 2, 49–65.
- Клейн Л.С.* 1961б. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М.И. Артамонова / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 69–78.
- Клейн Л.С.* 1961в. Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы // СЭ 2, 105–109.
- Клейн Л.С.* 1962а. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА 2, 26–38.
- Клейн Л.С.* 1962б. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. 1, 74–87.
- Клейн Л.С.* 1962с. К определению места курильниц в катакомбной культуре // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского университета, 123–132.
- Клейн Л.С.* 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры // АСГЭ 8, 5–17.
- Клейн Л.С.* 1968. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР. 19 с.
- Клейн Л.С.* 1970. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. Сб. статей / Ред. Б.А. Колчин, А.Я. Шер. М.: Наука, 165–179.
- Клейн Л.С.* 1973. Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации. М. 17 с.
- Клейн Л.С.* 1975. Проблема смены культур в современных археологических теориях // Вестник ЛГУ 8, 95–103.
- Клейн Л.С.* 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клещенко А.А.* 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА 228, 171–190.
- Стеганцева В.Я.* 2010. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН 5, 123–136.
- Стеганцева В.Я.* 2017. Доманычское время на Маныче // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Материалы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рожд. С.Н. Братченко / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 80–84.
- Тереножкин О.И.* 1960. Курганы в долине р. Молочной // АПУРСР VIII: Розкопки курганів на р. Молочній в 1951–1952 роках, 3–16.
- Фрумкина Р.М.* 1997. О нас — наискосок. М.: Русские словари. 240 с.
- Klejn L.* 1963. Bronzkori agyag kerékmodellek a Fekete-tenger északi partvidékéről (Bronze Age clay wheel models from the Northern Black Sea area) // *Archaeologiai Értesítő* 90/1, 60–63.
- Klejn L.* 1967a. Reiche Katakombengräber // *EAZ* 8/4, 210–234.
- Klejn L.* 1967b. Zagadka grobów katakumbowych rozwiązana? // *Z otchłani wieków* 33/4, 212–222.
- Klejn L.* 1969. Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur // *Die neolithischen Becherkulturen im Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen* / Hrsg. H. Behrens, F. Schlette. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 192–200.

ПРОБЛЕМАТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ В ТРУДАХ Л.С. КЛЕЙНА

С.В. Конча (†)¹

Без преувеличения можно сказать, что проблема происхождения индоевропейцев занимает особое место в разностороннем и многогранном творчестве Л.С. Клейна. К постановке данной проблемы, стекаясь в одно русло ручьями из разных источников, вели и его исследования катакомбной культуры, и изучение проблематики этногенеза, и разработка теоретических вопросов археологии, и изучение наследия ряда видных ученых, как М.И. Артамонов, Г. Коссинна, Э. Вале, и многое другое. Точкой отсчета, непосредственно приведшей исследователя к теме индоевропейской прародины, можно считать серию его статей начала 1980-х гг., посвященных этнической интерпретации донецкой катакомбной культуры (Клейн 1980; 1984а; 1984б). Л.С. Клейн, не останавливаясь на достигнутом результате, очерчивает дальнейшие задачи и намечает перспективы, явившиеся в значительной степени непосредственным продолжением и следствием прежних изысканий. В популярном изложении квинтэссенция новой научной программы выглядела так:

«Это ли не удача — одним рывком продвинуться в глубь веков более чем на тысячу лет! Зная, где были в это время арии, мы приближаемся к возможности распутать весь узел происхождения индоевропейцев... Соседи и связи катакомбников хорошо известны археологам. Теперь мы можем заняться подысканием реальных соответствий словесным образам и фактам. Возможна цепная реакция открытий» (Клейн 1984б: 20).

Однако от постановки задачи к попыткам предложить ее более-менее развернутое решение путь оказался неблизким.

Специфика подхода

1980-е гг. ознаменовались появлением множества фундаментальных трудов, посвященных вопросам происхождения и древнейшей истории индоевропейских народов (Gimbutas 1980; 1991; Kilian 1983; Гамкрелидзе,

Иванов 1981; 1984; Дьяконов 1982; Renfrew 1987; Häusler 1981; 1992; Широков 1988; Сафронов 1989; Mallory 1989; Anthony 1991; Makkaу 1992; и др.). В этих работах обобщены обширнейшие материалы, предложены детальные лингвистические и археологические реконструкции — недостатка в гипотезах, подходах и предположениях не было. Казалось бы, остается мотивировать свое собственное отношение к одной из удачно и полно аргументированных гипотез, уточнить некоторые аспекты и тем самым выявить место «индоевропейской проблемы» в историческом процессе. Однако Л.С. Клейн не спешил выражать свое согласие с какой-либо версией, более того, обратившись уже в новом тысячелетии к обобщению своих собственных результатов, он фактически предлагает начать все с нуля.

Такое решение (ср. Клейн 2007²: 4–17, 166–179; 2010: 20–47; 2012) представляется вполне обоснованным ввиду того, что при всей разнице в подходах большинству упомянутых выше авторов гипотез присущ один весьма существенный недостаток. Вначале, на основе довольно общих соображений, определяется, кем были (должны были быть) древнейшие носители индоевропейского языка в культурном отношении. Затем с разной степенью последовательности и тщательности устанавливается их соответствие той или иной археологической культуре (или культурному ареалу), и, наконец, рисуется картина продвижения отдельных ветвей из данного ареала в исторически известные места обитания. Так, по мнению Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова, И.М. Дьяконова, Л. Килиана, В.А. Сафронова, общим предкам индоевропейцев был свойствен довольно высокий для позднего каменного века и/или палеометалла уровень культуры. Соответственно, искать индоевропейцев следует там, где в VI–IV тыс. до н.э. фиксируются наиболее развитые формы земледелия,

² В тексте сохранены ссылки автора на труд Л.С. Клейна 2007 года, который не был напечатан и помещен в интернете как черновик. Ряд положений этого труда см. Клейн 2010; 2013. — *Примеч. ред.*

¹ Сергей Викторович Конча (1968–2016).

сложный культ, зачатки металлургии и т.д. Несколько модифицируя данный подход, К. Ренфру провозгласил, что грандиозному процессу распространения индоевропейских языков должен отвечать не менее значительный культурный процесс, и на этом основании наложил схему ветвления индоевропейских языков на карту распространения земледелия и скотоводства в Европе. Но, по мнению М. Гимбутас, Д. Энтони и Д. Мэллори, индоевропейцы были специализированными подвижными скотоводами, пастухами, поэтому прародина должна была находиться непременно в степной зоне — колыбели всех подвижных скотоводов и кочевников. Каждый из авторов приводит немало археологических экспликаций, как будто подтверждающих его модель, что же касается множества нестыковок, то они объясняются отсутствием части данных (подробнее см. Мэллори 1997).

Л.С. Клейн высказывает свое несогласие с подобным подходом, ущербность которого выявляется в широком спектре выводов об индоевропейской культуре, хотя основываются они, казалось бы, на одном и том же лингвистическом материале. Строить концепцию поиска, по его мнению, следует не путем подбора археологических данных под известную привязку предполагаемой прародины с неким геокультурным ареалом, а, наоборот, двигаться ретроспективно: от известных фактов к установлению доисторических мест обитания отдельных ветвей — и далее — путем скрупулезного изучения материала — отслеживать пути перемещения этих ветвей и их вероятных предков до тех пор, пока возможно будет свести полученные результаты к какому-то общему культурному или географическому знаменателю.

Отдавая себе отчет в том, что культурная преемственность не обязательно означает языковую, и постоянно это подчеркивая, Л.С. Клейн считает, что проследить изменения в языковой ситуации следует не столько путем установления перерастания одной культуры в другую (или, наоборот, констатации его отсутствия), а путем установления следов миграций — проникновения в культурную среду элементов очевидного инокультурного происхождения. Даже относительно небольшое количество таких элементов может свидетельствовать о приходе групп населения извне, т.к. зачастую пришельцы перенимали местные культурные элементы вплоть до таких археологически показательных, как погребальный обряд и технология изготовления керамики. Методично соотнося подобного рода данные о миграциях с комплексом лингвистических сведений, можно строить предполо-

жения о времени и характере изменений языковой ситуации в регионе.

«В миграциях, особенно в дальних "бросках" сталкиваются совершенно чуждые друг другу культуры, не связанные контактами и заимствованиями. Это позволяет различить разные этносы гораздо более надежно, чем при попытках разграничить близких соседей по их материальной культуре. А такое различие этносов позволяет поставить вопрос о разных языках, о передвижении языков. Таким образом, миграции становятся ключом к совмещению лингвистических общностей с археологическими культурами» (Клейн 2010: 44).

Собрав солидный корпус данных о подобного рода перемещениях и устанавливая их исходные центры, можно пытаться выстраивать суждения об исходном центре распространения индоевропейских языков в целом.

Место лингвистических данных

Подобно многим другим археологам, подчеркивающим важность и необходимость использования в исторических реконструкциях накопленные лингвистами материалы (ср. Childe 1926; Даниленко 1974; Kilian 1983; Сафронов 1989; Mallory 1989; Anthony 1991; Zvelebil 1995; Залізняк 1998), Л.С. Клейн также активно обращается к данным лингвистики. Однако, в отличие от большинства упомянутых авторов, в основе построений которых положены результаты сравнительного анализа экологической и культурной лексики, он склонен считать эти данные малопоказательными и зачастую ненадежными (подобный подход см. Renfrew 1987; Zvelebil 1995). Последовательно развивая свои положения о принципиальной важности изучения миграций, Л.С. Клейн обращается к данным «лингвистической географии» — реконструкциям доисторического положения индоевропейских языков на основе свидетельств о взаимных контактах, а также к реконструкции «генеалогического древа» индоевропейской семьи, т.е. последовательности разделения языков и генетических взаимоотношений между ними. Несомненно, привлечение этих данных значительно облегчило бы задачу установления положения отдельных ветвей в пространстве до перемещения их в исторически известные места обитания и позволило бы отслеживать относительную хронологию доисторических связей ветвей и групп между собой.

В соответствующих построениях Л.С. Клейн пытается опираться на данные, собранные в работах Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, И.М. Дьяконова, а также на не утратившие своей актуальности переводные труды А. Мейе (1938), В. Порцига (Порциг 1964), В. Георг-

гиева (Георгиев 1958а; 1958б) и мн.др. Вместе с тем ему приходится констатировать, что реконструкция «генеалогического древа» и схемы контактных отношений внутри индоевропейской семьи оказываются делом весьма непростым.

«Генеалогическое древо в идеале предполагает классификацию языков, соответствующую аристотелевым принципам непротиворечивого членения объема понятий: все раскладывается по ящичкам на основе единого критерия, без остатка, без взаимоналожения. Схема более-менее соответствует результатам биологической эволюции. На деле же в языковом материале мы имеем скорее не классификацию, а типологию в гётевском смысле: материал роится в многомерном поле признаков, выделяются кластеры, а разграничить их можно по-разному, в зависимости от избранных критериев. Это следствие сложности и переплетенности истории человеческих коллективов — этносов» (Клейн 2007: 7).

Не меньшим разочарованием веет от оценки исследователем метода лексикостатистики М. Сводеша, казалось бы имеющего математически строгую и многократно выверенную основу. Несмотря на это, расхождения между результатами применения метода разными авторами достигают порой нескольких тысячелетий. Последнее заставляет отказаться от практического использования этих результатов в историко-археологических реконструкциях (Клейн 2007: 15–16 сл.; 2010: 34–36).

Фактически Л.С. Клейн приходит к выводу, что задействовать полноту лингвистического материала для выяснения положения индоевропейских групп в жестко определенный период времени (с точностью до нескольких столетий) невозможно. Отсюда вытекает и невозможность четкой привязки лингвистических построений к археологически известным культурным общностям. Таким образом, Л.С. Клейн вынужден отказаться от первоначально намеченной им необходимости последовательно придерживаться лингвистических данных о древнейших отношениях между языковыми ветвями. По сути, этим данным отводится второстепенное и вспомогательное место. Наряду с ними не меньшее значение получают у него данные сравнительной мифологии, хотя в то же время он признает необходимость крайне осторожного подхода при обращении с этими материалами.

Главным достижением «лингвистической географии», на которое Л.С. Клейн считает возможным опереться, признается вывод о том, что предки носителей индоиранских языков должны некогда тесно быть связанными (или соседствовать, или образовывать языковое единство) с предками греков и армян, а также, по-

видимому, фракийцев и фригийцев. В остальном исследователь полагается на археологические материалы.

Следы миграций

Итак, для Л.С. Клейна путеводной нитью в решении запутанной проблемы происхождения и древнейших судеб индоевропейских народов становятся археологические (а также этнографические, лингвистические, антропологические и т.д.) следы древних миграций. Здесь автор проявляет достойную удивления проницательность и цепкость взгляда. В самом общем изложении итог его изысканий таков.

Миграция индоариев. Постулируется им на основании установленных им параллелей между указаниями «Ригведы» и материалами археологических культур катакомбного круга, в первую очередь донецкой культуры. По мнению исследователя, могут быть прослежены и промежуточные следы миграции, основанием для чего служат близкие по времени погребения в катакомбах на Ближнем Востоке и в Средней Азии, а также отдельные находки из этих регионов, напоминающие изделия причерноморских катакомбных культур (Клейн 2010: 186–194, ил. 34). В самой Индии подобных археологических следов нет: он полагает, что в ходе миграции индоарии-«катакомбники» растеряли свои культурные черты. Однако часть их сохранилась в виде атавизмов в письменных текстах, а некоторые отобразились даже в живых этнографических обычаях. Последнее, собственно, и позволяет идентифицировать причерноморских «катакомбников» с индоариями (Клейн 2007: 40–45).

Миграция (миграции) иранцев. Постулируется на основе исследований Е.Е. Кузьминой, показавшей соответствия признаков андроновской культуры на юге Сибири и в Казахстане указаниям о древнейшей культуре ираноязычных народов, содержащимся в гимнах «Авесты». Е.Е. Кузьмина также прослеживает ряд волн перемещений населения из северных районов Казахстана и Приуралья в Среднюю Азию во II тыс. до н.э. (Кузьмина 1986; 1994).

Таким образом, хотя в Индии и Иране пока не обнаружено несомненных следов продвижения степного населения, Л.С. Клейн считает практически доказанным продвижение степных скотоводов в Индию, Иран и Среднюю Азию, с чем может быть связана индоевропейзация (ариезация) этих регионов.

Совокупность данных указывает на восхождение языковых предков иранцев (носителей андроновской и срубной культур II тыс. до н.э.) к полтавкинской культуре, развивавшейся между Северным Прикаспием и Южным Уралом во второй половине III тыс. до н.э.

(Клейн 2007: 55–56 сл.). Эта культура синхронна катакомбным и также, как они, может восходить к культурам ямной культурно-исторической общности (вторая половина IV — первая половина III тыс. до н.э.).

Поскольку общий период в истории всех арийских языков не вызывает сомнения у филологов, в носителях ямной культуры (ямной культурно-исторической общности) следует видеть общих предков индоариев и иранцев³. Остается открытым вопрос: следует ли искать предков греков, армян и фракийцев, близкородственных в языковом отношении индоиранцам, среди населения ямной общности, или же они должны были занимать соседние территории (Там же: 60–72 сл.). Если не принимать во внимание некоторые детали, то у Л.С. Клейна нет сомнений, что все эти ветви должны восходить к среднестоговско-хвалынской общности, развивавшейся в причерноморских и поволжских степях во второй половине V — IV тыс. до н.э. Следовательно, предков носителей эллинских диалектов также следует искать в этом регионе.

Миграция греков. Появление предков исторических эллинов на юге Балканского полуострова Л.С. Клейн считает возможным связать с несколькими курганными погребениями, напоминающими степные и относящимися к рубежу III/II — началу II тыс. до н.э., и столь же немногочисленными находками керамики со шнуровым орнаментом, предположительно датируемыми тем же временем (Клейн 2007: 143–150; 2010: 100–109). Хотя курганные погребения и шнуровая керамика в то время были распространены на большей части Европы, наиболее вероятный исходный пункт появления этих материалов в Греции автор видит в нурушайской (буджакской) культуре, памятники которой сосредоточены в бассейнах Нижнего Дуная и Нижнего Днестра. Эта культура, по всей вероятности, также является ответвлением ямной культурно-исторической общности; будучи синхронной катакомбным культурам, она имела с последними довольно тесные связи. Последнее обстоятельство, по мнению ученого, особенно ярко свидетельствует в пользу праэллинской атрибуции нурушайской (буджакской) культуры, так как именно между греками и индоариями (= носителями катакомбной культуры) наблюдаются особенно яркие и многочисленные параллели в области мифологии (Клейн 2007: 92–97; 2010: 109–110, 464).

³ Этот вывод является «общим местом» у многих исследователей ямной культуры и древнейших страниц истории арийских народов, но самому Л.С. Клейну он дался нелегко, так как длительное время он отстаивал независимое от «ямников» и их потомков происхождение катакомбных культур, во всяком случае части из них.

Эллины-греки не первыми из северных переселенцев появились на юге Балканского полуострова: археологические материалы указывают, что на протяжении III–II тыс. до н.э. произошло несколько резких изменений в развитии культуры — все они могут быть результатом прихода более или менее значительных групп переселенцев извне. Лингвистические данные (топонимика, глоссы в древних текстах) указывают, что кроме греков на территории будущей Эллады побывали и другие индоевропейцы: хетто-лувийцы, фракийцы, пеласги.

Миграция хетто-лувийцев. Археологический след прихода хеттов (хетто-лувийцев) в их исторический ареал — в Малую Азию — Л.С. Клейн связывает с отмеченными венгерским археологом Н. Калицем параллелями между материалами баденской культуры в бассейне Среднего Дуная и находками в ранних слоях Трои (I–V) (Клейн 2010: 84–91; 2012). Если Н. Калиц в 1960-х гг. связывал эти параллели с малоазийскими влияниями на Среднюю Европу, то, согласно современной хронологии, баденская культура является более древней, чем самые ранние поселения в Трое. Следовательно, имеются основания видеть здесь миграцию из Средней Европы в Малую Азию во второй половине III тыс. до н.э., т.е. именно в то время, когда на основании лингвистических и исторических данных можно предполагать появление там предков хеттов и лувийцев. Примерно в это же время волна переселений охватила и Эгейский бассейн с Элладой — эту волну Л.С. Клейн связывает с распространением в регионе топонимических окончаний, характерных для анатолийских языков (Клейн 2010: 91–98).

Миграция фракийцев. По мнению ряда исследователей, языковые данные указывают на близость фракийцев к иранцам, индоариям, грекам. Следовательно, выводить их следует из того же региона, что и последних. По мнению Л.С. Клейна, предки фракийцев и родственные им племена должны были появиться на Балканском полуострове, не исключая южной его части, позднее греков. Опираясь на некоторые аналогии между находками в микенских шахтовых гробницах (XVI–XV вв. до н.э.) и материалами культуры многоваликовой керамики (= бабинской) (конец III — начало II тыс. до н.э.), ученый считает возможным связать древнейших предков фракийцев с этой культурой (Клейн 2007: 122–126; 2010: 72–75). В пользу такого отождествления свидетельствуют и многочисленные аналогии между культурами бронзового века Причерноморья и восточной части Балканского полуострова, где в историческое время были распространены фракийские племена.

Миграция тохаров. В отношении обстоятельств перемещения тохаров, которых сложные исторические пути забросили на «далекий восток» индоевропейского языкового и культурного пространства — в китайский Синьцзян, Л.С. Клейн демонстрирует, пожалуй, наиболее сильные колебания. Лингвистические данные и на этот раз позволяют существенно уточнить направление поисков: тохары не были связаны с восточной группировкой индоевропейских языков, куда входили предки ариев, греков, армян, фракийцев, и не вступали (как ни странно) в тесные контакты с какими-либо арийскими группами на ранних этапах своей независимой языковой эволюции. Дошедший тохарский лексикон и некоторые грамматические черты позволяют предполагать какие-то специфические отношения с языковыми предками италийцев, кельтов, германцев, во вторую очередь — предками балто-славян и фрако-фригийцев. Кроме того, имеются показательные следы ранних связей тохаров с финно-угорскими языками севера Восточной Европы и запада Сибири. Все это привело Л.С. Клейна к мысли о возможности отождествления предков тохаров с носителями фатьяновской культуры, прибывшими во второй половине III тыс. до н.э. на Верхнюю и Среднюю Волгу с запада, как и другие группы носителей культуры шнуrowой керамики — боевых топоров, из Центральной Европы (Клейн 2007: 160). По всей вероятности, какие-то группы потомков носителей фатьяновской культуры (они же — предки тохаров) должны были двигаться вдоль южной окраины сибирской тайги на восток и позднее переместиться к югу — на территорию Восточного Туркестана.

Пересмотрев в поисках восточного ответвления поздних фатьяновцев материалы ряда культур, Л.С. Клейн остановился на карасукской культуре, в которой, по его мнению, просматриваются аналогии в формах керамики и некоторых изделиях с фатьяновской культурой (Там же: 159). Однако позднее под влиянием работ А.А. Ковалева, усмотревшего ближайшие аналогии материалам чемурчекской культуры, обнаруженным в предгорьях Монгольского Алтая, с памятниками позднего неолита Франции, Л.С. Клейн изменил свою точку зрения, выдвинув предположение о тождестве ранних тохаров с чемурчекской культурой и о «молниеносной» миграции их предков с юга Франции в область Верхнего Иртыша и в Джунгарию (Клейн 2012: рис. 5: 6). Предполагать чрезвычайную быстроту миграции заставляет то обстоятельство, что тохарский язык не обнаруживает следов древних контактов с индоиранцами, которые должны были в ту эпоху занимать степное пространство между Карпатами и Уралом. В более северных же областях не выявлено памятников или

материалов, хотя бы отдаленно подобных неолитическим французским или чемурчекским.

Обобщение результатов и намечаемый вывод

Рассмотрение серии миграций индоевропейских народов, происходивших в разное время и в разных условиях, позволяло Л.С. Клейну составить представление об их общих исходных центрах. Совокупно все ветви ариев, а также предки греков, фракийцев, армян и фригийцев уходят корнями в причерноморско-волжские степи, где археологическим эквивалентом предков всех упомянутых выше групп выступает или ямная культура, или ее предшественница — среднестоговско-хвалынская культурная общность (размещавшаяся на той же территории, что и ямная). Носители хетто-лувийских языков должны уходить корнями в баденскую культуру на Дунае, которая, по мнению ряда исследователей, в свою очередь, ведет происхождение от культуры воронковидных кубков, развивавшейся во второй половине V — IV тыс. до н.э. на территории между Рейном и Вислой (Клейн 2007: 37; 2010: 85). К тому же пространству и в конечном счете к той же культуре воронковидных кубков должны восходить и предки тохаров, если (по первому варианту решения) возводить их к фатьяновской культуре круга боевых топоров. Но и в случае принятия второго варианта тохарской прародины (когда пратохары приходят из Франции) бросается в глаза близость соответствующих памятников с территории Франции памятникам культуры воронковидных кубков или (даже в большей степени) связанной с нею культурой шаровидных амфор (вторая половина IV — первая половина III тыс. до н.э.), т.е. и в этом случае связь предков тохаров с носителями культуры воронковидных кубков не исключается (Клейн 2012).

Исследователь разделяет широко распространенную точку зрения, согласно которой миграции многочисленных групп культуры шнуrowой керамики — боевых топоров привели к расселению на обширных пространствах Европы германцев, кельтов, славян, балтов и, вероятно, италийцев (Клейн 1969). Все эти группы, согласно преобладающему ныне мнению, восходят к культуре воронковидных кубков, именно к вариантам, расположенным в бассейне Эльбы и Одера.

Таким образом, вырисовывается следующая картина: ряд индоевропейских групп, для которых лингвистические данные позволяют постулировать особую близость: индоиранская, греческая, фракийская, армянская, — восходят к причерноморской общности V или IV тыс. до н.э., все прочие группы могут быть выведены из близкой по времени центральноевропейской общности, в первую очередь представленной культурой

воронковидных кубков. Проблема общей прародины индоевропейцев, следовательно, может быть сведена к вопросу первичности одной из этих культурных общностей по отношению к другой или же вероятности восхождения их обеих к некоему третьему центру.

В выборе возможностей Л.С. Клейн практически не сомневается. Он констатирует внезапное, без видимых эволюционных предпосылок появление в степном ареале ярких культурных явлений: 1) курган с наличием в нем каменных конструкций — ящиков, дольменов, кромехов, крепид; 2) посуда с плоским дном, покрытая черным лощением; 3) шнуровой орнамент на керамике. Все эти явления имеют аналогии в центрально-европейском ареале, где, по его мнению, прослеживаются их более глубокие истоки (Клейн 2007: 85–90, 179). Яркие западные аналогии имеют также каменные плиты-стелы, обычно обнаруживаемые в перекрытии могильных ям, но первоначально, по-видимому, устанавливаемые или над погребениями, или в расположенных неподалеку святилищах. Аналогии имеются не только в форме стел и их достаточно массовом изготовлении, но также в изображениях на них. Некоторые археологи констатируют наличие в степных культурах святилищ, представляющих собой округлые по форме площадки (где, возможно, устанавливались первоначально и стелы). Такие же круглые в плане, окруженные неглубокими ровиками, святилища известны и в ареале культуры воронковидных кубков, где их выявлено уже несколько десятков.

Распространение западных инноваций в восточно-европейских степях Л.С. Клейн связывает с расселением племен, оставивших памятники суворовского типа (у разных авторов они же именуются скелянскими или новоданиловскими), основная масса которых концентрируется на территории между низовьями Дуная и Днепра. Распространяясь в восточном направлении и метизируясь с местными группами, носители суворовской (новоданиловской) культуры положили начало всему кругу культур среднестоговско-хвалынской и, опосредственно, ямной (Там же: 89–91). Следовательно, ранние скотоводы Северо-Западного Причерноморья, формировавшиеся в ближайшем соседстве с культурами балкано-карпатского круга, и являлись первыми носителями индоевропейского языка в степном ареале.

Впрочем, хорошо понимая, что суворовско-новоданиловские материалы весьма и весьма отличаются от материалов культуры воронковидных кубков, Л.С. Клейн решительно не настаивает (как это делал, например, В.А. Сафронов, выведивший западноямные памятники напрямую из культуры воронковидных кубков) на происхождении первых от вторых, но лишь

обозначает такую возможность в виде общей перспективы, балансируя между уровнями гипотетичности и предположительности:

«Столь тесное соседство крайних (впоследствии) групп в центре Европы увеличивает шанс именно центрально-европейского очага на размещение индоевропейской прародины. Возведение ямной культуры к культуре воронковидных кубков возможно через предьямные энеолитические культуры — новоданиловскую (суворовскую), квитянскую и т.п. IV тыс. до н.э. с курганами, трапециевидными могилами, каменными конструкциями и чернолощеной керамикой. От них ведет свое начало курган в Причерноморье» (Клейн 2012).

«Наследие Г. Коссинны» (экскурс)

Вывод о происхождении индоевропейцев от носителей культуры воронковидных кубков, конечно же, не нов. Сравнительно недавно подобный взгляд высказывал В.А. Сафронов⁴ (1989), но его построения не получили поддержки, заслужив основательную критику, в том числе со стороны Л.С. Клейна (Клейн 2007: 169–170). Но еще в 1950-х гг. концепция, выводящая индоевропейцев из культуры воронковидных кубков, не только была широко распространена, но практически господствовала (ср. Виноградов 1969: 18–30). Среди сторонников подобного взгляда можно назвать В. Антоневица, Г. Зегера, Ю. Покорного, Ф. Шпехта, А. Неккеля и мн.др. (Arntz 1936; Scherer 1968). Распространение индоевропейских языков все они связывали с расселением носителей культур шнуровой керамики — боевых топоров, не усматривая особой разницы между их северными («лесными») и южными степными (т.е. «ямными») группами и выводя корни тех и других из Центральной и Восточной Германии.

В основе данного подхода, как известно, лежат работы немецкого археолога Г. Коссинны (Kossinna 1902; 1921; 1936 (1926)), при упоминании которого принято употреблять выражения «одиозный», «вульгаризатор науки», «крайний шовинист» и т.п. Считается само собой разумеющимся, что Г. Коссинна был одним из основателей идеологии 3-го Рейха, ведь основополагающим ее звеном была теория «высшей расы», которую многие были склонны отождествлять с индоевропейцами, а последним много внимания в своих трудах уделял Г. Коссинна. Отсюда упоминание трудов и научных достижений Г. Коссинны обычно сопровождается рядом

⁴ Правда, для В.А. Сафронова область культуры воронковидных кубков была лишь конечным пунктом гипотетического пути индоевропейцев из Малой Азии на Балканы, оттуда — на Дунай, оттуда — на североевропейские равнины, где наконец и произошел распад единства.

оговорок, корректировок, уточнений и даже извинений. И если какие-то наработки и открытия этого ученого все же признаются, то его концепция происхождения индоевропейцев подавляющим большинством авторов второй половины XX в. решительно отвергалась, клеймилась и даже гневно критиковалась (ср. Монгайт 1969: 53).

Л.С. Клейн еще в 1960-х гг. впервые обратился к наследию Г. Коссинны в связи со своей гипотезой о западных истоках донецкой катакомбной культуры. Дальнейшие изыскания заставляли его вновь и вновь обращаться к работкам и взглядам немецкого ученого:

«И вот обида, выходишь на него [направление, ведущее к истине] — и устанавливаешь: задолго до тебя по нему прошел этот проклятый Коссинна! Скверно прошел, наследил и напутал. Наставил рогаток и сетей. К полной истине не вышел, увел потом куда-то в сторону. Но прошел. И никуда от этого не денешься. Не сворачивать же на другое направление только поэтому!» (Клейн 2000б: 90).

Эта «досадная неизбежность» в конце концов породила отдельное биографическо-наукоедческое исследование (Клейн 1974; Клейн 2000б). Л.С. Клейн подтверждает наличие у Г. Коссинны ярко выраженного националистического мировоззрения; кроме того, отмечает его крайнюю склочность, высокомерие, вспыльчивость, выражающуюся в нападках на коллег, неумение корректно вести дискуссию и т.п. Но означает ли все это, что Коссинна был посредственным ученым и его построения в области индоевропейской проблемы продиктованы, как это нередко считается, исключительно националистическими убеждениями? Углубленный анализ, проведенный Л.С. Клейном, дает все основания полагать, что это далеко не так, хотя сам автор биографического описания не расставляет однозначные акценты, предоставляя читателю самому судить — насколько и в чем можно доверять Г. Коссинне.

Попробуем составить свое суждение и мы. Прежде всего, был ли Г. Коссинна в первую очередь идеологом, а потом уже ученым? Обратившись к трудам, составившим основу нацистского мировоззрения — от К. Либенфельса и Х. Чемберлена до К. Розенберга и самого А. Гитлера, — увидим там апелляции к арийскому (немецкому) духу, зову крови, мистическим откровениям и прозрениям, геополитическому детерминизму, теориям Е.П. Блаватской, «концепциям» исхода высшей расы из Атлантиды и Лемурии и еще многому другому, но почти никогда — к реальным разработкам археологов или лингвистов (хотя таковые и могут упоминаться всуе). У Г. Коссинны, напротив, нет мистической мишуры и отвлеченных рассуждений: он весь погружен

в мир горшков, орнаментов, могил, черепков и черепов, исследуемых с чрезвычайной подробностью, дотошностью и немецким прилежанием.

Кто-то может заметить, что антинаучность подхода Г. Коссинны заключается в абсолютизации антропологических измерений и приданию незаслуженного значения расовому аспекту. Однако в те времена (рубеж и первая четверть XX в.) очень многие ученые, как разделявшие идеи «нордизма», так и решительно от них отрекшиеся, весьма активно обращались к антропометрическим данным, которые, при регулярных пробелах в материале, часто оказывались решающими в вопросах генезиса или связей древних культур и общностей. Нельзя сказать, что Г. Коссинна чрезмерно абсолютизирует антропологические данные (как это делали «столпы» расового подхода — К. Гюнтер, О. Рехе и др.) или приписывает все яркие культурные достижения представителям «нордической» расы, которую он пытается увязать с древнейшими индоевропейцами (ср. Kossinna 1936: 53–95). Скорее, обращение к черепам из погребений играет роль дополнительного аргумента в вопросах о генетическом соотношении тех или иных групп памятников. Этот же подход широко практикуют и современные археологи, далекие от антропологического детерминизма.

Нередко в упрек Г. Коссинне ставится крайняя прямолинейность подхода, в частности сведение постулируемых миграций индоевропейцев к 14 «походам», распространяющихся с севера Германии по Европе и напоминающих победоносные завоевательные вторжения некой воображаемой армии. В действительности большинство «походов» Г. Коссинны — это очень незначительные (особенно на фоне наших современных археологических знаний) перемещения в пределах центральноевропейского региона (Клейн 2000б: 112–113; 2010: 42), почти все они тщательно выверены на археологическом и антропологическом материале (Kossinna 1936: 119–197). Некоторые постулируемые Г. Коссинной перемещения приняты современной наукой (например, продвижение на восток культуры шаровидных амфор — см. Szmyt 1999), другие — отвергнуты. Однако вместо них воссоздаются десятки и сотни подобных же перемещений, идущих в разных направлениях, приписываемых как индоевропейским, так и другим народам, что никого не удивляет и не кажется одиозным. Слово «Zug», которое с легкой руки ранних критиков немецкого исследователя обычно переводят как «поход», может быть переведено также как «передвижение» или как «миграция». О «завоеваниях» Г. Коссинна пишет не часто, скорее отдавая дань широко

принятым в то время взглядам на формы распространения языков.

Разумеется, далеко не все идеи и построения Г. Коссинны выдержали проверку временем. Но можем ли мы считать, что в своих взглядах на прошлое индоевропейцев он выдавал желаемое за действительное и всецело находился в плену иллюзий, следовательно не будучи «истинным», т.е. беспристрастным ученым?

Заметим, что Г. Коссинна одним из первых (если не первым) археологическими методами очертил первичный ареал древних германцев, отведя им территорию Дании, юга Швеции и низовий Эльбы и Одера. Этот вывод на сегодня признается большинством ученых и подтверждается данными, независимыми от тех материалов, которые были в распоряжении Г. Коссинны (Монгайт 1974; Krüger 1978; и др.). Следовательно, националистическая (пангерманистская) предрасположенность не помешала Г. Коссинне прийти к правильным выводам.

Именно Г. Коссинне мы обязаны введению такого фундаментального понятия, как археологическая культура, без которого не мыслима сегодня археологическая наука и любые «протоисторические» реконструкции и импликации. Исследователь считал, что культура соответствует этносу, обосновывая этот тезис на широком материале. Хотя в современной науке данное мнение является дискуссионным, постоянно переходя в плоскость установления критериев для выделения самих археологических культур, но не идет речь о решительном и категорическом отрицании связи между древними этносами и археологическими культурами (Клейн 1991: 145–153; ср. Конча 2004; 2012).

Наконец, немаловажно, что многие из тех передвижений, которые наметил Г. Коссинна для различных групп культур воронковидных кубков, шаровидных амфор и шнуровой керамики, опираясь при этом на довольно скудные материалы, подтверждаются новейшими разработками.

Как видим, ни национализм, ни особенности характера не помешали свершению действительно ярких научных открытий и не уничтожили в Г. Коссинне свойственное ему исследовательское чутье. Следовательно, нельзя согласиться с теми авторами, которые спешат поставить на гипотезе о северо- / центрально-европейском происхождении индоевропейцев штамп «коссиннизм», отождествляя это понятие с идеологической зашоренностью.

Я далек от того, чтобы настаивать на правильности отождествления прародины индоевропейцев с ареалом культуры воронковидных кубков, однако проведенный экскурс, надеюсь, убедит читателя в том, что гипотеза

о происхождении индоевропейцев с севера Средней Европы вновь должна занять достойное место в числе других, ныне широко признаваемых, и штамп «одиозности» с нее должен быть снят.

По выражению Дж. Мэллори, прародина индоевропейцев уже найдена, невозможно быть полностью оригинальным в определении центра их распространения, осталось только отсеять ошибочные варианты. Ничего принципиально оригинального не предлагает, как видим, и Л.С. Клейн. Но все же понадобилось определенное мужество и настойчивость, чтобы преодолеть десятилетиями накапливаемые предрассудки и сделать очередной шаг в «направлении, приближающем к истине».

Общая оценка и некоторые замечания

Полагаю, что не погрешу против истины, подчеркнув, что посвященная индоевропейской проблеме серия работ Л.С. Клейна не приобрела формы завершенной и внутренне непротиворечивой концепции. Скорее, работы ученого могут быть охарактеризованы как реконструкция путей преодоления тупика, в котором оказался индоевропейский вопрос в результате, казалось бы, весьма разностороннего, но методологически слишком прямолинейного подхода к его решению, имея в виду упомянутые выше работы 1980-х гг. и некоторые более поздние.

Несомненно, важными и принципиальными для дальнейших разработок в области как индоевропейской, так и — шире — этногенетической проблематики следует считать следующие положения, формулируемые Л.С. Клейном, которые мы попытаемся представить в несколько перефразированном виде:

1. Исходить следует не из априорно-установочных положений типа «индоевропейцы были оседлыми земледельцами» или «они были скотоводами», или «индоевропейцы были воинственными блондинами», или «они сооружали курганы» и т.п., а из последовательного анализа культурно-исторических ситуаций в тех регионах, которые можно связывать с проживанием на них индоевропейского населения в разные эпохи.

2. Для исследования индоевропейской проблематики важное значение имеет прослеживание миграций и дальнейшее углубление методологии их изучения. Следует учитывать, что далеко не всегда перемещения населения сменялись резким изменением культурного состояния в исходных и принимающих регионах, наоборот, культура самих мигрантов могла изменяться очень существенно. Соответственно, нельзя упускать из виду даже мелких деталей, представляющих как бы «аномалии» в развитии культурного ареала.

3. Исследования следует проводить путем последовательной интеграции археологических и лингвистических данных, в тесном сотрудничестве методов этих наук. Из лингвистических данных особое внимание следует уделять данным «лингвистической географии» (под которой понимаем здесь как схему генеалогического древа языков, так и данные по взаимным контактам языков, имевшим место после распада единства).

4. Археологические и лингвистические данные могут быть дополнены и проверены данными сравнительной мифологии в тех случаях, если достаточный архаизм мифологических мотивов и образов может считаться доказанным.

Безусловно признавая справедливость и важность этих посылов, все же следует сказать несколько слов о том, что самому Л.С. Клейну не всегда удавалось придерживаться их с необходимой тщательностью. Так, в своей попытке идентифицировать исходную область протогреков, он преимущественно опирается на данные сопоставительной мифологии, которые обнаруживают массу эксклюзивных (не разделяемых в том числе иранцами) параллелей между греками и индоариями. Следовательно, считает ученый, протогреки должны были иметь тесные контакты с носителями катакомбной культуры (= ранними индоариями). А поскольку не позже конца III тыс. до н.э. они оказались на юге Балканского полуострова, логично искать область их древнего обитания на промежуточной территории между ареалом этой культуры и Балканами. Тем самым постулируется тождественность протогреков с носителями нерушайской (буджакской) культуры, которая, имея контакты с культурами катакомбной общности, сама к ним не принадлежала.

Активно применяя здесь посыл № 4 и коррелируя его с археологическими данными (по принципу № 2), Л.С. Клейн совершенно упускает из виду принцип № 3, а именно данные по языковым контактам. Последние говорят, что тесных связей между протогреками и индоариями (выделившимися уже из индоиранского единства) не было. Названия божеств, общие для греков и ариев, в своем большинстве имеют соответствия у других индоевропейцев (Зевс — Дьяус, Эос — Ушас, Гелиос — Сурья), хотя эти имена и образы не сохранились у иранцев. Но и в тех случаях, когда можно предполагать эксклюзивность (Кербер — Шарбара, Пан — Пушан, возможно, Уран — Варуна), эти сходения такого свойства, что указывают на этимологическую соотнесенность с более древней эпохой: заимствование их ранними греками из языка с уже оформившимися индоиранскими особенностями (именно таким должен был быть уже самый ранний общеиндоарийский язык)

исключается. Ни одного имени, мифологического термина или вообще слова, для которого можно было бы предполагать заимствование из древнего индоарийского, в греческом языке не обнаружено (см. Кулланда 2012: 155, сн.). Все это, как представляется, ставит под сомнение (или же вообще исключает) тесные (пра)греко-индоарийские связи; следовательно, либо прагреки не находились в зоне непосредственного влияния ядра катакомбной культуры, либо как-то иначе должен решаться вопрос об этноязыковой соотнесенности последней.

Что же касается мифологических параллелей, то они могут быть объяснены тем, что греческая и индоарийская традиции наиболее полно доносят до нас древнее мифологическое наследие, в значительной степени утраченное другими индоевропейцами, в том числе иранцами.

Важность принципа учета лингвистических связей упускает Л.С. Клейн из виду и в другом случае, увлекшись идеей «великой чечурчекской миграции» и приписав ее предкам тохаров. [...] ⁵ Языковедами считается (и это принимает Л.С. Клейн), что следов лингвистических связей с индоиранцами у тохаров нет. Индоиранцы, как отмечено выше, должны были в III тыс. до н.э. (во время «чечурчекской миграции») населять степную зону. Поэтому Л.С. Клейн полагает, что предки тохаров очень быстро передвинулись на восток и возможные связи с ариями не успели запечатлеться в их языке. На быстроту перемещения указывают также яркие параллели в изобразительном искусстве и погребальном обряде между чечурчекской культурой и памятниками Франции, другие западные элементы чечурчекской культуры (Ковалев 2011; Клейн 2012, рис. 6), сохранившиеся с удивительной свежестью (если верить авторам) в конечном пункте миграции ⁶.

Однако, не обнаруживая общих языковых признаков с индоиранцами, тохары имеют их с балто-славянами, а также, согласно мнению ряда лингвистов, с армянами и фригийцами (Бенвенист 1958; Георгиев 1958а; 1958б; Порциг 1964; Горнунг 1963; Иванов 1986). Общие черты не ограничиваются лексикой (которую можно бы объяснить проникновениями из пратохар-

⁵ Фраза не приводится в связи с выявлением фактологической ошибки в авторском тексте, которую, к сожалению, невозможно исправить в связи с безвременной кончиной автора (Ред.)

⁶ Видимо, памятники Причерноморья, которые А.А. Ковалев рассматривает как имеющие отношение к чечурчекской миграции, следует связывать с теми группами мигрантов, которые, осев надолго в европейских степях, в конечном счете растворились среди местного населения и на восток не попали.

ского в упомянутые языки), но и распространяются на сферу грамматики, что говорит о довольно длительном и достаточно компактном совместном проживании (тесном соседстве) всех упомянутых индоевропейских групп. Признание этих данных вынуждает либо предположить, что языковые предки балтов, славян, армян и фригийцев около рубежа IV–III тыс. до н.э. обитали где-то неподалеку от территории нынешней Франции (следовательно, возникает необходимость соответствующих археологических импликаций), либо исходить из того, что тохары прошли через Восточную Европу в действительности не так уж быстро, при этом двигаясь (и оседая) в тех ее частях, где не было индоиранцев. Как представляется, ранее выдвигаемое предположение о тождестве пратохаров с фатьяновцами лучше отвечает данным условиям и его пока еще рано сбрасывать со счета.

Не во всем можно согласиться с Л.С. Клейном и в отношении чисто археологических построений. Параллели между баденской культурой и материалами ранней Трои, на которые он опирается (Клейн 2010: 86–87, 2012: рис. 2), могут оказаться следами многосторонних культурных связей, имевших место в балкано-анатолийском регионе (и шире) в позднем медном — раннем бронзовом веке (ср. Черных 1988). Возможно, имели место какие-то специфические троянско-дунайские торговые связи и культурные контакты (как, собственно, и считал Н. Калиц, впервые указавший на данный круг аналогий), но не обязательно следует видеть здесь следы миграции.

Если все-таки признать, что некоторые группы носителей баденской культуры проникли в область Трои, то останется открытым вопрос об их тождестве с хеттами или лувийцами, т.к. не прослежены пути дальнейшего продвижения этих «баденско-троянских» групп в достоверно хетто- и лувийскоязычные области.

С другой стороны, если признать в носителях баденской культуры хетто-лувийцев, не обязательно выводить предков таковых из культуры воронковидных кубков. В первой половине и середине XX в. мнение о тесной связи двух этих культур было широко распространено. В последние десятилетия вклад наследия культуры воронковидных кубков признается как один из многих, преобладающее же значение в генезисе баденской культуры отводится местным дунайским (отчасти восходя-

щим еще к традициям культур линейно-ленточной и накольчатой керамики), а также балканским компонентам (Jażdżewski 1981; Sochacki 1981; 1985; и др.). Следовательно, ниточка, ведущая к культуре воронковидных кубков, в данном случае почти теряется.

Ключевой момент намечаемой центрально-европейской концепции происхождения индоевропейцев Л.С. Клейна — выведение блока степных культур V–IV тыс. до н.э. из культуры воронковидных кубков (или какой-то другой родственной культуры?) — находится в том состоянии разработки, что вести какую-либо дискуссию или критиковать не представляется возможным. Параллели действительно имеются, собственно, они были давно известны (в частности, Сафронов 1989; Манзура 2000; можно также вспомнить многочисленные работы М. Гимбутас, рассматривавшей эти параллели с обратным вектором, — см. Конча 2001; 2004), но что за ними стоит, пока не ясно. Выше упоминалась довольно обтекающая формулировка самого Л.С. Клейна, которая лучше любых замечаний свидетельствует об отсутствии строгих археологических доказательств этой модели.

Таким образом, намеченную некогда генеральную задачу — решение вопроса о прародине индоевропейских народов — рассматриваемые здесь работы Л.С. Клейна не решают. Однако имеется другая, не менее важная задача, формулируемая самим исследователем следующим образом:

«К книгам о происхождении народов, особенно индоевропейцев, обращаются не только специалисты, но и широкие массы читателей, преодолевая трудности научного чтения. Они набрасываются на все книги по этим темам, и наши научные книги станут в один ряд с "космическими тайнами курганов" и "тюркскими арийцами". Нужно, чтобы наши книги были конкурентоспособны в этой ситуации. Нужно провести четкую границу не только между знанием и незнанием, но и между наукой и лженаукой» (Клейн 2007: 180).

Представляется, что, при всех поставленных выше вопросах, исследования Л.С. Клейна в области предстории индоевропейцев могут считаться ярким примером именно научного, взвешенного и вполне современного подхода в попытке разобраться в этой очень сложной и запутанной, но чрезвычайно интересной проблеме.

Литература

- Бенвенист Э. 1959. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. Сб. статей / Ред. В.В. Иванов. М.: Иностранная литература, 90–108.
- Виноградов В.А. 1969. О реконструкции протоязыковых состояний // Система и уровни языка / Отв. ред. Э.А. Макаев. М.: Наука, 4–42.

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* 1981. Миграции племен носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ 2, 11–33.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. 1328 с.
- Георгиев В.И.* 1958а. Балто-славянский и тохарский языки // Вопросы языкознания 6, 3–20.
- Георгиев В.И.* 1958б. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. (Родственные отношения индоевропейских языков). М.: Иностранная литература. 318 с.
- Горнунг Б.В.* 1963. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М.: Изд-во АН СССР. 143 с.
- Даниленко В.Н.* 1974. Энеолит Украины. Киев: Наукова думка. 174 с.
- Дьяконов И.М.* 1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ 3, 3–30; ВДИ 4, 11–25.
- Залізняка Л.Л.* 1998. Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ: Бібліотека українця. 307 с.
- Иванов Вяч.Вс.* 1988. Балто-славяно-тохарские изоглоссы // Балто-славянские исследования-1986 / Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Наука, 45–60.
- Клейн Л.С.* 1980. Откуда арии пришли в Индию? // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. 4, 35–39.
- Клейн Л.С.* 1984а. Археологические следы древнейших индоариев в Причерноморье // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конф. / Ред. И.Ф. Вардуль и др. М.: б.и. Ч. 1, 32–35.
- Клейн Л.* 1984б. От Днестра до Инда // Знание — сила 7, 17–20.
- Клейн Л.С.* 1991. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С.* 2000а. Тохарская миграция в свете археологии // Stratum plus 2, 178–187.
- Клейн Л.С.* 2000б. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus 4, 88–140.
- Клейн Л.С.* 2007. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. URL: http://lavka.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii. Дата обращения 01.03.2014.
- Клейн Л.С.* 2010. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия. 496 с.
- Клейн Л.С.* 2012. Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию М.П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. Кн. 2, 25–34.
- Клейн Л.С.* 2013. Этногенез и археология. В 2 т. Т. 1: Теоретические исследования. Т. 2: Арии и varia. СПб.: Евразия. Т. 1, 528 с. Т. 2, 528 с.
- Ковалев А.А.* 2011. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // РАЕ 1, 183–244.
- Конча С.В.* 2001. Концепція «степових інвазій» М. Гімбутас. Спроба критичного аналізу // Археологія 1, 35–43.
- Конча С.В.* 2004. Степова концепція походження індоєвропейців на сучасному етапі // Археологія 1, 87–98.
- Конча С.В.* 2012. Перспективи этногенетических реконструкций в каменном веке (на материале индоевропеистики) // Вестник Академии ДНК-генеалогии [Proceeding of Academy of DNA Genealogy]. Boston-Moscow-Tsukuba, 5/5 May, 524–552 [русскоязычный вариант статьи *Конча С.В.* 2004. Перспективи етногенетичних реконструкцій за кам'яної доби (матеріали індоєвропеїстики) // Кам'яна доба України 5. Київ, 191–203].
- Кузьмина Е.Е.* 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим. 132 с.
- Кузьмина Е.Е.* 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература. 464 с.
- Кулланда С.В.* 2012. Рецензия на книгу: Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010 // Вопросы языкового родства 7, 153–160.
- Манзура И.В.* 2000. Владеющие скипетрами // Stratum plus 2, 237–295.
- Мейе А.* 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. с франц. Д. Кудрявского, перераб. и доп. по седьмому французскому изд. А.М. Сухотиным, под ред. и с примеч. Р.О. Шор; вступ. ст. М. Сергиевского. [Изд. 3-е]. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во. 511 с.
- Монгайт А.Л.* 1969. Надпись на камне. М.: Знание. 112 с.

- Монгайт А.Л.* 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука. 428 с.
- Мэллори Дж.П.* 1997. Индоевропейские прародины // ВДИ 1, 61–82.
- Порциг В.* 1964. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Л.Ю. Брауде, В.М. Павлова; ред. и предисл. проф. А.В. Десницкой. М.: Прогресс. 332 с.
- Сафронов В.А.* 1989. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-вятское книжное изд-во. 398 с.
- Черных Е.Н.* 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. LXXX [лет Б.Б. Пиотровскому.] / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М.: Наука, 37–57.
- Широков О.С.* 1988. Реконструкция праязыковых изоглосс общеиндоевропейского диалектного континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции / Отв. ред. Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 43–65.
- Anthony D.W.* 1991. The Archaeology of Indo-European origins // JIES 19/3–4, 193–222.
- Arntz H.* 1936 (Hrsg.): Germanen und Indogermanen. Völkstum, Sprache, Heimat, Kultur. Festschrift für Herman Hirt. Heidelberg: Carl Vinters Universität Buchhandlungs. Bd. I–II. 623 S.
- Childe V.G.* 1926. The Aryans: A Study of Indo-European Origins. London; New-York: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.; Alfred A. Knopf. 221 p.
- Gimbutas M.* 1980. The Kurgan Wave #2 (ca. 3400–3200 B.C.) into Europe and the Following Transformation of Culture // JIES 8/3–4, 273–315.
- Gimbutas M.* 1991. The Civilization of the Goddess. The World of Old Europe. San-Francisko: Harper. 529 p.
- Häusler A.* 1981. Die Indogermanisierung Griechenlands nach Aussage der Grab- und Bestattungssitten // Slovenska Archeologia 29/1, 59–66.
- Häusler A.* 1992. Archäologie und Ursprung der Indogermanen // Das Altertum 38, 3–16.
- Jazdźewski K.* 1981. Pradzieje Europy Środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 711 p.
- Kilian L.* 1983. Zum Ursprung der Indogermanen. Forschungen aus Linguistik, Prähistorie und Anthropologie. Bonn: Habelt. 178 S.
- Klejn L.S.* 1969. Zum Problem der Aussonderung und Gliederung des Streitaxtkulturkreises // Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen / Hrsg. H. Behrens, F. Schlette. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 143–148.
- Klejn L.S.* 1974. Kossinna im Abstand von 40 Jahren // Jahrbuch für mitteldeutsche Vorgeschichte 58, 7–55.
- Kossinna G.* 1902. Die Indogermanen Frage archäologisch beantwortet // Zeitschrift für Ethnologie 34, 161–222.
- Kossinna G.* 1921. Die Indogermanen: Ein Abriss. I. Das indogermanische Urvolk. Leipzig: Kurt Kabitzsch. VI + 79 S.
- Kossinna G.* 1936. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlichen Zeit. Dritte, unveränderte Auslage. Leipzig: Kurt Kabitsch. XII, 238 S. (I Auslage: Leipzig, 1926).
- Krüger B.* (Hrsg.) 1978. Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanische Stämme in Mitteleuropa. Bd. I. Auslage 2. Berlin: Akademie Verlag. 417 S.
- Makkay J.A.* 1992. Neolithic Model of Indo-European Prehistory // JIS 20/3–4, 193–238.
- Mallory J.* 1989. In Search of the Indo-Europeans. London: Thames and Hudson. 288 p.
- Renfrew C.* 1987. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. New York: Cambridge University Press. XIV + 346 p.
- Scherer A.* (Hrsg.) 1968. Die Urheimat der Indogermanen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 571 S. (Wege der Forschung 166).
- Sochacki Zd.* 1981. The Baden Culture // Archaeologia Polonia 20, 27–63.
- Sochacki Zd.* 1985. The relationship between the Baden culture and the south-east European Cultures // JIES 13/3–4, 257–268.
- Szmyt M.* 2009. Between West and East: People of the Globular Amphora culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań: Adam Mickiewicz University. 349 p. (Baltic-Pontic Studies 8).
- Zvebil M.* 1995. Indo-European Origins and the Agricultural Transition in Europe // Whither archaeology? Papers in Honour of Evžen Neustupný / Ed. M. Kuna, N. Venclova. Praha: Institute of Archaeology, 173–203.

Л.С. КЛЕЙН И «ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС»

О.Л. Губарев¹

Современный антинорманизм (Что не приемлет Л.С. Клейн?)

В XXI в. приходится снова отвечать на вопрос, который к концу XIX в. считался решенным в пользу скандинавского происхождения варягов и Руси. Кем были варяги и русы? Вопрос этот снова поднимают современные антинорманисты в рамках возобновившейся дискуссии по «варяжскому вопросу».

Как отметила В.В. Мурашева:

«Казалось бы, "норманская" или "варяжская" проблема давно утратила актуальность. Однако, по-видимому, это верно применительно к научному сообществу; во вне- или околонуучных кругах дискуссии времен М.В. Ломоносова все еще находят отклик» (Мурашева 2009: 174).

По истории «варяжского вопроса» имеется огромная библиография². Инициатива в споре о варягах принадлежит М.В. Ломоносову, который первым обвинил немецких членов Российской академии Байера, Миллера и Шлецера в отсутствии патриотизма. М.В. Ломоносов по поводу диссертации Миллера заявил, что «если бы³ г. Миллер умел изобразить живым штилем, то он Россию *сделал бы* столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен» (Билярский 1865: 760). Как справедливо отметил И.Н. Данилевский:

«В приведенной фразе настораживает сослагательное наклонение, употребленное великим ученым. Из этого как будто следует, что Г.Ф. Миллер все-таки не "изобразил" и не "сделал" Россию "бедным народом". Он лишь дал повод для такого толкования зарождения русской государственности. А потому именно М.В. Ломоносову, которому после

упомянутого "репорта" Елизавета Петровна поручила написать историю России, мы в значительной степени обязаны появлением в законченном виде так называемой "норманской теории".

Точнее, "химии адьюнкту Ломоносову" принадлежит сомнительная честь придания научной дискуссии о происхождении названия "русь" и этнической принадлежности первых русских князей вполне определенного политического оттенка. Спор между "норманистами" и "антинорманистами", то затихая, то вновь обостряясь, продолжается уже свыше двух веков. Однако, повторю, он имеет *не столько научный, сколько политический характер*» (Данилевский 1998: 44).

Так началась дискуссия по «варяжскому вопросу», продолжающаяся до наших дней.

В XIX в. сторонниками скандинавского происхождения Руси были Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт, Н.М. Карамзин, А.Х. Лерберг, Ф.А. Браун, И.Ф. Круг, А.А. Куник, М.П. Погодин, Н.А. Полевой, П.И. Шафарик, Ф. Крузе, С.В. Руссов, В.Г. Васильевский и др. Против них выступали антинорманисты В.Н. Татищев, Г. Эверс, Ю.И. Венелин, И.Е. Забелин, Ф.Л. Морошкин, М.А. Максимович, Н.В. Савельев-Ростиславич, С.А. Геденов, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, Н.П. Ламбин и др.

Если со стороны ученых, признававших варягов скандинавами, были расхождения только в частных вопросах, то антинорманисты не могли согласиться между собой относительно происхождения Руси. Хотя у большинства антинорманистов, за исключением небольшой группы историков (С.А. Геденов, Ю.В. Венелин, И.Е. Забелин и Ф.Л. Морошкин), скандинавское происхождение варягов сомнений не вызывало. В.Н. Татищев выводил Русь от финнов, Г. Эверс — от хазар, Н.И. Костомаров — с берегов Немана, Д.И. Иловайский считал русов славянами, А.С. Будилович искал готские корни, и т.д. Сильной стороной антинорманизма была детальная критика оппонентов, во многом способствовавшая укреплению гипотезы о скандинавском про-

¹ Россия, Санкт-Петербург. Независимый исследователь. Адрес электронной почты: LvovichG@rambler.ru.

² Хорошие библиографические обзоры содержат работы В.А. Мошина, И.П. Шаскольского, А.А. Хлевова, Л.С. Клейна, В.В. Фомина.

³ Выделение курсивом. — О.Г.

исхождении Руси за счет выявления многих несообразностей, неточностей и преувеличений в работах ее сторонников. Слабой стороной была позитивная часть, в которой антинорманисты расходились принципиально, так и не сумев договориться между собой и предложить единую гипотезу происхождения Руси. Все гипотезы, предлагавшиеся в качестве альтернативы скандинавской, были подвернуты детальному разбору и отвергнуты. Вопрос был, таким образом, с научной точки зрения решен в пользу скандинавской гипотезы.

Послереволюционному времени, около 1930–1935 гг., соответствовал новый относительно недолгий период возврата к признанию роли норманнов в образовании Древнерусского государства (до 1930 г. история в качестве отдельного курса в высших учебных заведениях не преподавалась). Теперь «варяжский вопрос» использовался официальными советскими историками в политических целях для борьбы с «великодержавным шовинизмом» царской России. Свое отражение такой подход получил в работах М.Н. Покровского и его школы и завершился с окончательным разгромом этой школы после «замечаний» И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова о «правильном» преподавании истории в 1934–1935 гг.

При этом следует заметить, что сам М.Н. Покровский термином «норманизм» не пользовался, и антинорманисты называют его «норманистом», поскольку он не отрицал, что первые русские князья были норманны, чему сам не придавал никакого значения. Главным для него было изложение истории Древней Руси с точки зрения классов и классовой борьбы. После разгрома школы М.Н. Покровского понятия «норманизма» и «норманской теории» были окончательно скомпрометированы в глазах серьезных ученых их использованием в политических целях, далеких от науки.

Свой пик всплеск антинорманизма имел в период сталинской борьбы с «безродным космополитизмом», а далее антинорманизм занял место официальной идеологии в исторической науке СССР. Опираясь на него, были установлены основные правила написания научных работ (марксистский «диалектический» подход, поиски классовой борьбы в основе любого исторического явления, использование понятия «общественно-экономической формации» и т.д.), нарушение которых делало невозможными проведение исследований и публикацию результатов.

Основной теорией на данном этапе была «полянская» теория, разработанная в трудах Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, утверждавшая, что русы — это славяне, что к появлению ва-

рягов государство у восточных славян уже сложилось, а варяги-скандинавы или вообще не оказали никакого влияния на историю Руси, или были наемниками на службе славянских князей. Данная теория была принята и разрабатывалась советскими историками в отрыве от мировой исторической науки, противопоставляя себя ей.

В советское время имела место и первая попытка реанимации «славяно-балтийской» гипотезы, предпринятая В.Б. Вилинбаховым и В.В. Похлебкиным. В.Б. Вилинбахов даже начал дискуссию с А. Стендер-Петерсеном в зарубежном журнале «Kuml» и на страницах «Скандинавского сборника». Одновременно за курсовую работу «Норманны и Киевская Русь» из МГУ был исключен студент А.А. Амальрик, а предпринятая им переписка с тем же А. Стендер-Петерсеном привела к его допросам в КГБ.

Поскольку господство «славянской» теории пришлось на годы цензуры и официального антинорманизма, а придерживавшиеся скандинавской гипотезы историки преследовались, то сразу после начала перестройки, отмены цензуры и преследований, «славянская» теория тихо канула в Лету.

Последний пик антинорманизма связан с борьбой против демократии в России за возврат к тоталитарному прошлому СССР. Закономерным результатом является появление сборника статей основоположника данного рецидива антинорманизма А.Г. Кузьмина «Мародеры на дорогах истории», больше всего свидетельствующих об истинных причинах нового всплеска антинорманизма, чем все научные работы его последователей. Фактически ничего нового в гипотезе о происхождении Руси от балтийских славян по сравнению с работами Ю.В. Венелина, И.Е. Забелина, Ф.Л. Морощкина и С.А. Гедеонова нет. Гипотеза эта в окончательном виде нигде не сформулирована и существует в работах А.Г. Кузьмина и В.В. Фомина только в виде полемики с оппонентами. Новое, предложенное А.Г. Кузьминым — попытка примирить все гипотезы антинорманистов, выводящие Русь из разных местностей и от разных народов, с заявлением, что существовало множество «Русий», которые все, так или иначе, внесли свой вклад в создание государства на Руси.

Последователь А.Г. Кузьмина В.В. Фомин добавил в развитие гипотезы, объявив источники с X по XII в. недостоверными, а их свидетельства неясными, и привлек к объяснению истории IX в. источники с XV по XIX в. (Фомин 2005). Другая последовательница А.Г. Кузьмина Е.С. Галкина возродила старую гипотезу о происхождении Руси от рокс(рухс) аланов, предложенную еще М.В. Ломоносовым. Она также сделала попытку согла-

совать балтийско-славянскую гипотезу с аланской, переместив алан на Балтику (Галкина 2002: 358–365).

Как видно, современный антинорманизм находится на грани между наукой и фолк-истори и неразборчивостью своих методов способствует размножению фолк-исторических опусов, в которых гораздо меньше научного подхода и больше сенсационности и домыслов (Губарев 2014).

Против этого современного политизированного антинорманизма и выступил Л.С. Клейн.

Вклад Л.С. Клейна в разработку «варяжского вопроса»

«Варяжским вопросом» Л.С. Клейн начал заниматься давно. В 1960-е гг. в Ленинграде при истфаке ЛГУ работал семинар Л.С. Клейна по «варяжскому вопросу», оказавший значительное воздействие в изучении истории Древней Руси. Как рассказывает сам Л.С. Клейн в своей книге «Спор о варягах», в 1960 г. он начал преподавать на бесплатной основе и, будучи аспирантом, создал при кафедре кружок школьников⁴, интересовавшихся вопросами истории и археологии (Клейн 2009: 97). Тогда же, в 1960 г., Л.С. Клейн подготовил к публикации книгу по «варяжскому вопросу», но эта работа, естественно, не могла быть напечатана в условиях господства официального антинорманизма советских времен и ходила по рукам в машинописном виде. Тем не менее этот труд внес важный вклад в разработку скандинавской гипотезы происхождения Руси и варягов.

Студенты из числа участников кружка и образовали впоследствии аудиторию слушателей спецкурса «Варяги и археология», который читал им Л.С. Клейн. В 1964 г. Л.С. Клейн организовал Проблемный семинар по варяжскому вопросу.

В условиях официального антинорманизма подобные занятия являлись очевидной ересью и недопустимым вольнодумством. Поэтому партийное руководство пошло на то, чтобы организовать дискуссию с участием Л.С. Клейна и его учеников, чтобы обосновать закрытие семинара научной несостоятельностью его участников. В качестве оппонента принимал участие в дискуссии И.П. Шаскольский, автор работы «Норманнская теория в современной буржуазной науке» (Шаскольский 1965).

⁴ Я, в то время школьник шестого класса, занимался в кружке по истории и археологии, который вел Л.С. Клейн при истфаке ЛГУ. Нас, школьников, привлекала возможность получить знания в области археологии и истории, знакомиться с археологическими коллекциями Эрмитажа, получить ясное представление об основах научной работы и научном подходе. Эти полученные знания пригодились мне в жизни, за что я очень благодарен Льву Самуиловичу. — О.Г.

Это был уже третий открытый диспут по «варяжскому вопросу». Первым был упомянутый выше спор М.В. Ломоносова с Г.Ф. Миллером по поводу его диссертации. Вторым — открытый диспут между М.П. Погодиным и Н.И. Костомаровым в 1860 г., который проходил при огромном интересе со стороны публики. Сам спор не выявил победителя. С научной точки зрения диспут закончился победой М.П. Погодина, поскольку Н.И. Костомарову пришлось позже отказаться от гипотезы литовской Руси с берегов Немана (на Археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г.). С точки зрения публики, более привлеченной на сторону Н.И. Костомарова его народничеством и славянофильством, спор выиграл Костомаров, но не вследствие научной аргументации, а благодаря ораторскому искусству, риторическим приемам и сочувствию общества.

И вот теперь должен был состояться третий этап этого незавершенного спора, что придавало ему особый интерес в глазах студенчества. Благодаря солидной научной подготовке и использованию работы К. Маркса, авторитет которого для партийной верхушки тех времен был вне обсуждения, дискуссия закончилась поражением партийного аппарата и продолжением работы семинара. Во многом эта победа была достигнута в результате умело построенного выступления Л.С. Клейна. Естественно, в тех условиях участники семинара не могли открыто заявить свои взгляды, что от них и ждали партийные бюрократы. Значение проблемного семинара Л.С. Клейна заключалось в подготовке большого числа ученых, которые в будущем внесли свой вклад в разработку вопроса и провели много интересных исследований по этой тематике. К их числу принадлежат Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко, В.А. Булкин, И.В. Дубов и многие другие.

В XIX в. основной упор в «варяжском вопросе» был сделан на изучении письменных свидетельств и исторических источников, круг которых постепенно расширялся, а археология играла вспомогательную роль. К настоящему времени круг письменных источников по истории начальной Руси остается неизменным, хотя и продолжается их углубленное исследование и разработка отдельных аспектов. Но уже в XX в. на первый план в разработке «варяжского вопроса» вышли археологические исследования. Археология всегда была ахиллесовой пятой антинорманизма. Трудно отрицать факты находок скандинавских вещей на территории Древней Руси, антинорманистам остается только говорить об их незначительности и малом удельном весе по отношению к остальным находкам, как это делали А.В. Арциховский и Д.А. Авдусин. Но по мере расширения площади археологических

исследований и углубленного изучения отдельных памятников стало ясно, что объем находок вещей скандинавского характера на территории Руси сопоставим с объемом таких находок в Скандинавских странах, например в Дании (Андрощук 2004: 8).

В 1970 г. вышла статья «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн и др. 1970) в сборнике под редакцией И.П. Шаскольского и Н.Е. Носова. К чести И.П. Шаскольского нужно отметить, что, будучи оппонентом Л.С. Клейна, он сам предложил ему и его соавторам опубликовать статью в редактируемом им сборнике. В этой работе были обобщены известные на тот момент данные по могильникам и поселениям со скандинавскими находками. Разбирался вопрос об этническом определении вещей и о находках вещей «гибридного» характера. Откликами на эту работу были рецензия А. Поппе (Poppe 1972), а также статьи Г.С. Лебедева (Лебедев 1999), А.Г. Кузьмина (Кузьмин 2005) и В.В. Фомина (Фомин 2009).

Через несколько лет по рассматриваемому вопросу за рубежом вышла статья Л.С. Клейна (Klejn 1973), а после большого перерыва в 1999 г. он опубликовал работу, как тогда казалось, подводящую черту под вопросом, решенным с научной точки зрения (Клейн 1999). В заметках Д.Н. Верхотурова (Верхотуров 2006) и Я.Л. Радомского (Радомский 2010) содержались отклики на эту статью. Скандинавское происхождение русов и варягов стало историческим фактом.

Но антинорманизм возродился снова, на этот раз в виде не научного, а политизированного «патриотического» движения. Антинорманистами была переиздана работа С.А. Гедеонова «Варяги и русь» (Гедеонов 2004), вышла большая полемическая работа В.В. Фомина, интересная с историографической точки зрения (Фомин 2005), на различных сайтах в интернете во множестве стали появляться публикации антинорманистов, сторонников В.В. Фомина. В своей работе В.В. Фомин, не будучи археологом, попытался привлечь некоторые материалы из работ российских археологов в пользу своей гипотезы, в первую очередь обнаруженное археологами влияние керамики балтийских славян, т.н. керамики фельдбергского и фрезендорфского типа, на керамику северо-запада Руси.

Все это сделало необходимым издание работы Л.С. Клейна, которую он не смог опубликовать в 1960-е гг. Книга была опубликована в 2009 г. и вызвала много споров и дискуссий в интернете. В этой книге Л.С. Клейн внес те дополнения, которые посчитал необходимыми для разъяснения своей позиции по «варяжскому вопросу» (Клейн 2009). В этой своей работе он собрал основ-

ные доказательства и аргументы как ученых, придерживающихся скандинавской гипотезы, так и антинорманистов. Ему удалось структурировать спор, показать его внутреннюю логику и построить убедительную систему аргументации. До появления работы Л.С. Клейна обзоры по «варяжскому вопросу» носили чисто историографический характер с перечислением историков и их взглядов на проблему. Л.С. Клейн впервые, приведя аргументацию и контраргументацию каждой стороны, выстроил их в виде определенной системы доказательств. Именно такой подход выделяет эту работу среди остальных обзоров, посвященных истории «варяжского вопроса». Рецензии на книгу Л.С.Клейна появились в журнале «Посев» (Соколов 2009), в «Литературной газете» (Васильев 2009), в журнале «Славяноведение» (Соколов 2010), а за рубежом — в журнале «Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung» (Schneeweiß 2010) и в журнале «Norwegian Archaeological Review» (Stalsberg 2011).

На статью же Л.С. Клейна в газете научного сообщества «Троицкий вариант», посвященную реанимации антинорманизма, В.В. Фомин откликнулся в интернете большой статьей, написанной в виде интервью, в которой содержалась критика книги Л.С. Клейна «Спор о варягах» и его статей, а также личные выпады (Фомин 2010). Л.С. Клейн отреагировал на критику В.В. Фомина статьей, в которой выразил благодарность за отмеченные опечатки и огрехи в опубликованной книге, но ответил, что не принимает упреков В.В. Фомина в некомпетентности на основе собранных книжных опечаток (Клейн 2010). После чего В.В. Фомин выпустил отдельную книгу (Фомин 2013), на которую отреагировал и Л.С. Клейн (2014а), кратко охарактеризовав позицию и положение В.В. Фомина в истории «варяжского вопроса» и сосредоточившись на критике современного антинорманизма как такового.

В другой своей статье Л.С. Клейн осветил современную дискуссию по «варяжскому вопросу», изложил историю вопроса и показал психологические корни антинорманизма:

«Развалилась советская империя, и хотя большинство народа не имело никаких преимуществ перед Западом, жить было гораздо хуже, чем там, победители в войне нищенствовали по сравнению с жизнью побежденных, но русскому народу внушалось, что он самый лучший, самый благополучный, самый духовный и ведущий в империи, что все его боятся и завидуют ему. И все это рухнуло. Осталась неприглядная действительность. Чувство национального унижения рождает озлобление на иностранцев и инородцев и надежды на реванш... Это и есть почва для массового сочувствия в России антинорманизму.

Настроение в интернет-блогах можно выразить одной фразой: я не знаю деталей, но мне не нравится норманская теория» (Клейн 2019: 191).

Кроме того, в авторской колонке Л.С. Клейна в «Троицком варианте» опубликован ряд статей, вызвавших широкое обсуждение (Клейн 2008; 2010; 2012; 2013а; 2013б). Несколькими годами позже в отдельной книге он собрал и обобщил свою публицистику разных лет, куда вошли и его статьи в «Троицком варианте» по «варяжскому вопросу» (Клейн 2017).

Позиция Л.С. Клейна в «варяжском вопросе»

Взгляды Л.С. Клейна по «варяжскому вопросу» сводятся к следующему:

1. Основное — отсутствие в настоящее время, да и в прошлом, таких явлений, как «норманизм» и «норманская теория», с учетом того, что под этим понимают антинорманисты. То есть нет «норманской теории», которая имеет целью сознательно принизить славян. Как указано в Советской исторической энциклопедии:

«Уже в период формирования Н.т. [норманской теории] выявился ее политич. смысл, направленный к тому, чтобы представить Др. Русь крайне отсталой страной, славян и их потомков — народом, неспособным к самостоят. ист. развитию, а германцев и норманнов — силой, к-рая с самого начала рус. истории призвана руководить Россией, ее экономической и культурой» (Сахаров 1967).

В работе «Спор о варягах» Л.С. Клейн перечислил шесть «ступеней норманизма», или положений, которые приписываются «норманизму»: 1) упоминаемые летописью варяги — это скандинавские германцы, норманны; 2) основателями княжеской династии Киевского государства явились варяжские вожди Рюрик и другие, призванные восточными славянами и их соседями или, может быть, насильственно вторгшиеся; 3) они привели с собой целое племя варягов, называемое Русью, и от них это название перешло на восточных славян; 4) варяги оказали огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке [ввели государственность]; 5) причиной важной роли, которую норманны сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству; 6) политический вывод к современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам — повиноваться (Клейн 2009: 121).

Из этих положений именно последние два вызывают яростную антинорманистскую реакцию, и антинор-

манисты всячески стараются приписать эти положения любому историку, признающему все или некоторые из предыдущих положений. Именно эти два одиозных положения усилиями бывших официальных советских и современных антинорманистов тесно связаны с терминами «норманист», «норманизм» и «норманская теория». Но именно они же напрочь отсутствуют в работах современных российских и зарубежных историков. Таким образом, из разряда научных терминов понятия «норманизм», «норманская теория» переходят в разряд политических ярлыков с заданным негативным оттенком, имеющих смысл поставить оппонента в невыгодное положение еще до начала любого обсуждения. Если следовать определению «норманизма», данного А.А. Романчуком: «*совершенно четким критерием здесь служит ответ на вопрос: "были ли летописные варяги скандинавами?"*» (Романчук 2013: 74) — и В.И. Меркуловым: «*Норманист — это тот, кто не различает варягов и скандинавов*» (Меркулов 2014), то это понятие охватывает огромное большинство историков. Согласно этим определениям норманистами оказываются почти все антинорманисты царского времени и практически все антинорманисты советского времени (за исключением В.Б. Вилинбохова и В.В. Похлебкина), а также все историки нашего времени за исключением А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина, А.Н. Сахарова, В.И. Меркулова и Л.П. Грот (Губарев 2015: 38).

2. Л.С. Клейн считает, как и большинство других историков, что наименование Руси происходит от финского слова обозначающего дружины норманнов — *ruotsi*. Он также полагает, что этот вопрос в науке решен, поскольку древнеславянские названия финских племен: *ямь*, *чудь*, *весь*, *ливь*, *сумь* — стоят в том же ряду.

В последнее время делаются попытки подменить вопрос о происхождении термина «Русь» вопросом о происхождении названия финнами норманских дружин *ruotsi*, закрепившегося в финском языке. Л.С. Клейн полагает, что нельзя подменять одно другим. Неясность происхождения термина *ruotsi* не отменяет ясности в вопросе происхождения этнонима «Русь» от финского *ruotsi*.

3. Балтийско-славянскую гипотезу В.В. Фомина Л.С. Клейн признает только как историографический казус. Он считает, что попытки привлечь источники XV–XIX вв. для изучения событий IX в. и для дезавуирования свидетельств источников, близких по времени этим событиям, не только не правомерны, но говорят о стремлении выдать желаемое за действительное.

4. Современный антинорманизм Л.С. Клейн рассматривает скорее как религиозную секту, чем как научное направление.

«...Сравнение антинорманизма с религией представляется мне очень метким. Антинорманизм действительно больше смахивает на религию, чем даже на идеологию, не говоря уж о научной концепции. Причем ныне уже это скорее не церковь, а секта. Нынешние антинорманисты — это типичные сектанты.

Они свято веруют в несколько догм, к которым истово подтягивают те мелкие детали (созвучия, туманные речения, многозначные фактики), которые удается выискать и встроить в нужную картину мироздания. <...> У них есть свое истинное писание — "Изгнание норманнов", есть святые (в них записаны Ломоносов, Гедеонов и Кузьмин), есть свои святомученики — Сахаров-второй и Фомин, есть свои еретики — например, Мавродин, который проповедовал антинорманизм не чистой пробы, есть отступники от веры — так, Авдусин всю жизнь возглавлял археологов-норманистов, а в конце жизни признал, что в Гнездове полно норманнов. И журналистка Васильева упрекала покойного в предательстве» (Клейн 2017: 312).

5. Начиная с 1960-х гг. Л.С. Клейн указывает на важную роль археологии в решении «варяжского вопроса». Он подошел по-другому к вопросу о «незначительном» количестве скандинавских погребений в землях восточных славян и призвал считать проценты не от общего количества всех погребений, а от количества погребений с установленной принадлежностью (славянских). И для того времени, к которому относится пребывание варягов в землях славян. И тогда процент погребений оказывается значительно более высоким. Л.С. Клейн уделил много внимания вопросу о миграциях и показал в ответ на возражения антинорманистов о немногочисленности «чисто скандинавских» находок, что при миграциях «культура на новом месте и не может оказаться точной "лекальной" копией исходной культуры» (Клейн 1973).

6. Что касается ссылок антинорманистов относительно принадлежности керамики, распространенной у волховских словен и близкой по типу к южнобалтийским образцам, то Л.С. Клейн заметил следующее. В земли славян прибывали в основном норманские дружины с сопровождавшими их женщинами-скандинавками, подругами викингов. Свою посуду они не делали, пользовались местной. Этим объясняется отсутствие в керамике скандинавских образцов. Антинорманисты указывают на близость керамики Северо-Западной Руси к южнобалтийским образцам. И ссылаются на «проникновение западнославянской керамики — лепной и гончарной — «как наиболее надежного этноиндикатора» в Северо-Западную Русь, начиная с середины IX века» (Романчук 2013: 75). Но как отметил Л.С. Клейн:

«...из этих керамических вкладов торновская керамика, точно выступающая в Городке на Ловати, происходит не с побережья Балтики, а из Бранденбурга, то есть из сербо-лужицких земель. Фельдбергская керамика, чужая для новгородцев, распространена по реке Хафель и по обе стороны от низовий Одера по Балтийскому побережью, она связывается с племенем лютичей и со словинцами. Для фрезендорфской керамики, наличной тоже в Новгород, основным очагом распространения является остров Рюген, и немецкие археологи рассматривают ее как керамику племени ранов. Гросс-раденская керамика, еще один западный компонент керамики Новгорода, происходит из пограничья ободритов и вильцев (район Шверина). Керамика типа Таттинг связывается с фризами, как и равноплечные фибулы. Итак, сорбы-лужичане, лютичи, словинцы, вильцы, пограничье с ободритами, фризы. <...> Обратите внимание, что в Вагрии, где обитали вагры, основные претенденты Фомина на роль варягов, керамики, представленной вкладами в Северо-Западную Русь, нет. Лишь одна из этих групп оказывается на о. Рюген, но его участие в варяжской гипотезе притянута за уши (привязкой к этнониму "Русь" и к символу сокола) <...> керамика эта свидетельствует о движении разных групп западно-славянского (не только с побережья) и фризского населения на восток, в земли, недавно освоенные восточными славянами. Варяги тут не при чем» (Клейн 2014б: 339).

Кроме того, как показывают статьи целого ряда исследователей, посуда балтийских славян была весьма распространена в IX в. именно в Скандинавии и могла быть принесена скандинавами, естественно не дружинниками, а женщинами, торговцами, рабами, в земли восточных славян (Stanisławski 2006).

7. Относительно близости новгородского диалекта к западнославянским, выявленной А.А. Зализняком, Л.С. Клейн отметил, что

«...академик А.А. Зализняк в 1988 г. установил наличие в речи древних новгородцев архаизмов, схожих с архаизмами северно-лехитского диалекта. Это дало ему возможность предположить западнославянское происхождение значительной части новгородского населения. А это, в свою очередь, было использовано Фоминым и его сторонниками для подтверждения идеи, что варяги — это западные славяне. Лингвисты О.Н. Трубачев, В.Б. Крысько и Х. Шустер-Шевц выступили с радикальной критикой этого наблюдения Зализняка. Они показали, что такие же архаизмы есть и в других славянских диалектах. Для подтверждения идеи нужно привести исключительные аналогии в новациях. И Зализняк сам не возобновляет свое предположение» (Клейн 2014б: 340).

8. В области применения результатов генетических исследований к истории, в частности к «варяжскому

вопросу», Л.С. Клейн занимает вполне определенную позицию. Проявляя заинтересованность, он тем не менее против подмены истории ДНК-генеалогией А.А. Клёсова. Попытка антинорманистов в лице А.А. Клёсова перенести научную дискуссию в область, недоступную историкам, а именно в область генетических исследований, вызвала письмо 24 ученых из разных областей науки. В числе ученых, подписавших это письмо, был и Л.С. Клейн. Письмо это было опубликовано на страницах «Троицкого варианта» и вызвало обширную дискуссию. Возражения Л.С. Клейна и других ученых А.А. Клёсову, в «варяжском вопросе» примкнувшему к антинорманистам, в том, что «новая наука», призванная «переформатировать представления о прошлом», отрицает результаты не только генетики и антропологии, но лингвистики и археологии. Не отрицая важную роль генетических данных при решении исторических проблем, Л.С. Клейн призывает к большой осторожности и отрицательно относится к попыткам связать гаплогруппы с этносами.

Позиция, занимаемая Л.С. Клейном в «варяжском вопросе», породила многочисленные отклики как среди ученых-историков, так и среди общественности.

Реакция историков

Реакция историков на позицию Л.С. Клейна в «варяжском вопросе» в целом положительная, за исключением последователей А.Г. Кузьмина — В.В. Фомина, А.Н. Сахарова, В.И. Меркулова, Л.П. Грот, Е.С. Галкиной. Собственно, большинство историков, среди которых Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин и другие, занимают ту же позицию, что и Л.С. Клейн, расходясь в отдельных интерпретациях источников и вступая в дискуссии при обсуждении отдельных конкретных вопросов. Как отметил В.Я. Петрухин:

«Официозные историографические стереотипы, которые пытаются эпигонски ныне возродить, разобраны в недавней работе Л.С. Клейна, одного из инициаторов дискуссии по варяжскому вопросу в 1960–1970-е гг.; существенно, что позиции и понимание историографических тенденций у представителей ленинградского и московского направления дискуссии о роли варягов сблизилась» (Петрухин 2011).

Почти все современные российские историки, как и большинство историков XIX в. и практически все зарубежные историки, считают варягов скандинавами и полагают, что роль скандинавов на Руси в период складывания государства была значительной.

Здесь упомяну рецензию Х. Рюсса, немецкого историка, посвятившего «варяжскому вопросу» несколько работ:

«Книга Л.С. Клейна — увлекательное документирование собственного опыта общения с советской политикой в сфере исторической науки, документация, вызванная современными общественно-политическими тенденциями в России. Не говоря уже о том, что читателю еще раз представлены в сжатом виде главные аргументы и контраргументы в нескончаемом споре о варягах и в немногословной, но увлекательной манере обрисованы наивысшие точки в истории дискуссии, данная публикация — и в этом безусловно выражается главное стремление ее издателя и автора — прежде всего захватывающий, поучительный пример исключения, приспособления и сопротивления науки в тоталитарной системе» (Riß 1977).

Практически ни одна статья по «варяжскому вопросу» не обходится без упоминания Л.С. Клейна и его работ. Отсюда понятна та негативная реакция, которую имя Л.С. Клейна вызывает у антинорманистов.

Интересно отметить статью историка С.В. Томсинского, в которой Л.С. Клейну приписывается создание «ленинградского неонорманизма»:

«...проблема ленинградского неонорманизма, как и любого другого направления в познании отдаленного прошлого, не в самих интерпретациях пресловутой "норманской проблемы" в истории России, не в соотношениях тех или иных фактов, установленных в процессе раскопок с письменными источниками — а в том, почему, когда и как именно эти интерпретации утвердились в отечественной науке» (Томсинский 2014).

Получается, что С.В. Томсинский готов рассматривать любые версии того, почему в науке утвердилось именно это научное направление, за исключением одной, самой простой версии — соответствия выдвигаемых учеными этого направления гипотез историческим источникам и историческим фактам.

На эту статью Л.С.Клейн откликнулся статьей в том же журнале:

«...в определении норманизма Томсинский гораздо ближе к кучке современных антинорманистов, чем к традиционным для российской науки воззрениям. Династию Рюриковичей, как и варягов летописи, традиционная Российская историческая наука считала скандинавскими по происхождению. Происхождение Древнерусской государственности действительно определяли по-разному, но никто из "неонорманистов" Томсинского не выводил ее из Скандинавии, говорили лишь о более или менее значительном участии норманнов в этом процессе. Томсинский не сможет привести ни одной цитаты

в подтверждение своего толкования-толкания, толкающего нас в норманизм» (Клейн 2015).

Подводя итог, можно сказать, что позиция Л.С. Клейна в «варяжском вопросе» получила признание почти всех современных историков, за реакцией которых последовала и реакция со стороны общественности, причем как от сторонников, так и противников скандинавской гипотезы происхождения Руси.

Реакция общественности

Реакция общественности на позицию Л.С. Клейна в «варяжском вопросе» зависит от того, какую позицию в данном вопросе занимает рецензент. Дело в том, что небольшая группа антинорманистов очень активна в интернете, и поскольку в научных исторических журналах их публикации не проходят, они стараются приобрести большое число сторонников на исторических, а большей частью на псевдоисторических сайтах и в социальных сетях, апеллируя к «патриотизму» и националистическим чувствам.

При этом термины «норманизм» и «норманская теория», широко используемые ими в их работах, политизируются и превращаются в ярлыки с явным негативным оттенком. Для них характерна апелляция к широкой общественности и властям, как арбитрам в научных спорах.

Достаточно привести некоторые примеры отзывов сторонников антинорманизма на сайтах интернета. Вот, например, что пишет об Л.С. Клейне активный сторонник антинорманизма под ником *Alex Oleyni*:

«Никаких новых аргументов, по сравнению с теми, которые еще на заре норманистических (sic!) споров были выдвинуты норманистами, он не приводит, поэтому останавливаться на них не имеет смысла. Но захватывающим здесь есть другое. Как расхваливает себя и "пиарит" Клейн в предисловии этой книги. Уже одно это показывает, кто финансирует такие издания и для кого так старается Клейн» (Клейн 2017: 301).

Тут налицо все составляющие «патриотизма»: происки «темных сил» и проплаченный ученый, как агент Запада, с переходом на личность оппонента.

А один из сторонников антинорманизма под ником *М. Домов* даже посвятил Л.С. Клейну стихотворное обвинение, где были такие строки:

«"Ведь правда, конунг, скажи, не вы ли,
Норманны, быстро и ловко так
Славян разбили и покорили..."
Тут перед носом мелькнул кулак,
И Самуилович, упав, обмяк» (Там же: 318).

К огромному сожалению для антинорманистов, Л.С. Клейн несколько не «обмяк», а продолжал последовательно и твердо отстаивать свою позицию в «варяжском вопросе», чем вызывал в свой адрес подобную раздраженную реакцию.

С другой стороны, люди, читающие работы Л.С. Клейна, оставляют в Сети благодарные отзывы. Вот что пишет блогер под ником *Корифей*:

«Лев Клейн — новый гений. Автор множества книг. Археология и этногенез. Потрясающий труд! В нем он громит лжегенетиков, особенно Клесова.

В студенческие годы Клейн выступал с опровержением господствующего в то время "нового учения о языке" академика Марра, со времени обучения в аспирантуре — против антинорманизма, господствовавшего во взглядах советских археологов в вопросах происхождения Киевской Руси» (Корифей, блогер 2014).

Положительные отклики нередко связаны с воспоминаниями о помощи, оказанной Л.С. Клейном тому или иному начинающему исследователю, или о совместной работе:

«Здравствуйте, уважаемый Лев Самуилович! Позволю о себе напомнить. Когда-то лет этак 15 назад мы с Вами обсуждали вопрос о создании электронного исторического словаря и переводчика. К сожалению, из этого дела ничего не вышло, но я сохранил о Вас самую добрую память. Так уж вышло, что история для меня это любимое хобби. И, глядя на эту "дискуссию", у меня возникают сомнения в том, а стоит ли вообще отвечать на такие опусы Диких и Олейниченко? Сейчас их время, и с этим ничего не поделать. Их не исправить, а все остальные и так понимают, каков интеллектуальный уровень этих "господ". Так стоит ли тратить на них свое время? С огромным уважением. *Иван Ларченков*» (Клейн 2012а).

А вот отзыв блогера с ником *Владислав*:

«Был удивлен, что дискуссия еще продолжается, хотя с момента публикации статьи Л.С. Клейна в ТрВ прошло немало времени. Еще больше был удивлен, увидев непреодолимую отсталость и двойные стандарты тутошних антинорманистов. Поскольку они с уважаемым Львом Самуиловичем позволяли себе общаться весьма нахально, думаю, с моей стороны не будет хамством, если назвать эти двойные стандарты оппонентов Клейна — подлыми. Да-да, именно подленькими такими, грязными и постыдными» (Клейн 2012б).

Как видим, Л.С. Клейн и его позиция по «варяжскому вопросу» оказались на острие споров, ведущихся на сайтах интернета. Причиной этого, на мой взгляд, является острая, саркастическая критика Л.С. Клейном

современного антинорманизма и тот значительный вклад, который Л.С. Клейн внес вместе с Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухиным и другими историками в решение «варяжского вопроса». Вопросы, который в научном смысле, несмотря на идеологические выпады анти-

норманистов, можно считать решенным. Остается лишь проводить дальнейшие исследования, уточнять неясности, находить новые решения отдельных проблем, т.е. заниматься обычной работой ученых — историков и археологов.

Литература

- Андросчук Ф.А. 2004. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica* III, 7–47.
- Билиарский П.С. 1865. Материалы для биографии Ломоносова / Собраны экстраординар. акад. Билиарским. СПб.: Тип. Императорской АН. 928 с.
- Васильев А. 2009. Трехсотлетняя война // *Литературная газета* 11 (6215), 18 марта.
- Верхотуров Д.Н. 2006. Кто создал норманизм? // *Клио* 1, 87–95.
- Галкина Е.С. 2002. Тайны Русского каганата. М.: Вече. 432 с.
- Грот Л.П. 2013. Чем опасен политический миф норманизма? URL: <http://pereformat.ru/2013/12/chem-opasen-normanizm/> Дата обращения 17.10.2014.
- Губарев О.Л. 2014. Откуда берется фолк-истори? // *ТрВ*. Рубрика: Гайд-парк онлайн. URL: trv-science.ru/2014/08/14/otkuda-beretsya-folk-khitori/. 14 авг. 2014. Дата обращения 31.10.2014.
- Губарев О.Л. 2015. А были ли варяги скандинавами? Об определении «норманистов» и «норманизма» по А.А.Романчуку // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3/61, 38.
- Данилевский И.Н. 1998. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект пресс. 340 с.
- Каменецкая Е.В. 2010. Варяги и славяне: вечный спор // *Россия XXI*/2, 184–190.
- Клейн Л.С. 1973. Археологические признаки миграций // М. 17 с. (IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады сов. делегации).
- Клейн Л.С. 1999. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // *Stratum plus* 5, 91–101.
- Клейн Л.С. 2008. Сами с усами. К спору о варягах // *ТрВ* 19. Рубрика: Авторские колонки. 23 декабря 2008 года.
- Клейн Л.С. 2009. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия. 400 с.
- Клейн Л.С. 2010. Варяги, антинорманизм и час истины // *ТрВ* 63. Рубрика: Страницы истории. 28 сентября 2010 года.
- Клейн Л.С. 2012. Воинствующий дилетантизм на экране // *ТрВ* 119. Рубрика: Авторские колонки. 25 декабря 2012 г.
- Клейн Л.С. 2013а. О норманнах, славянах и ариях (еще раз о фильме Задорнова и не только) // *ТрВ* 121. Рубрика: Авторские колонки. 29 января 2013 года.
- Клейн Л.С. 2013б. Фингал под левым глазом. Путешествие в девятый век. // *ТрВ* 132. Рубрика: Страницы истории. 02 июля 2013 года.
- Клейн Л.С. 2014а. Фо па антинорманиста (Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм, 2013. 320 с.) // *РАЕ* 4, 649–659.
- Клейн Л.С. 2014б. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // *Stratum plus* 5, 335–343.
- Клейн Л.С. 2015. Ленинградский неонорманизм — в самом деле? // *Stratum plus* 5, 345–350.
- Клейн Л.С. 2017. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: НЛО. 576 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
- Клейн Л.С. 2019. Спор о варягах как пережитое // *Земля наша велика и обильна... 90-летию А.Н. Кирпичникова посвящается* / Отв. ред. С.В. Белецкий. СПб.: Невская Типография, 183–200.
- Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // *Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв.* / Отв. ред. Н.Е. Носов, И.П. Шаскольский. М.; Л.: Наука, 226–252. (ТЛОИИ. Вып. 11).
- Корифей, блогер. Лев Клейн новый гений // *Исторический форум на Ykt.ru* 9 декабря 2014. URL: <https://forums.ykt.ru/viewtopic.php?id=3487351>. Дата обращения 06.04.2020.
- Кузьмин А.Г. 2005. Гипотезы и концепции происхождения Руси // *Золотой лев*, 61–62.
- Лебедев Г.С. 1999. *Varangica* Проблемного семинара Л.С. Клейна // *Stratum plus* 5, 102–111.

- Меркулов В.И.* 2014. Теория несогласных с историей России. URL: <http://pereformat.ru/2014/03/normannskaya-teoriya/>. Дата обращения 17.10.2014.
- Мурашева В.В.* 2009. Путь из ободрит в греки (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // Российская история 4, 174–180.
- Петрухин В.Я.* 2011. Археология в темах отечественной истории // Гуманитарные чтения РГГУ–2010: Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук. Сб. материалов / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 193–199.
- Радомский Я.Л.* 2010. О варягах и руси. Портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41990.php>. Дата обращения 13.06.2015.
- Романчук А.А.* 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // Вестник Камского Института гуманитарных и инженерных технологий 36/6, 73–131.
- Сахаров А.М.* 1967. «Норманнская теория» // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 348–350.
- Соколов Б.* 2009. Книга «Спор о варягах» // Посев 11 (1586), 40–43.
- Соколов С.В.* 2010. Рец. Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон // Славяноведение 2, 105–109.
- Томсинский С.В.* 2014. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus 5, 257–370.
- Фомин В.В.* 2005. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама. 486 с.
- Фомин В.В.* 2009. Норманнская теория и ее научная несостоятельность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Социально-экономические науки и искусство 3/37, 102–107.
- Фомин В.В.* 2010. Клейн как диагноз, или голый «конунг» // Интервью в интернете. URL: <https://app.box.com/shared/dxgfruk5d5>. Дата обращения 08.04.2020.
- Фомин В.В.* 2013. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм. 320 с.
- Шаскольский И.П.* 1965. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука. 221 с.
- Klejn L.S.* 1973. Soviet archaeology and the role of the Vikings in the early history of the Slavs // Norwegian Archaeological Review 6/1, 1–4.
- Poppe A.* 1972. «Normanskije drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom etape archeologičeskogo izučenija», L.S. Klein, G.S. Lebedev, V.A. Nazarenko, «Istoričeskie svjazi Skandinavii i Rossii. IX–XX vv. Sbornik statej», Leningrad 1970: [recenzja] // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej XX/ 4, 736.
- Rüß H.* 1977. Die Varagerfrage. Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung // Östliches Europa — Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellmann zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Goehrke, E. Oberlander, D. Wojteck. Wiesbaden: Steiner, 3–16 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 9).
- Schneeweiß J.* 2010. Klejn, L.S.: Spor o varjagach // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung 58/3, 414–416.
- Stalsberg A.* 2011. The Controversy about the Varyags. The History of Confrontation between the Parties // Norwegian Archaeological Review 44/2, 221–224.
- Stanisławski B.* 2006. Wczesnośredniowieczna ceramika słowiańska w Skandynawii // Świat Słowian wczesnego średniowiecza / Red. M. Dworaczek et al. Szczecin-Wrocław: IAiE PAN, 565–576.

ЛЕВ КЛЕЙН О ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

С.В. Воронятов¹

Вопрос происхождения славян в многочисленных трудах Л.С. Клейна не является ни основным, ни даже одним из основных. Но именно с проблемой происхождения славян связано начало научного пути исследователя. Его первой печатной работой является статья «Вопросы происхождения славян...», опубликованная в единственном в то время археологическом альманахе страны — в «Советской археологии» (Клейн 1955²). То, что проблемная и критическая статья неизвестного автора была принята к печати в «Советскую археологию», тогда можно было назвать удачным стечением обстоятельств (Клейн 2010: 86–88). Теперь же, по прошествии многих лет, это событие следует считать счастливым билетом в мир большой науки, выданным авансом, который очень скоро был отработан с лихвой.

Удивительным образом статья «Вопросы происхождения славян...» является провиденциальной калькой со значительной части последующей научной деятельности Л.С. Клейна, никогда уже так близко не касавшегося археологической стороны проблемы происхождения славян. В этой работе исследователь впервые противостоял профессиональному археологическому истеблишменту, что в те годы могло сказаться не только на начинающей карьере, но в конечном итоге и на личной свободе. Эта работа была первым результатом интереса исследователя к проблемам культуры и этноса, впоследствии вылившегося в несколько монографий. В этой работе смело вскрывалась одна из болезненных и политизированных тем отечественной археологии и истории — проблема происхождения славян и затрагивалась не менее табуированная про-

блема германства черняховской культуры. Выбор острых тем с тех пор стал неотъемлемой чертой стиля научной работы Льва Самуиловича. Эта статья вызвала небывалый резонанс. Конференция, организованная для «линчевания» автора, невольно сыграла удачную роль проводника его имени в зарубежную археологическую литературу. Наконец, в этой работе были явлены средства и методы ведения исследователем научных дискуссий, которыми Л.С. Клейн всегда оперировал и которые привил многим своим ученикам.

Проблема происхождения славян в отечественной археологии 1950-х гг. была отягощена автохтонистской позицией советских славистов, которая, по большому счету, не изжита до настоящего времени. Ретроспективный метод поиска истоков славянства в своей примитивной форме давал исследователям возможность строить цепочку преемственности от роменской культуры IX в. н.э. до культур эпохи бронзы. В своей работе Л.С. Клейн указал на явные разрывы в этой «цепи», одним из фальшивых звеньев которой являлись т.н. тогда поля погребений зарубинецкой и черняховской культур. Аргументация преемственности между этими культурами и завышение верхней даты последней для создания искусственной генетической связи с культурой Киевской Руси, по сути, носили фантомный характер. Исследователи, стоявшие на позиции здравого смысла, не могли этого не замечать. Но для того, чтобы публично заявить о том, что «король голый», нужна была не непосредственность мальчишка, а смелость мужа. Она-то и вызвала переполох среди советских славистов, почувствовавших угрозу своей автохтонистской концепции.

«Опубликованная тов. Клейном в 1955 г. работа о происхождении славян послужила началом острой дискуссии в советской и зарубежной литературе»

(Из письма В.В. Мавродина от 10.11.1961 г. в городское отделение милиции)

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: s.voroniatov@gmail.com.

² Основные положения данной статьи переизданы в сборнике «Этногенез и археология» (Клейн 2013: 265–279).

Приглашение к дискуссии Л.С. Клейном формулировалось с использованием неоспоримых фактов. Рассмотрев происхождение хроноиндикаторов памятников (поселения Ягнятин, Лука-Врублевецкая, Городница), на которых строил свою хронологию М.Ю. Брайчевский, исследователь выявил более чем сомнительное завышение верхней даты черняховской культуры (Клейн 1955: 259–261). Именно в этом сюжете полемики можно увидеть предпосылки будущей университетской педагогической деятельности, развившиеся в дебютные статьи одного из первых талантливых учеников Л.С. Клейна — М.Б. Щукина. Названия этих статей сами говорят за себя: «К вопросу о датировке ягнятинской амфоры³», «О трех датировках черняховской культуры», «Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор» и др. (Щукин 1967; 1968). Начав свою научную деятельность критической статьей о проблеме происхождения славян, Л.С. Клейн своим педагогическим талантом повлиял на становление одного из лучших исследователей славянского этногенеза в отечественной археологии. Для истории науки стоит сохранить текст надписи М.Б. Щукина на оттиске статьи «О трех датировках черняховской культуры», подаренном учителю: «Л.С. Клейну, учителю, вождю, мой первый блин. М. Щукин».

Еще одним уязвимым местом в ретроспективных построениях отечественных археологов Л.С. Клейн определил постулируемую преемственность зарубинецкой культуры от лесостепных культур Среднего Поднепровья скифского времени, в свою очередь восходящих к культурам эпохи бронзы. Исследователь, привлекая данные письменных источников и языкознания, применяя нехитрую логику, показал всю необоснованность концепции А.И. Тереножкина о славянстве скифов-пахарей и комаровской культуры эпохи бронзы (Клейн 1955: 263–266). Не осталась без внимания в статье и работа учителя — М.И. Артамонова. Л.С. Клейн отметил нестройность концепции исследователя в гипотетическом определении славянства будинов Геродота.

В заключение своей статьи, которая, по сути, являлась рецензией, Л.С. Клейн обратился к методологии решения проблемы происхождения славян, анализу

которой уже в конце 1960-х гг. посвятил специальную работу (Клейн 1969⁴). Разногласия между исследователями в вопросе этнического определения археологических культур обнажили свободу толкования археологического материала, создававшую субъективность исследования как такового. Накопившийся к 1950-м гг. опыт показывал неэффективность самого метода, связанного с аморфностью постановки проблемы этногенеза славян, с отношением к археологии как к панacea в решении задачи, с неверным пониманием сотрудничества археологии и лингвистики (Клейн 1955: 271–272; 1969).

Л.С. Клейн стал одним из первых исследователей, осознавших значительную роль лингвистики в решении проблемы славянского этногенеза. Также впервые была подчеркнута связь славянской проблематики с вопросом происхождения индоевропейцев — еще одной темой, ставшей предметом специального интереса и овладевшей умом исследователя на всю жизнь.

«Проблему происхождения славян можно разрешить, только взяв ее в целом, начав с основного звена и исходя прежде всего из данных языкознания» (Клейн 1955: 271).

Уже в конце 1990-х гг. ученик и соратник Л.С. Клейна — Вас.А. Булкин, подводя итог изысканиям в отечественной археологической славистике за последние 40 лет, резюмирует неудачи широко использовавшегося все эти годы ретроспективного метода и напоминает о призыве учителя к необходимой «кооперации» археологии, лингвистики и письменных источников (Булкин 1998: 184).

Интересной и поучительной выглядит совсем недавняя полемика Л.С. Клейна с А.А. Клёсовым, в которой исследователю вновь довелось коснуться проблемы происхождения славян. Историк-любитель и профессиональный биохимик Клёсов на основе выделенной им отрасли генетики — «ДНК-генеологии» реконструирует праславянский «род» для времени, соответствующего энеолиту. Данное построение является очередной опасной ошибкой, обусловленной, по большому счету, невежеством и нежеланием считаться с достижениями археологии, письменной истории, языкознания и антропологии (Клейн 2013: 385–396).

³ Эта статья, ссылка на которую фигурирует в одной из первых публикаций М.Б. Щукина как на работу в печати (Щукин 1967: 9), по-видимому, так и не была напечатана. Во всяком случае, ее поиски в выпусках Вестника ЛГУ за 1967–1970-е гг. не дали положительного результата.

⁴ Основные положения данной статьи переизданы в сборнике «Этногенез и археология» (Клейн 2013: 265–279).

Литература

- Булкин В.А. 1998. «Ретроспектива» происхождения славян в отечественной археологии 60–90-х годов XX в. // История и культура древних и средневековых обществ. Сб. статей, посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Илларионовича Артамонова / Ред. И.Я. Фроянов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 178–186 (Проблемы археологии 4).
- Клейн Л.С. 1955. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР // СА. 1955. XXII. 257–272.
- Клейн Л.С. 1969. К постановке вопроса о происхождении славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Межвуз. сб. / Ред. В.Г. Ревуненков. Л.: Изд-во ЛГУ, 21–35.
- Клейн Л. 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С. 2013. Этногенез и археология. В 2 т. Т. 1: Теоретические исследования. СПб.: Евразия. 528 с.
- Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры // КСИА 112, 8–13.
- Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА 2, 41–51.

ПОЛЮШКО-ПОЛЕ (Л.С. Клейн и полевая археология)

Б.А. Раев¹

Летняя сессия 1970 г. — время обсуждения студентами кафедры, кто, куда и на сколько едет копать. География экспедиций повторяет географию СССР: Сибирь, Средняя Азия, Молдавия, Поволжье, Кавказ, но говорят просто: «к Михпету», «к Массону», «к ВПШ», «к Грачу», — и всем понятно, куда и когда ты едешь. Степных «курганых» экспедиций несколько, можно выбрать, но ехать, конечно, надо «к Клейну»: вот уже шесть лет, с 1964 г., он мой научный руководитель.

Для кафедральной Новочеркасской экспедиции это уже второй год работы. Поехать в 1969 г. я не смог, и теперь вызываюсь быть «квартирьером», чтобы в самом конце июля уехать в Новочеркасск, выпросить у местных властей машину и договориться о встрече багажа с оборудованием в Ростове. Уже не вспомнить, у кого точно, но у многих моих товарищей выбор экспедиции вызывает недоумение: «Клейн..? Но он же не полевик, что у него может быть интересного?! Чему можно научиться? Кабинетный ученый, "теоретик" ...» Эта характеристика, негативная в устах «настоящих полевиков», многократно повторялась в оценках большинства маститых и не очень ровесников и коллег Льва Самуиловича, которые довелось слышать и тогда, и много позже. Слышать и от них самих, и в передаче их учеников, моих сверстников, не только в Ленинграде, но и в Москве, Киеве, Ростове...

Впрочем, свое мнение о «полевых» навыках учителя я имел. К моменту нашего знакомства мне довелось работать на средневековых курганах и неолитической стоянке в Сибири, копать курганы и палеолитическую стоянку и поселение бронзового века в Приазовье, участвовать в разведках по Северскому Донцу. Поэтому в 1969–1970 гг. при подготовке курсовой работы о Приазовском варианте донецкой катакомбной культуры я отметил, что в публикации материалов Молочан-

ской экспедиции ИА АН УССР 1952 г. чертежи к статье Л.С. Клейна отличались от чертежей к статьям других авторов. Позже, когда довелось поработать с его полевыми миллиметровками, я отметил в них точную проработку деталей и приемы фиксации, которыми не пользовались другие исследователи.

Тогда же пришлось поехать в Киев, чтобы посмотреть у начальника экспедиции А.И. Тереножкина чертежи и фотографии одной из интереснейших катакомб, раскопанной в кургане, кажется № 8, о которой говорил Лев Самуилович. В публикации этого кургана почему-то не было, а, по его рассказам, в могиле были каменный топор, кремневые наконечники стрел — в общем, reiches Katakombengrab! Встретили меня приветливо, но никаких чертежей не дали: «Где-то в завалах, так сразу и не найдешь, — объяснил Алексей Иванович, — на несколько дней работы!» По возвращении в Ленинград рассказываю Льву Самуиловичу об итогах и узнаю, что курган 8 копался без его участия, все полевые чертежи забрал начальник и не дал их обработать...

Но! Вот это «но» и было первым «полевым» уроком Клейна. У него в дневнике сохранились вполне сносные наброски планов погребения, и — что было особенно важно! — рисунки вещей из комплекса, которые по каким-то причинам были утрачены. Дневник, как оказалось, это не просто записи полевых наблюдений и наброски деталей стратиграфии или конструкции могильной ямы, но и рисунки найденных вещей, сделанные на полях рукописи в поле или вечером уже в условиях стационара.

Новочеркасск, установка лагеря. Здесь Лев Самуилович полностью полагался на умение рукастых студентов. Что-то не помнится, чтобы он руководил постройкой печей, натягиванием тентов или установкой палаток; в лучшем случае мог что-то посоветовать или порекомендовать. Все просчеты, неизбежные при таких работах, служили нам уроком на будущее.

¹ 344006, Россия, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41.
Южный научный центр РАН, Лаборатория археологии.
Адрес электронной почты: boris_raev@mail.ru.

Приезд Тура Хейердала в Новочеркасск (по пути в Москву), сентябрь 1969 г. 5-й курган Соколовского курганного могильника. Тур Хейердал в центре в белом плаще. Справа от него — проф. (тогда — доцент) ЛГУ Лев Самуилович Клейн, слева — проф. Яков Иванович Потапенко, директор Всероссийского института виноградарства и виноделия (Новочеркасск)

А вот разбивку насыпи кургана Клейн контролировал, давал советы, подсказывал верные и рациональные с точки зрения трудозатрат решения. Конечно, он полагался на то, что мы умели, но когда пришлось восстанавливать снесенные перемычки 5-го Соколовского кургана, скрупулезное, поистине детективное расследование и поиск оставшихся деталей траншей и бровок мы смогли провести только с помощью Льва Самуиловича. Решение этой головоломки было прекрасной наукой пространственного восстановления нескольких насыпей, десятка погребений и привязанных к ним выкидов. Итогом можно считать не только и не столько восстановление (в чем-то все-таки гипотетическое) сложной стратиграфии насыпи кургана, сколько науку обязательной фиксации любых, самых мелких деталей стратиграфии и планиграфии памятника.

Педагогические цели преследовала, как я теперь понимаю, и разбивка запаханного кургана высотой около 20 см и диаметром 18–20 м серией траншей ши-

риной 1 м с такими же перемычками между ними. Тщательная зачистка профилей бровок² ничего не дала, выкиды из могильных ям были распаханы, но урок фиксации максимально возможного количества разрезов был преподан.

Зато на насыпях высотой более метра или не распаханных оставление серии бровок было обязательным. Странными выглядят некоторые лихие реконструкции круглых в плане выкидов из могильных ям по одной перемычке в центре насыпи: зафиксирован один диаметр, и нет никаких оснований считать выкид круглым! А почему не овальным или — в абсурдном варианте — квадратным, прямоугольным, ромбиче-

² Тогда же Лев Самуилович объяснил, что термин «бровка» — слово профессионального жаргона. Он допустим, как жаргон в любой профессии, но все-таки то, что мы называем «бровка», является перемычкой, два профиля которой и есть «бровки». К слову, уроки русского языка «от Клейна» достойны отдельного эссе!

Приезд Тура Хейердала в Новочеркасск (по пути в Москву), сентябрь 1969 г. 5-й курган Соколовского курганного могильника. Л.С. Клейн слева от Т. Хейердала

ским? Только серия профилей при последовательной фиксации в траншеях изменяющегося контура выкида в плане может надежно документировать этот важный элемент конструкции могильной ямы. Это было требование, которое непременно выполнялось.

Потом, при подготовке отчета, Лев Самуилович требовал перебеливать (кто помнит еще, что такое световой стол для перевода с миллиметровки на ватман, в просторечии — «дралоскоп»?) профили бровок зеркально через одну. Это позволяет — при наличии пространственного воображения — воспринимать структуру насыпи, как бы просматривая ее насквозь с одной стороны.

Когда работаешь в архиве с отчетами 1950–80-х гг., заметным отличием их от современных является включение в текст видения автором раскопок места памятника в системе древностей соответствующего периода. В отчетах приводились аналогии находкам, излагались гипотезы, выстраивались хронологические цепочки. Так авторы компенсировали трудности

с изданием полноценных научных работ в печати: какой-никакой, а отчет тоже открытая публикация, на которую можно сослаться. И «корифеи», которым легче пробиться в печать, вынуждены будут считаться с твоими выводами. Отчеты Клейна тех лет — это полноценные научные труды, некоторые выводы которых не подтвердились, но большинство было позже опубликовано и до сих пор актуально. Вот история одной из таких идей.

В 1970 г. началась реализация проекта воссоздания дорог по цепочкам курганов. Идея была основана на европейских реконструкциях эпохи средневековья и применительно к степной зоне Евразии с ее кочевым скотоводческим населением представлялась приемлемой далеко не всем ее исполнителям. Разведки и картирование курганных групп ограничились микрорегионом в окрестностях Новочеркаска, продолжались всего один сезон и воплотились в популярную статью (Клейн 1971). Работа была забыта самим автором настолько, что много лет спустя ее не включили в список

1962 г. Новочеркасск, Садовый курган.

Справа налево: стоят — Л.С. Клейн, Н.С. Настоящев, В.К. Гринев; сидят — М.Б. Щукин, неизвестные: бульдозерист, студентка-практикантка Ростовского университета

работ в юбилейном сборнике, о чем я тогда же напомнил юбиляру. В только что изданной книге Лев Самуилович вернулся к этой идее (Клейн 2016: 119, 121) и повторил ее, ограничившись упоминанием об имеющемся «другом мнении», таким образом отмахнувшись от оппонентов, не раскрыв их аргументацию в полном объеме. Правда, возражения были изложены не в печати, а в частном письме. Но это редкий случай не подтвердившейся гипотезы Л.С. Клейна.

Непременным требованием и обязательным правилом у Льва Самуиловича была разборка заполнения могильной ямы по половинкам, а лучше — по четвертинкам, с фиксацией стратиграфии. Это замедляет расчистку, создает неудобства при работе на ограниченной площади, но дает свои результаты. При таком способе удастся проследить подхоронения в могилу, связать находки в заполнении ямы или во входном колодце с тем или иным погребенным. Увы, стратигра-

фические разрезы заполнения могильных ям в полевых отчетах и сейчас — редкая практика отдельных чудаков.

Сам прекрасный художник (я работал с его дневниками и чертежами Молочанской экспедиции в Киеве), Клейн требовал от нас особой точности в передаче всех деталей конструкции ямы, позы покойника, абсолютной точности при фиксации расположения инвентаря. Важнейшей частью полевой документации нас научили считать общий план кургана. Масштаб 1 : 20 для него был, пожалуй, мал, он уместен для некоторых специфических находок в насыпи, например для тайников и тризн в сарматских курганах. Работа с такой «простыней» неудобна, ее приходилось вывешивать на стенку, а поскольку дополнялся чертеж ежевечерне, работать приходилось на вертикальной плоскости.

Ежевечерне — это не для красного словца! Нас, руководителей раскопок и чертежников, Лев Самуилович собирал в камералке, просматривал дневники, чертежи, делал замечания, после чего все раскопанное за день наносилось на общий план, проверялось, и на следующий день у нас была возможность исправить какие-то огрехи. Это занимало добрую половину вечера. Ни до, ни после я не сталкивался с таким скрупулезным документированием процесса раскопок. Общий план чаще всего чертится по завершении раскопок кургана, а в новостроечных экспедициях с их цейтнотом и «гонкой» объемов часто откладывается совсем на потом, до домашней обработки материалов.

Проверка дневников и исподволь обучение его ведению — один из самых ценных уроков. Не помню уже, ссылался ли Лев Самуилович на авторитеты, или это его фраза: «Не записанное наблюдение не было сделано», но я бы сделал ее эпитафией к инструкции о проведении полевых работ! А вот комментарий к проверяемому в дневнике описанию: «Лежал? Но, Борис, прошедшее время возможно в тексте отчета, а вот в дневнике... Ведь у того, кто будет с ним когда-нибудь работать, может возникнуть подозрение, что описание делалось позже, по чертежу!» С тех пор в описаниях позы погребенного мне режут глаза словосочетания: «руки вдоль туловища», «ноги параллельны» и пр. Перед нами все-таки не тело покойника, а его скелет, и описываемы не конечности, а их кости.

Точность и полнота фиксации процесса раскопок, самых незначительных деталей были в методическом арсенале Клейна — полевого археолога настолько обязательными, что много лет спустя после раскопок Садового кургана он помнил о следующем эпизоде. Когда С.И. Капошина приехала в Новочеркасск, она искала и не находила упущений в раскопках, которые

Новочеркасск, 1962 г. Л.С. Клейн на кургане 2 рядом с Садовым (раскопки В.Я. Кияшко). Слева направо: Н.Н. Чередниченко, В.К. Гринев, В.Я. Кияшко, Л.С. Клейн (из архива В.Я. Кияшко)

могли стать достойным поводом, чтобы убрать его из экспедиции. Через десять лет (!) после событий Лев Самуилович со смехом добавлял, что сидела она в этот момент на (или около?) какого-то останца бровки, который он то ли не успел убрать, то ли неправильно зарисовал, то ли не сфотографировал. Такое может быть с любым из раскопщиков — кто безгрешен, — но помнить о такой мелочи...

Я уже писал, что в мелочи быта Лев Самуилович не вмешивался, а вот общий стиль организации жизни экспедиции, распорядок дня, организация питания — это все аккуратно корректировалось нашим начальником. Что вынесено из этого? Прежде всего, демократизм, когда все проблемы обсуждались прилюдно, никаких тайн не было ни от кого. Дельные предложения всегда поддерживались, какие-то мелкие проблемы решались по возможности без ущерба для всех. И навсегда усвоенный урок: по одежке протягивай ножки! В университетской экспедиции, где на питание студента отпускали какие-то небольшие копейки, приходилось экономить на всем. При этом никто, кажется, не голодал.

Декларированный начальником сухой закон, конечно, не соблюдался. Да и как его можно было соблюдать, работая на территории Института виноградарства

и виноделия? Вряд ли Лев Самуилович не слышал наши песни у костра в 200 м от лагеря в тишине южной ночи, но стороны соблюдали декорум трезвой жизни. Помню только один случай, когда употребление вина (чрезмерное и на работе!) закончилось отправкой провинившегося домой. Пример такого решения, которое кому-то может показаться излишне жестким, пригодился, когда приходилось решать проблемы очистки коллектива от случайных людей.

Экспедиции Льва Самуиловича были для нас хорошей школой обращения с находками. При подготовке к выезду набирались разные виды клея и пропитывающих смол, которые в Новочеркасске невозможно было приобрести. Оптимально, как это было в 1970 г., в экспедицию, хоть на время своего месячного отпуска, выезжал профессиональный реставратор. В остальном мы полагались на приобретенные ранее умения: университетская экспедиция не имела средств на реставрацию находок, и все эти работы желательнее было сделать в поле. Я не помню, чтобы начальник давал какие-то профессиональные рекомендации. Он, конечно, наблюдал процесс склейки и гипсовки сосудов, иногда делал какие-то замечания, но по большей части полагался в этом на имеющийся опыт «старших товарищей».

Упаковка находок — отдельная эпопея, ведь везти их предстояло в багаже (контейнере) по железной дороге на большое расстояние. Из Ленинграда везли крафт — дефицитную бумагу, которую Лев Самуилович предложил нам выпрашивать на Главпочтамте. Для них эти 10 кг упаковочной бумаги были каплей в море, а нас она спасала. Когда не хватало крафта, Лев Самуилович отправлял эмиссаров по новочеркасским или ростовским магазинам выпрашивать оберточную бумагу. Сложность задачи будет понятна тем, кто помнит, что в магазинах СССР не было не только колбасы и масла, но и бумаги для их упаковки.

Отдельная эпопея — упаковочная бумага для хрупких бронзовых сосудов из 3-го Соколовского кургана. Крафт для этих целей был слишком жестким, а о викалентной бумаге в провинциальных музеях тогда еще не слышали. Обдумываем варианты, и я предлагаю — папиросная бумага! «Отличная идея, Борис! — поддержал Лев Самуилович. — В Ростове известная табачная фабрика, попробуйте там, через партком, они по роду деятельности, который партия провозглашает, должны помогать людям». То ли в парткоме настолько прониклись моим рассказом о хрупких римских древностях, то ли жалко стало студентов, то ли магические слова «Ленинградский университет» произвели впечатление, но вместо 5 листов, которые мы просили, нам со склада выдали 5 кг папиросной бумаги! Нам хватило ее на все годы работ экспедиции для упаковки хрупких находок. И это тоже было школой, обернувшейся ценным опытом поиска нестандартных выходов из почти безнадежных ситуаций.

Не чужд был Клейн и «занимательных» рассказов, впрочем с педагогическим подтекстом. Так, нам была поведана история с демонстрацией начальнику Волгодонской экспедиции М.И. Артамонову расчищенного погребения тогдашним лаборантом Л.И. Тарасюком. Последний так волновался, что, переступая по дну для показа находок, растоптал все сосуды в могильной яме. К слову о Волгодоне. Услышав как-то слишком «народную» речь кого-то из спорящих, не заметившего, что Лев Самуилович был рядом, он без морализаторства просто рассказал, что это не лучший метод убеждения оппонента. Сам он старался избегать такой лексики, хотя знал много больше студентов! Было рассказано (без цитирования!) о том, что и как пели женские отряды ээка, которые направлялись для работы на рас-

копах, а уж как они комментировали молоденьких руководителей-археологов, можно было догадаться!

Я дописываю этот текст в поле. За вычетом трех лет защиты Отечества в рядах Советской армии, это мой 53-й полевой сезон. Думаю, что для каких-то наблюдений и выводов у меня есть основания.

Ушло то поколение, которое скептически хмыкало при упоминании Клейна как полевого исследователя, но его вклад в практическую полевую археологию так и остался недооцененным. Ну не выезжал Клейн каждый год в поле, не накопил гор золота! Даже тогда, когда прекрасный памятник был блестяще раскопан им (Садовый курган), в каталогах престижных выставок значится не его авторство, что несправедливо и обидно.

Даже мы, работавшие с Клейном в экспедициях и учившиеся навыкам полевой археологии у него, понимали, что главным для археолога является не этот род деятельности. В 1972 г. или годом позже, когда мы у него дома обсуждали детали выезда в Новочеркасск и предстоящие работы, я заметил, что ехать как-то не хочется: в библиотеке осталось недосмотренное, дома недописанное... «Вот, Борис, — воскликнул Лев Самуилович, — я давно ждал, когда полевая работа перестанет быть для вас первостепенной, когда перевесит интерес к кабинетному исследованию!» Тем не менее полевая школа Л.С. Клейна была, безусловно, одной из лучших, если не самой лучшей, с которыми мне приходилось сталкиваться.

Пару лет назад в экспедиции, где я (начальник!) взял на себя изготовление коробок для находок, которые позволяют сохранить их в определенной системе при минимизации занимаемого ими пространства, один из наших выпускников ехидно спросил, не Клейн ли научил меня этому «искусству». От ответа я удержался, но подумал, что даже этому Лев Самуилович, имея печальный опыт картонажных работ в «Крестах», мог бы меня поучить. А по здравом размышлении понял, что научил он, пожалуй, главному — радательно-му отношению к результатам своего труда, полевой документации и находкам. Я уверен, что для Л.С. Клейна понятие мастерства, применительно к полевой работе археолога, это не только и не столько годы в палатках, сколько организация мозгов, прививка от делания халтуры.

Литература

Клейн Л.С. 1971. Мы собираем курганы // Знание — сила 9, 46–50.

Клейн Л.С. 2016. Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия. 221 с.

Филология — Гомеровские штудии

Д.В. Панченко¹

В области филологии наиболее оригинальны гомероведческие исследования Л.С. Клейна, включающие как ряд статей, так и книги «Бесплотные герои» (Клейн 1994)² и «Анатомия Илиады» (Клейн 1998 — наиболее важная из всех), «Расшифрованная Илиада» (Клейн 2014), «Илиада — эпос и история» (Клейн 2019а), «Троянская война. Эпос и история» (Клейн 2019б). Клейн заинтересовался гомеровским вопросом в 1980-е гг., прежде всего как исследователь бронзового века Европы. Он обратил внимание на то, что раскопанный в Гиссарлыке город очень сильно отличается от описанной в «Илиаде» Трои. Его также удивляло, что сам город, основные герои и другие явления в эпосе имеют двойные имена (Троя — она же Илион, Парис — он же Александр, и т.д.), что главные герои греков Ахилл и Диомед совершают одинаковые подвиги и даже ранены в одно место — щиколотку, причем в поэме когда появляется один — исчезает другой. Клейн пришел к мысли, что аналитики XIX — начала XX в. (такие как немецкие ученые Генрих Дюнцер, Теодор Бергк, Август Фик, Пауль Кауэр, Эрих Бете и др.) были правы: «Илиада» составлена из разных песен, в которых имелись параллельные герои. Клейн обратился к статистическому исследованию дублетов и синонимов в «Илиаде» и в особенности к их систематической корреляции. Именно последний момент был наиболее оригинальной и наиболее важной стороной его исследования.

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 58–60. Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук. Адрес электронной почты: dmpanchenko@mail.ru.

² Книга рассчитана на широкого читателя, и в ней отсутствуют какие-либо сноски и примечания. Однако точные ссылки на античных авторов и на обсуждаемые строчки «Илиады» регулярно приводятся в основном тексте. Приложен список важнейшей научной литературы. В 2012 г. книга появилась в английском переводе (Klejn 2012).

«Я подошел к эпосу, — вспоминает Клейн, — со взглядом опытного археолога и искал возможности, обычно не замечаемые филологами. Мой глаз тотчас выделил некоторые типы или типичные формулы, конфигурации, повторения и корреляции» (Клейн 2010: 423).

Еще в отсутствие компьютеров была проделана огромная, тщательная работа, которые принесла разнообразнейшие результаты. Выяснилось, например, что воины, осаждающие Троию / Илион, не только попеременно называются то ахейцами, то данаями, то аргивянами, но что в тех книгах, где особенно часто фигурируют «данаи», на переднем плане Диомед, тогда как Ахилл, тесно связанный с «ахейцами», там отсутствует. Шаг за шагом, путем скрупулезного статистического анализа удалось расчленить текст «Илиады» на шесть самостоятельных источников, соединенных в эпосе разрозненными частями вперемежку.

Клейн признает, что

«...выявленные составные части "Илиады" вообще могли бы трактоваться по-разному: либо как результат использования певцом-автором разных источников при сочинении поэмы, либо как свидетельство составления поэмы из разных песен, т.е. свидетельство участия разных авторов в создании текстов поэмы и разного времени их создания» (Клейн 1998: 436–437).

По заключению Клейна, «переработка поэтической ткани при объединении была незначительной» и соответственно «утвердившийся в веках образ гениального певца Гомера распадается» (Там же).

В работе, посвященной «Каталогу кораблей» (Клейн 2000), Клейн пытается уточнить вклад самого Гомера:

«Что ж, к нашему разочарованию, это не самый талантливый и созидательный из поэтов, работавших над Илиадой. Предшественники сделали многое. Лесбосский певец рубежа IX–VIII веков воспел отплытие из Авлиды и перенес его на Агамемнона. Фокейский певец придумал ссору Ахилла с Агамемноном — в будущем основу сюжета Илиады. Самосский певец ввел Диомеду и Идомею, Геру

и Посейдона, не говоря уже о многочисленных ссылках на Геракла. Возможно, ему же принадлежит идея перебросить Гектора в лагерь противника и сделать вождем троянцев» (Там же: 36).

Вместе с тем именно Гомер сделал ссору Агамемнона с Ахиллом завязкой «Илиады», а на первый план выдвинул трагический образ Ахилла с его злополучным гневом:

«Гомер превратил всю поэму в батальное полотно, проникнутое глубокой идеей — осуждением гибельного раздора царей. В его устах Илиада стала апологией единения ради общего блага» (Там же).

Клейн анализировал «Илиаду» не как художественное произведение, а как исторический источник. Он пришел к выводу, что Троянской войны и взятия Трои греками в истории не было. Раскопанный Шлиманом город — вообще не Троя, хотя это Илион, фигурирующий в хеттских источниках как Вилуса. Что касается основных героев «Илиады», то они были не историческими личностями, какими они предстают в эпосе, а полумифическими культовыми героями, каждый отвечал за какую-то сферу жизни (например, Ахилл — охранитель кораблей, Нестор — целитель, Одиссей — маг и гадатель и т.д.), и в поэме они, в сущности, занимают соответствующую деятельность. Троянская эпопея складывалась «из взаимодействия заимствованных мифологических сюжетов, местных легенд, культовых образов и династических генеалогий». Лишь в малой мере «вплетались в эпическую ткань исторические события и лица, в гораздо более широком масштабе — реалии древней культуры, исторической географии и быта, но и то из разных эпох, в смеси и преобразении» (Клейн 1994: 180).

В отдельной работе Л.С. Клейн проанализировал «Каталог кораблей», доказывая, что он многослоен и в основе симметричен и что его состав в значительной мере обусловлен греческими преданиями о колонизации островов Эгейского моря. По ходу исследования Клейну представился случай проверить эффективность своего метода. Слово «корабли» выступает в «Каталоге» в двух формах: одна, с этой, отражает историческое влияние эолийского диалекта, другая, с эпсилоном, являет собой вариант, сугубо свойственный ионийскому диалекту. Для него схема распределения обоих вариантов по отдельным строчкам следовала из его общего подхода к «Каталогу», однако на пути немедленной проверки гипотезы возникло затруднение.

«Так получилось, что, когда я вдумывался в этот вопрос, у меня дома не было экземпляра "Илиады" на греческом языке. Дождаться, пока попаду в библиотеку, было нестерпимо. Я позвонил филологу-

классику Н.Я. Казанскому, когда-то посещавшему мои занятия, и попросил заглянуть в "Илиаду" — посмотреть, в каких стихах в обозначении кораблей стоит вместо эфы эпсилон. Он любезно согласился и после томительной для меня паузы (пока он листал "Илиаду") перечислил порядковые номера восьми разных строк. Я сверил со своими выкладками и спросил, не пропустил ли он один эпсилон. "Ну, я читал внимательно", — возразил он. "Странно, — озадаченно сказал я. — По моим расчетам, должен быть эпсилон и в стихе 733". — "Сейчас проверю", — сказал он. После недолгого молчания в трубке раздался его взволнованный голос: "Поздравляю вас! Это великолепно: в стихе 733 — эпсилон!"» (Клейн 2000: 27).

Статьи, а затем книги Л.С. Клейна по гомеровскому вопросу встретили настороженное восприятие филологов-классиков и историков-античников. Он вспоминал:

«Я понимал, что натолкнусь на ожесточенное сопротивление классицистов. Сотни лет они изучали божественного Гомера, его стиль, его сюжетные линии и прочее, и вдруг приходит аутсайдер и заявляет, что всего этого единства нет, а есть разные авторы и разные фрагменты текстов и что немцы прошлого века были в основном правы» (Клейн 2010: 424–425).

На книгу «Анатомия Илиады» появились рецензии: от положительной (Коршунков 2001), с оговорками (Акимова 2000) до резко отрицательной (Цымбурский, Файер 2002). Так, В.Л. Цымбурский и В.В. Файер утверждали, что статистика Л.С. Клейна ничего не доказывает, т.к. есть примеры с возможностью противоположных выводов. В ответной статье Клейн (2004) настаивал, что его критики не учитывают вероятностную природу статистики, которая предусматривает именно такое распределение возможностей. В более поздней публикации В.В. Файер (2010) критически оценил методику исследования Клейна в его работе о «Каталоге кораблей».

На гомероведческие работы Клейна поступали и более сбалансированные отзывы. По оценке А.И. Зайцева, «спорность общих выводов Л.С. Клейна очевидна для каждого, кто занимается Гомером, но основная линия прогресса в этой области идет через смелые, но подробно аргументированные гипотезы, подобные тем, которые выдвигает Л.С. Клейн» (по Клейн 2010: 428).

По мнению автора данного раздела,

«...ценнейшая работа по вычленению отдельных вкладов в "Илиаду", осуществленная Л.С. Клейном, не требует возвращения к общим позициям аналитиков» (Панченко 2011; ср. Панченко 2016, где

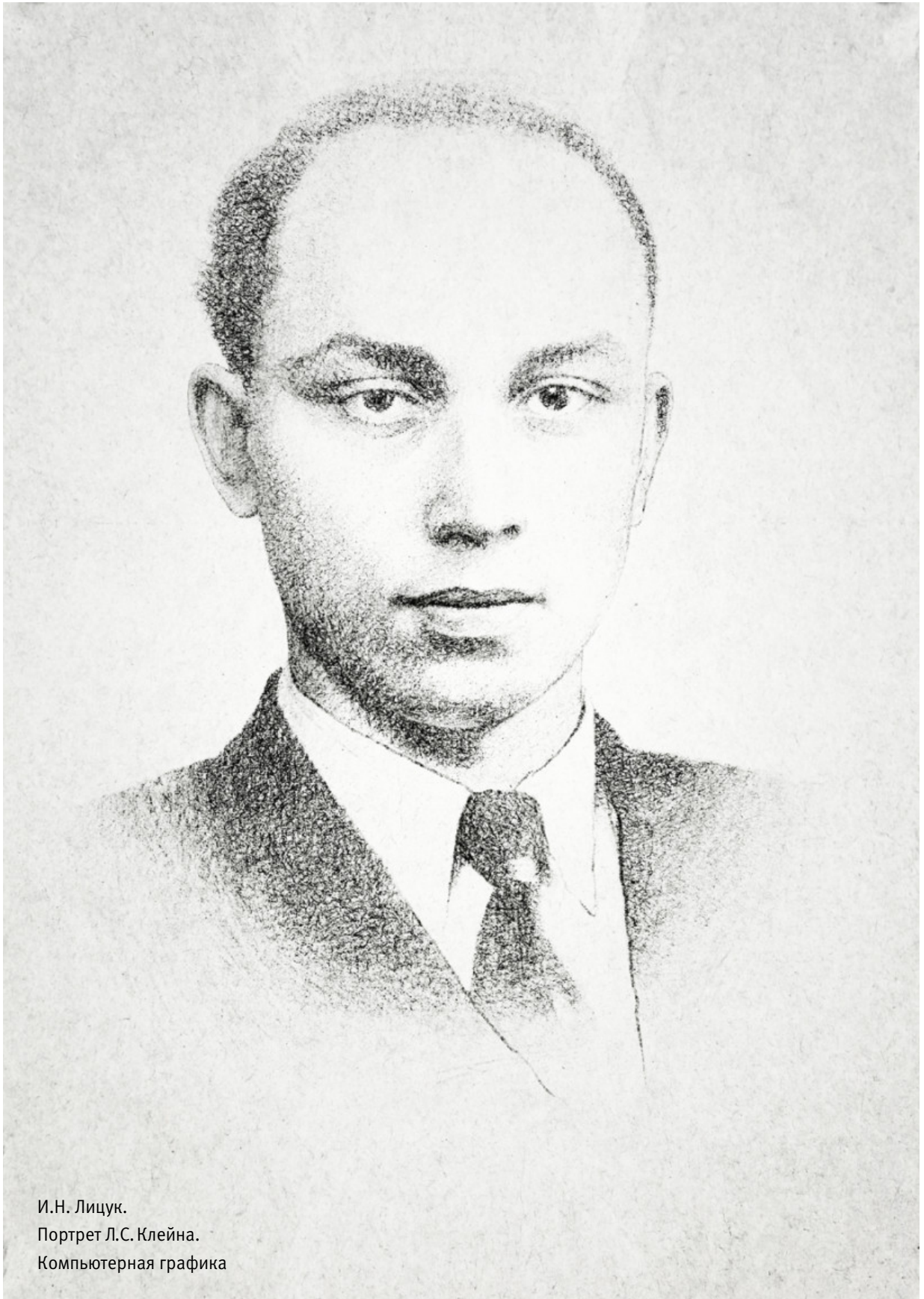
данные Клейна регулярно используются для воссоздания творческой эволюции Гомера).

Мною также использовались наблюдения и выводы Клейна относительно «данайской» и «ахейской» составляющих «Илиады» для обоснования представления о соединении в поэме двух изначально разнородных эпических традиций: традиции тех, кто сражался на колесницах («быстроходные» данаи), и тех, кто сражался в пешем строю против колесниц («пышнопоножные» ахейцы) (Панченко 2007).

С однозначно положительной оценкой работ Л.С. Клейна выступил видный русский историк Древнего мира И.М. Дьяконов. Он, в частности, отмечал в них «тщательность подбора и анализа фактов с той стороны, с какой они до сих пор практически не рассматривались» (см. Клейн 2010: 425). Более того, И.М. Дьяконов заявил, что в юности мечтал о таком открытии, что выводы Клейна неопровержимы и что с этого, возможно, начнется новая эпоха в гомероведении (Дьяконов 1987).

Литература

- Акимова Л.И. 2000. [Рецензия] // Вестник РГНФ 4, 264–270.
- Дьяконов И.М. 1987. Местоположение Трои и хетты (По поводу работы Л.С. Клейна) // Народы Азии и Африки 2, 209–211.
- Клейн Л.С. 1994. Бесплотные герои: Происхождение образов Илиады. СПб.: Фарн; Художественная Литература. 192 с.
- Клейн Л.С. 1998. Анатомия Илиады. СПб.: Изд-во СПбГУ. 556 с.
- Клейн Л.С. 2000. Каталог кораблей: Структура и стратиграфия // Stratum plus 3, 17–51.
- Клейн Л.С. 2004. Анатомия Илиады: начало дискуссии // ВДИ 3, 207–214.
- Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л. 2014. Расшифрованная «Илиада». СПб.: Амфора. 574 с. (Новая Эврика).
- Клейн Л.С. 2019а. Илиада — эпос и история. СПб.; М.: Евразия. 224 с.
- Клейн Л.С. 2019б. Троянская война. Эпос и история. СПб.; М.: Евразия. 192 с.
- Коршунков В.А. 2001. [Рецензия] // НЛО 51, 438–440.
- Панченко Д.В. 2007. «Ахиллес быстроногий»: к исторической интерпретации компонентов эпической традиции // Индоевропейское языкознание и классическая филология XI, 222–225.
- Панченко Д.В. 2011. Рецензия на книгу: Клейн Л.С. Трудно быть Клейном // Аристей 3, 149–153.
- Панченко Д.В. 2016. Гомер. «Илиада». Троя. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 304 с.
- Файер В.В. 2010. Композиция «Каталога кораблей» и проблемы гомеровского эпоса. Высшая школа экономики. Препринт WP6/2010/04. М.: ВШЭ, 19–23.
- Цымбурский В.Л., Файер В.В. 2002. Рецензия на книгу: Клейн Л.С. Анатомия «Илиады» // ВДИ 1, 179–189.
- Klejn L.S. 2012. Incorporeal heroes: The origins of Homeric images. Newcastle: Cambridge Scholars publishing. 176 p.

И.Н. Лицук.
Портрет Л.С. Клейна.
Компьютерная графика

Антропология, культурология, семиотика и не только

ЧТО СТОИТ ЗА ТИПАМИ?

А.В. Тетенькин¹

Введение

Пожалуй, будет правильным утверждать, что интерес к теоретическим аспектам археологии — прямое следствие общего научного стремления к познанию: чем дальше, тем глубже и серьезней. Верно и то, что в каждом частном исследовательском случае старт обусловлен собственной эмпирической практикой исследователя и культурной средой «породившей мя» региональной научной традиции. Выделяя различные типы артефактов, технические традиции, выраженные в существовании таких типов, группировки археологических ансамблей того или иного облика, мы проделываем только часть работы, если не имеем принципиального ответа на вопрос, какие культурные процессы и механизмы, какая «онтологическая реальность» в принципе формируют наши «культурные ископаемые». Востребованность в таких представлениях имеет теоретический и методологический характер и состоит в том, что, во-первых, сформулированные, формализованные онтологические изображения идеального объекта создают самые условия научной легитимности частной исследовательской ситуации. Во-вторых, они задают принципиальную схему — «картину мира», позволяющую нам упорядочивать, интерпретировать и интегрировать добываемые эмпирические знания.

Отрицательная ситуация, побуждающая к теоретическому поиску, это неудовлетворенность в представлении о человеческой культуре как о черном ящике, дающем на выходе артефакты. Что в нем? — и есть главный вопрос. Читающий эти строки может воскликнуть, что археология уже не молода и накоплен значительный теоретический багаж. Но уже известно давно, что permanently необходим научный ревизионизм в виде по-

стоянной рефлексии имеющегося задела и попыток дальнейшего его развития.

Научная практика автора в археологии позднего верхнего палеолита — донеолитических комплексов Байкало-Патомского нагорья и Нижнего Витима привела к представлениям о сосуществовании в одном районе на протяжении нескольких тысячелетий разных типов артефактов, техник расщепления, типов ансамблей каменной индустрии (Тетенькин 2011а; 2016). Этот опыт привел к вопросу: каковы культурные механизмы трансляции во времени и пространстве типов артефактов и типов деятельности как таковых? В содержательном смысле задача эта выходит за рамки частных археологических исследований. Она имеет метаархеологический характер. Опорой в развитии мышления в избранном направлении должен быть задел, имеющийся в отечественной и зарубежной науке.

Концепция секвенционизма Л.С. Клейна

Наиболее глубоко и последовательно теоретические представления о типах и их культурных механизмах в советской и российской археологии развиты в работах выдающегося археолога-теоретика Л.С. Клейна (Клейн 1978; 1981; 1991; 1993; 2011а; 2011б). На взгляд автора, среди трудов ученого, вехами обозначивших теоретическое научное наследие, с точки зрения рассматриваемого аспекта культурной типологии следует выделить «Археологические источники» (Клейн 1978), «Археологическую типологию» (Клейн 1991), а также «Всемирную историю археологической мысли» (Клейн 2011а; 2011б). В последнем труде сам автор подвел итог своих теоретических изысканий на фоне достижений мировой археологии, очертив наиболее ценные (с его точки зрения) собственные идеи.

В работах Л.С. Клейна типологический подход получил наиболее развитое содержание. Отмечая бедность триады «тип — артефакт — признак», он ввел обширный терминологический аппарат (Клейн 1991; 1993).

¹ 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83.
Иркутский национальный исследовательский технический институт, Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии.
Адрес электронной почты: altet@list.ru.

По сути, наиболее активно ученый направлял свои усилия на разработку типологии как научного предмета. Л.С. Клейн видел задачу в синтетическом характере теоретического конструирования — построения центральной теории археологии, который снимал бы антитезу миграционизма vs трансмиссионизма, равно как и автохтонизма vs диффузионизма.

Свои культурологические разработки сам автор обозначил как «секвениционизм» (Клейн 2011б: 464–467). Понятие «секвенция» в них является центральным, под ним Л.С. Клейн понимает последовательность культур. Он разделяет колонные и трассовые секвенции. *Колонные секвенции* суть локальные хроно-стратиграфические последовательности археологических культур, эмпирически устанавливаемые исследователями для каждого региона. *Трассовые секвенции* являются растянутыми во времени и пространстве процессами развития культур. По сути, Л.С. Клейн ставит перед собой задачу процессуального изображения культурных механизмов как возможных причин тех изменений, что можно наблюдать в археологических источниках. Культура рассматривается как пучок традиций, а традиции представлены как линии (можно сказать, процессы), имеющие свои собственные корни и траектории развития. При этом культура в основном понимается так, что составляющие ее традиции образуют устойчивую во времени и пространстве совокупность — ко-традицию. Вот, собственно, ко-традиция и образует трассовую секвенцию.

В поисках источников изменений в культуре Л.С. Клейн обратился к теории информации (Клейн 1981). В частности, он представил культуру как систему коммуникации и передаваемый в коммуникативных актах от поколения к поколению объем информации. Исходя из этого, причины изменений в культуре исследователь увидел как результат нарушений в системе коммуникаций. Обсуждать эти нарушения стало возможно, выделив такие аспекты стабильности и нарушений, как размеры социальных организмов, наличие интенсивных контактов между поколениями, емкость и пропускная способность каналов связи, частота повторяемости сообщения, связность потока информации, функциональная взаимозависимость элементов культуры, организованность (жесткость, сложность) информационной системы.

Возможные причины нарушений передаваемого сообщения Л.С. Клейн искал в информационных сетях: разрывы контактов, узость каналов связи, недостаточная повторяемость сообщения, занижение минимального (с точки зрения информационного воспро-

изводства) порога размера социального организма и др. Каналы связи — это очаги энкультурации и социализации личности: семья, школа, двор, армия, литература и др. (Клейн 2011б: 466). Они совпадают с субкультурами (Клейн 1981: 21). Резервуары памяти связаны с фольклористикой и письменными традициями (Там же).

По собственному признанию Л.С. Клейна, обстоятельства не позволили ему представить свои идеи в развернутом виде. Работа осталась не востребованной, хотя и воспринималась самим автором как одна из наиболее интересных в собственном творчестве (Клейн 1981; 2011б: 467).

Теория культурной трансмиссии Кавалли-Сфорца–Филдмана — Бойда–Ричерсона

Современные западные работы по проблеме изучения в археологии культурных механизмов основываются на теоретических разработках Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана (Cavalli-Sforza, Feldman 1981), а также Р. Бойда и П. Ричерсона (Boyd, Richerson 1985; 2005; Richerson, Boyd 2005; Eerkins, Lipo 2007). Это направление существует под названием «культурная трансмиссия». Теоретически обособилось или выкристаллизовалось оно сравнительно недавно. Хотя первые шаги в понимании, что есть культурная трансмиссия, просматриваются уже у археологов-диффузионистов начала XX в. (Eerkins, Lipo 2007), еще в 1980-х гг. некоторые ученые, рассматривая существующий теоретический небосклон, заключали, что еще отсутствует стройная и целостная теория культурной трансмиссии, но она нужна (Funnel, Smith 1981; Gearing 1984). Ситуация изменилась после выхода цитированных выше работ Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана, Р. Бойда и П. Ричерсона. В целом их можно охарактеризовать как усилия, нацеленные на понимание природы (т.е. причин, условий, процессов, механизмов) передачи информации в социуме, в культуре социума. Собственно, термин «transmission» и обозначает эту передачу. Исследования в области культурной трансмиссии многими археологами оцениваются как одно из самостоятельных и перспективных направлений в археологии (Bettinger 1993; Shennan 1996).

Решающее влияние на формирование направления культурной трансмиссии сыграл дарвиновский эволюционизм и эволюционная генетика. Культурная трансмиссия изначально стала пониматься как нечто родственное генной трансмиссии:

«...мы приобретаем поведение других индивидов подобно тому, как мы получаем наши гены от наших родителей» (Boyd, Richerson 2005: 258).

Гены и культурная информация являются разновидностями информации в целом (Eerkins, Lipo 2007: 245). В обоих случаях генной и культурной трансмиссии имеет место межпоколенная передача. Идеи в культуре подвержены такому фундаментальному дарвиновскому фильтру, как естественный отбор (Durham 1992: 343; Richerson, Boyd 2005: 68).

«Большинство антропологов, экономистов, социологов или политологов разделяют общую принципиальную позицию: индивиды делают выбор между альтернативными видами поведения, проводя анализ затрат и выгод, используя информацию, имеющую отношение к платежу» (Heinrich 2001).

Признавая родство обоих видов трансмиссии, генетической и культурной, цитируемые авторы понимают и существующее своеобразие последней.

«Культурная трансмиссия отличается от генетической трансмиссии, потому что включает наследование приобретенного варианта. <...> Эффект случайных ошибок является культурным аналогом мутации» (Boyd, Richerson 1985: 283).

«Поведение может быть передано культурно быстрее, чем генетически. Это позволяет индивидам более быстро отвечать на изменения окружающей среды» (Eerkins, Lipo 2007: 243).

«Культурная селекция параллельна естественной селекции, но действует благодаря выбранному предпочтению, а не преимуществу выживания или репродуктивного воспроизводства» (Durham 1992: 344–345).

В случае генетической трансмиссии вопрос «пасуемого вещества» был ясен: единицами (юнитами) генетической трансмиссии являются сами гены. Напротив, в культурной трансмиссии требовалось еще нащупать и найти тот материал, который и по аналогии с трансмиссией генов должен быть совокупностью атомарных единиц, составляющих все культурное наследие. И эти единицы должны, подобно генам, обладать некими качествами устойчивости, информативности, способности вступать в комбинации. Большое влияние на все последующие разработки культурной трансмиссии оказали взгляды английского популяризатора современной биологии, дарвиниста и атеиста Р. Докинза (Dawkins 1982; 1989). Он является автором концепции мемов — единиц культурной информации. Мемы способны расщепляться, комбинироваться, образовывать устойчивые ассоциации — мемплексы. Они являются

репликаторами, т.е. способны воспроизводить самих себя, и в этой основной своей функции они достаточно плодовиты, постоянны и выносливы (Dawkins 1982; Boyd, Richerson 2005). Такие мемы-репликаторы, как убеждения и идеи, могут быть копированы с мозга одного человека на мозг другого (других), распространяться в популяции, контролируя поведение людей (Boyd, Richerson 2005: 429). Критикуемым местом в этой концепции стало представление о мемах как об аналогах генов. Оно закрывало путь очевидным переменам в культуре, имеющим фенотипический характер.

Хотя у авторов концепции культургена Ч. Ламсдена и Э. Вильсона, одних из предтеч нынешней теории культурной трансмиссии (Lumsden, Wilson 1981), существовало «широкое» понимание культуры как суммы ментальных конструкций, поведений и артефактов, в конце концов во взглядах Кавалли-Сфорца, Филдмана, Бойда, Ричерсона и их последователей возобладавало представление культуры как информации или информационной системы:

«...мы определили культуру как информацию, влияющую на фенотип, принимаемую людьми через имитацию или обучение» (Boyd, Richerson 1985: 283).

«Мы определяем культуру как информацию — навыки, отношения, верования и ценности, обуславливающие человеческое преподавание, которое они усваивают через обучение, имитацию и другие формы специального обучения» (Boyd, Richerson 2005: 105).

Информация и есть те самые искомые единицы культурного материала. Как и каждая система, система культуры пасует информацию, используя собственные различные способы кодирования (Eerkins, Lipo 2007: 246). Трудность в представлении информации состоит в отсутствии фиксированного осязаемого объекта для культурной трансмиссии:

«...физические формы культурной информации являются в разных масштабах и постоянно изменяются. Не существует пределов в типах физических образований, которые несут информацию» (Eerkins, Lipo 2005: 318).

«Единицы трансмиссии идеальны и прямо не наблюдаемы, они состоят из информации и концептуально аналогичны "рецептам" поведения, артефактов и идей» (Luman, Bryan 2003; Eerkins, Lipo 2005: 318).

На наш взгляд, не последнюю роль в формировании такого представления сыграло и в значительной степени традиционное для археологии нормативное определение культуры как набора разделяемых идей (Johnson 1999: 65).

Культурная трансмиссия Кавалли-Сфорца и Филдмана

В книге Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана (Cavalli-Sforza, Feldman 1981) и статье (Cavalli-Sforza et al. 1982) была развернута концепция культурной трансмиссии. Авторы сформулировали культурную трансмиссию как приобретение одним индивидом черт другого. Процесс трансмиссии осуществляется в две стадии: а) понимание, б) восприятие или обучение (Cavalli-Sforza, Feldman 1981: 62). Они выделили четыре важных критерия для классификации (Ibid.: 61): 1) связь учителя и ученика; 2) возрастная разница; 3) количественное отношение между учителями и учениками; 4) сложность общества. Связь учителя и ученика может быть либо родительской, либо является отношениями вхождения в одну родственную или социальную группу, либо отсутствует. Возрастная разница формирует *вертикальную трансмиссию* между разными поколениями родственников, прежде всего от родителей к детям. *Облик-трансмиссия* — от представителя старшего поколения младшему при условии отсутствия родственной связи. *Горизонтальная трансмиссия* представляет собой коммуникацию между представителями одного поколения, условно говоря сверстниками. Количественное отношение выражается в соотношениях: один учитель — один ученик; один учитель — много учеников; много учителей — один ученик; много учителей — много учеников (все сверстники, например). Эти количественные варианты культурной трансмиссии — ключевые в концепции Кавалли-Сфорца и соавторов. Из них выведены такие модели культурной трансмиссии, как: родительская культурная трансмиссия — ребенку; культурная трансмиссия социально близкой группы — ребенку; культурная трансмиссия учителя (и масс-медиа) — ученикам; горизонтальная культурная трансмиссия между индивидами-ровесниками. Четвертый критерий сложности общества лишь констатирует комплексный характер одновременного действия разных типов культурной трансмиссии.

Был высказан ряд характерных особенностей, присутствующих этим моделям-типам. Трансмиссия от родителей к детям и от многих к одному наиболее консервативны. Трансмиссии от одного многим, например от учителя к ученикам или от телевизора (медиасредств) к аудитории, характерны быстрым распространением инноваций и тенденцией к гомогенизации общества. Трансмиссия от одного человека к другому ведет к высокой мобильности индивидов в восприятии инноваций, а также к значительному и повышающемуся культурному разнообразию.

В различных социальных группах западного общества, в том числе на студентах Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана, были проведены количественные (статистические) измерения действия разных аспектов культурной трансмиссии (Cavalli-Sforza et al. 1982). Запрашиваемая культурная информация (характерные черты) была разделена на шесть рубрик: 1) религиозные взгляды; 2) политические взгляды; 3) зрелища; 4) взгляды на спорные ограничения, предрассудки; 5) привычки, легко описываемые без вторжения в приватность; 6) спорт.

Ожидалось, что будет найдено применение культурной трансмиссии Кавалли-Сфорца и Филдмана в разнообразных гуманитарных направлениях: лингвистике, психологии, антропологии, социологии и коммуникационных науках. Нашлось применение этой теории и в археологии. Так, в статье Д. МакДональда консервативный по всей Великой Равнине характер набора орудий Фолсом интерпретирован как результат действия типа культурной трансмиссии «многие — одному» в условиях географически широкой сети брачных, социальных и экономических отношений (MacDonald, 1998: 232). Концепция Кавалли-Сфорца и Филдмана внесла существенный вклад в последующую теорию культурной трансмиссии Бойда и Ричерсона.

Культурная трансмиссия Бойда и Ричерсона

Большое влияние на современные археологические труды в русле культурной трансмиссии оказала теория Р. Бойда и П. Ричерсона, изложенная в статьях и нескольких книгах (Boyd, Richerson 1985; 2005; Richerson, Boyd 2005).

Определяя культуру как информацию, Бойд и Ричерсон утверждают, что культурная трансмиссия осуществляется на уровне навыков, убеждений, ценностей и отношений, обуславливающих человеческое поведение (Boyd, Richerson 2005: 105). Эта культурная информация влияет на фенотип человека и таким образом может быть унаследована (Boyd, Richerson 1985: 283). Люди усваивают информацию через имитацию и обучение. Обучение может быть социальным и индивидуальным. В первом случае оно идет через навязывание образца индивиду его социальной группой. Во втором случае имеется в виду лично активное обучение путем проб и ошибок.

Бойд и Ричерсон ввели понятие *избирательная трансмиссия*, противопоставив ее *непредвзятой трансмиссии* (рис. 1). *Непредвзятая трансмиссия* осуществляется от родителей к детям. Она воспроизводит существующую культурную информацию без существенных изменений. *Непредвзятая трансмиссия* тесно

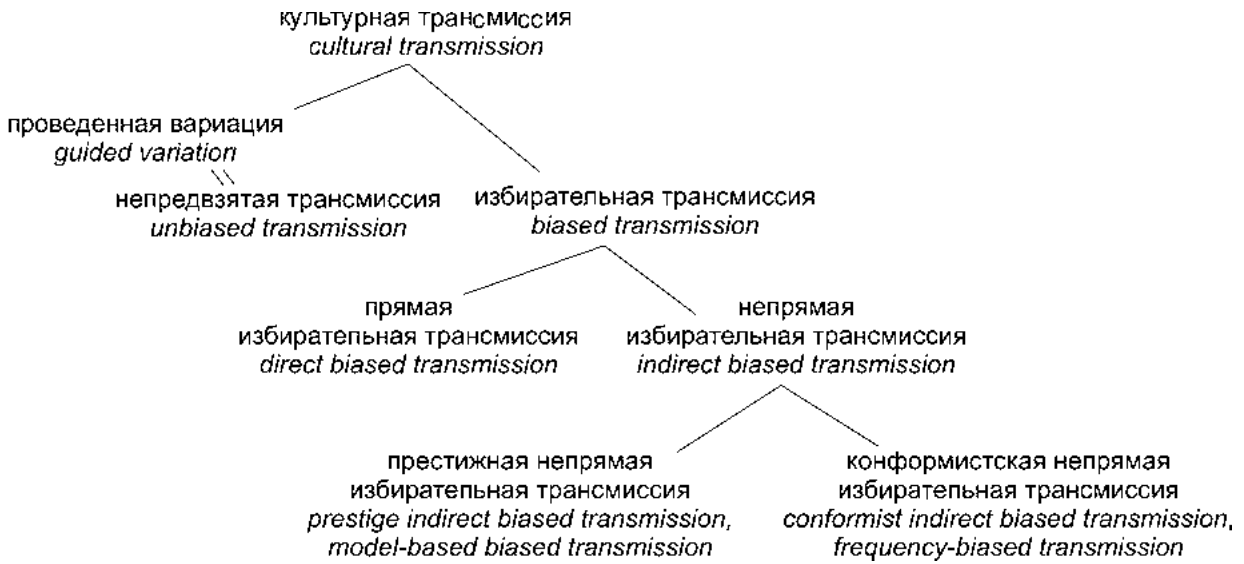

Рис. 1. Схема выделенных вариантов культурной трансмиссии Бойда–Ричерсона (по Boyd, Richerson 1985; 2005; Richerson, Boyd 2005)

связана по смыслу с *проведенной вариацией*, суть которой в увеличении роли усваиваемого культурного варианта благодаря межпоколенной его передаче, обучению и индивидуальному освоению «учениками» (Ibid.).

Альтернативой является *избирательная трансмиссия*. Она появляется,

«когда люди предпочитают одни культурные варианты другим, сталкиваются с альтернативными идеями и выбирают из них осознанно или неосознанно» (Boyd, Richerson 2005: 68).

Избирательная трансмиссия может быть прямой и непрямой. *Прямая избирательная трансмиссия* означает рациональную оценку и выбор наиболее подходящего варианта. Она также понимается как селекция культурных вариантов. Но из-за некомпетентности либо затратности проверки, отсутствия на нее времени люди часто полагаются на *непрямую избирательную трансмиссию*, когда проще, чем оценивать самому, положиться на чей-то пример (Boyd, Richerson 1985: 135). Эта последняя имеет две разновидности: *престижную* и *конформистскую* избирательные трансмиссии (Boyd, Richerson 2005: 69). *Престижная* трансмиссия есть заимствование, копирование культурного варианта успешного носителя. Например, это подражание стилю поп-звезд, заимствование образцов поведения и вооружения успешных охотников. *Конформистская* трансмиссия есть выбор в пользу общепринятого варианта, копирование общепринятых, наиболее часто встречаемых культурных образцов.

Касаясь условий успешной трансмиссии, Бойд и Ричерсон обращали внимание на стимулы, общие убеждения, диалект, дресс-стиль, привлекательность успеха (Ibid.: 119), а также на аккуратность ментальных репрезентаций и настойчивости в их воспроизводстве, пока они сами не станут моделями для других (Ibid.: 57, fig. 3.1).

В качестве примера применения в археологии работ Бойда и Ричерсона приведем статью Р. Беттингера и Е. Эркинса (Bettinger, Eerkins 1999). Поводом послужило морфологическое разнообразие наконечников типа Rosegate в Калифорнии и устойчиво выдержанные в параметрах эти же наконечники в Центральной Неваде около 1350 л.н. В это время, как считают, происходило внедрение технологии лука и стрел. Если считать, что очаг распространения этих передовых знаний был один, то логично ожидать единообразия наконечников на всей территории культурной трансмиссии. Однако в случае с наконечниками в Калифорнии это оказалось не так. В частности, речь шла о соотношении параметров веса и базальной ширины наконечника стрелы. В объяснении разброса этих показателей в Калифорнии была привлечена идея проведенной вариации Бойда и Ричерсона. Она предполагает индивидуальное освоение культурного багажа, что, вероятно, и привело к большому разнообразию наконечников, сделанных путем экспериментов, проб и ошибок. Напротив, выдержанные в параметрах наконечники Rosegate в Неваде интерпретированы как возможный результат непрямой избирательной трансмиссии од-

ного успешного образца. Отсюда как следствие предполагаются групповое социальное обучение, минуя уровень индивидуального обучения и экспериментов, гомогенный культурный состав населения, доминирование группового поведения над индивидуальным.

Теоретический синтез Эркинса и Липо

Активно работают над внедрением тематики культурной трансмиссии в археологию Е. Эркинс и К. Липо. В нескольких статьях (Eerkins, Lipo 2005; 2007) они теоретически обобщили разработки на тему культурной трансмиссии, на основе чего построили идеальный объект культурной трансмиссии. На наш взгляд, разработка онтологической конструкции культурной трансмиссии в их статьях является наиболее разработанной, хотя в них нет математических формул, обычных для их трудов.

Они выделяют источник информации и получающую сторону как индивидов, воспринимающих, хранящих, переименовывающих, воспроизводящих и материализующих эту информацию (Ibid.). Индивиды получают информацию и оперируют ею: выбирают, изменяют, игнорируют, экспериментируют с ней. Процессы трансмиссии рассматриваются в трех основных планах: контент, контекст и мод презентации и усвоения, — которые работают совместно.

Контент — это актуальная информация, передаваемая трансмиссией. Эту информацию ряд исследователей определяет как мемы (Dawkins 1976) и культургены (Lumsden, Wilson 1981). Но, поскольку нет эмпирических единиц информации, авторы предпочитают использовать термин «культурная информация» (Eerkins, Lipo 2007: 247). Контент характеризуется такими аспектами, как комплексность-сложность информации, форма, в которой она подана, частота повторяемости и как информация структурирована.

Сложность информации влияет на совершение ошибок как во время хранения ее в мозге человека, так и во время ее материализации. Авторы определяют сложность информации как длину описания ее свойств математически, пиктографически или вербально. Имеются три формы информации — письменная, вербальная, визуальная. Визуальная система восприятия дает меньше ошибок, чем восприятие на слух, и визуальное восприятие должно быть усилено вербальным. Структурированность информации есть величина детализированности либо генерализации. Характер трансмиссии зависит от того, как запакована информация. Например, инструкции могут быть редуцированы к самой сути — структуре.

В контенте большую роль играет идея стиля. Стиль есть что-то, что работает в конструировании сериации и оценочных процедур путем проб и ошибок (Ibid.: 254). Р. Даннел (Dunnell 1978) определял стиль как нечто, не имеющее селективной ценности, стилистические черты объявлены как нейтральные, функционально равновеликие. Позднее отмечалось, что стиль может иметь свою ценность, благодаря маркированию собой границ социальной группы, при этом очень сложно отделить функциональные черты от стилистических.

Контекст представляет собой культурную среду для процессов трансмиссии. Здесь Эркинс и Липо отмечают слабую разработанность представлений. Называются такие фильтры-стимулы прохождения информации, как способность человеческого мозга воспринимать и передавать информацию, тематическая взаимосвязь единиц информации, большее знание культурного контекста участников коммуникации с обеих сторон. Ритуальные верования как информация имеют низкий уровень изменений. Дж. Хенрих (Henrich 2004) указывает на роль размера популяции в трансмиссии. Чем больше популяция, тем больше интерактивных учеников, тем сложнее технологии, которые передаются. При сокращении популяции и изоляции возможно забывание сложных технологий и возврат к простым. С. Митен (Mithen 1997: 73) выдвинул гипотезу связи определенных смыслов, например религиозные идеи с религиозными артефактами и социальным поведением, информации о «богах» с социальной информацией или миром природы. Мозг современного человека расположен к трансмиссии способов охоты, производства орудий и социального взаимодействия. Соответственно, эти аспекты транслируются легче других.

Мод трансмиссии варьирует от числа вовлеченных людей, направления и влияний, того, как информация запакована и как извлечена. Трансмиссия может быть модифицирована и стимулирована. Выделяют трансмиссии «один — один», «многие — один», «один — многие», «многие — многие» (Cavalli-Sforza, Feldman 1981). «Многие — один»-трансмиссия ведет к низкому уровню вариаций, в сравнении с трансмиссией «один — многие». Наиболее часто встречаемые виды трансмиссии — избирательные конформистская и престижная (Boyd, Richerson 1985; 2005; Richerson, Boyd 2005).

Упорядочивающую роль организации информации играют картины мира. Отмечается способность единиц информации к слиянию и расщеплению (Eerkins, Lipo 2007: 252, 254). Избирательная престижная трансмиссия может предполагать передачу информации блоками, например технологии, в которые включены раз-

нообразные аспекты и производства, и применения артефакта.

Культурная трансмиссия и ревизия Баркоу

Идею ревизии культуры, дополняющей процессы трансмиссии, предложил антрополог Д. Баркоу (Barkow 2004). Центральным местом в ней является постоянное наличие в культуре маладаптивных черт, понижающих жизнеспособность культуры и общества или вовсе ведущих к отрицательной невыгоде. Такая маладаптивность возникает в процессах четырех видов: 1) изменение окружающей среды, когда прежде эффективные культурные черты (нормы) становятся недееспособными; 2) увеличение расходов, когда затраты на следование культурным нормам превышают пользу от их применения; 3) аккумуляцию ошибки, например веками воспроизводящиеся методы лечения ртутью в исламской культуре; 4) доминирование интересов элиты, идущее вразрез с интересами общества в целом (Ibid.: 441).

Так или иначе, общество вырабатывает стресс-понижающие механизмы ревизии культуры, которые тесно переплетены с трансмиссией культуры (Ibid.: 447). Ревизия культуры протекает по четырем направлениям: 1. Имитация престижной модели поведения, характерная особенно для молодых. Смена престижной модели ведет к изменениям в культуре. 2. Детское и подростковое сопротивление. Отвоевывание места и ревизия культуры молодежью связаны между собой. 3. Угнетение и сопротивление. Например, внешние угрозы могут заставить людей изменить свою культуру (синдром этноцентризма), а социальное напряжение в обществе — привести к революции. 4. Мягкая социализация есть стремление дать детям лучшую жизнь, что ведет к ревизии культуры (Ibid.: 448–450).

Эти тезисы Дж. Баркоу излагает на фоне критики описанных выше положений культурной трансмиссии, разрабатываемых Ч. Ламсденом и Э. Уилсоном (Lumsden, Wilson 1981), Бойдом и Ричерсоном (Boyd, Richerson 1985). Суть критики кроется в отношении к культурным единицам по аналогии с генами, между тем как связь между генетической пригодностью и культурой всегда свободна и не всегда предсказуема (Barkow 2004: 453). Он полагает, что указанные этими учеными механизмы культурной трансмиссии слишком просты и недостаточны. В их модели должны быть инкорпорированы более сложные механизмы (Ibid.: 448). Последние, по Баркоу, должны быть механизмами психологического уровня (Ibid.: 453).

Критика западных концепций культурной трансмиссии

Развитие взглядов на культурные процессы в американской (западной) антропологии прошло несколько этапов. Пережив стадию рефлексии (отсутствие теории культурной трансмиссии и необходимости в ней), научное сообщество вступило во второй этап (появление научных концепций). Были сформулированы первые онтологические концепции идеального объекта культурной трансмиссии. Третий этап начался немедленно с появлением первых теоретических конструкций и эмпирических, прикладных попыток их применения. Эркинс и Липо, правда, отмечают неразвитость практики археологических работ в русле культурной трансмиссии (Eerkins, Lipo 2007).

В американской антропологии господствует убеждение в том, что защищаемые положения должны быть сформулированы математически. Количественный подход понимается как необходимый критерий научности. Эти обширные математические построения являются в какой-то мере и способом объективации научных разработок, т.е. демонстрацией реальности существования выводимых научных построений. Таких, например, как культургены (Lumsden, Wilson 1981). На наш взгляд, такие модели большей частью имеют симуляционный характер, выделяя какой-то один аспект (искусственно упрощая до одного), показывая его возможную роль, но при этом упрощая в целом теорию культурной трансмиссии. Последняя как раз и нуждается в продолжении разработок.

Магнетическое влияние дарвинизма, эволюционной генетики, проведенное через идеи мемов Р. Доукинза и культургенов Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, привело к однобокому пониманию культуры, ее механизмов воспроизводства и развития. В частности, это понимание культуры только как информации, рассмотрение последней преимущественно в контексте сходств и различий с генами.

Наша позиция состоит в том, что процессы коммуникации представляют собой не только обмен идеями (информацией), но и артефактами и людьми. Соответственно, они и должны рассматриваться в этой взаимосвязи. Всякая информация имеет знаковый характер, облечена в материальные знаковые формы. В частности, сами артефакты являются знаковой формой заложенных в них значений. В ходе коммуникации знаковые формы могут быть отчуждены от человека, пересажены на иные носители, например бумажные или электронные. Этот аспект культурной трансмиссии следует охарактеризовать как семиотический.

В рассмотренных нами западных концепциях культурной трансмиссии он практически не развит. Однако именно семиотический подход к культурной трансмиссии должен быть более всего востребован археологией, поскольку принципиально сосредоточен на связке «артефакт (знаковая форма) — значение». Информационное понимание культуры явно недостаточно. Оно выводит за рамки все остальные основные аспекты сферы культуры: управляемую нормами и знаниями деятельность и ее материальные продукты.

Имея на вооружении модели культурной трансмиссии типа «один — многим», «многие — одному» или избирательной непрямой престижной и конформистской трансмиссий, археологи пытаются применить их в духе идентификации материала с одной из моделей. С нашей точки зрения, все выделенные моды, или типы, культурной трансмиссии не могут быть противопоставлены друг другу, не могут представлять собой тип культуры в целом, поскольку работают одновременно, но в различных возрастных, коммуникационных, прагматических ситуациях. Соответственно, необходима разработка онтологической схемы коммуникационных ситуаций, в ходе которых происходит обмен — движение идей, вещей, людей. Построена она должна быть как: а) инвариантная схема, б) логически простейшая схема, которая, вероятно, должна быть исторически исходной.

Используемый в западной археологии термин «трансмиссия» в передаче средствами русского языка имеет механистическое понимание. «Трансмиссия» — система устройств для передачи на расстояние механической энергии, у слова нет глагольного образования. В противовес ему «трансляция» в русском языке более широко употребляемо и, в частности, означает перенос физического или математического объекта в пространстве на некоторое расстояние: передачу на расстояние речи, музыки, изображения и т.п. с места действия по радио и телевидению; оно имеет и глагольную форму. Поэтому исходной точкой для дальнейших рассуждений автор принимает термин «трансляция» как наиболее приемлемый в смысле передачи различных продуктов культуры.

Семиотическая природа артефактов. Связка «тип — артефакт»

Базовое, принципиальное допущение, которое мы принимаем, утверждает, что артефакты являются знаковыми формами, значениями которых выступают связанные с ними, их производством и использованием культурные нормы, идеи. Вместе эта связка «знако-

вая форма — значение» образует знак (Щедровицкий 1995; Тетенькин 2012). Соответственно, ракурс или подход к артефакту следует определить как семиотический. Возможный вклад в развитие понимания артефактов может быть внесен изучением процессов образования их типов как массовых явлений работы сознания по производству, хранению, передаче и усвоению знаковых форм чувственного опыта. В этом русле должны быть рассмотрены и аспекты образования типа как идеального значения вещей. Это, во-первых, онтологические характеристики производства типов как знаков и, во-вторых, описания механизмов введения типа в культуру.

Однотипные деятельностные ситуации побуждают людей использовать предшествующие решения как положительный опыт, который может быть воспроизведен. Так появляется тип как результат подражания и воспроизводства удачного нового единичного артефакта, как продукт технического, стилевого (эстетического, символического) творчества либо случайного отклонения. В этот момент возникает естественный знак — знак о самом себе в ситуациях включения в сферы деятельности (Кодухов 1974: 25). Главным образом это сферы производства и утилизации артефакта, личного владения, гендерной, возрастной, сословной, профессиональной, этнической и прочей принадлежности. В ходе успешного применения артефакта люди концептуализируют опыт его производства, который становится стереотипом поведения людей в подобных деятельностных ситуациях.

Адекватный опыт-стереотип инструментального (овеществленного, вооруженного вещами) поведения подвергается переработке содержания в смысле формулирования идеального, т.е. типичного, редуцированного, лишенного индивидуальной специфики, обогащенного и обобщенного знания. Эта процедура является по своей природе работой человеческого сознания со знаками. Мы фиксируем здесь переход естественного знака в состояние идеального типа и будем отличать в идеализированном опыте поведения людей в стандартных деятельностных ситуациях связку «идеальный образ артефакта — деятельностные значения». Последние есть стереотипы деятельностных ситуаций, осуществляемых с участием артефакта и необходимых для его производства. Назовем эти первые значения *денотативными (основными) значениями типа*. Процесс редукации содержания опыта в направлении выработки идеального типа, как правило, является результатом коллективной деятельности и работы коллективного сознания. Для этого необхо-

димо выполнение таких условий, как представление опыта в знаково-языковых выражениях — *номинация типа* (представление языковым термином), трансляция (передача-обучение) опыта. Многократное воспроизводство ситуаций использования стереотипного опыта как раз является условием его редукции и выработки формализованного идеального типа. Логистика минимизации трудовых и в том числе интеллектуальных усилий ведет к доведению стереотипов поведения до шаблонов механического, слаборефлексируемого, машинального, моторного поведения.

Процесс выработки идеального типа артефакта, осуществляемый как задача оптимизации трудовой инструментальной деятельности, обеспечиваемой артефактом, таким образом направлен в сторону идеализации типа деятельности и образа (формы) артефакта как наиболее ему адекватного. Пока эта работа осуществляется, она имеет характер открытой, *синтагматической* процедуры организации знания. Иными словами, открыта сама возможность дополнения и изменения знания. Но это состояние не беспредельно.

Следующий и финальный этап формирования идеального типа состоит в *парадигматизации* достигнутого состояния знания (результата работы со знаками). Отныне оно имеет закрытый характер, позволяющий пользователям: а) узнавать в вещах тип; б) отличать вещи типа от других вещей. Сам процесс образования типа назовем *процессом типизации*. Артефакты данного типа выступают в роли знаков-символов присущих им стереотипов поведения, деятельностных ситуаций. Происходит узнавание типа в смысле понимания за вещью-знаком связанных с ней значений. Само понятие типа как некоторого морфологически устойчивого класса вещей со специфически присущим им культурным значением предполагает *парадигматический* характер типа. То есть если по некоторым руководящим признакам вещь не совпадает с формулой типа, то она к нему не относится, это не тип, со всеми вытекающими из этого семантическими последствиями. Следовательно, в связке «образ (форма) артефакта — стереотипы деятельности с артефактом» первый имеет установку на парадигматическую закрытость. Этот переход синтагматической цепочки в статус парадигматической конструкции описан в работе Г.П. Щедровицкого «Смысл и значение» (Щедровицкий 1995: 545–576).

Вторая часть идеального типа состоит из суммы значений стереотипов деятельности, с которыми связаны артефакты данного типа. В ходе исторической жизни типа в культуре общества эти значения могут меняться. Помимо основных, денотативных значений

появляются дополнительные *значения-коннотации*. В этом выражается гибкость второго компонента содержания идеального типа. Кроме основных значений (денотата) производства и утилизации в ходе социальной истории типа происходило присвоение коннотативных значений престижности, интериоризации, маркирования определенных социальных страт и этнических и прочих групп, различных социальных практик вовлечения артефактов данного типа. Важно отметить среди коннотативных со-значений возможные связи типов с идеологиями, в том числе религиозными.

Структурная схема типа (**рис. 2**) состоит из позиций **идеального типа** (образ (форма) артефакта, языковой термин и стереотипы производства и использования артефакта в сферах деятельности) и **материального продукта** воплощения формы (артефакты определенного типа и морфология (морфотип)). С семиотической точки зрения такая схема является *знаком*, в котором знаковой формой являются артефакты, а значением — идеальный тип. Исходя из вышеприведенных доводов о возникновении дополнительных коннотативных со-значений, можно сделать важный вывод о многократном семиозисе и полисемии типа.

Приведем несколько сходных примеров понимания процесса возникновения типа в западной антропологической (теоретической) археологии. Глэдвин и Батлер (цитировано по Henrich 2001: 996) сформулировали три стадии этого процесса: 1) индивиды оценивают альтернативы, используя низкокзатратные эксперименты для сбора информации; 2) эти решения кодифицируются в культурных правилах; 3) эти правила транслируются следующим поколениям.

Эркинс и Липо указывали на два возможных механизма производства культурных вариаций:

- «1) вариация может быть результатом ошибки в копировании, 2) вариация может быть произведена когнитивным механизмом, сортирующим и комбинирующим информацию с целью создания новых форм, которые могут быть убедительны и ощутимы производителем. Этот тип вариаций часто рассматривают как избирательная вариация, или результат "инвенции", "открытия" или "инновации"» (Eerkins, Lipo 2005: 319).

Показав, что образование идеальной формы артефакта сопряжено и своим условием имеет идеализацию типа деятельности, мы должны далее рассматривать сам процесс типизации как работу сознания, захватывающую не только артефакты, но процессы и сферы

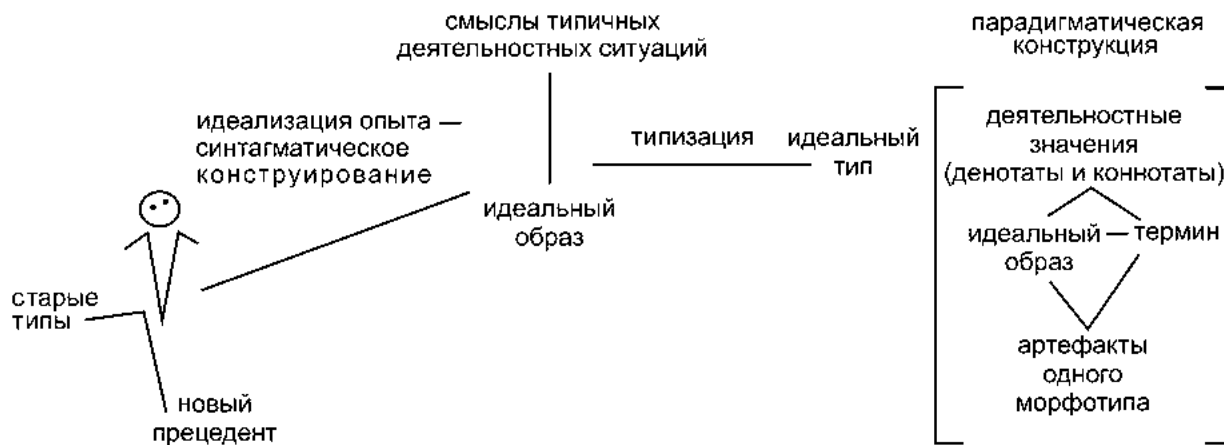

Рис. 2. Структурная схема типа

деятельности, как и всю окружающую человека искусственную и естественную среду. В этом смысле уместен общепрофилософский вывод о стремлении человека освоить мир через редукцию всех отношений к миру путем перехода к парадигматической картине мира и наборам типов поведения в ней. Базовым теоретическим положением в нашем случае является утверждение о том, что человеческая деятельность оперирования знаками является постоянной, она обязательным образом является условием и сопровождает все виды поведения. Типообразование имеет знаковую семиотическую природу. Задача процесса типизации состоит в фиксации опыта, открывающей возможность его хранения, знаковой репрезентации, трансляции, узнавания и понимания. Д. Миллер характеризует процесс типизации как процесс категоризации — структурное упорядочивание окружающего мира, материального производства и речи-языка (Miller 1982).

Представления об эволюционном процессе изменения вещей, а с другой стороны, их концептов-значений оказали влияние и на лингвистику. Ю.С. Степанов (1997: 17–18) назвал такие порядки «эволюционными семиотическими рядами», определив их природу как знаковую. Синхронные звенья разных семиотических рядов формируют «стиль» или «парадигму эпохи». Процессы могут сужаться и расширяться в плане хождения в узких или широких кругах населения, протекать с разной скоростью в разных социальных средах (Там же: 39–40). Но в фокусе внимания лингвиста оказываются прежде всего вопросы культурно-лингвистической эволюции концептов.

Следующий вопрос, который подлежит рассмотрению, состоит в определении, какова роль уже сформированных, существующих типов в продолжающемся

процессе типизации². Характеризуя тип как знак, а типизацию как работу сознания со знаками, мы видим три возможных направления этой работы, ведущей к образованию нового типа: 1) увеличение знака (типа); 2) деление знака (типа), 3) комбинацию знаков (типов) (рис. 3).

Рассмотрим аспект стилового отклонения типов. Появление новых, дополнительных коннотаций-значений в каких-то случаях сопровождается модификацией формы типа: увеличение содержания — **увеличение типа** (рис. 3: а). Серийность, массовость этого явления приводит к формированию нового стилового типа, уже связанного отношениями знаковой репрезентации с конкретным, узким типом деятельностной ситуации. Так появляются, например, ритуально специфичные типы оружия, посуды, мебели³. Речь идет о парадигматической типизации новой и конкретной связки «стиловое отклонение от исходного типа — специфическая ситуация обращения с вещами нового данного типа». Новый, условно говоря, «стиловый тип» по отношению к исходному типу является подтипом или субтипом. Артефакты, имеющие эту новую знаковую форму, становятся символами определенной социальной ситуации. Вероятно, возможен реконструктивный ход демонстрации восхождения множества субтипов второго и третьего поколения к исходному «материнскому типу». Общим условием, предъявляемым к ним, является соблюдение требований исполнения основных функций еще материнского типа.

² Очевидной стороной этого процесса является непрекращающаяся тенденция к отклонению от исходного типа — см. Clark 1968: 227–229.

³ И.А. Бунин в «Окаянных днях» отмечал как новшество, что вскоре после Октябрьского переворота его сторонники стали хоронить своих умерших в гробах, обтянутых красной тканью.

Стилевые вариации, связанные с коннотатами, логически допустимы, пока не препятствуют осуществлению основных функций вещи — денотативных ее значений (Эко 1999). Здесь новый тип формируется по схеме «тип исходный + стилевое отклонение». Его артефакты одновременно являются представителями и материнского типа, и производного от него.

Другой путь типобразования — распределечивание типа: выделение и типизация конструктивного элемента исходной формы, имеющего какой-либо значимый утилитарный или экстраутилитарный смысл (рис. 3: б). Происходит **деление типа**, вычленение и типизация его частей с последующим возможным переносом тип-элемента в новой комбинации с другими элементами и на новый материал. Например, какие-то элементы античных архитектурных ордоров могут быть использованы в более поздней архитектуре.

В третьем ряде случаев типизации подвергается сложившееся и устойчиво воспроизводимое сочетание типов (**комбинация типов**), наблюдаемое, например, в ношении одежды, обстановке усадьбы или бензоаправки, интерьера кафе или храма (рис. 3: в). Типизированные широкие сочетания типов бытовой искусственной среды осмысляются как «стили эпохи», в совокупности с присущей им жизнедеятельностью — как «образы жизни».

Сходная идея высказывалась американскими антропологами ранее, но объяснялась иначе: информация может быть слита с другой информацией, передана полностью или частями (Eerkins, Lipo 2007: 252). В каких-то случаях культурная информация может быть подхвачена, слита с другой информацией. Такой подхват есть что-то вроде аналога «обломка ДНК» в геной трансмиссии, где куски генетического кода способны вставлять себя в геном и быть воспроизведенными (Luman, O'Brien 2003).

Далее, заявив о непрекращающемся процессе типизации окружающего мира, включая вещи и их смыслы, постулировав природу этого процесса как обыденную работу сознания со знаками, мы должны показать довлеющий характер в определении типами социального поведения, в том числе сознательной деятельности. Мы исходим в этом вопросе из четырех базовых допущений. Во-первых, типизацией охвачены все стороны социальной жизни, и существует культурное предложение типов поведения и стереотипов производства и использования артефактов во всех сферах деятельности. Во-вторых, это предложение имеет избыточный характер. Это означает, что в значительном количестве случаев человек имеет возможность вы-

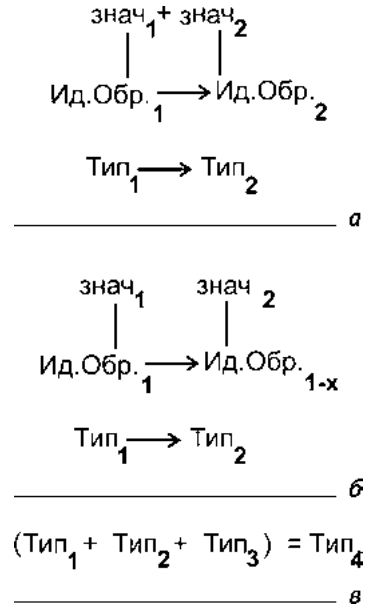

Рис. 3. Пути типобразования: а — увеличение; б — деление; в — комбинирование

бора между предложенными культурой способами решения проблем. Свобода маневра и выбора детерминирует поведение человека как «игру по правилам». Это то, что П. Бурдьё характеризовал как габитус:

«...продукт практического чувства, как чувства игры, особой социальной игры, исторически определенной, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности. <...> Это предполагает постоянное изобретение, необходимое, чтобы адаптироваться к бесконечно разнообразным ситуациям, никогда не бывающим совершенно идентичными. Это не обеспечивает механическое подчинение эксплицитному, кодифицированному правилу» (Бурдьё 1994: 98).

В-третьих, выбор наличных типов означает и самоидентификацию человека в системе культурных координат. В-четвертых, следование типу как идеальному образцу всегда есть не более чем ориентир. Реальность же характерна недостижимостью и отклонениями от идеальной формы в той или иной степени. В одних случаях это обусловлено некачественным материалом либо недостаточным мастерством исполнителя, в других — творческой модификацией, которая при счастливым раскладе может привести к новому типобразованию.

Следующий этап существования типа как знака состоит в его реализации в аспектах понимания и включения в деятельность. Мы усматриваем здесь два направления.

В первом случае (**рис. 4: а**) речь идет о ситуациях, когда сталкивающийся с очередной задачей субъект деятельности использует для ее решения наличные в культуре стереотипы инструментального решения через производство и употребление изделий определенного типа. Иными словами, это ситуация **актуальной востребованности типа**.

В другом ряде ситуаций (**рис. 4: б**) для субъекта опознанный во встреченном им изделии тип выступает в роли знака, представляющего связанный с ним состоявшийся эпизод деятельности и смыслы типичной включенности в хозяйственные, коммунальные, идеологические отношения. По сути, это ситуация **понимания, обеспеченного знанием субъекта изделия как типа**. Предмет или несколько предметов выступают в роли сообщения, а в целом ситуация выглядит как коммуникация, в которой понимающий субъект считывает информацию. Однако за исключением специальных эпизодов намеренной передачи сообщений в основном ряде случаев это не коммуникация, поскольку производство и использование изделий имело иные цели, нежели задача коммуникации (передача-прием сообщений); отсюда ситуация должна быть охарактеризована как *псевдокоммуникация*. Во всяком случае, мы считаем, что сами по себе изделия без намеренного использования их в качестве знаковой формы сообщений не содержат в себе информацию как некое естественное свойство.

Археологической разновидностью этого рода ситуаций (**рис. 4: в**) выступает встреча археологом культурных остатков, воспринимаемых после определенных (источниковедческих, тафономических) процедур как артефакты. **Узнавание артефактов** происходит именно благодаря их знаковой природе как части типа (элементов множества морфотипа). Знание об артефакте (представителе множества) строится на основании статистических результатов морфологической группировки артефактов, свидетельствующих о наличии стереотипов целевого их производства / утилизации, а также знаний о территориальных и хронологических ситуациях (контекстах) их проявления в археологии. Собственное идеальное содержание типа, как правило, недоступно в силу культурно-хронологического разрыва. Принципиальной особенностью археологической ситуации понимания типов в культурных остатках является наличие у археологов теоретических представлений об онтологии типа, артефакта, деятельности, направляющих познание. Понимание значения типа в этом случае достигается в результате реконструкции идеальной формы и типичных ситуаций производства

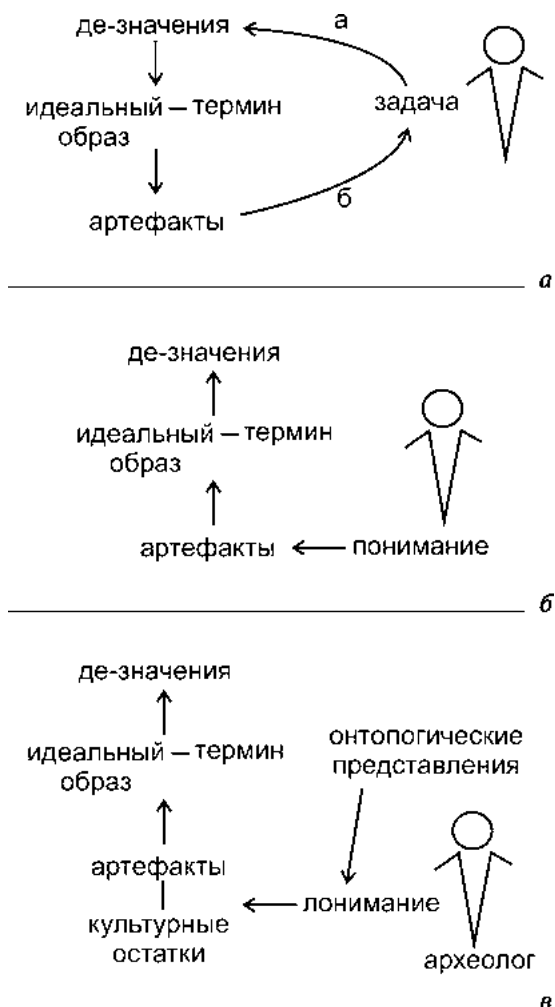

Рис. 4. Реализация типа как знака в аспектах понимания и включения в деятельность: а — востребованность; б — понимание; в — узнавание (артефакт)

и использования, личного владения, групповой принадлежности и пр. Идеальная форма типа не обязательно тождественна ее индивидуальным материальным манифестациям. Отклонения имеют природу случайности, индивидуальности актора. Основными аргументами в деле восстановления идеальной формы типа (мерономии, по Л.С. Клейну, — Клейн 1991: 378) выступают частота повторяемости морфологии артефактов, оценка усилий и времени, затрачиваемых на изготовление вещи этого типа, ритмичная (закономерная) организация формы. Степень глубины реконструкции стереотипов включенности артефакта в деятельность (денотатов и коннотатов) может быть различной, соответственно и в межкультурной вербальной коммуникации степень понимания может быть разной.

Среди всех задач реконструкции типа важную роль играет оценка ценности или веса типа в культуре.

Эта величина является совокупным показателем коннотаций связи с элитарными слоями общества как символа престижа и власти, массовости производства-употребления, связи с идеологической сферой общества (идеосферой), стоимости предмета в смысле ценности материала, тщательности, трудоемкости и интеллектуальной емкости производства. Такое понимание возводится от представления Г. Спенсером ценности вещей, измеряемой количеством труда, затраченного на изготовление и обладание ими. Здесь, на наш взгляд, уместна аналогия со сложившейся в археологии практикой оценки социального статуса погребенного по степени трудоемкости организации его захоронения, в том числе степени богатства погребального обряда и инвентаря (Binford 1971).

Два вида процессов, в которых участвуют типы

Тип артефакта как связка «идеальный тип (или собственно тип) — артефакт (вещественная репрезентация типа)» не является неделимой единицей: его значение и знаковая форма могут автономно существовать в различных сферах и процессах. Идеальные типы как знания могут быть транслированы как вместе с их артефактами, так и без них. Равно как и артефакты могут быть отданы, захвачены или обменены без передачи их идеальных значений.

Наблюдение за современными и археологическими ситуациями приводят к выводу, что существование типов в культуре общества имеет свою историю, содержащую время появления или заимствования идеальных типов, их распространения, устаревания и исчезновения из культуры. Это диахронное динамически переменчивое развитие идеальных типов и должно быть представлено как *процесс развития типа в культуре* общества (Тетенькин 2011б). Этапы этих процессов, например, можно проследить в истории автомобилей каких-то моделей или архитектуры какого-либо стиля. Процесс существования типа в культуре представляет собой трансляцию идеального значения типа, знания во времени (межпоколенная передача) и пространстве (в пределах исходного, «материнского» социума и за таковым) существования общества.

Различная временная протяженность существования типов артефактов наблюдаема и в ископаемой культуре, и в действующей, живущей. Свидетельства существования усть-каренгского типа керамики (Ветров 1992; 2011) указывают на ее время от 11 до

5 тыс. л.н. (здесь и далее — радиоуглеродный возраст), т.е. около 6 тыс. лет. Данные о керамике усть-бельского типа свидетельствуют о бытовании их в пределах раннего — позднего этапов неолита, примерно около 3 тыс. лет (Савельев 1989; Бердников, Бердникова 2007). Топоры «с ушками» в Средней Сибири существовали от рубежа плейстоцена до середины голоцена, около 6 тыс. лет (Липнина и др. 2013). Современная нам жизнь дает сходные временные отрезки, например в религиозных символах веры. Эпоха массового производства и потребления, ускоряемого научно-техническим прогрессом, порождает быстротечность процессов появления и исчезновения типов вещей. В течение последних 100 лет появились и ушли в небытие патефоны и граммофоны, перьевые ручки, зубные порошки, дисковые телефоны с угольным порошком в динамиках и мн.др. На рубеже XX–XXI вв. появились и быстро исчезли пейджеры. Большой вклад в это дело вносит мода. Очевидно, что история бытовых вещей и их типов более скоротечна, чем процессы существования знаковых вещей, семиотически связанных с различными формами самосознания (религиозного, этнического, родового и пр.) (Байбурин 1989).

Транслируемые во времени и пространстве типы люди задействуют в решении деятельностных задач. Типы играют роль технологических знаний и образцов производства подобных артефактов и действия ими. Сам поиск и заимствование из культурного багажа (резервуара памяти, по Л.С. Клейну) типов как опробованного культурного опыта и производство по типу вещей есть процесс деятельностный, имеющий рациональную природу целеполагания, планирования, кооперированный с другими актами и сферами деятельности. В этом моменте и происходит «захват» или освоение деятельностью культурных норм. *Из режима трансляции типы переходят в режим актуализации.* Различение этих двух режимов происходит, когда, например, пользуясь вещами определенного рода, мы рефлексируем на тему существования данной традиции. В этом моменте мы фиксируем сопряжение культурного процесса существования типа и деятельностного процесса, в котором артефакты типа произведены и задействованы (**рис. 5**).

Длительность развития обоих процессов различна. Деятельностные процессы и акты краткосрочны, они имеют дискретный характер эпизода относительно культурного процесса. Срок жизни самого артефакта различен, но в целом короче истории его типа. Типы обеспечивают множество однородных деятельностных ситуаций, в которых фигурируют производные арте-

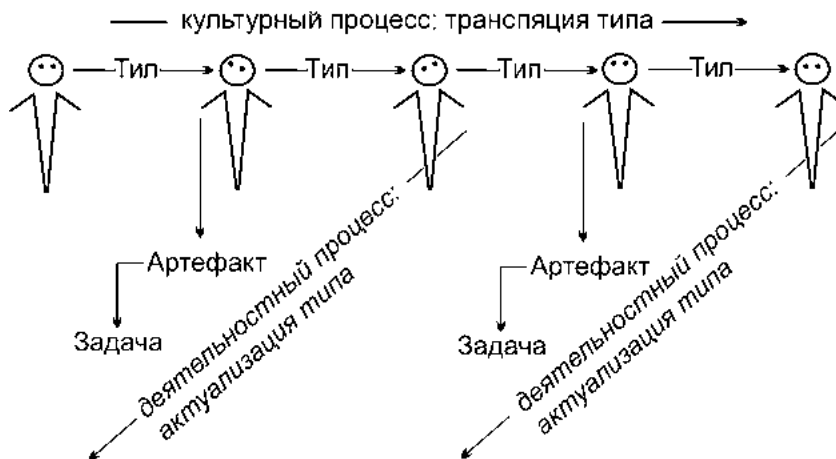

Рис. 5. Схема сопряжения процессов деятельности и культуры при актуализации транслируемого артефакта

факты. Сюжет появления типа в большинстве случаев не имеет актуального отношения к деятельностной задаче, в решении которой задействован артефакт данного типа. Исключение составляют ситуации создания новых типов для культуры социальной группы, а именно: либо самостоятельное создание новых типов взамен старых, либо заимствование чужих типов и связанных с ними традиций, знаний, стереотипов и т.д. Ввод типа в культуру всегда происходит как деятельностная задача насущного в данный момент. В остальных ситуациях употребления «старых» типов история их происхождения не актуальна.

Заключение

Описанное выше представление сопряжения культурных и деятельностных процессов является самым общим, абстрактным и потому исходным, необходимым для развития научного дискурса. Развитие его будет иметь характер онтологической работы по описанию важнейших элементов механизма культурной трансляции в духе намеченных Л.С. Клейном позиций: а) классификация видов трансляции; б) описание вариантов трансляции идеальных типов наряду с трансляцией артефактов и людей; в) классификация и характеристика каналов, барьеров, стимулов трансляции типов артефактов; г) характеристика глубины восприятия типа; д) описание *процессов существования типов артефак-*

тов как циклов, состоящих из этапов: появление нового типа артефакта → сосуществование нового и старых типов артефактов → распространение типов артефактов внутри общества и за пределы его → старение типов артефактов → смерть и мемориализация типов артефактов.

Наконец, аппликация теоретических разработок на тему культурной трансмиссии (трансляции) типов артефактов, как нам представляется, должна быть начата с попыток формализации описания эпизодов трансляции: 1) выделенная типологическая пара; 2) вектор трансляции; 3) хронологический и пространственный диапазон; 4) характер трансляции. Несмотря на предположительность суждений и пока единичные доказанные случаи, разработка культурной трансляции как идеального объекта сыграет положительную роль теоретической поддержки и обоснования этого вида научного исследования. Сопряженные теоретические и прикладные работы станут основным путем к построению *теории культурной трансляции*.

Благодарности

Автор благодарен Л.С. Клейну и хотел бы посвятить эту публикацию (см. расширенный вариант — Тетенькин 2015) его светлой памяти. Работа написана при частичной поддержке Фонда Фулбрайт (США). Автор выражает благодарность Х. Смит и принимающим профессора Т. Гебелу и К. Граф, Центр по изучению первых американцев Техасского А&М университета.

Литература

- Байбурин А.К. 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Ред. А.С. Мыльников. Л.: Наука, 63–88.
- Бердников И.М., Бердникова Н.Е. 2007. Усть-Бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Материалы Всерос. конф.

- с междунар. участием, посвящ. 100-летию Михаила Михайловича Герасимова / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Оттиск. Т. 1, 51–58.
- Бурдьё П.* 1994. Начала. Choses Lites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos. 288 с.
- Ветров В.М.* 1992. Каменный век Верхнего Витима. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 17 с.
- Ветров В.М.* 2011. Археология Витимского плоскогорья: усть-каренгская культура (13000–5000 л.н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.А. Лынша. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 173–187.
- Клейн Л.С.* 1978. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: изд-во ЛГУ, 120 с.
- Клейн Л.С.* 1981. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. Сб. статей / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, 18–23.
- Клейн Л.С.* 1991. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С.* 1993. Археологическая типология. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб. 16 с.
- Клейн Л.С.* 2011. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ. Т. 1 — 688 с., т. 2 — 624 с.
- Клейн Л.С.* 2014. Теоретический словарь археологии. Донецк: Изд-во ДНУ. 280 с.
- Кодухов В.И.* 1974. Общее языкознание. М.: Высшая школа. 304 с.
- Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И.* 2013. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия ИГУ. Геоархеология, этнология, антропология 1/2, 71–101.
- Савельев Н.А.* 1989. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 25 с.
- Степанов Ю.С.* 1997. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры». 824 с.
- Тетенькин А.В.* 2011а. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена — первой половине голоцена // Труды III (XIX) ВАС / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 94–95.
- Тетенькин А.В.* 2011б. Процессуальный подход к типам в археологии: постановка проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 8/14. В 4 ч. Тамбов: Грамота. Ч. IV, 197–200.
- Тетенькин А.В.* 2012. О семиотической природе типов артефактов // Вестник ИГЛУ 2/19, 65–72.
- Тетенькин А.В.* 2015. На пути к теории культурной трансляции // Известия Лаборатории древних технологий 2/15, 9–61.
- Тетенькин А.В.* 2016. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // Stratum plus 1, 265–315.
- Щедровицкий Г.П.* 1995. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики. 800 с.
- Эко У.* 1998. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис. 432 с.
- Barkow J.H.* 2004 (1989). The elastic between genes and culture // Anthropological Theory. An Introduction History / Ed. R.J. McGee, R.L. Warms. New York: McGraw-Hill Companies, Inc. 2004 (1989), 440–445.
- Bettinger R.L.* 1993. Hunter-Gatherers: Archaeological and Evolutionary Theory. New York; London: Plenum Press. 257 p.
- Bettinger R.L., Eerkins J.* 1999. Point Typologies, Cultural Transmission, and the Spread of Bow-and-Arrow Technology in the Prehistoric Great Basin // American Antiquity 64/2, 231–242.
- Binford L.R.* 1971. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // Memoirs of the Society for American Archaeology 25 (Approaches to the Social Dimensions of Mortuary practices), 6–29.
- Boyd R., Richerson P.J.* 1985. Culture and the Evolutionary Process. Chicago; London: The University of Chicago. 331 p.
- Boyd R., Richerson P.J.* 2005. The Origin and Evolution of Cultures. Oxford: Oxford University Press. 456 p.
- Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.W.* 1981. Cultural Transmission and Evolution: A Quantitative Approach. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 389 p.
- Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.W., Chen K.H., Dornbusch S.M.* 1982. Theory and Observation in Cultural Transmission // Science 218/4567, 19–27.
- Clark D.L.* 1968. Analytical Archaeology. London and Colchester: Methuen & Co LTD. 684 p.
- Dawkins R.* 1982. The Extended Phenotype. Oxford: Oxford University Press. 307 p.
- Dawkins R.* 1989. The Selfish Gene. Oxford; New York: Oxford University Press. 352 p.
- Dunnell R.C.* 1978. Style and function: A fundamental dichotomy // American Antiquity 43/2, 192–202.

- Durham W.H.* 1992. Application of Evolutionary Culture Theory // *Annual Review of Anthropology* 21/1, 331–353.
- Eerkins J.W.* 2000. Practice makes within 5% of perfect: The role of visual perception, motor skills, and human memory in artifact variation and standartization // *Current Anthropology* 41/4, 663–668.
- Eerkins J.W., Lipo C.P.* 2005. Cultural Transmission, copying errors, and the generation of variation in material culture and the archaeological record // *Journal of Anthropological Archaeology* 24/4, 316–334.
- Eerkens J.W., Lipo C.P.* 2007. Cultural Transmission Theory and the Archaeological Record: Providing Context to Understanding Variation and Temporal Changes in Material Culture // *Journal of Archaeological Research* 15, 239–274.
- Funnell R., Smith R.* 1981. Search for a theory of cultural transmission in an anthropology of education: notes on Spindler and Gearing // *Anthropology & Education Quarterly* 12/4, 275–300.
- Gearing F.O.* 1984. Toward a general theory of cultural transmission // *Anthropology & Education Quarterly* 15/1, 29–37.
- Henrich J.* 2001. Cultural Transmission and the Diffusion of Innovations: Adoption Dynamics Indicate that Biased Cultural Transmission is the Predominate Force in Behavioral Change // *American Anthropologist* 103/4, 992–1013.
- Henrich J.* 2004. Demography and cultural evolution: Why adaptive cultural processes produced maladaptive losses in Tasmania // *American Antiquity* 69/2, 197–214.
- Lumsden Ch.J., Wilson E.O.* 1981. *Genes, mind and culture. The coevolutionary Progress.* Cambridge Mas.; London: Harvard University Press. 428 p.
- Lyman R.L., O'Brien M.J.* 2003. Cultural traits: Units of analysis in early twentieth-century anthropology // *Journal of Anthropological Research* 59/2, 225–250.
- MacDonald D.H.* 1998. Subsistence, Sex, and Cultural Transmission in Folsom Culture // *Journal of Anthropological Archaeology* 17/3, 217–239.
- Miller D.* 1982. Artefacts as a products of human categorization processes // *Symbolic and Structural Archaeology* / Ed. I. Hodder. Cambridge, London: Cambridge University Press, 17–25.
- Mithen S.J.* 1997. Coghnnitive archaeology, evolutionary psychology, and cultural transmission with particular reference to religious ideas // *Rediscovering Darwin: Evolutionary Theory in Archaeological Explanation* / Ed. C.M. Barton, G.A. Clark. Washington, DC, 67–74 (Archaeological Paper of the American Anthropological Association 7).
- Richerson P., Boyd R.* 2005. *Not by Genes Alone. How Culture Transform Human Evolution.* Chicago; London: University of Chicago Press. 332 p.
- Shennan S.* 1996. Cultural transmission and cultural change // *Contemporary Archaeology in Theory* / Ed. R. Preucel, I. Hodder. Oxford; Malden: Blackwell Publishing Ltd., 282–296.

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Е. Н. Дувакин¹

Вспоминая о своем учителе В.Я. Проппе (рис. 1), Л.С. Клейн приводит его слова о том, что археология очень важна для изучения фольклора. «Я бы и сам занялся археологией, — говорил Пропп в 1947 г., — но мне уже поздно» (Клейн 2010: 41).

Впоследствии серия работ Клейна оказалась посвящена как раз таким темам, в которых археологические свидетельства проливают дополнительный свет на фольклор, впрочем, как и фольклорно-этнографические данные — на материалы археологии. Речь идет, в частности, об изучении восточнославянского язычества. Его исследования в этой области, представленные вначале в виде статей и тезисов (Клейн 1985а; 1985б; 1985в; 1985г; 1990; 1991; 1993; 1998а; 1998б; и др.), сведены воедино в книге «Воскрешение Перуна» (Клейн 2004).

Рис. 1. Владимир Яковлевич Пропп (по Клейн 2010: вкл.)

1. «Воскрешение Перуна»

Источники и историография. В первой части книги (Клейн 2004) дается обзор источников и подробно

анализируется история изучения древнерусского язычества. Источниковая база, по замечанию Л.С. Клейна, крайне скудна — сведения о богах, зафиксированные в письменных текстах и славянском фольклоре, являются обрывочными и немногочисленными (рис. 2; 3).

Об источниках по древнерусскому язычеству

«Если оставить в стороне домыслы, выводы по аналогии, косвенные соображения, реконструкции, догадки и обратиться к исходному материалу, к источникам, то окажется, что разрушительное время и победившее христианство хорошо поработали над славянской языческой религией: дошедшая до нас информация о Перуне очень скудна и обрывочна. О восточнославянских языческих богах сохранились лишь несколько бранных выражений, два-три коротких рассказа в летописи о водружении и свержении идолов Перуна и других богов в Киеве и Новгороде да клятвы именами этих богов в договорах с византийцами. Мало сведений содержат обличения отступников в проповедях ранних христианских вероучителей. Схожие имена богов есть в родственных языках и кое-какие сведения о функциях этих персонажей у родственных народов. Эти сведения относятся не столько к мифологии, сколько к связанным с нею культам. Мифов о Перуне нет» (Там же: 388).

Клейн проработал огромный массив публикаций на славянских и германских языках, что позволило ему выделить основные концепции в области изучения древнерусского язычества, проследить историю их формирования, а порой — и краха. Реконструкции не раз сменяли одна другую, и этому способствовали три фактора: пополнение источников, совершенствование научной методики и смена идейных устремлений (Там же: 12).

Начав свой анализ с трудов польских авторов XV–XVI вв., Клейн доводит его вплоть до конца XX в. Особое внимание уделено четырем концепциям, которые сформировались в советское время, но, разумеется, опирались на предшествующие изыскания. Первая, *возвеличивающая концепция*, была выдвинута Б.Д. Грековым

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Отдел этнографии Америки. Адрес электронной почты: e.duvakin@gmail.com.

Рис. 2. Клятва воинов Олега при заключении договора с византийцами в 912 г. Миниатюра 40 Радзивилловской летописи, конец XV в. (по Радзивилловская 1994)

Рис. 3. Князь Владимир Святославич и установленный по его повелению в Киеве в 980 г. идол Перуна. Миниатюра 111 Радзивилловской летописи, конец XV в. (по Радзивилловская 1994)

и развита Б.А. Рыбаковым. Вторая — связана с *типологией календарных праздников* и принадлежит В.Я. Проппу. Третья, *демонологическая*, наиболее полно обоснована Н.И. Толстым, а четвертая — это «*основной миф*» Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова.

Новаторский подход Проппа заключался в том, что он изучал не отдельные русские аграрные праздники, а весь их годовой цикл в целом. В результате стало ясно, что многие празднества, несмотря на имеющиеся отличия и разное время проведения, в том числе состоят из одинаковых компонентов (поминование усопших, уничтожение чучела и пр.). По Проппу, причина этих соответствий лежит в сходстве крестьянских интересов и практик на протяжении года. Однако, как отмечает Клейн, виды деятельности и условия жизни, характерные для земледельцев, были не так уж однообразны, поэтому объяснение, данное Проппом, оставляет в сомнениях.

Образы, фигурирующие в народных праздниках (Купало, Ярило, Кострома и пр.), Пропп считал «недоразвившимися божествами», а относительно развитых богов полагал, что русское язычество таковых не имело в силу своего архаического характера. В материалах XIX — начала XX в., на которые опирался Пропп, летописных богов действительно нет, но значит ли это, что данных персонажей не было и раньше (Там же: 55–58)?

Демонологическая концепция обоснована Н.И. Толстым и нацелена на реконструкцию праславянской мифологии на основе фольклорно-этнографических и языковых данных, зафиксированных в живых традициях конца нового и новейшего времени. В приверженности к ретроспективному методу, интересе к диалектам и низшей мифологии Толстой шел по стопам Д.К. Зеленина. Этнолингвистические исследования позволили получить реконструкцию, в которой славянская мифология предстает принципиально иной, нежели, например, греческая. В славянской мифологии нет высших богов, есть только демонология.

Безусловно, данное направление исследований является чрезвычайно плодотворным. В то же время опять возникает вопрос, насколько полно можно реконструировать древнерусское язычество по славянским источникам последних двух-трех столетий? Связано ли отсутствие богов в реконструируемой картине со спецификой восточнославянского язычества, или же это следствие того, что следы персонажей вроде Перуна исчезли из народной культуры после христианизации? Более вероятным, по мнению Клейна, является второе (Там же: 65–68).

Еще одна концепция, которая анализируется в «Воскрешении Перуна», это «основной миф» Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова. В своих исследованиях они сопоставили имена летописных богов с другими индоевропейскими ономастическими и мифологическими данными (в первую очередь с ведийским мифом о поединке Индры с Вритрой и с литовскими текстами о Перкунасе и Велнясе). В результате был реконструирован сюжет, в котором громовержец ведет борьбу со змееобразным противником за скот и освобождение вод. Это и было объявлено «основным мифом» индоевропейцев.

Методику работы Иванов и Топоров в значительной мере заимствовали у К. Леви-Стросса (о мифотворчестве которого см. Березкин 2009: 45–49; Клейн 2011: 69–75), а она предполагает такую свободу увязок, что результат реконструкций хоть и оказывается богатым, но утрачивает доказательность. Так, славянский вариант «основного мифа» предполагает борьбу Перуна с Волосом-Велесом, однако прямых свидетельств тому нет. Ни Волос, ни Велес нигде прямо не названы противниками либо оппонентами Перуна. Ни Волос, ни Велес не фигурируют в текстах в качестве змеев; более того — в некоторых славянских традициях такие ассоциации имеют сами громовержцы.

Сомнения вызывает и само отождествление Волос-Велес. Согласно Клейну, это не разночтения одного и того же имени, а имена разных персонажей разного происхождения. Прототипом Волоса, «скотьега бога», является святой Власий из Каппадокии, умерший примерно в 316 г. и ставший патроном скотоводства. Велес же в славянской традиции имеет более глубокие корни, он родственен балтийскому Велнясу и связан с культом мертвых (ср. чешск. «за море к Велесу»). Некоторое созвучие имен *Волось* и *Велесь* — лишь случайность, которая порождала путаницу уже в древности (Клейн 2004: 58–65, 139–147, 246–247; ср. Мансикка 2005: 293–294; Журавлев 2005: 349–351; Аникин 2012: 208–210).

Что касается концепции Б.А. Рыбакова, то в «Воскрешении Перуна» ее критике отведено значительное место, поскольку в археологических и исторических кругах она была наиболее влиятельной, а во вненаучных — остается таковой до сих пор. Клейн подробно рассматривает методические принципы Рыбакова, его исходные положения и набор материалов, на которые тот опирался.

Пытаясь проследить эволюцию славянского язычества от его истоков до татаро-монгольского нашествия, Рыбаков привлекал разнообразные источники: археологические, лингвистические, фольклорные,

этнографические и др. Такую широту охвата можно было бы оценивать положительно, если бы не тот факт, что Рыбаков за пределами своей узкой специализации (ремесло Древней Руси) был по существу воинствующим дилетантом. Он обходился без критики источников и не учитывал специфику каждого их вида; особенно нелепы его экскурсы в фольклористику и языкознание. Все это, разумеется, не могло не сказаться и на качестве общих выводов (Клейн 2004: 51–55, 68–105).

Об источниковедении и истории

«Я принадлежу к другой школе, которая видит в археологии источниковедческую науку. С этой точки зрения, каждый вид источников — письменные, лингвистические, этнографические и др. — обладает своей спецификой и требует специальных методов изучения, особых методов не только поиска, сбора, препарирования, но и интерпретации. Требуется отдельная наука. Особенно отличаются от письменных археологические источники. Понимание их запросто, с ходу, на глаз — всего лишь иллюзия. <...> Все виды источников скрытны, каждый по-своему, и каждый открывается только специалисту.

Историк же, получив выводы каждой из источниковедческих наук — письменного источниковедения, археологии, этнографии, лингвистики и др. (выводы, а не сами источники!), — вырабатывает из них своими собственными методами цельную картину. История — наука синтеза» (Там же: 95–96).

Перуна Рыбаков считал второстепенным богом, получившим главенство в пантеоне в IX–X вв., а верховным славянским божеством провозгласил Рода. Между тем следы Перуна сравнительно часто фиксируются в топонимических и других источниках (это наводит на мысль о значительности его культа и до прихода к власти Рюриковичей), а Прокопий Кесарийский в VI в. сообщал, что славяне почитают как владыку именно громовержца. Рода же в качестве бога у них вообще не было. Он известен только по древнерусским поучениям, направленным на искоренение языческих суеверий, и представляет собой искусственную конструкцию книжников. Персонаж по имени *Род*, причастный к понятию судьбы, обязан своим появлением названию византийских гороскопов — *генеалогий* (Там же: 182–196, 224–236).

Из воспоминаний 2007 г.

«Таким образом, выдержки из моего доклада с критикой рыбаковской концепции славянского язычества публиковались в течение 90-х годов. Стоило ли их публиковать? А в моем труде "Воскрешение Перуна", вышедшем в 2004 г., целую главу составляет "Труд Рыбакова в критическом рассмотрении". Стоило ли вытаскивать его снова на свет божий? Рыбаков был уже не властен, все можно, все

позволено. Все же стоило. В умах множества российских граждан засели фиктивные истины, сформулированные Рыбаковым, и его произведения продолжают издаваться, находят все новых читателей, почитателей и подражателей. Они стали идеологической основой всех неоязычников, всех ультрапатриотов. Нужно было вернуться к рыбаковской аргументации этой идеологии, показать, чего эти истины стоят» (Клейн 2010: 452).

Критика неоязычества. Анализ восточнославянских культов и мифологии, проведенный Клейном, оказался своевременным и для того, чтобы увидеть в свете реальности русских неоязычников. Отличительными чертами их сообществ, наблюдаемых в числе новых религиозных движений, являются, как правило, жесткая иерархичность, ксенофобия и национализм.

Чаще всего возрождение язычества строится не на знании реальных славянских древностей и не на научных реконструкциях. Вместо них используются популярные писания беллетристов-романтиков, фальшивки типа «Велесовой книги» (из недавних работ о ней см. Зализняк 2009; 2010: 45–47) и те произведения ученых, которые не выдерживают объективной критики, но зато пронизаны ультрапатриотическими идеями (например, книги Рыбакова). Сюда же нередко добавляются элементы, заимствованные из индуизма и вагнеровского германизма.

Как выглядели славянские языческие ритуалы, неоязычники просто не знают, а проводимые ими праздничные и обрядовые действия в стиле *à la russe* представляют собой, по сути, балаганы и спектакли. Существенно, что некоторыми лидерами движения бутафорность происходящего вполне осознается (Клейн 2004: 105–130).

Проблема святилищ и идолов. Письменные свидетельства о восточнославянских культах неоднократно сопоставлялись с памятниками археологии. В литературе часто фигурируют «древнерусские языческие святилища» — комплекс, исследованный под Новгородом в Перыни, культовое место с идолами около Пскова, капище-пантеон князя Владимира в Киеве и жертвенник Святовита-Рода в «городке Кия». Между тем данные «святилища» являются недостоверными, что детальным анализом показал Клейн. Скорее всего, часть из них — не сакральные памятники, другая часть — остатки намогильных сооружений (Там же: 151–182).

Интерпретация связанных с язычеством изобразительных материалов тоже проблематична (рис. 4; 5). Судя по письменным текстам, существовали идолы Перуна, однако ни одним достоверным и отчетливым его изображением мы не располагаем (Там же: 196–219).

Рис. 4. Каменное изваяние, найденное в 1897 г. у ручья Промежицы близ Пскова. Датировка и этническая привязка неясны. НАИИМКРАН, ФО, II, 56782, 1704–5 (по Клейн 2004: 158, рис. 11)

Иконография деревянных фигурок и каменных изваяний, как правило, настолько невыразительна, что возможность их надежной интерпретации напрочь исключена. Наиболее же примечательный с иконографической точки зрения образец — знаменитый Збручский идол — датируется, вероятнее всего, не древнерусским временем, а первой половиной XIX в. (Комар, Хамайко 2011; Клейн 2018: 285).

Вайнахские материалы. Для реконструкции восточнославянского язычества Клейн привлек новый источник — вайнахский фольклор. Дело в том, что в чечено-ингушских текстах фигурирует персонаж по имени *Пиръон / Пиръа*. Он враждует с верховным богом, считает себя громовержцем и создает небеса из меди. Катая там бочки и выливая из них воду (либо заставляя лить воду женщинам), имитирует гром и дождь

Рис. 5. Тисовая фигурка из слоя конца IX – начала X в., Старая Ладога (раскопки В.И. Равдоникаса). НАИИМКРАН, ФО, I, 41839, 41840, 1997–119, 1997–120 (по Клейн 2004: 217, рис. 25)

(Клейн 2004: 131–136). Один из ингушских рассказов с участием этого персонажа таков:

«Пирья враждовал с богом из-за престола. Он соорудил из латуни подобие небосвода и по нему катал бочки (имитация грома), сверху лил воду (имитация дождя) и говорил: "Я ли не бог, я ли не заставляю гром греметь, я ли не посылаю дождь?" Но бог терпел его, так как он имел три добродетели: уважал стариков, любил детей, ценил хлеб и даже крошки подбирал. Но шайтан сыграл с ним коварную шутку, и Пирья бросил эти три добродетели (как это случилось, не сказано). Тогда бог покарал его на 500-м году его жизни» (Далгат 1972: 423; Клейн 2004: 132–133).

А.О. Мальсагов писал, что *Пирьон* — это «искаженное название фараона» (Мальсагов 1983: 359, со ссылкой на Мациев 1961: 341), подразумеваемая связь с Фараоном / Фир'ауном Библии и Корана. С точки зрения Клейна, данной версии противоречат функции вайнахского персонажа, ведь тот ведет себя как громовержец, а более вероятным является происхождение имени *Пирьон* и образа, который за ним скрывается, от славянского Перуна.

Каким же образом сюжеты с участием древнерусского бога могли попасть к вайнахам? В последние века, когда русские пришли на Кавказ, таких возможностей уже не существовало, но в конце I тыс. они представлялись неоднократно. Так, в 737 г. арабский полководец Мерван совершил нападение на Хазарский каганат, углубился в его территорию и по дороге к «реке сакалибов» захватил 20 тысяч семей из числа сакалибов и других язычников. Этих пленных, в числе которых присутствовали, вероятно, и славяне, арабы переселили в Кахетию. Именно за тот период, пока взбунтовавшиеся поселенцы не были истреблены, сюжеты с участием Перуна и могли проникнуть в кавказскую среду (Клейн 2004: 136–139; ср. анализ сведений о сакалибах 737 г. — Мишин 2002: 42–43).

Бочки, вода и женщины. Вайнахские тексты Клейн тщательно сопоставил с фольклорно-этнографическими данными, зафиксированными у славян. По его мнению, в сообщениях о женщинах, которых Пирьон посылал на небо лить воду, воспроизводя дождь, отразились рассказы о ведьмах и колдуньях, поскольку в славянских традициях им приписывалась власть над дождем и вообще над погодой. Согласно некоторым записям, ведьмы летают в поднебесье, катают там бочки, а разрыв этих бочек производит грозу. Известен у славян и обряд разбивания бочек с целью вызова дождя.

В русских фольклорных текстах, к которым близка по своему содержанию пушкинская «Сказка о царе

Салтане», в бочку заточают необычных детей, иногда вместе с матерью, и пускают по морю. Впоследствии изгнанники разбивают бочку и выходят на волю, где их ждет великое будущее. В основе этого сказочного мотива, как считает Клейн, лежит реальный обычай испытания ведьмы утоплением. Наличие «божьих детей», по его мнению, вело к замене утопления изгнанием по воде, сплавом — как сплавляли священные предметы, пришедшие в негодность. Утопленные или изгнанные по воде женщины, отмеченные вниманием божества, — те, кто становился русалками, а русалки способны вызывать дождь и связаны с дубом — деревом Перуна (Клейн 2004: 251–281, 382–383, 393–394).

Стремясь выяснить, какая реальность лежала в основе указанных сказочных эпизодов, Клейн пытался решить нерешаемую задачу. Мотив детей, помещенных в бочку, корзине или другом предмете в воду, а затем спасшихся и достигших благополучия, распространен не только в Европе, но также в Восточной Африке, Передней, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии (см. фиксации в числе данных по J25 «Младенцы прячутся и возвращаются», J26 «Младенцы из реки», J26B «В свете ж есть такое чудо» — Березкин, Дувакин б.г.; Березкин 2019: 98–100). Доказать обрядовое происхождение этого элемента фольклора на основе европейских источников эпохи средневековья, нового и новейшего времени, очевидно, нельзя, а о конкретных фактах реальной жизни, обусловивших его появление в древности, можно только гадать.

Весенне-летние празднества и умирающее божество. Занимаясь проблемами реконструкции древнерусского язычества, Клейн проанализировал материалы по календарной обрядности восточных славян и выдвинул гипотезы о происхождении некоторых празднеств, а также отдельных обрядовых элементов.

В числе ритуальных комплексов весенне-летнего периода фигурируют проводы Масленицы и купальские торжества (рис. 6). На первый взгляд может показаться, что эти праздники диаметрально противоположны. Один отмечается поздней зимой либо ранней весной, другой — летом. Первый привязан к Пасхе и перемещается по календарной шкале вместе с ней, второй зафиксирован «в числе» месяца. Один назван по женскому персонажу, другой — по мужскому. Однако в то же время в обоих празднествах пародийно имитируются похороны какого-то антропоморфного существа и присутствует множество повторяющихся деталей (бочки, колеса, костры, шест или срубленное дерево и т.д.).

Клейн привел аргументы в пользу того, что структурное и смысловое сходство между Масленицей и купальским комплексом объясняется их былой общно-

стью — наличием праздника-прототипа, распавшегося под влиянием христианства (рис. 7). Масленичный ритуал с подъемом и скатыванием огненного колеса, увязываемый с магическим обеспечением схождения солнца от верхней точки на эклиптике, соответствует летнему солнцестоянию, а не весеннему подъему солнца к этой точке. Но празднование Ивана Купалы, сохранившееся на Украине и в Белоруссии, вытеснено в русских землях христианским постом. Перед постом оно и образовало Масленицу, которой на Украине и в Белоруссии нет, поскольку православие там не имело государственной поддержки в борьбе с язычеством.

Умерщвление мужского мифологического персонажа, известное в составе купальских торжеств, встречается и в качестве элемента других летних праздников. Наиболее яркие из них — «похороны Костромы» и Ярилин день. По Клейну, за «провожаемыми» существами скрывается одно и то же божество, которым является Перун. Купало, Ярило и Кострома представляют собой его эпиклезы, а характерный для купальских празд-

неств и Ярилина дня эротизм обусловлен тем, что Перун был ответственен за плодородие и урожай.

Клейн, таким образом, реконструирует регулярный языческий праздник, совпадающий по календарному месту с летним солнцестоянием и отмечавший погубление и смерть Перуна. Источниками для реконструкции служат не только фольклорно-этнографические материалы, но и летописные сообщения. Упомянутое в «Повести временных лет» низвержение идола в Киеве (избиение «двенадцатью мужами», оплакивание другими, сплав по воде) рассматривается Клейном как христианское переосмысление периодических «проводов Перуна» (Клейн 2004: 281–343, 382, 394).

Точности ради стоит заметить, что, вопреки Клейну (Там же: 290, 294, 317, 394), слово *Купало* представляет собой дериват глагола *купать*, который, в свою очередь, восходит к праславянскому ритуальному термину **kopati* ('омывать с целью очищения, врачевания, с применением особых средств или трав'). Поэтому выбор *Купало* для передачи эпитета Иоанна *Креститель* (греч. Βαπτιστής, производное от Βαπτίζω

Рис. 6. Сжигание чучела Масленицы. А.М. Васнецов, 1920 г. Московский областной музей (по <http://commons.wikimedia.org>)

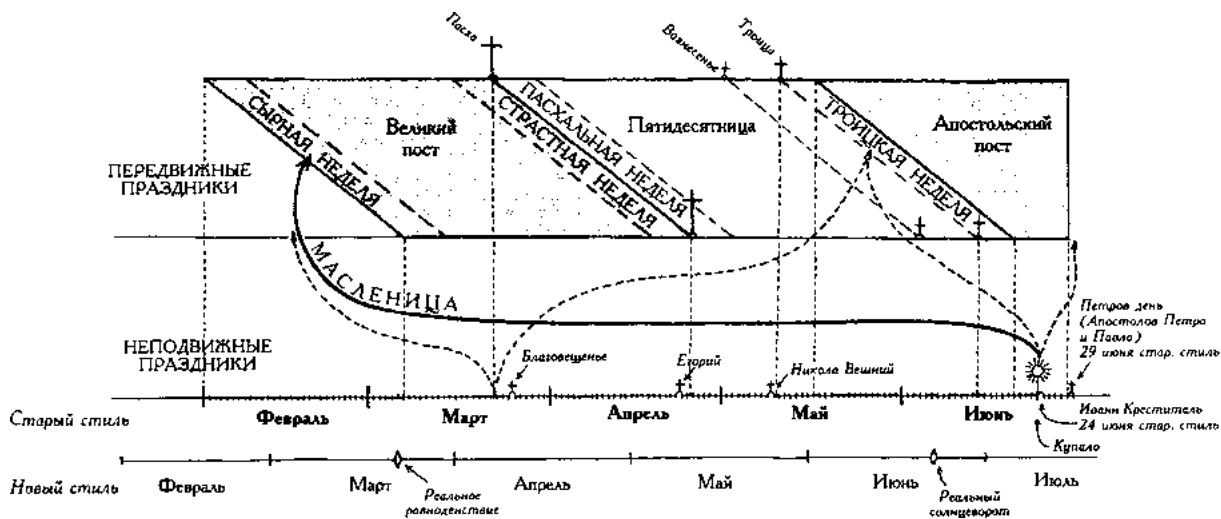

Рис. 7. Происхождение Масленицы из купальских торжеств. Схема. Соотношение христианских праздников и запретов со следами язычества в православии (по Клейн 2004: 311, рис. 36)

‘крестить — освящать, погружая в купель’) был семантически вполне оправдан (см. ЭССЯ 1985: 58–61).

Зимние празднества и воскресающее божество.

Если существовали регулярные «проводы Перуна», логично предполагать, что имелись и обряды по его воскрешению. Они, по мнению Клейна, были сопряжены с датой зимнего солнцестояния и отчасти сохранились в составе Святков. Во время этих дней у русских проводились «игры с умруном». Суть их состояла в том, что покойника, которого изображал ряженый, «оживляли» сугубо сексуальными действиями, к коим вынуждали девушек. Эти «игры с умруном», а также почитание Бадняка у южных славян обнаруживают генетическую связь с направленными на возрождение Перуна обрядами (Клейн 2004: 343–380, 394–395).

Общая картина. Таким образом, в реконструкции Клейна Перун предстает главным богом славян из разряда умирающих и воскресающих божеств, схожим с греческим Аполлоном и месопотамским Таммузом. В отправлении культа Перуна значительную роль играли женщины и девушки, а два основных праздника, посвященных ему, — проводы и возрождение — составляли основу календаря и фрагментарно сохранились в числе элементов Купальской ночи, Ярилина дня, Святков и некоторых других ритуальных торжеств. Часть обрядов при этом носила ярко выраженный эротический характер, что естественно для бога плодородия, функции которого исполнял Перун.

Клейн отмечает, что наличие в славянском языческом пантеоне умирающего и воскресающего божества и его главенство, вероятно, повлияли на выбор веры — обеспечили преимущество христианству и обусловили

сравнительно быстрое распространение этой религии у славян. Ведь главная мистерия — воскресение Иисуса Христа — была им близка и понятна по сути (Там же: 387, 395).

О мифах и реконструкциях

«Только не надо из этих реконструированных мифов делать игрушки, политическое оружие или идеологические символы. Мифы есть мифы, древние не лучше и не хуже современных. Их польза не в том, чтобы освещать и освящать путь в будущее. Если удастся построить объективные реконструкции, с их помощью будет легче понять, как мифы прошлого формировали наше настоящее и нас самих. Это облегчит выбор пути» (Там же: 387).

Завершая обзор «Воскрешения Перуна», нельзя не упомянуть о стилистических качествах данной книги. Она структурирована с безупречной логикой и написана живым, ясным языком. Ввиду этого, а также, конечно, из-за разнообразия и занимательности материалов читать «Воскрешение Перуна» Клейна не менее увлекательно, чем «Исторические корни...» Проппа.

2. Дискуссия

Резонанс в научной литературе. Отклики и рецензии на работы Л.С. Клейна по изучению восточнославянского язычества стали появляться с середины 1990-х гг. и выходили в свет вплоть до последних лет (Петрухин 1994: 56; 2004; 2009: 583; 2011: 209–215; Алексеев 2006; Туаллагов 2017; Клейн 2018: 43–44, 284–285; Lajoie 2012; 2015: 41–43, 122). Дискуссия коснулась преимущественно двух тем: «проводов Перуна» и происхождения Пирьона. Многие аспекты исследова-

ний Клейна, таким образом, остались пока за пределами обсуждения.

«Проводы Перуна». Текст «Повести временных лет» о низвержении идола в Киеве, интерпретируемый Клейном как отголосок регулярных «проводов Перуна», восходит, по мнению В.Я. Петрухина, к хроникам Иоанна Малалы и Георгия Амартола. Они присутствуют среди источников русского летописания и содержат описание того, как узурпатор Февралий был с бесчестием изгнан из Рима. Данный рассказ мог послужить «этикетным» образцом для русского летописца (Петрухин 2004; 2009: 583; 2011: 209–215; Алексеев 2006: 55): ср., например, эпизод из «Хроники» Амартола, в котором стратиг Малий,

«связавъ врага своего Февроуалия, <...> и нага обнаживъ, одъ его въ рогозину, ситиемь исплетену и оужемъ препоясавъ, и повель жезльникомъ бити и глати к нему: "изиди, Февроуарье"» (Истрин 1920: 41),

с текстом Лаврентьевской летописи о том, как князь Владимир

«повель кумиры испроврещи, овы исьщи, а другия огневи предати. Перуна же повель привязати коневу къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ» (ПВЛ 1996: 52).

Следует заметить, что версии Клейна и Петрухина не являются непременно взаимоисключающими, поскольку в случае с летописным сообщением о «проводах Перуна» остается вероятной контаминация древнерусских фольклорных и греческих книжных элементов.

Иранский Пиран. П. Лажуа связывает происхождение вайнахского Пирьона с иранским воздействием на культуру Кавказа и предлагает в качестве прототипа одного из персонажей «Шахнаме» Фирдоуси — туранского полководца Пирана (Lajoue 2012; 2015: 41–43; отклики см. Клейн 2013; Туаллагов 2017). Основаниями для сопоставления служат звуковое сходство имен и участие Пирана в эпизоде, который якобы соответствует чеченскому тексту о Пирьоне, заставляющем женщин подниматься на небо и лить оттуда воду. В русском переводе данный фрагмент «Шахнаме» начинается так:

«Туранец Базур жил в ту пору, молва Гремела о силе его колдовства.
К злым чарам тайком прибегать он привык,
Знал Чина язык, пехлевийский язык.
И слышит волшебник Пирана приказ:
"На гору подняться ты должен сейчас.
Колдуй, заклинай, а заклятия цель —
Наслатъ на иранцев мороз и метель".
И вот на вершину взошёл чародей,
И стужа иранских бойцов и вождей
Сразила. Напрасно грохочет кимвал —
Злой холод воителям руки сковал.

Средь снежного ада клич ярый взгремел,
Посыпался ливень губительных стрел.
Туранцам Пиран повелел наступать,
И ринулась грозной лавиною рать»

(Фирдоуси 1960: 484, стх. 15507–15522).

Как минимум с фольклористической точки зрения гипотеза Лажуа является слабо обоснованной. Она базируется фактически на одном эпизоде «Шахнаме», который отдаленно напоминает один чеченский текст (некоторый персонаж заставляет другого повлиять на погоду) и при этом не содержит ряд характерных для повествований о Пирьоне деталей (к примеру, Пирьон претендует на статус верховного бога и самостоятельно имитирует гром с дождем, а Пиран так не поступает). На деле же вайнахским текстам есть куда более точные параллели (о некоторых из них — далее), а основу эпизода с Базуром и Пираном составляет мотив управления стихиями неким магическим специалистом. Данный мотив не является специфически иранским и обладает широкой дистрибуцией. Рассказы о шаманах и колдунах, которые изменяют погоду по собственной воле или чьей-то просьбе, распространены в Средней Азии (Жирмунский 1974: 89), Монголии и во всех ареалах Сибири (Дувакин 2011: 51–52, 333–338, 462), а также встречаются среди древнекитайских текстов (Бернштам 1940: 29, примеч. 3). Наличие такого мотива и у Фирдоуси, разумеется, не может считаться подтверждением того, что Пирьон восходит к Пирану.

Другим признаком иранского происхождения Пирьона Лажуа считает единичное наименование данного персонажа термином *падчах*. Однако и это звучит малоубедительно, поскольку имя и титул, которые использованы вместе в фольклорном тексте, вполне могут этимологизироваться из разных языков.

Пирьон и Фир'аун. Возведение вайнахского *Пирьон / Пирья (Pirjon / Pirja)* к славянскому *Перунь*, предложенное Клейном, является проблематичным в нескольких отношениях, и прежде всего в фонетическом. Не ясно, к примеру, откуда в таком случае возникает звонкий фарингал *-l-* в инлауте. Если вернуться к старой этимологии (← *араб. fir'awn* 'фараон'), то проблема исчезнет, поскольку вайнахскому *-l-* соответствует айн. Этот очевидный факт был неоднократно отмечен (Сватковский 2007; Туаллагов 2017: 225; Клейн 2018: 284).

Другой вопрос связан с дистрибуцией когнатов *Пирьон / Пирья* в ареале. Она не ограничивается вайнахскими и затрагивает другие нахско-дагестанские языки. Классифицируемые как арабизмы, эти лексемы зафиксированы, например, в лакском (*пирьян* 'фараон' — Курбайтаева, Эфендиев 2002), годоберинском (*пирглан* 'фараон' — Саидова 2006) и аварском (*пирглан*,

pirgJan ‘фараон’, ‘тиран, деспот’ — Халиков, Эфендиев 2002; Гимбатов 2006; ср. также поговорку *шибав пиргание цо-цо Муса* «на каждого фараона — один Моисей» s.v. *pirgJan* — Гимбатов 2006). Даже если бы этимология, предложенная Клейном, была фонетически приемлемой, описываемая дистрибуция делала бы ее исторически сомнительной. Заимствование имени *Перунъ* от временно переселенных славян одной-двумя традициями в какой-то степени допустимо, однако распространение его рефлексов на Кавказе в пределах нескольких языковых ветвей выглядит практически невероятным.

Отмеченные Клейном (Клейн 2004: 133–136, 391) функциональные расхождения в случае *Пиръ-он* ← *Фир’аун* являются не столь уж критичными. В одном из текстов Пиръон фигурирует как царь (Мальсагов 1983: 307; Клейн 2004: 133). Для него, как и мусульманского Фир’ауна (Пиотровский 1992), а также, например, Нимврода (Мейлах 1992), характерны претензии на божественный статус, противодействие верховному божеству. Другое дело, что в текстах о Пиръоне есть специфические детали, связанные с имитацией деятельности громовержца, а в рассказах о борцах с Аллахом они, по-видимому, не встречаются.

Греко-латинско-кавказские параллели. Систематическая обработка фольклорно-мифологических текстов, зафиксированных в Старом и Новом Свете, свидетельствует о наличии эксклюзивных — на мировом либо западноевропейском фоне — греко-латинско-кавказских связей в области мифологии (Дувакин 2018). Среди них выделяются мотивы богоборческого характера, распространенные у целого ряда абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских групп. Один из них — «Вызов громовержцу», суть которого заключается в том, что некий персонаж претендует на роль небесного божества, имитируя дождь и грозу (Березкин, Дувакин б.г.; Дувакин 2018: 453–454). Именно данный мотив лежит в основе вайнахских текстов, привлечших внимание Клейна и ставших отправной точкой для предложенной им реконструкции.

За пределами Кавказа «Вызов громовержцу» встречается не у восточных славян, а в античных источниках. Действие в них разворачивается вокруг царя, возомнившего себя верховным богом, громовержцем. Этот правитель использует различные приспособления (шкуры, бочки, медную утварь и факелы, специальные механизмы и пр.), дабы имитировать гром и молнию, и начинает притеснять жителей. Дело кончается тем, что громовержец убивает его:

«Салмоней вначале жил в области Фессалии, позднее же, прибыв в Элиду, основал там город. Будучи

человеком дерзким и желая сравняться с самим Зевсом, он был наказан за свои безбожные дела: Салмоней говорил, что он Зевс; приносимые Зевсу жертвы он присваивал себе. Влача за колесницей высушенные шкуры вместе с медными кувшинами, он заявлял, что производит гром, а бросая в небо зажженные факелы, говорил, что метает молнии. Зевс поразил его перуном и уничтожил основанный им город вместе со всеми его жителями» (Ps.-Apolod. Bibl. I. 9. 7. Пер. В.Г. Боруховича).

«Этот Салмоней, будучи нечестивцем и гордецом, насмеялся над божеством и заявлял, что его собственные деяния превосходят [деяния] Зевса. Производя с помощью некоего устройства необычайный шум и подражая громам, говорил, что грохочет громче самого Зевса. Совершенно пренебрегая богами, он не чтил богов ни жертвоприношениями и праздниками, как то было в обычае у других правителей. У него была единокорная дочь Тиро, получившая такое имя по причине белизны и мягкости тела. Посейдон влюбился в [Тиро] из-за ее красоты, сочелся с ней, и та родила сыновей Пелия и Нелея. Салмоней же, не поверив, что [Тиро] лишил девственности Посейдон, стал скверно обращаться с Тиро и в конце концов получил от некоего божества возмездие из-за нечестивства и гибели, пораженный молнией Зевса» (Diod. Sic. VI. Fr. 7. Пер. О.П. Цыбенко).

«Под этим созвездием [созвездие Возничего. — Е.Д.], я думаю, был рожден Салмоней, представляя небо на земле, поместивший квадригу на бронзовом мосту и воспроизведший гром небесный, приведя Юпитера на землю. Но, бросая молнии искусственные, он был сражен настоящей и упал вслед за своими огнями, своей гибелью доказав существование Юпитера» (Manil. Astr. V. 91–96. Пер. Е.М. Штаерман).

По другим источникам деяния Салмоней также известны (Hes. Cat. Fr. 30 M-W. 3–28; Verg. Aen. VI. 585–594; Val. Fl. Arg. I. 662–665; Hyg. Fab. 61, 250; Serv. Aen. VI. 585; I Myth. Vat. I. 81). Для греко-римской традиции он был не единственным правителем, бросившим вызов громовержцу, — аналогичные поступки приписывались царю Альба-Лонги Аллодию:

«Вслед за Агриппой в течение девятнадцати лет власть пребывала в руках Аллодия, который отличался тираническими повадками и был ненавистен даже богам. Презирая все божеское, он велел изготовить некие подражания молниям и механизмы, издававшие шумы, подобные громам. Они использовались по его требованию для устрашения людей, будто бы их насылало божество. Когда же настоящие ливень и молнии поразили его жилище, а озеро, на берегу которого, как получилось, стоял его дом, словно по волшебству, вышло из берегов, Аллодий потонул и погиб вместе со всеми домочадцами. И теперь еще, когда определенный участок озера просвечивает, а вода слы-

нет, а рябь устоится, то на дне видны обломки колоннад и другие руины» (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 71. 3. Пер. И.Л. Маяк; также см. Diod. Sic. VII. Fr. 5; Anon. De orig. gent. Rom. XVIII. 2–4).

На Кавказе «Вызов громовержцу» зафиксирован помимо вайнахов у абхазов, абазинов, осетин, мегрелов и/или грузин. В абхазском фольклоре, к примеру, с верховным богом Анцва соперничал богатырь Абрскил. Он привязывал к седлу бурдюки, наполненные валунами, затем поднимался на своем крылатом коне в поднебесье. Сбрасывая валуны, Абрскил производил шум, подобный небесному грому, а рассекая саблей облака, извлекал молнию. По другим вариантам, он закидывал в небо осколки кремня, — когда те падали, ударял о них мечом, выбивая похожие на молнии искры; кроме того, вызывал дождь. Разгневанный Анцва велел ангелам поймать зазнавшегося героя и заточить его в пещеру, что и было исполнено с помощью старухи-ведьмы (Салакая 1988; 2008: 113–114; Джапуа 2003: 101–102, 323–343).

Судя по дистрибуции, эта и ряд других специфических греко-латинско-кавказских параллелей не случайны и вряд ли были обусловлены культурными взаимодействиями в эпоху Великой греческой колонизации. Более правдоподобным является сценарий, согласно которому указанные соответствия отражают контакты между носителями ранних индоевропейских и северокавказских диалектов, прослеживаемые по лингвистическим данным (Дувакин 2018: 456–457). Статистическая обработка сведений по распространению мифологических мотивов также свидетельствует в пользу исторической обусловленности параллелей между античной и кавказскими традициями (Березкин 2016: 15, 17, рис. 4).

Возвращаясь к чечено-ингушскому Пирьону / Пирья, следует сделать вывод, что он, являясь в отношении своего имени, скорее всего, арабизмом, оказался включенным в том числе в повествования о вызове громовержцу, которые существовали на Кавказе задолго до прихода ислама и переселений славян. Узнав о соответствующих данных и не боясь признать своих ошибок, Клейн отказался от идеи того, что

этот персонаж восходит к древнерусскому Перуну (Клейн 2018: 284–285).

О роли вайнахских сюжетов в реконструкции

«Мне представляется, что, хотя образы и мотивы вайнахского фольклора были важными для начального опознания в русском фольклоре следов славянской мифологии, для идентификации сказочной царицы с русалками, а русалок с ведьмами и для увязки всех их с Перуном, все эти опознания и увязки теперь уже держатся и без ссылок на вайнахский фольклор. В конечной картине сопоставлений и связей вайнахские сюжеты занимают уже очень скромное место» (Клейн 2004: 385–386).

Заключение

При всей спорности отдельных своих положений, работы Л.С. Клейна по изучению древнерусского язычества являются фундаментальным вкладом в данную область исследований. Они содержат массу интересных идей, ценных наблюдений и смелых гипотез (далеко не все из которых были отражены здесь), а также скрупулезный и, вероятно, лучший из всех существующих по этой теме историографический анализ. Однако указанным вкладом Клейна не исчерпывается и заключается также в том, что созданные им труды постоянно будят мысль читателей и тем самым стимулируют появление новых исследований и новых знаний.

Из воспоминаний 2007 г.

«Конечно, моя реконструкция тоже в какой-то мере гипотетична, как всякая научная реконструкция. Но весь вопрос в мере гипотетичности, то есть в обоснованности гипотезы. Во всяком случае, у меня предьявлена система аргументов, которые можно обсуждать. А противостоит моя реконструкция нескольким прежним концепциям славянского язычества, обоснованным, на мой взгляд, значительно слабее, и современному славянскому неоязычеству (о нем у меня тоже в книге целая глава). А уж оно-то в науке никак не обосновано и целиком смонтировано из германских и индийских деталей, художественных произведений, фальшивок (типа "Белесовой книги") и личных фантазий новоявленных пророков» (Клейн 2010: 453).

Литература и источники

- Алексеев Н.А. 2006. Перун в вайнахском фольклоре? // Живая старина 1. С. 55–56.
- Аникин А.Е. 2012. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси. Вып. 6 (Вал I – Вершок IV). 368 с.
- Березкин Ю.Е. 2009. Мифы Старого и Нового Света: из Старого в Новый Свет. М.: АСТ, Астрель. 446 с. (Мифы народов мира).
- Березкин Ю.Е. 2016. Восточнославянский фольклор в европейском и евразийском контексте (результаты статистической обработки данных) // АФ 31, 9–24.

- Березкин Ю.Е.* 2019. «Сказка о царе Салтане» (сюжет АТУ 707) и евразийско-американские параллели // АФ 43, 89–110.
- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* б.г. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. Дата обращения 04.02.2020.
- Бернштам А.Н.* 1940. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК V, 23–31.
- Гимбатов М.М.* (ред.). 2006. Аварско-русский словарь. Махачкала: ДНЦ РАН. 909 с.
- Далгат У.Б.* 1972. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука. 467 с.
- Джапуа З.Д.* 2003. Абхазские эпические сказания о Сасрыкуа и Абыркиле (Систематика и интерпретация текстов. Тексты и переводы). Сухум: Алашара. 374 с.
- Дувакин Е.Н.* 2011. Шаманские легенды народов Сибири: сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ. 482 с.
- Дувакин Е.Н.* 2018. Греко-латинско-кавказские связи в области мифологии на евразийском фоне // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII: Материалы чтений, посвящ. памяти профессора И.М. Тронского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 452–463.
- Жирмунский В.М.* 1974. Тюркский героический эпос. Л.: Наука. 727 с.
- Журавлев А.Ф.* 2005. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик. 1004 с.
- Зализняк А.А.* 2009. О «Велесовой книге» // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / Ред.-сост. Е.В. Муравенко, А.Ч. Пиперски, О.Ю. Шеманаева. М.: МЦНМО, 122–141.
- Зализняк А.А.* 2010. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир. 238 с.
- Истрин В.М.* 1920. Книги времения и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг.: Отделение русского языка и словесности Российской академии наук. Т. I: Текст. 612 с.
- Клейн Л.С.* 1985а. Перун на Кавказе // СЭ 6, 116–123.
- Клейн Л.С.* 1985б. Мёд-пиво народной сказки // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд / Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 45–47.
- Клейн Л.С.* 1985в. Русалки и Царь Салтан // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд / Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 47–48.
- Клейн Л.С.* 1985г. Похороны бога и святочные игры с умруном // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд / Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 48–50.
- Клейн Л.С.* 1990. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян / Отв. ред. И.В. Дубов. Л.: Музей этнографии народов СССР, 13–26.
- Клейн Л.С.* 1991. Языческий подход к лингвистике // Советское славяноведение 4, 88–92.
- Клейн Л.С.* 1993. Происхождение Масленицы // Традиционные верования в современной культуре этносов / Отв. ред. В.В. Горбачева. СПб.: Российский этнографический музей, 104–122.
- Клейн Л.С.* 1998а. Змей с хоботом (Фольклор и этнография в работе археолога) // Памятники старины: открытия, концепции, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. 1919–1997 / Сост. С.В. Белецкий. СПб.; Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; ИИМК РАН. Т. I, 289–296.
- Клейн Л.С.* 1998б. «Святылища» языческой Руси // Живая старина 1, 5–7.
- Клейн Л.С.* 2004. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия. 480 с. (переизд. в 2017 г.).
- Клейн Л.С.* 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С.* 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПбГУ. 626 с.
- Клейн Л.С.* 2013. Откуда Перун у чеченцев — из Ирана или Руси? // Stratum plus 5, 237–238.
- Клейн Л.С.* 2018. Диалоги. Теоретическая археология и не только. СПб.: Евразия. 368 с.
- Комар А., Хамайко Н.* 2011. Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica X. Київ: НАН України, 166–217.
- Курбайтаева Н.Б., Эфендиев И.И.* (сост.). 2002. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лакском языке. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет. 130 с.
- Мальсагов А.О.* (сост. и пер.). 1983. Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М.: Наука. 384 с. (Сказки и мифы народов Востока).

- Мансикка В.И. 2005. Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН. 365 с. (Международные связи российской фольклористики).
- Мацев А.Г. (сост.). 1961. Чеченско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 127 с.
- Мейлах М.Б. 1992. Нимврод // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 2, 218–219.
- Мишин Д.Е. 2002. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: ИВ РАН. 364 с.
- ПВЛ 1996 = Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.И. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука. 667 с. (Литературные памятники).
- Петрухин В.Я. 1994. Восточнославянское язычество: проблемы подлинные и мнимые // Живая старина 1, 55–57.
- Петрухин В.Я. 2004. «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рожд. ак. Никиты Ильича Толстого (1923–1998) / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 248–255.
- Петрухин В.Я. 2009. Святые места // Славянские древности / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 4, 582–584.
- Петрухин В.Я. 2011. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур. 384 с. (Studia historica).
- Пиотровский М.Б. 1992. Фираун // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 2, 568.
- Радзивиловская 1994 = Радзивиловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М.В. Кукушкина. СПб.: Глагол; М.: Искусство. Кн. 1–2. 415 с.
- Саидова П.А. (сост.). 2006. Годоберинско-русский словарь. Махачкала: ДНЦ РАН. 458 с.
- Салакая Ш.Х. 1991. Абрскил // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 1, 22–23.
- Салакая Ш.Х. 2008. Избранные труды. Сухум: АН Абхазии. Т. I: Эпическое творчество абхазов. 428 с.
- Сватковский А. 2007. Гипотеза о Перуне на Кавказе. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение:Перун#Гипотеза_о_Перуне_на_Кавказе. Дата обращения 04.02.2020.
- Туаллагов А.А. 2017. Тутыр // Nartamongae XII/1–2, 205–233.
- Фирдоуси 1960. Шахнаме. Т. 2: От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути; коммент. А.А. Старикова. М.: Изд-во АН СССР. 643 с.
- Халиков К.Г., Эфендиев И.И. (сост.). 2002. Словарь ориентализмов в аварском языке. Махачкала: Дагестанский государственный университет. 122 с.
- ЭССЯ 1985 = Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука. Вып. 12 (*kouľькъ – *kroma/*kromъ). 186 с.
- Lajoie P. 2012. There is no «Perun in the Caucasus»... but maybe an ancient Iranian thunder demon // Studia Mythologica Slavica XV, 179–184.
- Lajoie P. 2015. Le dieu slave de l'orage Perun et ses successeurs chrétiens Élie et Georges: Archéologie, histoire, ethnologie. Lisieux: Lingva. 325 p.

И.Н. Лицук.
Портрет Л.С. Клейна.
Компьютерная графика

Л.С. КЛЕЙН ОБ ИСКУССТВЕ¹

Н.М. Калашникова², И.В. Палагута³

*В искусстве смел тот, кто не боится ошибаться,
в науке — кто не боится исправлять ошибки.
Нечто среднее невозможно.
Но между ними — гуманитарное знание.*

Л. Клейн

Российский ученый, археолог, культурный антрополог, филолог, историк науки, профессор, доктор исторических наук, один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге Лев Самуилович Клейн, гуманитарий до мозга костей, вспоминал:

«Если у меня есть какие-то [творческие] способности <...>, я думаю, что они у меня действительно от матери. От отца я мог унаследовать организаторские способности, волю, но музыкальные и прочие творческие дарования — от матери» (Клейн 2010а: 25).

Детство будущего ученого, по его собственному определению, «благополучное и трудовое», проходило в Витебске, где он учился в белорусской средней школе и в музыкальной школе по классу рояля, занимался рисованием.

«По музыке я продвигался очень быстро, — вспоминал Л.С. Клейн, — из первого класса сразу в тре-

тий, а из пятого, минуя шестой и седьмой, сразу в училище» (Там же: 26).

где исполнял Вторую венгерскую рапсодию Листа, а с симфоническим оркестром — «Прощальную» симфонию Гайдна. Однако стать профессиональным музыкантом юному Клейну так и не довелось — победили интересы гуманитарных наук. Профессора Ленинградского университета, в первую очередь такие замечательные ученые, как М.И. Артамонов и В.Я. Пропп, оказали несомненное влияние на формирование независимого мышления молодого исследователя, бравшегося за решение сложнейших вопросов, как, например, проблему соотношения этноса и археологической культуры или применения структуралистских и семиотических признаков при изучении филологических текстов.

Серьезнейшие исследования, проведенные Л.С. Клейном в сфере исторических наук (от археологии до культурной антропологии), работы в области филологии, где наиболее оригинальными среди них стали изыскания в области гомероведения, проблемы эволюции культуры и многое другое из сферы гуманитарных знаний, нашли отражение в авторских разработках исследователя.

Следует заметить, что в течение всей жизни Л.С. Клейна окружали люди искусства. Это и друзья-художники, в частности профессор Академии художеств им И.Е. Репина Михаил Михайлович Девятов⁴ — художник, реставратор и педагог, заслуженный деятель

¹ Представленный текст изначально готовился нами как предисловие к сборнику статей Л.С. Клейна об искусстве, который, к сожалению, так и не был опубликован. При переработке текста в статью авторы опирались на опубликованные работы, в итоге получив обзор и критический анализ ряда положений, высказанных Л.С. Клейном об искусстве в разное время, в процессе его научной деятельности.

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1. Российский этнографический музей, Отдел этнографии, народов Белоруссии, Украины, Молдавии. Адрес электронной почты: ethnonataly@mail.ru.

³ 191028, Россия, Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 13. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная Академия им. А.Л. Штиглица, кафедра искусствоведения. Адрес электронной почты: ipalaguta@yandex.ru.

⁴ Автор портретов Л.С. Клейна на страницах 8, 68, 80 настоящей книги. — *Примеч. ред.*

искусств России, член Санкт-Петербургского Союза художников, с которым ученый был знаком со студенческих лет; это и молодые дизайнеры Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица — Дамир Гибадуллин-Клейн и Павел Дейнека. Да и сам Л.С. Клейн в своих работах неоднократно прямо или косвенно обращался к различным аспектам искусствознания. При этом, по свидетельству автора, его не устраивало рассмотрение искусствознания и художественной критики как разновидности искусства (хотя эта сторона есть и ее исключить нельзя), но его интересовала именно научная составляющая. Методы, логика, связи с другими науками. Уместно напомнить, что и античная археология, которую также он изучал, была прямой «родственницей» немецкой школы искусствознания. Пафос своей работы в данной области, его вторжения в эту гуманитарную науку, Лев Самуилович видел в придании ей научности.

Работы Л.С. Клейна в области искусствознания можно сгруппировать по трем основным направлениям. Первое из них связано с историей науки, сочетанием истории искусства с классической археологией. Героями историографических очерков Клейна здесь становятся основоположник современного искусствознания Й.-И. Винкельман, которому посвящено немало страниц в «Истории археологической мысли» (Клейн 2011), а также выдающийся историк византийского искусства Н.П. Кондаков (Клейн 2005а). Этот аспект научной деятельности Л.С. Клейна мы здесь рассматривать не будем: заслуги его в этой области очевидны.

Второе из направлений касается общих проблем искусствознания: связи искусства и культуры, поиска его места в пространстве человеческой культуры, выработки определения стиля — не расплывчатого, а четкого и работоспособного, а также проблеме художественного языка. Здесь наибольший интерес представляет теоретическая работа Л.С. Клейна «К вопросу о связи культуры и искусства» (Клейн 1987) и его размышления о теории стиля, сыгравшие важную роль в современном осмыслении этой искусствоведческой категории (Клейн 2004).

Третье направление посвящено конкретным вопросам первобытного, «археологического» искусства: явлению «первобытного барокко» и искусству бронзового века, сарматскому «звериному стилю» и др. Ряд этих вопросов рассматривался в недавно опубликованных ученым «Диалогах» (Клейн 2018). С точки зрения теоретических проблем, актуальных как для археоло-

гии, так и для искусствознания, заслуживает внимания рецензия на книгу К. Ренфру о «параллелях» во взглядах художников и археологов (Клейн 2005б), а также очерк «Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе», где автор подводит общую черту под всеми сюжетами, касающимися искусства, поднятыми им ранее в других публикациях (Клейн 2010б; то же в интернет-версии: Клейн 2014).

Затрагиваемые работы отражают как развитие взглядов самого автора, так и направления, по которым вместе с автором развивалась в течение последних 50 лет гуманитарная наука. Как и многие другие работы Л.С. Клейна, они провоцируют читателя на споры и размышления. Главное, что хотел ими сказать сам автор и что отметил во вступлении к неопубликованной книге, «это идея о том, что искусствоведение — не игра, не вкусовая критика, не интеллигентный треп (или только бывают такими), а обычная наука, со своими теориями, методами и понятиями».

Дискуссионный тон задает первая из рассматриваемых работ, родившаяся из полемики 1970-х гг, в которой Л.С. Клейн участвовал в рамках конференций 1974 и 1977 гг. по теории искусства, организованных М.С. Каганом. В сокращенном виде ее результаты были опубликованы в статье «К вопросу о связи искусства и культуры» (Клейн 1987), где сам автор называет ее «Программирование человека (искусство и культура: генезис, функции, связь)». В контексте почти 50-летней давности само понятие «программирование» имело отношение к наступлению компьютерной эры, плодом которой стала и «новая археология», с ее попытками реконструировать явления культуры и найти закономерности в ее развитии путем обращения к строго доказательным методам естественных наук. Исходя из спора «физиков» и «лириков», Л.С. Клейн здесь обозначает «два разных подхода к предмету: *эссеистский* (гуманитарно-исствоведческий) и *аналитический* (социо-культурологический)». При этом следует отметить, что хотя он и пытается их синтезировать, но очевидно, что ему ближе второй из них.

Анализируя определения культуры, Л.С. Клейн рассматривает ее прежде всего «на уровне кибернетических идей» — как «информационную систему», функционирующую «в качестве негенетической программы человеческой деятельности — программы, хранимой и развиваемой обществом, получаемой каждым отдельным человеком от общества и обогащаемой многими отдельными людьми в обществе, по его законам и в следствии его стимуляции». Как следствие: искусство при

таким подходе (если определить его также через функцию) выступает как основное средство такого программирования, осуществляя его не только через символы и образы, но и через эмоциональное воздействие на своих реципиентов — «язык искусства и художественное мышление <...> программируют, но не всю культуру и не все в человеке, а лишь психический мир общества и человека».

К рассмотрению культуры как программы человеческой деятельности отечественные философы вернулись и сейчас: аналогичное определение культуры как

«системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» (Степин 2010: 341)

широко используется и в современной, постсоветской российской философии. Слово «программа» сразу вызывает ассоциации с тем, что программа обычно бывает кем-то составлена. Поэтому вполне резонно возникает вопрос о том, кто «пишет» такую программу? Не приводит ли это опять к идее Бога, от которой ушла позитивная наука полтора столетия назад? Может, попробовать другой ключ к решению проблемы? Например, рассмотреть культуру как внебиологический способ адаптации к природной и социальной среде? Ведь такое определение исключает все иные внешние факторы, кроме изменений самой среды (как природной, так и социальной), когда культура

«становится основным инструментом, средством и условием для поддержания искусственного экологического баланса между человечеством как биологическим видом и меняющейся средой обитания» (Кожин 2007: 14).

В этом контексте можно рассматривать и искусство — когда, наряду с речью, оно является одним из ключевых средств коммуникации, обеспечивающих функционирование этого «инструмента» (см. Rubin 1989; Gell 1998).

Сам Л.С. Клейн считал, что

«адапционное истолкование культуры <...> неспособно охватить существование, развитие и преобразование того, что возникло: в возникшем многое утрачивает адаптивность или с самого начала оказывается неадаптивным, дисфункциональным. Вправе ли мы, например, теоретически исключать из явлений культуры самоубийства, курение, алкоголизм, наркоманию и т.п. или ут-

верждать, что все сущее адаптивно и функционально?» (Клейн 1987).

Согласно Клейну,

«принятие адапционного определения культуры как единственного логически повело бы к энвиронментализму (географическому детерминизму) — очень одностороннему объяснению социокультурных явлений» (Там же).

Однако эти возражения выглядят не очень убедительно. Обсуждение этой темы могло бы стать основой для интересной дискуссии в настоящее время.

Художественный стиль, по Клейну, — «избирательность» и «взаимосогласованность форм», обеспечивающая «внутреннюю цельность всей совокупности характеристик, причем в основе этой цельности лежит единство эстетических оценок». В ключе разработки данной проблемы, несомненно, очень важную роль играет небольшая, но емкая рецензия на книгу Е.Н. Устюговой о теориях стиля (Клейн 2004). Критика Устюговой представляется весьма убедительной: у Л.С. Клейна здесь «эссеистскому» подходу как раз противостоит именно трезвый взгляд на стиль, как «коллективные вариации форм», к которым вполне применимы и археологический подход, и искусствоведческие параметры, определенные Г. Вёльфлином еще в начале XX столетия.

К сожалению, некоторые рукописи Л.С. Клейна остались неопубликованными. В том числе и его размышления о «первобытном барокко», лишь мелькнувшие в «Диалогах» (Клейн 2018: 168–169). Связь искусства и социума, проявляющаяся в распространении пышных стилей, предназначенных «создавать в искусстве иллюзию богатства и мощи», характерна для многих периодов истории искусства. С этой точки зрения использование термина «катакомбное барокко» столь же правомерно, как и соответствующее название художественного стиля XVII–XVIII вв.

Для объяснения зафиксированных археологией фактов развития доисторического искусства, конечно, недостаточно констатаций «барочности» декора и орнамента. К сожалению, эффектные металлические украшения бронзового века нельзя рассмотреть в непосредственной связи с несохранившимся костюмом, призванным выделять статус своего владельца, одежда которого отсутствует даже в руинированном состоянии. Но при дальнейшем развитии, с учетом массовости проявлений, исследование развития материальной культуры, предпринятое именно в таком ключе, согласуется с разрабатываемым в западном искусствознании

социологическим подходом, получившим в современных работах по теории искусства обозначение «марксизма в искусствознании» (Hatt, Klonk 2006: 120 ff.). Подход этот представляется весьма продуктивным, как и многие области исследования, сформировавшиеся на стыке различных наук.

Вполне понятно поэтому разочарование Л.С. Клейна в последней работе К. Ренфру (Renfrew 2003), где нет ни искусствознания, ни археологии, где связи современного и археологического искусства известный английский археолог пытается найти путем интуитивных параллелей, а не через логические построения. Критика, которой подвергает Л.С. Клейн эту «постмодернистскую» книгу К. Ренфру, на этом фоне выглядит убедительной как со стороны археолога, так и искусствоведа.

Очерк Л.С. Клейна об эволюции искусства «Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе» интересен с точки зрения широты охвата материала. Окидывая взглядом всю историю искусства, автор выделяет три «аномалии» в его эволюции: одна из них относится к отдаленной эпохе палеолита, две других — к последним двум столетиям (Клейн 2010б: 2014). Эти «аномалии», по мнению Клейна, связаны как с техническими достижениями: появлением фотографии, следствием которого было рождение импрессионизма, так и с социальным явлением XX в. — тоталитаризмом.

С тезисом Клейна о том, что «основное правило эволюции живописи — чем древнее, тем примитивнее и дальше от умелой передачи натуры», конечно, можно поспорить. Насколько он вообще актуален? Прямолинейный эволюционизм стал «выходить из моды» уже почти столетие назад и за прошедшие десятилетия многократно подвергался сокрушительной критике. Поэтому предложенное Л.С. Клейном рассмотрение искусства палеолита как искусства «детского», основанного на непосредственном воспроизведении объекта, выглядит достаточно поверхностным. Но насколько «реалистично» (вернее, «натуралистично») искусство палеолита? Ведь именно эта эпоха дает наибольшее разнообразие форм — от абстрактных и намеренно утрированных до фотографически натуралистичных. И по времени она охватывает период, достаточный для многочисленных экспериментов, и отнюдь не отличается однообразием материальной культуры. К сожалению, именно это часто игнорируется многими авторами, которые затрагивают сейчас проблемы древнейшего искусства (Куценков 2007; критику см. Палагута 2011).

Как упомянуто выше, рассматривая «аномалии» в эволюции искусства, Л.С. Клейн далее обращается к им-

прессионизму и, по-видимому, совершает ошибку, т.к. «реализм» в искусстве XIX в. — это как раз не салонная живопись, а именно импрессионизм — фиксирующий впечатление от конкретного момента, конкретного взгляда на природу. Отход от принципа подобия в последующем развитии живописи был вполне закономерен не только из-за появления фотографии, но и потому, что менялась и окружающая человека реальность. Эти связи можно найти и в социологическом контексте, например сопоставив это изменение взгляда на окружающий мир с тем, что именно с конца XIX в. большая часть европейского населения обитает уже не в деревнях, а в городской — искусственной среде. Реальность здесь не только «в мире, данном нам как условие нашего существования», но и в нашей субъективности (Шехтер 2011: 12).

Еще одна «аномалия» — искусство тоталитаризма. Здесь, наоборот, можно согласиться с Л.С. Клейном в том, что это искусство как в нацистской Германии, так и в «социалистическом реализме» выбирает форму создания подобию, «визуальную реальность». Однако в обоих случаях такая «реальность» является «симулякром» — знаком, не имеющим объекта в реальности, заменяющим подлинный мир. Натуралистичность не только усиливает картину, поскольку в этом искусстве, гораздо большую, чем живопись и скульптура, роль играют кино, а затем и телевидение, но и легко доводит ее до сознания толпы — «масс», на которые опираются подобные режимы.

Однако как здесь поступить с искусством эпохи итальянского новеченто 1920–30-х гг, смело взявшего на вооружение авангардные методы в условиях фашизма и на основе его, несомненно, тоталитарной идеологии? Может, ключом к этому станет сопоставление геометрии «Квадратного Колизея» с абстрактной риторикой «Доктрины фашизма» Б. Муссолини? Ведь риторика итальянского «третьего пути» — «организованной, централизованной и авторитарной демократии» (Муссолини 2012: 262)⁵, прикрывая ультраконсервативные идеи, отличается своим псевдореволюционным пафосом (см. Галкин 1995).

Проблемы, поднятые Л.С. Клейном, актуальны и вынуждают спорить. И это важно именно сейчас, когда мир стремительно меняется. В его работе оказалась затронутой одна из важнейших проблем в истории искусства: переходы от натурализма к абстракции и на-

⁵ Запрещенная на территории России книга. — *Примеч. ред.*

оборот. И именно здесь Л.С. Клейн, кажется, предложил ее решение.

Останавливаясь на отдельных моментах таких переходов, Л.С. Клейн отмечает целый ряд аспектов, которые играют здесь важную роль. Это аспект технический (импрессионизм как следствие революции в технике изображений, связанный в том числе с появлением фотографии), это аспект социальный (искусство тоталитаризма с его возвратом к натуралистичности изображений, но отражающее не реальность, а лишь тоталитарный миф), и это аспект психологический (заметим, впрочем, что соединение психологии с историческим подходом, несмотря на все попытки, так и не принесло еще качественных результатов).

В целом эта проблема сводится к тому, что изображать: «видимость» или «реальность». Художники и те, кому было адресовано их творчество, являясь частью разных обществ в различные периоды их истории, выбирали тот метод, тот способ создания художественных образов, который был продиктован временем и состоянием духовной культуры общества. Реализм — правдивое воспроизведение действительности в ее типических чертах, т.е. отражение сути происходящего, реальности как таковой. Для этого не нужна иллюзор-

ная натуралистичность (как точно подметил Л.С. Клейн, необходимая для формирования иллюзии реальности для плебейской массы, приветствующей своего фюрера). Таким образом, объявленный «дегенеративным искусством» немецкий экспрессионизм гораздо более реалистичен, чем натуралистичная живопись Третьего рейха, основной целью которого становится создание иллюзорной действительности.

Однако возникает вопрос: исчерпывается ли история искусства тремя такими аномалиями? Конечно же, нет. Такой же аномалией при ближайшем рассмотрении является любая из периодов, когда в искусстве происходят кардинальные изменения. Возможно, проблема в том, что автор акцентирует внимание на отдельных аспектах, а не сводит их в систему? Если это так, то разработка этих идей, несомненно, позволяет и дальше развивать «научное» искусствоведение.

Несмотря на кажущуюся тематическую разбросанность опубликованных и неопубликованных работ ученого разных лет, на дискуссионность ряда высказанных положений, можно констатировать несомненную актуальность этих разработок. Ведь они, безусловно, отражают многогранную личность Льва Самуиловича Клейна.

Литература

- Галкин А.А. 1995. О фашизме — его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. Политические исследования 2, 6–15.
- Клейн Л.С. 1987. К вопросу о связи культуры и искусства // Искусство в системе культуры / Ред. М.С. Каган. Л.: Наука, 22–29.
- Клейн Л.С. 2004. Путь к теории стиля. Рец. на книгу Е.Н. Устюговой «Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля», СПб., 2003 // Новый мир искусства 3/38, 22–23.
- Клейн Л.С. 2005а. Византиец // Кондаковские чтения-1. Проблемы культурной преемственности. Материалы I междунар. науч. конф. / Ред.-сост. Н.Н. Болгов. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 5–24.
- Клейн Л.С. 2005б. Что мы после этого, или дембельский аккорд лорда Кеймсторна // Новый мир искусства 4/45, 48–50.
- Клейн Л. 2010а. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С. 2010б. Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф, 112–122.
- Клейн Л.С. 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 с.
- Клейн Л.С. 2014. Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе // URL: https://polikrat.files.wordpress.com/2014/02/izobraz_dejat_v_evolution_persp_lsklejn1.pdf. Дата обращения 04.04.2020.
- Клейн Л.С. 2018. Диалоги. Теоретическая археология и не только. СПб.: Евразия. 368 с.
- Кожин П.М. 2007. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука. 428 с.
- Куценков П.А. 2007. Психология первобытного и традиционного искусства. М.: Прогресс-Традиция. 232 с.
- Муссолини Б. 2012. Третий путь: без демократов и коммунистов. М.: Алгоритм. 272 с.
- Палагута И.В. 2011. К вопросу о «палеопсихологическом» подходе к изучению первобытного искусства // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, 4 февраля 2011 г. СПб.: СПбГУП, 48–51.

Степин В.С. 2010. Культура // Новая философская энциклопедия. В 4 т. 2-е изд. М.: Мысль, 341–347.

Шехтер Т.Е. 2011. Реализм в измерении «гипер». СПб.: Астерион. 180 с.

Gell A. 1998. Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Oxford University Press, 1998. 271 p.

Hatt M., Klonk Ch. 2006. Art History: A Critical Introduction to Its Methods. Manchester: Manchester University Press. 264 p.

Renfrew C. 2003. Figuring it Out: What Are We? Where Do We Come From? The Parallel Visions of Artists and Archaeologists. London, Thames and Hudson. 224 p.

Rubin A. 1989. Art As Technology: The Arts Of Africa, Oceania, Native America, Southern California. Beverly Hills, CA: Hillcrest Press. 184 p.

ДЕВИАНТНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО, ПРАВОСУДИЕ

Я.И. Гишинский¹

Я не сумасшедший. Только ум мой не такой, как у вас.

Диоген

*Еретики — горячее прогресса,
Господь, благослови еретиков!*

Н. Болтянская

Трудно быть Клейном.

Л. Клейн

Преамбула

Лев Самуилович Клейн — выдающийся археолог, антрополог, филолог, историк. Профессор, доктор исторических наук. Профессор и один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Читал курсы лекций в университетах Западного Берлина, Вены, Копенгагена, Любляны, Турку, Тромсё, Вашингтона (Сиэтл), Дарема, в Высшей Антропологической школе Молдавии. Выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, Лондоне, Стокгольме, Мадриде и других научных центрах Европы. А еще — поэт (пусть — «для себя»²). Будучи осужден советским судом (1981) и находясь полтора года в питерских «Крестах» и «воспитательно-трудовой» колонии, продолжил *de facto* профессиональную деятельность антрополога, став автором «Перевернутого мира» (Самойлов (Клейн) 1990; 1993) и ряда статей — блестящего образца отечественного тюрьмоведения, продолжив дело М.Н. Гернета (Гернет 1930; 1960–1963), причем в результате «включенного наблюдения»...

Жизнь и творчество Л.С. Клейна — превосходный повод для девиантологических размышлений, которым жаль было бы не воспользоваться.

Девиантность и девиантология

(подробнее см. Гишинский 2013а)

*Феномен девиации —
интегральное будущее общества.*

P. Higgins, R. Butler

Во все времена общество пыталось устранять *нежелательные* для него проявления человеческой жизнедеятельности, *отклоняющиеся* от принятых в данном обществе правил (норм), путем воздействия на носителей этих проявлений. Методы и средства воздействия определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, идеологией господствующих в обществе сил (государства, классов, церкви), обычаями и традициями.

Девиантное, или отклоняющееся (лат. *deviatio* — отклонение), *поведение* связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть как нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, так и «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, группе.

Исходя из самых общих представлений, можно предложить следующее определение: *девиантное поведение* — *поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре) нормам и ожиданиям.*

¹ 191104, Россия, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

Университет прокуратуры РФ,

Санкт-Петербургский юридический институт.

Адрес электронной почты: yakov.gilinsky@gmail.com.

² См. многочисленные стихотворения Клейн 2010.

Многочисленные проявления девиантного поведения на уровне социума выступают как достаточно сложный социальный феномен. *Девиантность* (*deviance*) — социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре) нормам и ожиданиям.

Исходным для понимания отклонений является понятие *нормы*. В теории организации сложилось наиболее общее — для естественных и общественных наук — понимание нормы как *пределов, меры допустимого*.

Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются (*конструируются!*) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается *анормальной* сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Наука, изучающая различные социальные девиации, — социология девиантности и социального контроля, или *девиантология*. Важно помнить, *когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм — не более*. В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой. Так, потребление алкоголя запрещено в странах мусульманского мира, за курение табака в средневековой Испании полагалась смертная казнь, в Советском Союзе уголовным преступлением было занятие частнопредпринимательской деятельностью и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР).

Более того, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двоякое значение. Одни из них — *позитивные* — выполняют неэнтропийную функцию, служат средством (механиз-

мом) *развития* системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это социальное *творчество* во всех его ипостасях (техническое, научное, художественное и др.). Другие же — *негативные* — дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и т.п.

Фундаментальные изменения социальной реальности

(«человечество уже исчерпало тот потенциал своего развития, который оно получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза... Возможности порядка существовавшего тысячелетия уже исчерпаны» — Моисеев 1998: 13, 22)

привели к смене (или пониманию необходимости такой смены) парадигмы в общественных науках. Современные концепции, включая постмодернизм в социологии, криминологии, девиантологии, утверждают: сама социальная «реальность является девиантной», а потому «следует интересоваться собственно девиантностью, а не рациональностью» (Головин, Козловский 1994: 246), «феномен девиации — интегральное будущее общества» (Higgins, Butler 1982: 8), «девиантность — будущее современности» (Sumner 1994: 3). Так что «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля» (Luhmann 1992), «институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения <...> тюрьмы не столько «вновь приспособливают» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками» (Монсон 1995: 63), «попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал» (Бауман 1996: 193), а «основа закона есть не что иное, как произвол» (Бурдьё 1996: 15). И вообще происходит «девиантнормализация» — стирание границ между нормой и отклонением (Гольберт 2011).

Более того,

«вся история человечества — это история борьбы хорошего с нормой <...> идет бесконечная борьба добра с нормой. Потому что вся история евроатлантического мира — это именно история победы бесконечной, ежедневно совершаемой победы добра над нормой, так называемой нормой, так называемыми духовными скрепами» (Красовский б.г.).

Глобальная «девиантизация» современных обществ — лишний довод в пользу радикальной смены девиантологических парадигм. Современное «общество риска» (Бек 2000), «катастрофическое общество» требует адекватного описания и объяснения. Смена научных парадигм — это нормальный процесс развития

науки, а не ее гибель. Впрочем, в условиях «новой непрозрачности» (Ю. Хабермас) важно хотя бы понять, «что не можешь понять того, чего не понимаешь» (Н. Луман).

О «нетрадиционной ориентации»

Каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает права других.

Д. Боуз

В связи с *относительностью* нормы-отклонения возникает еще одна проблема, развиваемая Л.С. Клейном в ряде его антропологических трудов (Клейн 2000; 2002). Нагромождение нелепостей вокруг «нетрадиционной ориентации» вынуждает остановиться на этом чуть подробнее.

Л.С. Клейн очень спокойно, по-научному, беспристрастно показывает «нормальность» гомосексуализма, наряду с гетеросексуальным и бисексуальным влечением. Сам автор так об этом говорит: «Я всячески старался соблюсти принципы ученого — беспристрастно исследовать, оставаясь антропологом, то есть стараясь понять каждого человека и проявить сочувствие к человеческому в нем». И вообще, сексуальная ориентация — это личное дело каждого. Автор «Другой любви» рассказывает, как менялось отношение к гомосексуальности в истории народов, сколько величайших гениев человечества были гомосексуалами.

Чрезвычайно важно было показать, что выраженное негативное отношение к гомосексуалам — гомофобия — есть не что иное, как проявление ксенофобии вообще: ненависть, вражда по отношению к любым «иным», «не таким», «чужим». Отсюда и гомофобия диктаторов.

«Строжайшими запретами на однополую любовь (почему-то запретами только для мужчин) и гонениями на впавших в такую любовь отличались самые тиранические и кровожадные режимы. Как и антисемитизм, гомофобия для их аттестации словно лакмусовая бумажка. Диктаторы и тираны — Гитлер и Сталин, — подсознательно чувствуя свою ущербность и шкурой ощущая вред, наносимый их тиранией массам людей, — старались убедить мир и себя, что спасают народы от скверны, в частности от заразы гомосексуализма. Кроме того, сам факт, что люди ведут себя иначе, чем все, был страшен и ненавистен поборникам "монолитного единства"» (Клейн 2000).

Позволю себе обратиться к моим рассуждениям на эту тему. Распространенность однополый любви известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки,

Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в Древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. Женский гомосексуализм получил название *лесбийской любви* или *сафизма* — по имени древнегреческой поэтессы Сафо, жившей на острове Лесбос.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1–6 % мужчин и 1–4 % женщин. Так, по А. Кинзи, в США исключительно гомосексуалистами являются 4 % мужчин и 3 % женщин. Эти цифры — «нижний предел», т.к. общее число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению А. Кинзи, до 48 % мужчин и 19 % женщин (Kinsey et al. 1948; 1953). Даже если исходить из минимальных показателей 1–2 %, в России должно быть не менее 1,5–3 млн человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Локальные же исследования свидетельствуют о значительно большем распространении гомосексуализма. Это не удивительно, поскольку помимо *врожденной* (генетической) гомосексуальной ориентации существует «*социоогенный*» гомосексуализм — порождение закрытых однополых учреждений: армия, тюрьмы, закрытые учебные заведения. Таким образом, в гомосексуализме «виноваты» либо генетика, либо общество.

Из всех видов девиантности *истинный*, или *врожденный*, гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли вообще гомосексуализм относить к *социальным отклонениям*. Скорее всего, и это сегодня мнение большинства ученых (*omnes opinia doctorum*), гомосексуализм и бисексуализм, наряду с гетеросексуальностью, *нормальны* в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора.

Явно ненормальным, патологическим является гомофобия. Не случайно в современных цивилизованных обществах и государствах уголовным преступлением, одной из разновидностей «преступлений ненависти», является гомофобия, т.е. действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, либо на унижение достоинства человека или группы лиц по признаку сексуальной ориентации.

Творчество как девиантность

*Творчество... есть преступление.
Творчество есть дьявольское дело.
Творчество есть героизм.*

Б. Грязнов

Как известно, еще Э. Дюркгейм отметил «двойственность» девиаций: преступление и «преступление» Сократа, проложившего дорогу к морали будущего. Более основательно обратил внимание на «симметричность» девиаций Питирим Сорокин. В своей первой монографии петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он отметил «курьез» научной мысли:

«В то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления-наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется той же научной мыслью. Мы говорим о "подвигах и наградах". Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды — как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений — огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны» (Сорокин 1992: 77).

Между тем *новое* всегда выступает *отклонением* от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. Вообще

«каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, но освященного привычкой порядка» (Энгельс 1961: 296).

При этом чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.

В интереснейшей, незавершенной статье «Проблемы творчества в произведениях Томаса Манна», Б.С. Грязнов писал:

«Любое творчество — всегда преступление, конечно, не в юридическом смысле этого слова. <...> Творчество (преступление) как созидание. Художник может стать сильнее отпущенного ему природой (Богом), но для этого он должен совершить преступление против природы (Бога), т.е. творчество оказывается делом дьявольским. <...> Итак, творчество есть боль, страдание. Творчество <...> есть преступление. Творчество есть дьявольское дело. Творчество есть героизм» (Грязнов 1982: 249–251).

Последнее — ибо, чтобы решиться на преступление, требуется отвага («героизм»). Впрочем, в общей форме это было сформулировано еще Гегелем:

«Доблесть несовместима с невиновностью как поступков, так и переживаний. Вполне совершенная нравственность противоречит доблести» (Гегель 1970: 265).

Даже наука как социальный институт, функцией которого является создание нового, творчество (нормой деятельности должны быть девиации!), в действительности развивается по своим законам, и каждое новое выдающееся открытие выступает отклонением, разрушающим парадигмы науки и встречающим соответствующий прием (непризнание, враждебное отношение и т.п.), пока не заменит былую парадигму, само став таковой (Кун 1975; Микулинский, Ярошевский 1971).

Вот за это «отклонение» от «генеральной линии» советской археологии, которую олицетворял академик Б.А. Рыбаков, и расплачивался Л.С. Клейн в течение многих лет непризнания, неприятия, заключительным аккордом которых явились арест и осуждение за уголовное преступление, сопровождавшееся (осуждение) лишением ученой степени и возможности работать по специальности³.

На уровне индивидуального поведения источником социальной активности служит «социальная неустroенность», конфликтность бытия, противоречия между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения. Очевидно, социальной неустroенностью объясняется повышенная активность (как «позитивная», так и «негативная») маргинальных групп, аутсайдеров, «исключенных».

В науке

«идея — это и есть "придуманный", "увиденный" (то есть найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации — за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий» (Ильенков 1979: 118).

Для А. Эйнштейна, согласно его «Автобиографическим заметкам», теория относительности была «актом отчаянья» (Холтон 1981: 127). Азбучные примеры осуждения за научное творчество (отстаиваемые научные идеи) как преступление — смертный приговор Сократу (399 г. до н.э.), сожжение на костре Джордано Бруно (1600) и Мигеле Сервета (1553), заточение в темнице Галилео Галилея (1633). Менее известно, что Синод

³ Подробнее об этом — см. Клейн 2010. Автор статьи, не будучи специалистом в области археологии, антропологии, истории, не рискует подробнее вторгаться в эту сферу.

православной христианской церкви обвинил Михаила Ломоносова в распространении в рукописи антиклерикальных произведений по ст. 18 и 149 Воинского Артикула Петра I, предусматривавшего смертную казнь. Указом императрицы Елизаветы Петровны М. Ломоносов был признан виновным, однако от наказания освобожден. Знаменитый химик А. Лавуазье был гильотинирован 8 мая 1794 г. в Париже по решению революционного трибунала. Председатель трибунала в ответ на апелляцию к мировой славе ученого произнес: «Республика не нуждается в ученых».

Создается впечатление, что современники преследуют творцов — писателей, художников, композиторов, ученых — едва ли не с большей ненавистью и последовательностью, нежели убийц, насильников и грабителей. И это относится не только к давно прошедшим временам. Так, доктор Джеймс Роджерс в 1965 г. был приговорен к казни на электрическом стуле за «массачусетский эксперимент», однако за два дня до казни, будучи в камере, он покончил с собой, отравившись цианидом калия. Недавно Массачусетский университет психологии и невропатологии, в котором работал доктор Роджерс, официально заявил, что этот эксперимент имеет большое научное значение, а его эффективность неоспорима. В связи с этим ректор университета доктор Розентерн попросил прощения у родственников Роджерса.

Правосудие

*Право — это игорный дом властей,
преступление — их мышеловка.*

S. Henry, D. Milovanovic

Всякое наказание преступно.

Л. Толстой

Наказание виновного есть зло.

Ф. Дзержинский

Не будучи юристом, Л.С. Клейн совершенно верно определил большие точки российской правоохранительной и судебной системы (Самойлов (Клейн) 1993; Клейн 2010: 322–420). Необъективное следствие; незаконное давление на свидетелей и обвиняемого, включая их прямое запугивание (а то и пытки — Российский ГУЛАГ 2006; Социология насилия 2007; Доклад 2012); обвинительный уклон следствия и суда, откровенное пренебрежение доводами и доказательствами со стороны обвиняемого и его защитника — все это было, есть и, боюсь, еще долго будет...

Особый интерес представляет описание Л.С. Клейном повседневного быта в следственном изоляторе (СИЗО) «Кресты» и в колонии, поскольку оно сделано

«изнутри» (вынужденное «включенное наблюдение») и ученым-антропологом (Самойлов (Клейн) 2013). В «Крестах» битком набитая камера («примерно два с половиной на три с половиной метра»), страшные «санитарно-гигиенические» условия, жуткое питание, ограниченная медицинская помощь. Но самое страшное — «конфликтность и агрессивность самой среды, сокамерников». Л. Клейн описывает издевательский институт «прописки», нечеловеческие издевательства сокамерников в «напряженке» — камере, где закоренелые преступники измываются над вновь помещенным обитателем СИЗО. И все это — в отношении обвиняемых, т.е. лиц, чья вина еще не установлена судом, а потому по закону — невиновных.

Пенитенциарные учреждения — «зона» — бесценный (а точнее, весьма дорогой) полигон антропологических наблюдений и исследований. И Л.С. Клейн максимально воспользовался представившейся возможностью... Тюремные касты («воры», «мужики», «чушки») и их внутренняя структура, тюремный «закон», иерархия расправ за его нарушения, жаргон, накладки, уже упоминавшаяся «прописка» — все это достаточно подробно описано, классифицировано и сопровождается соответствующими выводами. Главный из них — тюрьма не исправляет, а развращает, калечит (нравственно и физически):

«Ошибочна сама вера в магическую силу труда и в повсеместную благотворность коллектива... Труд сам по себе никого и никогда не исправлял и не облагораживал. <...> Такая обстановка (в условиях лагерного труда. — Я.Г.) может внушить (и внушает) только отвращение и ненависть к труду. <...> Воздействие же коллектива целиком зависит от того, какой это коллектив. <...> В ИТК с самого начала создается коллектив преступников, воровской коллектив» (Там же).

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля.

Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления. Никогда еще никому не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее наоборот.

«Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие — вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества» (Жалинский 2009: 18).

Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том

отношении, что человечество не придумало *пока* ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений.

«Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто "не видит", чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись» (Фуко 1999: 339).

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того — негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Обычно сроки исчисляются неделями и месяцами, во всяком случае — до 2–3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики.

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, в современных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п. Так, начальник тюрьмы в г. Турку (Финляндия) с гордостью говорил автору этих строк: «Чтобы у заключенных сохранялось чувство собственного достоинства, мы теперь выдаем каждому ключ от камеры. Уходя, осужденный закрывает за собой дверь в свою камеру, а возвращаясь, открывает ее»... А начальник ирландской тюрьмы, недалеко

от Дублина, на мой вопрос о том, сколько человек содержится в одной камере, ответил: «Конечно, один. Не могут же двое незнакомых людей проживать в одной комнате»...

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» к юстиции возмещающей, восстанавливающей (Зер 1998; Consedine 1995). Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто вроде «третьего судьи») урегулировать отношения между жертвой и преступником.

Проведенный автором контент-анализ докладов на одиннадцати европейских криминологических конференциях (2001–2011 гг.) и четырех мировых конгрессах (всего свыше 6500 докладов — Гишинский 2013б) показывает, что во многих выступлениях затрагивались вопросы альтернативных лишению свободы мер наказания, электронного слежения и медиации⁴, пока мало практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах; например, в Сеуле заслушан доклад «Медиация против тюремного заключения».

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» к стратегии «сокращения вреда». Об этом говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной Комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от "войны" к "миру"» (Donziger 1996: 218). «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимания на общественное исправление» рекомендует С. Баркан (Barcan 1997: 542), об этом пишет и А.Э. Жалинский:

«Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» (Жалинский 2009: 9, 15, 18, 56, 68).

⁴ Медиация — одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т.п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

Литература

- Бауман З. 1996. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова М.: Аспект Пресс. 254 с. (Открытая книга — открытое сознание — открытое общество).
- Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с немецкого В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция. 381 с.
- Бурдьё П. 1996. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма'97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 9–29.
- Гегель Г.В.Ф. 1970. Тезисы, XI // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М.: Институт философии СССР; Мысль. Т. 1, 265 (Философское наследие 39).
- Гернет М.Н. 1930. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. 2-е изд., доп. Харьков: Юридическое изд-во Украины. 264 с.
- Гернет М.Н. 1960–1963. История царской тюрьмы. В 5 т. 3-е изд. М.: Госюриздат.
- Гилинский Я. 2013а. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс. 634 с.
- Гилинский Я.И. 2013б. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права 2012. СПб.: Изд-во СПбГУ, 8–31.
- Головин Н.А., Козловский А.А. 1994. Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. Сб. науч. статей / Ред. А.О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт.
- Гольберт В. 2011. Нормально или девиантно различать между нормой и девиацией? // Конструирование девиантности / Ред. Я. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 35–54.
- Грязнов Б.С. 1982. Логика. Рациональность. Творчество. М.: Наука. 256 с.
- Доклад российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в период 2006–2012 годы. М., 2012.
- Жалинский А.Э. 2009. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект. 400 с.
- Зер Х. 1998. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание / Пер. с англ.; общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: Судеб.-правовая реформа. 350 с.
- Ильенков Э.В. 1979. Противоречия мнимые и реальные // Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М.: Политиздат.
- Клейн Л.С. 2000. Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-Пресс. 864 с.
- Клейн Л.С. 2002. Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Русское созвездие. СПб.: Фолио-Пресс. 656 с.
- Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Красовский А. б.г. Особое мнение. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1234694-echo/#element-text>. Дата обращения 10.01.2014.
- Кун Т. 1975. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. М.: Прогресс. 288 с. (Логика и методология науки).
- Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г. (ред.) 1971. Научное открытие и его восприятие. Сб. статей. М.: Наука. 310 с. (Науковедение: проблемы и исследования).
- Моисеев Н.Н. 1998. Расставание с простотой. М.: Аграф. 472 с.
- Монсон П. 1995. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию / Пер. со швед. М.: Весь мир. 96 с.
- Российский ГУЛАГ: убийства и пытки / Гл. ред. Л. Пономарев. М. 2006. 107 с. (В защиту прав заключенных 1).
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1990. Этнография лагеря // СЭ 1, 96–108.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1993. Перевернутый мир. СПб.: Фарн. 224 с.
- Сорокин П. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 542 с.
- Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007; Пытки в колониях. URL: <http://www.specletter.com/pravosudie/2012-09-04/kolonialnyi-stil.html>. Дата обращения 10.10.2012).
- Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова М.: Ad Marginem. 480 с.

- Холтон Дж.* 1981. Тематический анализ науки / Пер. с англ. М.: Прогресс. 383 с.
- Энгельс Ф.* 1961. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы. Т. 21, 269–317.
- Barkan S.E.* 1997. *Criminology. A Sociological Understanding.* Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall. 622 p.
- Consedine J.* 1995. *Restorative Justice: Healing the Effects of Crime.* Ploughshares Publication. 176 p.
- Donziger S.* 1996. *The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission.* New York: Harper Collins Published, Inc. 336 p.
- Higgins P., Butler R.* 1982. *Understanding Deviance.* McGraw-Hill Book Company. 292 p.
- Kinsey A., Pomeroy W., Martin C.* 1948. *Sexual Behavior in the Human Male.* Philadelphia, PA: W.B. Saunders. 804 p.
- Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P.* 1953. *Sexual Behavior in the Human Female.* Philadelphia, PA: W.B. Saunders. XXX + 842 p.
- Luhmann N.* 1992. *Beobachtungen der Moderne.* Opladen: Westdeutscher Verlag. 220 S.
- Sumner C.* 1994. *The Sociology of Deviance. An Obituary.* Buckingham: Open University Press. 340 p.

ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА — НОМО

Е.И. Матяш¹

Мотивы

Столкнувшись с обвинением в гомосексуальности, Л.С. Клейн заинтересовался этим вопросом и начал его исследовать. Примечательно, что до 1988 г. в его трудах не было ни малейшего намека на внимание к этой теме, а ведь к этому времени за прошедшие 33 года было опубликовано 190 работ ученого. Но и с конца 1980-х гг. эта тема проходит вторым планом в исследованиях ученого, анализирующего тюремную и лагерную жизнь: в очерках по его собственному следственному и судебному делу, в «этнографии» (скорее, социологии) лагеря (1989–1991 гг.) и в обобщающей книге «Перевернутый мир» (русский текст 1993 г., новое издание 2009 г.; немецкий — 1991 г., словенский — 2001 г.). В них описывается положение гомосексуалов в криминальной среде тюрем и лагерей, но сама гомосексуальность не анализируется.

Однако все годы после освобождения из тюрьмы и лагеря Л.С. Клейн размышлял и собирал материал о природе того явления, которое было предъявлено ему как обвинение и привело к существенному перевороту в его судьбе. Он познакомился с функционерами питерских организаций секс-меньшинств, получил от них некоторые данные (это было полезно, так как сам Клейн не бывал в местах встречи гомосексуалов; анкетные опросы он стал проводить позже). С самого начала он отказался от терминов «гомосексуализм», «гомосексуалист», намекающих на некое учение или движение, к которому человек присоединяется по выбору, по злому умыслу и т.п.

«Термин "гомосексуалист" в русском языке отделился от "гомосексуализм", а тот вошел в русский язык тогда, когда люди этого склада воспринимались как еретики и злонамеренно уклоняющиеся от общественных норм поведения и взглядов. Это связано с

представлением о произвольно выбранной жизненной позиции, которую можно отстаивать и проповедовать. Как правило, тяга к собственному полу не такова, хотя в ходе борьбы за выживание она и может приобретать такие формы. Поэтому слова "гомосексуализм" и "гомосексуалист" я не использую, привожу только в цитатах» (Клейн 2000: б).

В беседах с обследуемыми Клейн старался добиться доверительности, используя свое прошлое судимого: с гомосексуалами он старался не разрушить их представление о том, что и он из той же среды, а с гомофобами — что он чужд ей. Иногда передавал от своего имени полученные ранее рассказы: важно, что это правда, а с кем именно это происходит — не все ли равно?

Постепенно он начал работать над систематизацией этого материала и извлечением неких выводов: сначала для себя, затем для общественности. Тем более что это было время перестройки: общество бурлило, замшелые догмы шатались. Старый университетский его приятель профессор И.С. Кон сделал к этому времени сексуальность и гомосексуальность коньком в темах своих лекций, и беседы с ним во время его наездов (он к этому времени давно жил в Москве) помогли быть в курсе новейших течений в этой сфере. У Клейна было больше личных оснований добиваться от общества пересмотра устарелых положений в этом вопросе.

Однако закон, объявлявший гомосексуальность преступлением, был отменен весной 1993 г. С этих пор для Клейна дело было уже не в личном оправдании. Тем более что работа «Перевернутый мир» достаточно убедительно показала истинные причины судебной расправы над беспокойным ученым и опровержений на нее не последовало. С 1994 г. он восстановился в университете, защитил докторскую диссертацию и вскоре стал профессором. Но в обществе и в значительных слоях правящей элиты господствовали старые

¹ КНР, Фучжоу. Независимый исследователь, автор статьи о Л.С. Клейне для «Википедии» на русском языке. Адрес электронной почты: ramyat@list.ru.

представления. Так что цели дальнейшего исследования темы определяло, скорее, чувство общественного долга и научного любопытства. Клейн презрел все соображения осмотрительности: «а что скажут <...> а что подумают <...> а как это повлияет на положение в университете...»

Работы

Первым публичным выступлением Л.С. Клейна на тему гомосексуальности был доклад на научной конференции «Мифология повседневности» (Клейн 1998). В этом исследовании он ставил вопрос о том, что формирование гомосексуальной ориентации имеет много шансов победить в юношеском возрасте, что показано анализом факторов и статистикой по возрастам, а загадочной является как раз победа гетеросексуальной ориентации в дальнейшем росте.

На рубеже тысячелетий появился его труд «Другая любовь» (Клейн 2000), а после его годичной работы в библиотеке Университета Вашингтона в США, где он завершил сбор материала и литературы, появилась еще одна книга — «Другая сторона светила» (Клейн 2002).

В его книге «Другая любовь» представлены различные теории и взгляды на гомосексуальность, существовавшие с древности и до наших времен, теории происхождения гомосексуальности, эволюцию отношения к гомосексуальности в различных обществах в разные исторические периоды. Ученый рассматривает три фактора в формировании гомосексуальности: генетический (с наследованием по материнской линии), гормональный (действующий в утробе матери) и социализационный (зависящий не столько от прямого примера, сколько от иных подростковых впечатлений, трудно контролируемых). Подробно описываются все факторы, воздействующие на формирование сексуальной ориентации. Пожалуй, нет другой книги, где бы это разбиралось столь подробно.

«В этой книге я привожу статистические сведения, результаты анкетирования, экспериментов и медицинских наблюдений, но больше всего места занимают автобиографические материалы — мемуары, интервью, признания пациентов в историях болезни. После Пола Рэдина метод изучения автобиографий интенсивно вошел в антропологическую практику, но еще до того обильно использовался сексологами. Протоколы следственных и судебных допросов я не использую как источник: в них человек редко бывает вполне искренним» (Клейн 2000: 7).

Поднимался в ней и вопрос о порнографии и ее классических определениях — Набокова, Ходасевича. Клейн (Там же: 727–747) внес в определение порнографии релятивность: ведь, скажем, то, что для гетеросексуалов — порнография, оставляет гомосексуала совершенно равнодушным, и наоборот. Это касается и других различий.

Первое издание книги «Другая любовь» (3 тыс. экз.) разошлось быстро, и уже в том же году потребовалось второе издание — еще 3 тыс. экз.

Книга «Другая сторона светила. Необычная любовь выдающихся людей» посвящена гомосексуальности в биографиях известных российских деятелей от Ивана Грозного до Рудольфа Нуреева (Клейн 2002). Из неожиданного — здесь рассматривается вопрос о позитивном отношении Пушкина и Льва Толстого к однополую любви. Биографии для Клейна интересны не как доказательства особой гениальности гомосексуалов (он считает, что это иллюзия, связанная с тем, что их больше замечают), а как возможность проследить, как выдающиеся люди справлялись с этой трудной проблемой — быть гомосексуалом. Он показывает, что отношение общества к гомосексуалам было чрезвычайно разным, к примеру, в царской России никогда не было смертных казней за этот грех, которые в Англии, скажем, продолжались до XIX в.

Написал Л.С. Клейн и третью книгу «Оборотный Плутарх», которая пока не опубликована. Эта книга рассматривает известных гомосексуалов зарубежного мира — от Сократа и Платона до Леонардо да Винчи и Микеланджело; поднят вопрос о Шекспире, из неожиданных фигур — президент США Линкольн.

«Оказывается, у многих из светил науки, искусства и политики была еще и тайная жизнь, в которой проявлялись необычные вкусы, запретные страсти. Теперь мы это знаем. Ну и что? А ничего. Но зачем тогда было все это разрабатывать и писать целую книгу об этом? Что из этого следует? А в том то и дело, что "ничего"! Ничего из этих констатаций не вытекает. Никаких сенсационных выводов, анафем и приговоров. <...> Наше уважение к Толстому или Пржевальскому не стало меньше, наша любовь к Пушкину или Чайковскому не стала холоднее. Но, может быть, мы стали несколько лучше понимать их творчество. <...> Может быть, теперь мы станем внимательнее к своим ближним и за их смешными слабостями и трудными особенностями сумеем разглядеть их талант, ценности их души» (Там же: 594).

В дальнейшем отдельные выступления на темы отношения общества к гомосексуалам Клейн помещал в журналах: интервью о своем судебном процессе в

«Квир» и «Знание — сила»; статьи в «Собака.ги» (Клейн 2012; 2013а) и «Большой город» (Клейн 2013б).

Характер изучения

Л.С. Клейн в своих книгах и статьях рассматривает гомосексуальность с позиций антрополога (сравнительное изучение культур, т.е. культурная антропология), как разновидность девиантного поведения. Но это не означает признание этого поведения криминальным или болезненным. Как антрополог, он последовательно выступает за декриминализацию и демедиализацию гомосексуальности. В то же время, в отличие от многих либеральных деятелей, он занимает жестко критическую позицию по ряду положений:

а) в то время как многие либералы признают гомосексуальность разновидностью нормы, Клейн считает гомосексуальность в биологическом плане патологией, коль скоро биологически вид нацелен на размножение (а в культурном плане нормы поведения условны и не связаны природными условиями, не естественны — они зависят от культуры: кулинарные изыски, курение и т.п.);

б) гей-парады не признают разумными и целесообразными в России, в отличие от акций в защиту гражданских прав геев;

в) резко критикует гомосексуальную субкультуру за абсолютный гедонизм, за антигуманную абсолютизацию юности, за укорененность мужской проституции в этой среде, за замкнутость и сепаратизм, и др. (Клейн 2000: 699–795).

Создавая свою «Другую любовь», он понимал, что многим активистам гомосексуального движения эта книга вряд ли придется по душе. Но она не понравится и гомофобам — феномен гомофобии проанализирован так же жестко и бескомпромиссно. Книги Клейна не могут понравиться многим специалистам по сексуальности, преклоняющимся перед М. Фуко. Написанная этим автором трехтомная история сексуальности оказала огромное влияние на исследования в данной области, утвердив «конструктивистские» концепции. Книга Клейна чужда социальному конструктивизму. Исследователь рассматривает гомосексуальность как природный и социальный, а не чисто психологический фактор, как постоянное явление, всегда наличное примерно в тех же количественных пропорциях — меняются лишь формы его осознания и проявления. Не очень привлекательно описывает Клейн и личность Фуко. Вообще своих героев он отнюдь не идеализирует — описывает такими, какими они, по-видимому, были, без прикрас, но и без шельмования. Одним симпатизирует,

других явно осуждает. К последним относятся Мишель Фуко и Жан Жене.

«В ней [книге] на первом плане не общество, конструирующее матрицы для сексуальных типов, а личность, выбирающая для себя сексуальное поведение в соответствии со своей природой, биографией и средой. Личность не является безвольной и безответственной отливкой сконструированной обществом матрицы. В сложной игре разнообразных факторов, с которыми личность вынуждена считаться, возникают разные варианты, и свою сексуальную ориентацию можно проявлять по-разному — войти в гомосексуальную субкультуру или создать гомосексуальную семью, жить в промискуитете или в прочной любовной связи, эпатировать общество открытыми проявлениями своей сексуальности или предпочитать интимность, жить преимущественно сексуальными интересами или гармонично сочетать их с другими. У личности есть выбор, и этот выбор она делает на основе собственной воли, богатства духа и моральной ответственности» (Клейн 2000: 705).

Резонанс

Еще в 1888 г. работавший в Британии финский швед Э. Вестермарк написал диссертацию по ранней истории семьи и брака, которую ведущий антрополог Э. Тайлор смущенно признал слишком сексуальной. В начале XX в. переворот в викторианском сознании произвел З. Фрейд с его учением о сексуальных импульсах в подсознании. Западный мир пережил своего рода революцию в отношении к теме секса с конца 1920-х гг., когда откровенно на эти темы стал писать британский антрополог польского происхождения Б. Малиновский, две книги которого («Секс и вытеснение в обществе дикарей», «Сексуальная жизнь дикарей в Северо-Западной Меланезии») неоднократно переиздавались. В те же годы в Америке вышла и книга М. Мид «Взросление на Самоа» со столь же откровенным описанием сексуальной жизни. Викторианцы занесли эту книгу первым номером в список худших книг XX в., но она стала классикой антропологии.

В Советском Союзе общая атмосфера еще в годы перестройки характеризовалась «знаменитым» восклицанием женщины в теледиалоге с американцами «У нас секса нет!». Что и говорить о гомосексуальности! Книги Кона и Клейна разбивали эту атмосферу. Книги Кона были более сдержанными и академичными, книги Клейна — более откровенными в описаниях. Он приводил много пространных цитат — прямую речь гомосексуалов, их видение, их передачу своих ощущений. Без этого, считал он, не понять их психологию, силу

и природу движущих ими чувств. Фрейд, Малиновский и Мид проторили для него путь.

Поскольку И.С. Кон был членом Академии педагогических наук и вел борьбу за сексуальное просвещение молодежи, гнев консерваторов обрушился именно на него: язвительные статьи в прессе, брань по интернету, беспорядки на публичных лекциях. Клейна эта кампания миновала. Возможно, сказывалось то, что у него за плечами были тюрьма и лагерь, и его публикации о них успели привлечь симпатии публики.

Первой реакцией коллег-археологов Л.С. Клейна была некоторая сконфуженность из-за темы и откровенности ее разбора, но это было вскоре отброшено. Время ведь стремительно менялось. А реакцией коллег по новой теме (антропологов, сексологов, психологов, социологов) был живой интерес и иногда некоторая настороженность к новичку, пришедшему из другой науки. Самый живой интерес был у широкой читающей публики: тема острая, еще недавно бывшая запретной. Тиражи сами за себя говорят.

В целом тема гомосексуальности в творчестве Л.С. Клейна занимает не так много места: из 23 монографий (данные 2013 г.), а с переводами и переизданиями — 36 книг, этой теме уделены только две. Но в интернете их отражение занимает непомерно много места. Известный российский журналист, автор книг по психологии В.В. Шахиджанян высоко оценил «Другую любовь» и перепечатал ее на своем личном сайте, расставив по тексту собственные комментарии ([Шахиджанян] б.г.). Многие сайты без ведома автора перепечатывают под разными названиями отдельные главы из обеих книг, а также ряд пассажей из них.

Печатных рецензий было немного. В одной из них книга сопоставлена с работами И. Кона:

«Кон давно занимается профессионально проблемами сексуального просвещения и всем кругом смежных вопросов — за ним приоритет в постановке этой темы у нас. Он осторожен и академичен. Он преисполнен чувства ответственности, очень боится ошибиться и ввести читателя в заблуждение, предпочитает не высказывать своих собственных теорий — присоединяется к уже известным. Только по некоторым вопросам он твердо отстаивает свою позицию (необходимость сексуального просвещения детей, пропаганда контрацептивных средств и т.п.). Клейн всегда оригинален. Он высказывает неожиданные и смелые мысли (скажем, о невозможности четко определить порнографию, о бесперспективности наказаний педофилов и т.п.). Так смело может писать только человек, уверенный в своем праве на смелость (или человек, которому нечего терять). Даже если эти мысли не новы, он приходит к ним сам, по своей логике, от своих материалов,

страстно доказывает свою точку зрения и верит в разум читателя. Но различие выходит за пределы стиля. Кон известный сексолог, книги его — на стыке сексологии, социологии и психологии. Антропологические и этнологические сюжеты в них периферийны. Книга Клейна «Другая любовь» — не сексологическая, как можно было бы подумать, исходя из темы, а антропологическая» (Афанасьев 2000).

Отметив, что Клейн ставит вопрос о том, лежит ли ответственность за выбор сексуальной ориентации на индивидуальной воле или на генетической и социальной обусловленности, о факторах формирования ориентации, критик продолжает:

«Автор ставит и более общие вопросы. Как формируется культурная норма сексуального поведения. Чем вообще обеспечивается основная, гетеросексуальная ориентация, ориентация на противоположный пол — природной эволюцией человека, естественным отбором, или культурной традицией. Наконец, почему эволюция не устранила давно гомосексуальность как черту, снижающую рождаемость и, казалось бы, вредную для существования человеческого рода. Есть ли у этой особенности некий эволюционный смысл» (Там же).

Критический разбор труда Клейна представлен и в других рецензиях ([Réd.] 1999; Багров 2001; см. также [Котов] 2012).

В завершение предоставим слово Л.С. Клейну:

«Не надо "искоренять гомосексуализм" целиком, полностью и бесповоротно. Гиблое это дело и негуманное. Крови и слез много, а результата никакого. Потому что гомосексуальность рождается в каждом новом поколении неизбежно все в той же пропорции к остальному населению. И ни одна семья от этого не гарантирована.

Не надо и афишировать свою гомосексуальность, если она налицо, ходить на гомосексуальные демонстрации, пропагандировать гомосексуальный рай. Это только раздражает гетеросексуальную публику. Надо добиваться противоположного — чтобы никому не было дела до твоей гомосексуальности, кроме тех, кто желает с тобой близости. Надо понять: травмирует это гетеросексуальную публику — также как гомосексуалам неприятно половое общение с женщиной и все, что напоминает об этом.

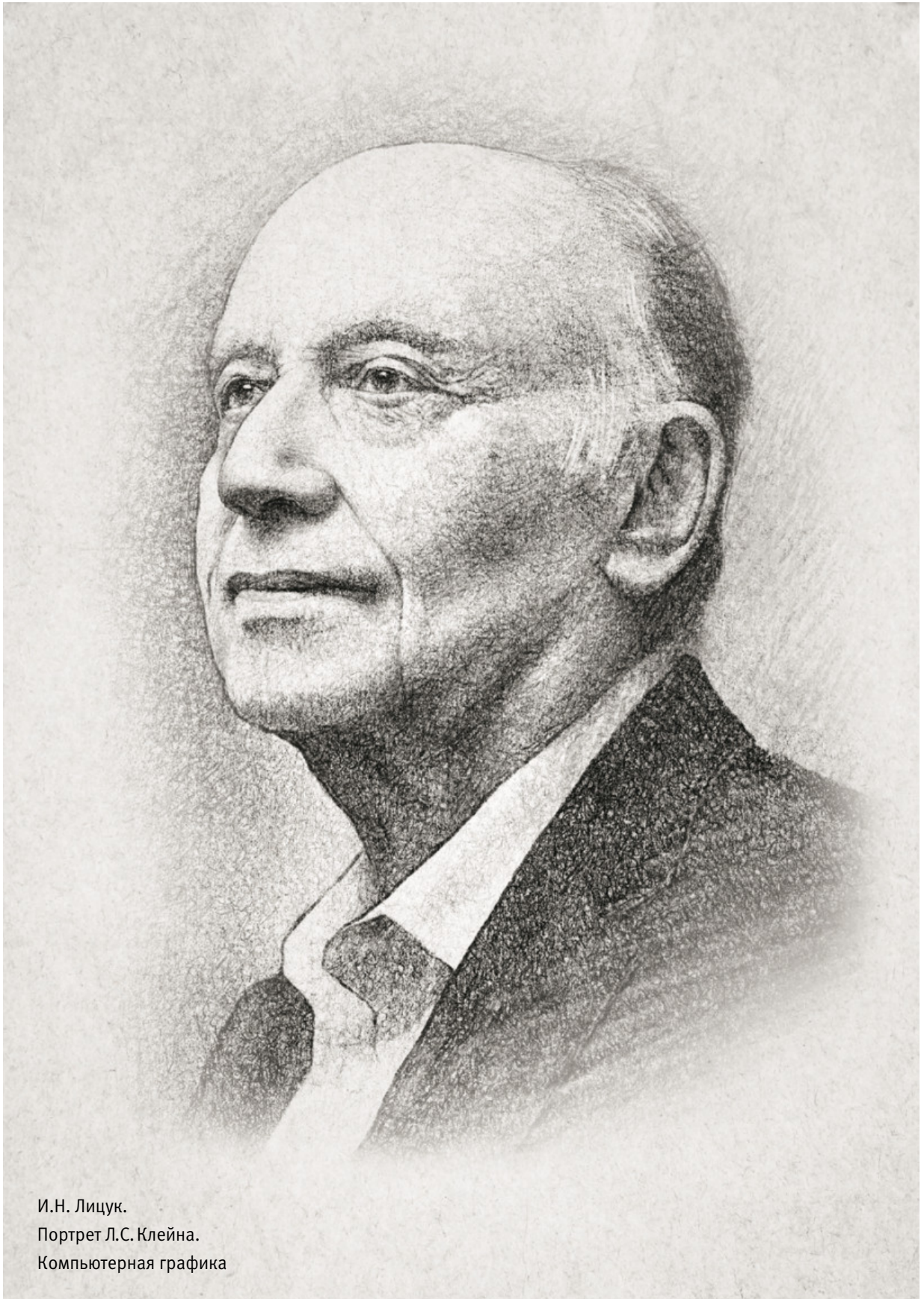
Ну, а если не иметь в виду громких и эффектных акций, то делать кое-что все-таки можно. Нужна спокойная и длительная работа по просвещению публики — как гетеросексуальной, так и гомосексуальной. Чтобы корни гомосексуальности были ясны всем и чтобы по мере возможности родители могли не создавать те условия, которые стимулируют возникновение у детей гомосексуальной ориентации, коль скоро общество этого не приветствует. <...> Чтобы гомосексуальные люди обладали

всеми человеческими и гражданскими правами и чтобы они могли спокойно себя чувствовать в окружающем обществе, адаптироваться к нему и обогащать его. Чтобы они могли создавать для себя

удобные ниши в этом обществе и в этом мире. Чтобы из этих ниш в окружающий мир сочились не зло и обиды, а дружелюбие и взаимопонимание» (Клейн 2000: 798–799).

Литература

- Афанасьев А. 2000. О книге «Другая любовь» // Kiev Gay Telegraph 6, 4–5.
- Багров Э. 2001. [Рецензия] // НЛО 47, 396.
- Клейн Л.С. 1998. Основной инстинкт в современной мифологии (к вопросу о загадочности гетеросексуальной ориентации) // Мифология повседневности. Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 18–20 февраля 1998 г. / Сост. К.А. Богданов, А.А. Панченко. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 84–101.
- Клейн Л.С. 2000. Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-Пресс. 864 с.
- Клейн Л.С. 2002. Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Русское созвездие. СПб.: Фолио-Пресс. 656 с.
- Клейн Л.С. 2012. Мифы о голубых // Собака.ру, 11/142 ноябрь, 134–137. URL: <http://sobaka.ru/magazine/glavnoe/13517>. Дата обращения 09.09.2013.
- Клейн Л.С. 2013а. Мифы голубых // Собака.ру, 2/145 февраль, 96–98.
- Клейн Л.С. 2013б. «Моя ориентация — не ваше дело». Интервью взяла Линор Горалик // Большой Город (Москва) 3/315, 34–37.
- [Котов В.] 2012. XX лет вместе // Собака.ру, ноябрь, 155–158.
- [Шахиджинян] б.г. Другая любовь (Л.С. Клейн) // Я+Я, личный сайт В.В. Шахиджаняна. URL: <https://1001.ru>. Дата обращения 09.09.2013.
- [Réd.] 1999. L'iceberg bleu 1, 17–21.

И.Н. Лицук.
Портрет Л.С. Клейна.
Компьютерная графика

Философия у Клейна

Г.Л. Тульчинский¹

«Золотенькое ситечко»

Творчество Л.С. Клейна дает редкий пример связи профессионального ученого с философией. Это не обычное для ученого-профессионала игнорирование или снисходительное отношение к философии как околонучному верхоглядству. Это и не поиск в философских идеях ответа на вопрос о культурном, мировоззренческом значении и смысле исследуемых проблем, полученных результатов. В случае Клейна философия становится средством осмысления научной деятельности как таковой, ее места в общественной жизни, позиционирования в ней ученого.

Сам Клейн характеризует свои отношения с философией достаточно иронично. О Герберте Спенсере он пишет:

«Хотя он числится философом, он не интересовался философией, не знал ее и знать не хотел (чем уже вызывает мою симпатию)» (Клейн 2014).

По собственным словам Клейна, он-то ее никогда не любил, но у него сложились с ней странные отношения: начиная с его первых школьных учеников, ушедших в философию (Б.И. Фёдоров, Н.С. Муранов), и заканчивая его возвращением в университет именно на философский факультет, с кафедры философской антропологии которого он и ушел на пенсию. Перефразируя Чехова, Клейн замечает, что если у него есть законная жена (конечно — археология) и немало любовниц (филология, этнология, культурная антропология, история, криминология), то философия — страстная вдова (Грицацуева), которая преследует его своими намерениями всю жизнь. Случай Клейна особенно поучителен, т.к. это случай рафинированного ученого, чрезвычайно методологически и методически щепетильного, в том числе в осмыслении своих столкнове-

ний с навязчивой «философической вдовушкой», обладающей «золотеньким ситечком» (личное письмо от 11 января 2010 г.).

Сравнение это представляется чрезвычайно удачным. Хотя к философии здесь отношение ироничное и даже скептическое: ее оснащение предстает здесь как некий фильтр, необходимый в научном «хозяйстве», и подразумевается ценность этого оснащения — ситечко все-таки золотое.

«Растущее отвращение Вестермарка к спекуляциям видно из его "чувства антипатии" к философии <...> (В своей автобиографии он пишет:)

"Большая доля того, что проходит под именем философии, без наличного или возможного доказательства, кажется мне полностью фантастическим и лишенным значения. Некоторые циники определяли философию как «систематическое злоупотребление терминологией, изобретенной специально для этой цели», а философа как «слепого в темной, хоть глаз проткни, комнате, который ищет черную шляпу, которой там и нет» <...>

<...> Вестермарк заключает: "Я скоро начну подозревать, что многое в философии, почитаемое за глубокое, получило эту репутацию только потому, что непонятно". Он вспоминает небольшую речку в Марокко, которую он колебался пересечь, так как она казалась ему очень глубокой, но когда он решил, оказалось, что вода была едва выше копыт коня, но она давала впечатление глубины потому, что была такой мутной» (Там же).

От марксизма до постмодернизма

По своей научной биографии Л.С. Клейн прежде всего археолог. Но ни одна его крупная работа по археологии не обходилась без философских ловушек и сетей.

В его научных взглядах произвольно, нередко от противного, отражается влияние советской «марксистско-ленинской философии» — официальной идеологической доктрины, пронизывавшей все сферы жизни советского общества, включая науку и образование. Предполагалось, что все методологические проблемы

¹ Д. филос. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Санкт-Петербургский государственный университет. Заслуженный деятель науки РФ. Санкт-Петербург, Россия. Адрес электронной почты: gtul@mail.ru.

археологии разрешит «исторический материализм» — раздел марксистско-ленинской философии, считавшийся общей методологией истории и всех социальных наук. Поэтому всякое стремление конкретных наук, в том числе археологии, выстроить собственную методологию рассматривалось как неверие в исторический материализм, покушение на его идейный стандарт социально-экономических формаций. В этой ситуации археологии отводилась роль иллюстрирования и датировки динамики этих формаций.

С этими влиянием и реализацией марксистской доктрины Лев Самуилович сталкивался не только концептуально, но и в непосредственных обстоятельствах своего научного и жизненного пути — эти столкновения подробно описаны им самим (Клейн 2010а). И с юношеских лет этот опыт накапливал вопросы о противоречиях у классиков марксизма-ленинизма в аргументации идеологического официоза. Вопросы эти проникали в научную рефлексию, требовали ясных решений. И это была достаточно нетривиальная ситуация.

«Марксистская археология в прежнем понимании — как непротиворечивая и цельная система положений, вполне подчиненная столь же непротиворечивой и цельной системе марксизма, — была лишь недостижимым идеалом, мифом. Она никогда не существовала и не могла существовать. Археология, находившаяся под воздействием марксизма, существовала — это была археология, подчиненная утопическим догмам и политической конъюнктуре. Иногда это шло ей на пользу, но чаще вредило, разрушало ее научность. Такая марксистская археология тоже не нужна» (Клейн 1993: 78–79).

Дело в том, что за рубежом в гуманитарной научной среде марксизм воспринимался с симпатией — как достаточно аргументированная система социальной критики. Поэтому западный марксизм занимает весьма солидное место в гуманитарном и социологическом дискурсе, он оказал серьезнейшее воздействие на структурализм, постструктурализм и даже фрейдизм. В СССР же под марксистской теорией понимались начетническое жонглирование цитатами из классиков и их «экзегетика». Л.С. Клейн имел дело с марксистской идеократией — системой тотального идеологического доминирования и третирования оппонентов. Поэтому для него западный марксизм (троцкизм, учение А. Грамши, франкфуртская школа, парижский университетский неомарксизм и т.п.) — тот же марксизм, только в более мягкой версии. Отсюда и его скептическое отношение к французскому постструктурализму. Такая позиция могла вызывать недоумение у западных интеллектуалов.

С другой стороны, некоторые компоненты, которые смягчены или даже элиминированы в европейском неомарксизме, для Клейна оказываются наиболее приемлемыми в марксизме. В «Феномене советской археологии» (Клейн 1993) прослеживается конкретное влияние и реализация философии марксизма в археологии, как в негативном, так и в конструктивном плане. Так, марксизм осуществил рецепцию научных идей и концептов: таких, как эволюционная схема Т.Х. Моргана с его идеей первобытного коммунизма, идея И.Я. Бахófена о матриархате, — и оформил их как свои догмы. Марксизм стимулировал, особенно на ранних стадиях своего развития, некоторые важные научные интересы археологов, не чуждые и Л.С. Клейну. Например, это интерес к социальным и экономическим структурам (и социальная археология возникла не без влияния марксизма), к оценке внутренних противоречий в любом рода сообществах как источнике их развития. Кроме того, в рамках марксистской «парадигмы» работало много талантливых людей, которые делали открытия, создавали концепции, марксистские по форме, но не обязательно таковые по содержанию.

Для Л.С. Клейна, прошедшего марксистский идеологический прессинг, но и теоретическую выучку, марксизм теоретически значим и даже полезен — ограниченно полезен: в плане выявления социальных корней теоретического анализа, ориентации на выявление диалектической противоречивости явлений и понятий (Клейн 1973; Клейн 1996; 1997б). При этом он отвергает конъюнктурное применение этих идей, слепую веру в закономерность истории, полную обусловленность исторического процесса экономическими отношениями и классовой борьбой (Клейн 1996).

К концу 1950-х гг. Л.С. Клейн завершил для себя критически конструктивное преодоление марксистских рамок. А его «Археологические источники» (Клейн 1978а) направлены против ленинской «теории отражения» (по крайней мере, в ее обычной примитивной трактовке) и поднимают вопрос о новой классификации наук, не по Ф. Энгельсу. Согласно Л.С. Клейну, теоретическое знание — не зеркальное отражение реальности, не простая калька, отпечаток. Исторический факт — сложное явление; его описание и объяснение — много-степенный, опосредованный процесс. Это наглядно отображено в собственноручных рисунках Клейна в «Археологических источниках».

В 1970-е гг. Клейн, по сути, открыл для советской археологии «новую археологию» — процессуальную археологию Л. Бинфорда и «аналитическую археологию» Д. Кларка, с симпатией воспринял их методические новации и общий теоретический подъем («революция

в археологии»), подробно рассмотрел их неопозитивистскую философскую основу и со здоровым скепсисом предупредил коллег от неопозитивистских увлечений: разобрал слабости «аналитической машины», абсолютизацию дедуктивистского «объяснения». Его написанную и обсуждавшуюся тогда книгу «Новая археология», с профессиональной экспозицией всех течений неопозитивизма и постпозитивизма, удалось напечатать только спустя полтора десятилетия (Клейн 2009).

В конце 1970-х гг. (в основном в 1980-е гг.) Клейн приступил к анализу предшественников англосаксонской «новой археологии» и, найдя их во французе Ж.-К. Гардене и шведе М. Мальмере, установил, что вопреки распространенному мнению их философской основой является не неопозитивизм, а *неореализм* — Башляра у Гардена, Вригта у Мальмера (Клейн 2010б; 2011: 202–228), а эта философская традиция восходит к Декарту как во Франции, так и в Швеции (где Декарт умер).

Вопрос о методологической природе археологии был поднят Клейном к началу 1990-х гг. Резкое методологическое различие гуманитарного и точного знания внесено в науку *неокантианством*, и он отмечает свою заинтересованность этой философией. По традиции, археологию наряду с историей относят к гуманитарным наукам, хотя неоднократно предпринимались и предпринимаются попытки ввести ее в семью точных наук, связав с антропологией или социологией. Оригинальность подхода Л.С. Клейна состоит в том, что он отвергает дихотомию наук — их рассечение надвое: на гуманитарные и точные. Ведь существуют и другие группы наук, например науки конкретно-ориентирующие. К ним относятся история и география: одна ориентирует нас во времени, другая — в пространстве. Что до археологии, то она, по Клейну, наука не гуманитарная, и не точная, и не ориентирующая. По методам и процедурам археология — наука сугубо прикладная, она ближе всего к таким дисциплинам, как криминалистика и реставрация, когда задачи археолога сопоставляются не только с трудом реставратора, но и с работой следователя, детектива, с процедурами дознания (Клейн 1992). В этом сопоставлении Клейн совпадает с Р. Коллингвудом, что подметил Ст. Лич (2011), а М.В. Аникович и Н.И. Платонова проследили эту линию рассуждений от А.С. Лаппо-Данилевского через В.И. Равдоникаса к Клейну (Platonova, Anikovich 2011).

Л.С. Клейн (2011: 378–381) вспоминает, что, оппонировав на защите диссертации М.Е. Ткачуку, подготовившему первую постмодернистскую диссертацию в России, он был поражен, когда диссертант, возражая на

критику своего *постмодернизма*, с энтузиазмом поддержанную публикой, отвечал, что эти идеи он воспринял от Л.С. Клейна. Как признает Клейн, это побудило его проверить свои взгляды и по-новому взглянуть не только на себя, но и на постмодернизм — увидеть не только его пороки, но и заслуги. К постмодернистским идеям Клейн по зрелом размышлении отнес не только свое расслоение понятий «источники», «теория», но и свой призыв начинать типологию не с элементарных признаков, а с самых общих понятий, с восприятия культур, свой вывод об успешности тех типологий, которые основаны на «предзнании» — на предварительном выборе признаков, отягощенных культурным смыслом, а, значит, на необходимости знать этот смысл, приступая к типологизации. Многоаспектная классификация наук также тяготеет к постмодерну. Она развита в кембриджской лекции 1993 г. памяти Д. Кларка и в книге «Принципы археологии», где разработана идея диалектики принципов — они составляют не одну систему, а минимум две в оппозиции одна другой. И обе валидны (Клейн 2001).

Признание постмодернистских принципов не было у Клейна всеобщим и безоглядным. В основном он оставался на позициях критики этого подхода и не принял конструктивистского отрицания (Клейн 2014). Но собственное определение этноса у Клейна, не будучи конструктивистским, не очень далеко от него отстоит. Клейн считает этнос понятием не столько этнологии, сколько социальной психологии — это совокупность людей, связанных идеей об общем происхождении (неважно, истинной или надуманной), под которую «подверстывается» общность любых реальных признаков.

Эклектика или взаимодополнительность?

Словом, Клейн находит полезные идеи во многих философских течениях и применяет их в археологии и смежных науках, но видит ограниченность и слабости каждого из них. Логико-дедуктивный подход построения моделей не дает полноты непротиворечивого описания и объяснения, так же как и чисто эмпирическая индукция, даже дополненная количественными методами, предполагает обоснование постановки проблемы и интерпретацию результатов. Ограничен и чисто интерпретативный подход, сводящий познание к герменевтическим процедурам истолкования. Наука не сводима к чисто дискурсивным практикам, чреватых словесной эквилибристикой.

Суммируя изложенное, можно сказать, что позиция Л.С. Клейна относительно философии как мировоззре-

ния достаточно взвешенна. В любых, даже в наиболее глубоких, доказанных и хорошо установленных теориях можно найти отражения некоторых идеологических влияний, социальных мифов. Но это не означает, что наши знания полностью зависят от идеологии и что единственный выход — это выбрать хорошую идеологию для введения в науку. Наоборот, задача — в разработке средств, критериев и методов преодоления этого влияния, проверки наших заключений по фактам. Собственно, в этом сущность науки и любого знания (Клейн 2010а: 307).

Более того, Клейн отмечает, что любые четкие идеи, активно и плодотворно разрабатываемые, могут стимулировать интересные открытия вне зависимости от того, справедливы ли они. Г. Шлиман раскопал Илион и открыл неизвестную дотопле догреческую цивилизацию, искренне веруя в полную достоверность гомеровского эпоса. Г. Коссинна, исходя из глубоко ошибочных идей о совпадении культуры с этносом, а также из несостоятельного и опасного принципа «исторического права» потомков на все места обитания их далеких предков, получил весьма плодотворную постановку вопроса о соотношении культуры и этноса, об археологических критериях преемственности и миграций. Креационизм открыл наскальную живопись, которая невозможна с позиций прямолинейного позитивистски мотивированного эволюционизма.

Тут возникают резонные сомнения. Ведь получается полная эклектика в философских основаниях проповедуемой Л.С. Клейном науки. Это можно назвать плюрализмом, полифонией, диалогичностью в духе М.М. Бахтина, взаимодополнительностью, как у Н. Бора, толерантностью и еще как-то, но подсознательно не только у воспитанного в марксизме философа, привыкшего к обязательному монизму, но и у многих философов, приверженных одному, и только одному, учению, возникает ощущение столкновения с философской беспринципностью. В Клейне они под мантией теоретика видят практика, который говорит им (как и по совсем другому поводу Д. Сяопин), что «цвет кошки не важен — лишь бы она ловила мышей». Конечно, можно сказать, что разные философские учения пригодны для разных задач и методов и, более того, что в каждый период работы у Клейна была только одна философская основа, но это не совсем так: задачи нередко частично или полностью совпадали во времени, и у него можно найти увлечение сразу несколькими задачами, находящими осмысление в разных философских учениях.

Дело тут не в благотворности или порочности эклектики. Просто человек — конечное в пространстве и времени существо. И не дана ему полнота знания бес-

конечного мира. Поэтому он постигает бесконечное разнообразие мира всегда с какой-то позиции, с определенной точки зрения, в каком-то смысле. Кстати, в этом и состоит значение плюрализма как либерального принципа, признающего исходную неполноту знания и оставляющего возможность реализации различных точек зрения. Претензия на универсальность и единство всегда чревата чем-то тоталитарным. Именно отрицанием этого хороша и важна наука, построенная на конкуренции позиций, объяснений и решений. И важно, чтобы предлагаемая модель (теория) позволяла решить проблему. В этом смысл идеи П. Фейерабенда — все годится, идеи Д. Шапино — решать реальные проблемы, а не заикливаться на теоретической рамке, парадигме, каждая из которых зашоривает сознание. Так что это не эклектика и не беспринципность, а стереометричность.

Эту позицию Л.С. Клейн последовательно проводит не только в выборе философских осмыслений, но и в работе с археологическими теориями. В полемике с его второй «панорамой» теоретической археологии К. Тили, постпроцессуалист, упрекал его в том, что он почти у каждого находит и положительные, и отрицательные стороны, том числе трудно определить его «партийную» принадлежность в археологической полемике. Клейн отвечал (Klejn 1991), что он в своем обзоре и не стремился выступать всеобщим судьей и раздавать оценки и пропуска в высший класс науки.

«Что до оценки Тили, — повторял он в интервью, — <...> то я не знаю, можно ли в этом видеть недостаток обзора. Я старался заметить (и отметить) в каждой из рассматриваемых работ как их позитивный вклад, так и дефекты — не для того, чтобы выбрать золотую середину или сделать сбалансированную оценку, или чтобы соблюсти объективность, а для практической пользы моих читателей. Я видел свою роль не в том, чтобы быть судьей или рефери, а — путеводителем. Как теоретик я видел свою задачу не в раздаче оценок, а в структурировании течений и состояния проблем» (Immonen 2003: 68).

В «Истории археологической мысли» для основного периода развития науки он отверг модель парадигмы и избрал модель конкуренции нескольких археологических теорий.

Что Л.С. Клейн категорически отвергает, так это идеологическую ангажированность, претензию на тотальный универсализм — вне зависимости, исходит он от философии или из религиозного опыта, которому, будучи атеистом, он отказывает в конструктивности, как теоретической, так и экзистенциальной, включая нравственную (Клейн 2010а: 552–565).

«Пусть будет много теоретических подходов. Пусть эти теоретические подходы соревнуются как политические подходы, а не как политические доктрины. Пусть будет марксистский, структуралистский, постструктуралистский, процессуальный, постпроцессуальный и даже постмарксистский подходы. Мы имеем дело со сложными структурами, имеющими много аспектов, и есть много способов их изучения. Но все подходы должны следовать научным процедурам, соревнуясь и сотрудничая друг с другом» (Там же: 309).

Задача состоит не в том, чтобы провести, доказать некое традиционное или модное поветрие — марксизм, процессуализм, структурализм, а, исходя из основных функций теории в археологии, разработать ее инструментарий для реализации этих функций: принципы, правила, терминологию, критерии, границы...

«Я выскажу мысль, ужасную и противоестественную для марксиста, как, впрочем, и для философа. Любое философское учение может быть применено с пользой в археологии, даже ошибочное в каких-то своих частях. Слова богу, учений много. Это помогает нам познавать разнообразие мира. И коль скоро марксизм есть и мы им владеем, подумаем, как бы извлечь из его идей пользу для археологии.

«...»Благо нам теперь незачем противопоставлять марксизм другим методологиям — они все могут быть взаимодополнительны. Но незачем и перечеркивать марксизм. Просто надо, ограничивая его, осваивать и другие методологии. Мир богат для того, у кого глаза открыты» (Клейн 2012: 156).

Методология, системный подход и теория коммуникации

Показательно, что сам Л.С. Клейн связывает философию с методологией, видит в ней некое общее учение о методе, «идеологизированную методологию науки» (Клейн 2010а: 502, 548). Вся «новая археология» построена не только на критике традиционных методологических подходов, но и на применении неопозитивизма — философии науки, целиком состоящей из методологического анализа (Клейн 2009). «Новой археологии» Л. Бинфорда и Д. Кларка Клейн находит предшественников в работах Ж.-К. Гардена и М. Мальмера, опиравшихся на *неорационализм* Г. Башляра и других философов, а те восходят к учению о методе Р. Декарта (Клейн 2010а: 208; 2010б), т.е. на неких вполне определенных методологических принципах.

В современном Л.С. Клейну СССР археология понималась как часть исторической науки, понимаемой, в свою очередь, идеологически, как дисциплина, сервильная по отношению к идеологическим и политиче-

ским доктринам. И выход из таких рамок был достаточно затруднен.

В 1960-е гг., начиная с «Археологических источников» — работы, впервые опубликованной в 1978 г., — Л.С. Клейн ставил задачу развести археологию и историю («рассечь кентавра»), построить теоретическую археологию — специальную теорию специальной науки, методы которой могут выступать основой для критики исторических концепций. Традиционную для советской археологии позицию, основываясь на догматическом марксизме, защищали Ю.Н. Захарук и В.Ф. Геннинг. Оппозиция использованию археологии в политических целях толкнула Л.С. Клейна к разработке методов археологической аргументации, критериев надежности, объективности, оценке фактов, независимой от субъективных устремлений (Клейн 1978б; 1991). Простое обращение к количественным и математическим методам эту задачу не решало, что, кстати, предопределило расхождение Л.С. Клейна с В.Ф. Геннигом, увлекшимся технической разработкой системы простейших статистических формул. Высоко оценив появление руководства по *формализации* археологического исследования (Каменецкий и др. 1975), Клейн также поднял вопрос о принципах формализации археологического знания (Клейн 1977б).

Клейн не избежал и других методологических увлечений своего времени — *системного подхода*, *информационного подхода*. Этим методологическим поветриям посвящены его значительные работы. Однако из каждого такого увлечения Клейну удалось извлекать оригинальные и нетривиальные уроки. Разработав по своему классификацию систем, он пришел к выводу, что в мире много несистемных объектов и простых, слабо организованных систем. В частности, археологическая культура — не системна! (Клейн 2013а: 177 сл.). В информационном подходе к археологическим задачам Клейн нашел неиспользованный аспект: если культуру можно рассматривать как некий объем информации, то развитие культуры можно приравнять к коммуникации, только растянутой во времени. В таком случае нарушения стабильности коммуникации дадут те перемены передаваемой от поколения к поколению информации, которые мы воспринимаем как смену культур. Значит, условия, нарушающие связь, будут причинами смены культур. Остается найти эти условия в теории коммуникации, выяснить, какие культурные явления им соответствуют, и найти их математические выражения. Это был набросок общей теории смены культур или, говоря более обобщенно, эволюции культуры. Практическим ее выражением может быть «казус» появления новой погребальной обрядности: если мигра-

цию осуществляет лишь она фракция общества — молодежь, то она плохо знает погребальную обрядность (информация редко повторялась) и на новом месте не может ее точно воспроизвести.

Таким образом, Клейном развита коммуникационная теория динамики культуры (Клейн 1981; 1997а), основанная на трактовке культурно-исторического процесса как сети коммуникации, развернутой во времени, система реализации идей в материальных реалиях (артефактах).

Весь этот опыт позволил Л.С. Клейну выйти к фундаментальным методологическим обобщениям в «Археологической типологии» и «Метаархеологии» (Клейн 1991; Klejn 2001), ставшим ключевыми для современной археологии. Речь идет не только о критериях объективности исторического знания, но и о глубине археологического факта (Клейн 1999), предзнании, релятивных, условных объектах (Клейн 1991), структуре археологической теории (Клейн 1980). Этот методологический подход с учетом методологической рефлексии и контекста эпохи был развит ученым в серии работ (Клейн 1993б; 2004; 2011; 2014). Тем самым были дополнены ранние идеи о системном подходе в археологии (Klejn 1973), месте эмпиризма в современной археологии (Клейн 1977а), что получило выражение в развитой теории познания в исторической науке (Клейн 2004).

Наиболее значительный из теоретических трудов Л.С. Клейна на русском языке — «Введение в теоретическую археологию» (Клейн 2004). В параллель к метаархеологии им были введены еще два понятия: «эндоархеология» и «параархеология». Если метаархеология имеет своим предметом саму науку археологию, то эндоархеология — археологический материал, а параархеология — проблемы смежных наук, важные для археологии (этнос, исторический процесс и т.п.). Помимо собственно исторических результатов, несомненный интерес представляют предложенные и реализованные им упомянутые выше идеи логико-методологического характера, важные для понимания специфики гуманитарного знания вообще, развития его методологии как науки. Это идеи по классификации и типологии, различения истории и преистории.

Время в археологии

Так называется одна из книг Клейна, в которой подытожены работы за предшествующее десятилетие (Клейн 2005; 2013б). Клейн и в предшествующих занятиях обращался к философским категориям («культура», «общество», «функция», «параметр», «группа» и т.п.), но время — одна из труднейших философских категорий.

«Время — тот стержень, на котором держатся история и преистория. В археологическом же материале времени нет. Он дан нам в пространстве, но вне времени. С другой стороны, времени свойственно отражаться и застывать в пространственных структурах. Поэтому оно опосредованно присутствует в археологическом материале — как его пространственная структура, как порядок расположения следов в нем; оно, так сказать, закодировано в материале. Отражение времени представляется в материале системой знаков, которые нужно понять. Устанавливая связь между археологическим материалом и историей или преисторией, то есть занимаясь интерпретацией, мы вводим время в материал, опираясь на эти его структуры и последовательность следов. Это называется периодизацией и датировкой. Введение времени — это не только периодизация и датировка, это всякая мысль об изменении, движении, процессе» (Клейн 2013б).

Клейн совершенно по-новому изложил концепцию времени. Обычно время рассматривается в дихотомии, в оппозициях: циклическое / линейное или абсолютное / относительное, или биологическое / историческое и т.д. Он ликвидировал эту дихотомичность, построив развитие времени по эпохам, начиная с первобытной атемпоральности через циклическое время — обозначенное — генеалогическое — векторное и т.д. вплоть до концепции устранения времени. Каждую эпохальную концепцию времени он не только связал с определенной эпохой, но и показал, в чем она проявляется в истории и археологии.

Это позволило ему решить трудную задачу избавления от противоречий принятого в археологии деления на абсолютную и относительную датировки, которые, как оказалось, не совпадают с физическими понятиями абсолютного и относительного времени.

Антропология и персонология

В работах Клейна («Перевернутый мир», «Новая археология», авторская колонка в газете научного сообщества «Троицкий вариант») может быть отмечена еще одна ипостась философии — проблема личностного самоопределения. Для понимания его отношений и философии на этом уровне важна книга «Трудно быть Клейном» (Клейн 2010а). Ее В. Боршевич патетически охарактеризовал как «эпос-пророчество, эпос-открытие»:

«Основная проблема этой величественной во всех отношениях книги заключается в очень простом и потому трудноразрешимом вопросе: "А почему, собственно, трудно быть Клейном?" И на кой ляд, и с какой стати им нужно быть? И кому, в конце

концов, им нужно быть? Да и кто он такой, этот Клейн, чтобы им нужно было быть? отвечающий на очень простой и потому трудноразрешимый вопрос: почему трудно быть кем-то? И с какой стати надо быть кем-то? Кому это нужно? Да и кто такой этот кто-то, чтобы им нужно было быть? Вопросы такого рода на философском жаргоне принято называть "экзистенциальными", поскольку смысловым ядром является "бытие", т.е. "экзистенция"» (Боршевич 2011: 557–558).

Оставим без рассмотрения вопрос, можно ли называть клейновский способ познания в целом феноменологией (частично, пожалуй). К философии жизни некоторая причастность, видимо, есть. По сути, перед нами опыт персонодицеи — оправдания бытия личности перед предстоящим ей миром, прежде всего — миром Других, причем не только современников.

Книга важна прежде всего картиной времени — в обществе и в науке, панорамой и деталями этой картины, тем, как переплетаются и завязываются в единую ткань бытия судьбы и события, до того — разрозненные для читателя. В.Я. Пропп и Б.А. Рыбаков, Н.Я. Марр и Ролан Быков, А.Д. Александров и Тур Хейердал, В.А. Ядов и Василь Быков, околонуточные «искусствоведы в штатском». Отечественные и зарубежные ученые, известные и не очень, забытые, полузабытые и действующие политики, следователи и з/к — связываются своим присутствием в жизни Клейна активной (или не очень) ролью в ней. В этом плане книга — замечательный, если не грандиозный документ. И все эти «включенные наблюдения» профессионально щепетильно документированы, сопровождаются предметным и именным указателями. Не случайно книга вызвала множество рецензий (больше 20-ти), в подавляющем большинстве — восхищенных.

Книга важна также и отношением автора к собственной очень непростой жизни. Это и преодоление государственного антисемитизма, инициированное КГБ преследование, тюремная и лагерная школа мужества, тяжелые болезни. И все это с непрерывной персонологической рефлексией. В результате читатель получает картину, если не алгоритм, школы отстаивания свободы и достоинства, жизни отнюдь не «вопреки», а буквально по Сенеке: делай что должно, а там будь что будет. И такая школа оказывается удивительно плодотворной, доказывая, что никакая работа ума и души, вообще любая работа, любой опыт не бывают напрасны. Думается, именно эта концентрация самосознания, удержание свободы и ответственности и стали источником научной продуктивности, творческого (и не только) долголетия автора (Тульчинский 2010б).

Не только *big book* клейновских воспоминаний, но и его серия публикаций о быте и нравах в советских местах лишения свободы (Самойлов (Клейн) 1993), пребывание в которых Клейн рассматривал как своеобразную «экспедицию», фундаментальный труд о гомосексуальности (Клейн 2000; 2002) — суть обстоятельные антропологические работы.

И в высшей степени показательно, что его книга «История антропологических учений» (Клейн 2014) появилась в связи с учебным курсом, разработанным и прочитанным им именно на философском факультете Санкт-Петербургского университета, а затем — в Европейском университете в Санкт-Петербурге (инициатором создания которого он был), в Университете Вашингтона (Сиэтл, США), Институте гуманитарных наук (Любляна, Словения), Высшей Антропологической школе (Кишинев, Молдавия). И Клейн понимает антропологию в широком смысле, включающем как науку о расах и происхождении человека (физическая антропология), так и культурную, социальную антропологию, этнологию и этнографию, историческую лингвистику, социологию, социальную психологию, преисторию, и — философскую антропологию. Фактически речь идет о целом комплексе наук, нацеленных на изучение человека как социального существа с различных сторон. С позиций подобной социально-культурной антропологии история предстает как вариативность форм человеческого существования.

Более того, антропология у Л.С. Клейна предстает как персонология самоопределения — многовекторная и многоуровневая. Все коренится в личностной индивидуальности, которая выступает источником, средством и конечным результатом не только осмысления действительности, но и социальной деятельности в целом. Именно личностное сознание позволяет комбинировать вещи и понятия в каких угодно сочетаниях, в результате чего культура предстает вариативной, а не жесткой заданной системой в духе Коссинны или даже Кларка.

И свою роль играют факты личностной биографии и исторические обстоятельства. Поэтому клейновская персонология — это и вопросы профессионального самоопределения ученого, вплоть до весьма непростой этики археологии и гендерного равноправия в науке. Это и самоопределение личности в экстремальных ситуациях, и проблемы гомосексуальности, политкорректности. И отношение к старению, болезням.

Л.С. Клейн в этом автоэпосе предстает не титаническим героем, торжествующим над всем и вся — от безжалостных врагов до жестокой болезни, а современным смертным Одиссеем (Боршевич 2011), постоянно,

непрерывно противоборствующим с темным веществом существования, обволакивающим каждого из нас, принимающим многоликие образы невежества, зависти, злорадного насилия, бесстрастного обесмысливания бытия природными стихиями и медицинскими фактами. Речь идет о непрерывной борьбе личности с якобы предписанной ей судьбой за право сохранить свое неповторимое видение, понимание мира, свое лицо в потоке поколений, сохраняя свою сопричастность ему (Тульчинский 2010а).

«Для верующего уход из жизни сопряжен с переориентировкой ценностей. Перед ним — перспектива жизни его души в ином мире, и он весь поглощен подготовкой к этому трудному путешествию. Резко возрастает его изоляция от среды. Если он не был индивидуалистом, то становится им в свой последний час: что значат все земные события по сравнению с тем, к чему готовится его душа? <...>

Для атеиста, как я, все помыслы сосредоточены в этом мире. Когда твои личные перспективы резко сокращены — по возрасту или болезни <...> — мысль невольно обращается к перспективам твоего дела, твоего коллектива, твоей страны. К тому, что остается от твоей жизни, когда ты исчезаешь. <...>

В такие периоды даже сугубые индивидуалисты становятся коллективистами. И очень велико искушение нарисовать радужные перспективы — некую замену "того света" верующих. Но понимаешь, что ценными для остающихся являются не твои надежды и упования, а твой долгий жизненный опыт и по возможности трезвый взгляд» (Клейн 2010а: 576).

Литература

- Боршевич В. 2011. Феноменология Клейна // *Stratum plus* 2, 557–575.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер А.Я. 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука. 178 с.
- Клейн Л.С. 1977а. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии 1 / Отв. ред. М.И. Артамонов, Р.Ф. Итс. Л.: Изд-во ЛГУ, 13–22.
- Клейн Л.С. 1977б. Рец. на: И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А. Шер. Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода. Москва, 1975) // *СА* 3, 309–317.
- Клейн Л.С. 1978а. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ. 120 с.
- Клейн Л.С. 1978б. Проблема объективности исследования в скандинавской археологии // *ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 2.*, 48–54.
- Клейн Л.С. 1980. Структура археологической теории // *ВФ* 2, 99–115.
- Клейн Л.С. 1981. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. Сб. статей / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, 18–23.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. 448 с.
- Клейн Л.С. 1992. Методологическая природа археологии // *РА* 4, 86–96.
- Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л.С. 1996. Глядя на наше вчера (Randall McGuire. A Marxist archaeology. San Diego et al., Academic Press, 1992, 326 p.) // *Archaeologia Petropolitana* 1, 99–106.

Нечасто можно встретить честную и мужественную попытку самореализации и самоопределения, выходящего за рамки традиционных границ. Автор мемуаров предстал самодостаточной личностью, отстаивавшей свое право на автономию. Не личностью, которую можно понять через социально-исторический контекст времени, а наоборот — с помощью которой можно понять и осмыслить целую эпоху.

Отражение философских идей Клейна

Поскольку Клейн больше всего известен как археолог и антрополог, философы не сразу обратили внимание на его философские идеи, и резонанс среди философов пока незначителен, а археологи и антропологи мало интересуются философскими вопросами. Но все же философские аспекты его работ замечены (Тульчинский 2010а; 2010б; Боршевич 2011; Лич 2011).

Когда вышел сборник работ в честь 77-летия Л.С. Клейна, то он был назван «Археолог: детектив и мыслитель», чем, несомненно, подчеркивается философский аспект его творчества.

Но основной канал воздействия философских идей Клейна на науку — это, конечно, распространение и влияние его археологических и антропологических книг и статей, через которые и его философские идеи находят путь к умам.

- Клейн Л.С.* 1997а. Культурно-исторический процесс и теория коммуникации // Грани культуры. ТД 2-й междунар. конф., 4–6 ноября 1997 г. СПб.: б. и., 107–110.
- Клейн Л.С.* 1997б. Марксизм и культура: поздний роман // Метафизические исследования 4: Культура. СПб.: Алетейя, 82–91.
- Клейн Л.С.* 1999. Глубина археологического факта и проблема реконверсии // *Stratum plus* 6, 337–361.
- Клейн Л.С.* 2000. Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-Пресс. 864 с.
- Клейн Л.С.* 2001. Принципы археологии. СПб.: Бельведер. 152 с.
- Клейн Л.С.* 2002. Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Русское созвездие. СПб.: Фолио-Пресс. 656 с.
- Клейн Л.С.* 2004. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. I. Метаархеология. СПб.: Бельведер. 472 с.
- Клейн Л.С.* 2005. Концепции времени и археология. Структурно-семиотическое исследование // Структурно-семиотические исследования в археологии 2 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДНУ, 11–64.
- Клейн Л.С.* 2009. Новая археология: (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Изд-во ДНУ. 394 с. (Теоретическая археология 1).
- Клейн Л.* 2010а. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С.* 2010б. Формула Монтелиуса: Шведский рационализм в археологии Матса Мальмера. Донецк: Изд-во ДНУ. 260 с.
- Клейн Л.С.* 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПбГУ. 626 с.
- Клейн Л.С.* 2013а. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк: Изд-во ДНУ. 600 с.
- Клейн Л.С.* 2013б. Время в археологии. СПб.: Евразия. 382 с.
- Клейн Л.С.* 2014. История антропологических учений. СПб.: Изд-во СПбГУ. 744 с.
- Лич Ст.* 2011. Археолог и детектив: от Ленинграда до Сент-Мери Мид // РАЕ 1, 70–72.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.).* 1993. Перевернутый мир. СПб.: Фарн. 224 с.
- Тульчинский Г.Л.* 2010а. Книга о выносимой трудности бытия. Л.С. Клейн. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010 // Знамя 5.
- Тульчинский Г.Л.* 2010б. Книга о труде быть // Философские науки 2, 53–55.
- Immonen V.* 2003. The stratigraphy of a life. An archaeological interview with Leo Klejn // *Archaeological dialogues* 10/1, 57–76.
- Klejn L.S.* 1973. Marxism, the Systemic approach, and archaeology // *Explanation of culture change: Models in prehistory* / Ed. C. Renfrew. London: Duckworth, 691–710.
- Klejn L.S.* 1991. A Russian lesson for theoretical archaeology: a reply // *Fennoscandia Archaeologica* VIII, 67–71.
- Klejn L.S.* 2001. Metaarchaeology. København: Munksgaard. 150 p. (*Acta Archaeologica* 72/1, suppl. III).
- Klejn L.S.* 2012. *Soviet Archaeology: Trends, Schools, and History*. Corby: Oxford University Press. 456 p. (*Oxford Studies in the History of Archaeology*).
- Platonova N., Anikovich M.* 2011. Debating the nature of historical sources: A.S. Lappo-Danilevsky, R.R. Collingwood, L.S. Klejn // Central TAG Birmingham. The 33rd Annual Meeting Panel: Debating principles of archaeological interpretation: An examination of the work of Leo S. Klejn / Org. L. Lozny, S. Leach. URL: <https://centraltag.wordpress.com/call-for-papers/debating-principles-of-archaeological-interpretation-an-examination-of-the-work-of-leo-s-klejn/>. Дата доступа 07.04.2020.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПУБЛИЦИСТИКА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ. ЖИЗНЬ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ШКОЛА КЛЕЙНА

С.А. Васильев¹

Субъективное вступление

Мне очень приятно, что редакция предложила мне охарактеризовать Л.С. Клейна как преподавателя. Мои краткие заметки носят неизбежно субъективный характер и представляют собой скорее обрывки воспоминаний о студенческих годах, чем связное изложение хронологии и сущности преподавательской деятельности Л.С. Клейна в стенах университета. Сразу скажу, что я никогда не относился к непосредственным ученикам Л.С. Клейна. Та специфическая область археологии, которой я занимаюсь (палеолит), находится вне сферы научных интересов Л.С. Клейна. Кроме того, особенности изучения древнекаменного века, этой в большей степени естественно-научной, чем гуманитарной отрасли, неизбежно отдалают от его теоретических построений, нацеленных на совершенствование традиционной культурно-исторической археологии. Так, дискуссии об определении археологической культуры или вопросы изучения этногенеза по археологическим данным, столь занимавшие Л.С. Клейна, лежат на периферии археологии палеолита или вообще ее не касаются. Но, как и все выпускники кафедры археологии ЛГУ, я очень многим обязан Л.С. Клейну, и эти строки являются выражением глубокой признательности.

На мой взгляд, именно в преподавательской деятельности заключен основной вклад Л.С. Клейна в археологию. Это почти идеальный университетский профессор — фигура крайне редкая для нашей археологии, где большая часть деятельности сосредоточена не в высшей школе, а в системе отделившейся от университетов Академии наук. У нас много тонких полевиков, прекрасных талантливых исследователей, замечательных музейных работников. А вот преподавателей, увлеченных своим делом, а не рассматривающих работу со студентами в качестве неизбежной обременительной нагрузки к занятиям наукой, до обидного мало.

Ленинградская система преподавания археологии

Невозможно рассматривать вклад Л.С. Клейна вне контекста университетской археологии 1960–70-х гг. времени расцвета. Интересно, что в организационном плане вся ленинградская (ныне петербургская) археология создана одним человеком — М.И. Артамоновым. Именно он оформил в довоенные годы структуру нынешнего ИИМКа, заложил основы эрмитажной и университетской археологии. Разработанная под его руководством система преподавания была очень четко продумана и логически построена. Недаром впоследствии и я, к немалому для себя удивлению, обнаруживал массу сходств в организации учебной программы в Ленинграде и ведущих центрах европейской археологии, там, где археология преподается в широком диапазоне, охватывающем все области нашей науки (Кембридж, Париж-1).

«Когда в начале 70-х в ГДР задумали провести реформу археологического образования, решено было изучить советский опыт, и мне заказали сделать для немецкого журнала описание системы археологического образования, принятой в СССР, сосредоточившись в основном на постановке этого дела в Ленинградском университете. Выбор образца был не случаен. Центр археологической науки был лишь в конце войны перемещен из Ленинграда в Москву, центр образования тоже, но лидерство в образовании еще надолго фактически оставалось за Ленинградом. Так, после очередной всесоюзной конференции студентов-археологов, состоявшейся в 1962 г. в Ленинграде, некоторые студенты-москвичи, увидев воочию, насколько ленинградское образование интенсивнее московского, подали заявления о переводе из Московского университета в Ленинградский» (Клейн 2005).

Специализация по археологии шла с 1-го курса, начиная с вводного курса «Введение в специальность». Тогда же начинались практические занятия, где учили

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
Адрес электронной почты: sergevas@av2791.spb.edu.

рисовать кремль и керамику, а также осваивали фотодело. От студента кафедры на каждом курсе требовалось представить курсовую работу по специальности, оформленную по всем правилам научной работы.

В основе преподавания лежала линейка базовых курсов, последовательно охватывающих все области археологии в хронологическом порядке («Палеолит», «Неолит», «Энеолит», «Бронзовый век», «Железный век», «Античная археология», «Скифо-сарматская археология», «Славянская археология», «Археология финно-угров»), которая дополнялась региональными («Археология Сибири», «Археология Кавказа», «Археология Средней Азии», «Античные города Северного Причерноморья», «Археология славянских и балканских стран») и тематическими («Первобытное искусство», «Методы естественных наук в археологии», «Статистико-комбинаторные методы в археологии», «Трасология») курсами. Особый блок образовывали курсы лекций по смежным дисциплинам («Этнография», «Антропология», «Палеозоология», «Четвертичная геология»), каждый из которых читался с упором на взаимодействие этих наук с археологией. Нельзя не отметить курсы «История отечественной археологии» и «История археологических знаний». С практической стороны дела, помимо обязательных ежегодных экспедиций, знакомили курсы «Полевая археология», «Основные принципы археологической фиксации», «Охрана памятников». Библиотечные, музейные и архивные практики также проходили в стенах археологических учреждений. На старших курсах лекции дополнялись спецкурсами и спецсеминарами по выбору.

Свято соблюдался принцип — все курсы должны были читать лучшие в Ленинграде специалисты. Поскольку состав кафедры был ограничен (в мое время там работало несколько человек: А.Д. Столяр, Т.Д. Белановская, Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, А.В. Давыдова, В.А. Булкин, И.В. Дубов), то основная масса лекторов привлекалась из числа сотрудников ЛОИА и Эрмитажа. Чтобы представить себе уровень тогдашнего преподавания, достаточно просто перечислить имена М.П. Грязнова, Б.Б. Пиотровского, П.И. Борисковского, Я.А. Шера, В.М. Массона, И.Н. Хлопина, А.Н. Щеглова, П.М. Долуханова, Н.Д. Праслова, Г.П. Григорьева, Д.А. Мачинского, И.И. Гохмана, а раньше еще и В.И. Равдоникаса, М.К. Каргера, С.Н. Бибикова, М.М. Дьяконова, А.Н. Бернштама.

Подобная организация, прямо противоречащая всем мыслимым и немыслимым инструкциям Министерства высшего образования (напомню, что тогда, как, увы, и сейчас, археология не выделялась в особую специальность, а существовала на птичьих правах специализации при истории), была возможна только бла-

годаря кипучей энергии и независимой позиции столь крупного деятеля отечественной науки, как М.И. Артамонов.

Стоит ли говорить, что такой «островок свободы» в тоскливые застойные годы привлекал внимание интересующихся археологией молодых людей из различных городов и республик страны. Каждая группа лишь наполовину состояла из поступивших на 1-й курс студентов; вторую половину составляли слушатели, переведенные из других университетов и институтов, как правило, по рекомендации их научных руководителей, заинтересованных в том, чтобы ученики получили лучшее в Союзе археологическое образование. Такие слушатели были уже четко сориентированы в профессиональном плане и имели богатый опыт полевой работы.

Эта живая деятельность вызывала неизменное раздражение со стороны руководства «идеологического» истфака и университета (который, напомню, носил тогда имя А.А. Жданова — не Галилео Галилея!). За исключением занятий по специальности на кафедрах, преподавание на факультете сводилось к набору бесконечно повторяющихся и подаваемых под разным соусом курсов марксизма-ленинизма и скучнейших общесторических лекций, которые преподаватели уныло читали по не меняющимся десятилетиями бумажкам. Исключения были, но крайне редко.

Курсы Клейна

Каковы же были основные курсы, читавшиеся Л.С. Клейном? Прежде всего, это его главный цикл лекций «Археология бронзового века». Принципиальным решением М.И. Артамонова было построение любого курса на базе западноевропейской археологии как исторически сложившейся основы знаний о прошлом. Это было очень важное решение. Я всегда считал и считаю, что если человек знает французскую археологию палеолита, то он без труда разберется с палеолитом любой эпохи и территории. А если не знает, то увы... Так, в центре внимания курса по палеолиту была опорная французская стратиграфическая колонка, курс лекций по неолиту строился на базе ранних земледельческих культур Балкан, а изложение материалов по железному веку начиналось с гальштатта Центральной Европы. Считалось, что данные о древних культурах на советской территории заинтересованный студент сам усвоит в случае надобности из легко доступной русской литературы, а задача лектора дать представление об основах зарубежной археологии. Недаром в качестве основного учебного пособия выступали не стандартные

советские писания Д.А. Авдусина и А.И. Мартынова, а великолепный двухтомник А.Л. Монгайта (Монгайт 1973; 1974). Лекции Л.С. Клейна по эпохе бронзы начинались с детального анализа колонки Эгейского мира и Трои, затем переходя к культурам и памятникам Центральной и Северной Европы.

Далее привлекал внимание курс «История мировой археологии», понимаемой не как последовательность полевых открытий и публикаций, а как история смены подходов к изучению далекого прошлого. Такая постановка дела давала слушателям наглядное представление не только о концепциях исследователей былого времени, но и о современном состоянии зарубежной науки во всем многоцветье направлений и школ. Это обстоятельство я в полной мере сумел оценить в дальнейшем, во время своих поездок, когда Л. Бинфорд, Я. Ходдер, Е. Неуступный и другие ученые, о которых так много говорил Л.С. Клейн, предстали не как авторы книжек, а как живые люди, с которыми мне посчастливилось обсуждать проблемы нашей науки. Недавно расширенное издание курса опубликовано в виде двухтомника (Клейн 2011).

Отмечу курс, посвященный вопросам организации кабинетной археологической работы, включая подробный анализ методологических основ нашей науки (Клейн 2012–2013). Большой интерес у студентов вызывал курс «Введение в археологию», построенный Л.С. Клейном чрезвычайно оригинально, отправляясь от неожиданной связи археологии с актуальными проблемами современности. Это был не хронологический обзор памятников и культур (как у А.В. Арциховского и других), а систематическое обозрение науки. Очень жаль, что до сих пор этот курс не нашел отражения на печатных страницах.

Особую роль в нашей судьбе сыграл небольшой курс «Техника научной работы». Л.С. Клейн, будучи куратором нашей группы, прочитал его на 1-м курсе «на общественных началах», без официального оформления. Дело в том, что мы только что получили темы курсовых работ, но не имели малейшего понятия, как это делается, и обратились к Л.С. Клейну за помощью. Он кратко и четко изложил нам основные приемы научной работы: построение текста, стиль и манера изложения, различные системы библиографии и ссылок на архивные материалы, правила оформления иллюстративного материала и таблиц, вплоть до того, кого и как надо благодарить. Эти уроки запомнились на всю жизнь и в колоссальной мере облегчили нам дальнейшую работу в науке. Как часто, имея дело с нынешними аспирантами и соискателями, мне приходится сталкиваться с незнанием элементарных приемов оформления науч-

ной статьи, вещей, которые мы, благодаря Л.С. Клейну, усвоили с 1-го курса².

Лекторский стиль Клейна

Стоит сказать несколько слов о стиле и манере преподавания Л.С. Клейна. Он не был блестящим лектором, лектором-артистом, завораживающим аудиторию, подобно Д.А. Мачинскому. Читал Л.С. Клейн академично, сухо, по написанным планам, наброскам и карточкам с цитатами. Отрывался от бумажек, чтобы разъяснить сложные детали, пошутить или чтобы начертить на доске схему (Л.С. Клейн был великолепным рисовальщиком!), или продемонстрировать картинки. Сегодняшнему студенту, привыкшему к красочным лекциям-презентациям с массой визуальных эффектов, трудно представить почти полное отсутствие в ту эпоху технических средств, особенно важных для курсов по археологии, связанных с необходимостью наглядного показа памятников и находок. Даже доступ к элементарным множительным аппаратам был затруднен. Поэтому Л.С. Клейн готовил зарисовки вещей на листочках, которые студенты копировали в свои конспекты.

Четкость логики изложения, предельная отточенность формулировок, прекрасное владение материалом заставляли слушателей не отрываясь следить за речью лектора. В конце курса вместо сдачи экзамена или зачета Л.С. Клейн предлагал студентам представить небольшие рефераты по теме лекций. Такая манера, гораздо более эффективная в плане постижения основной проблематики предмета, чем простое заучивание вопросов перед экзаменом (с неизбежным столь же быстрым забыванием), была тогда необычной для нашей высшей школы, но является стандартным приемом оценки слушателей в западных университетах.

Проблемные семинары

Наконец, говоря о Л.С. Клейне, невозможно обойти стороной его семинарские занятия. Семинары меняли названия в разные годы, но основное содержание оставалось тем же. На семинарах обычно выступали студенты старших курсов, порой приглашенные докладчики, иногда сам Л.С. Клейн (он любил «обкатывать» на студенческой аудитории будущие статьи). Несмотря на разницу в тематике докладов, в центре внимания неизменно находились вопросы связи методологии, общих

² Нужно отметить, что работа Л.С. Клейна с молодежью начиналась еще до поступления на кафедру. Придавая огромное значение отбору будущих студентов, он руководил школьным кружком, из которого вышло немало нынешних археологов, включая автора этих строк (см. Клейн 1999).

положений с конкретными исследованиями. Каждый раз, проводя семинар, Л.С. Клейн давал присутствующим мастер-класс научной дискуссии, показывая, как следует анализировать выступление, ставить вопросы, улавливать слабые стороны в аргументации оппонента, критиковать, не задевая самолюбия докладчика. Эти уроки оченьгодились нам в дальнейшей жизни. Для семинаров была свойственна какая-то удивительная атмосфера свободного творчества, совместного поиска истины. Помню, что занятия иногда заканчивались с появлением уборщицы, объявлявшей о закрытии здания университета. И после этого мы шли по ночной набережной, продолжая споры.

В сущности говоря, на семинарах мы получили от Л.С. Клейна главный урок, без которого невозможно занятие наукой. Он помогал понять, что наука не представляет собой набор неких неизменных истин, механически передаваемых, как пакет, от учителя к ученику. Нет, это живое, меняющееся явление, постоянно переформирующееся и трансформирующее прошлые положения, процесс, внести вклад в который, пусть скромный, может даже начинающий исследователь.

Вопрос о преемственности

Увы, это «пиршество духа» продолжалось в историческом плане недолго. Основной состав кафедры оформился под руководством М.И. Артамонова в 1960-е гг. После кончины «фельдмаршала» в 1972 г. деятельность кафедры некоторое время осуществлялась по инерции (вообще системы преподавания очень инерционны, в данном случае — к счастью!); затем постепенно, шаг за шагом, программа специализации под давлением руководства факультета сокращалась. С начала 1980-х гг. после ареста Л.С. Клейна и ухода Г.С. Лебедева кафедра начала приобретать ее нынешний вид. Окончательно добил сложившуюся систему административный запрет на привлечение к преподаванию «почасовиков» — ведущих специалистов из Эрмитажа и ИИМКа.

Правда, была еще «вторая попытка». После длительного перерыва, в конце 1990-х гг. Л.С. Клейну удалось на короткое время возродить свой семинар, уже в стенах Европейского университета в Санкт-Петербурге. Мечтой Л.С. Клейна было создание здесь альтернативной кафедры, основанной на привлечении к преподаванию лучших специалистов города. В принципе собрать подобный коллектив и организовать не уступающую европейским центрам кафедру тогда было возможно. Первые семинары, посвященные сравнительному анализу особенностей техники полевой археологии у нас в стране и на Западе, собирали наиболее активную часть археологов.

Учитывая специфику Европейского университета (подготовка высококвалифицированных кадров на аспирантском уровне с упором на индивидуальную работу), в этом случае появился бы жизненно необходимый резервуар для обновления сильно постаревшего кадрового состава института и Эрмитажа. Увы, тогдашнее руководство университета не проявило интереса к подобной инициативе, и семинар Л.С. Клейна тихо сошел на нет. На мой взгляд, в исторической перспективе эта неудача представляет собой самое печальное событие в петербургской археологии последних десятилетий.

Школа Клейна

Второй вопрос, вынесенный в заглавие данного раздела, — «Школа Клейна». Что это, определить сложно (ср. Клейн 2011), особенно мне как палеолитчику, далекому от реалий археологии эпохи бронзы и славян.

Сам Л.С. Клейн, разбирая высказывания о «школе Клейна», в своих мемуарах написал:

«Для меня все разговоры о том, есть ли "школа Клейна" или нет, сводятся к двум вопросам: заложил ли я некую научную традицию, отличающуюся от других, и есть ли у меня ученики, в чем-то существенно продолжающие эту традицию. <...> Много ли у меня учеников? С одной стороны, много: ведь я преподавал два десятилетия в университете, потом ездил с лекциями лет десять по лучшим университетам мира, писал учебники. С другой стороны, мало: я ведь во время преподавания на кафедре археологии не имел высоких званий, поэтому мог осуществлять руководство курсовыми [и дипломными] работами студентов, но не диссертациями аспирантов» (Клейн 2010: 582).

В принципе все выпускники кафедры археологии ЛГУ 1960–70-х гг. в той или иной мере испытали влияние личности Л.С. Клейна, хотя немногие активно используют его построения в конкретной работе. Есть некий «ближний круг», исследователи, прямо развивающие тематику и идеи Л.С. Клейна. Прежде всего, это В.С. Бочкарев, подхвативший эстафету преподавания археологии бронзового века после ареста Л.С. Клейна. Конечно, следует назвать работавших на кафедре Г.С. Лебедева, В.А. Булкина и И.В. Дубова. Особо отметим роль столь блестящего исследователя раннего железного века и главы собственной школы, как М.Б. Шукин. В числе ближайших учеников Л.С. Клейна лидер молдавской археологии В.А. Дергачев. Стоит перечислить имена других активных участников клейновских семинаров, посвятивших себя различным областям археологии — каменному веку (Е.М. Колпаков, Л.Б. Вишняцкий), бронзовому веку Кавказа (Ю.Ю. Пиотровский, А.Д. Резепкин,

А.М. Бианки, В.А. Трифонов, Е.В. Избицер, В.Я. Стеганцева), сибирским древностям (А.В. Виноградов, Н.А. Боковенко, А.А. Ковалев, Ф.Р. Балонов), славянской тематике (В.П. Петренко, В.А. Назаренко, Ю.М. Лесман, С.В. Белецкий, О.А. Щеглова).

Подведем итоги. В результате многолетних усилий Л.С. Клейна в Санкт-Петербурге сложилось поколение

археологов, получивших образование на уровне ведущих европейских университетов и занимающих ныне заметные позиции в различных подразделениях ИИМКа и Эрмитажа. К сожалению, преемственности в традициях преподавания на таком уровне сохранить не удалось, и это обстоятельство еще долго будет сказываться на подготовке кадров.

Литература

- Клейн Л.С.* 1999. Мемуар о работе в археологическом кружке исторического факультета Ленинградского университета // Аничковский Вестник 11 (Ассоциации ученических научных обществ «Аничков дворец»). Античная религия и философия, 91–96.
- Клейн Л.С.* 2005. Обучение археологии в Петербурге: традиции и проблемы // АФ 3, 38–58.
- Клейн Л.* 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С.* 2011. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 + 626 с.
- Клейн Л.С.* 2012–2013. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1–2. Донецк: Изд-во ДНУ. 623 + 600 с. (Теоретическая археология 3 (в двух книгах)).
- Монгайт А.Л.* 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука. 368 с.
- Монгайт А.Л.* 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука. 428 с.

КЛЕЙН — ПУБЛИЦИСТ

А.М. Ельяшевич¹

Большой энциклопедический словарь содержит следующее определение публицистики: «Род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни». Лев Самуилович Клейн — археолог. Его, казалось бы, должна в большей степени интересовать не текущая жизнь, а жизнь прежних поколений. Однако стремление понять настоящее, и не только понять, но и донести понятое им до читателей, ярко проявилось у него еще в юности и сохранилось на всю жизнь. В публицистике есть много жанров.

В библиографии Л.С. Клейна насчитывается более 200 статей в газетах и ненаучных журналах, 20 интервью, около 100 рецензий, около 100 статей в интернете. Хотя ни одну из своих статей он не называл очерком, в списке работ изданная в Германии книга «Verkehrte Welt» («Перевернутый мир») определена им как составленная «из журнальных очерков-статей 1988–1990 гг.» (Klejn 1991). А его книга «История российской археологии: учения, школы и личности» (Клейн 2014а) содержит биографии 25 дореволюционных археологов и 35 археологов советской эпохи, сгруппированных по той роли, которую они сыграли в истории науки: пионеры, основатели, корифеи, открыватели, классики, спорные фигуры, передатчики традиции, зачинатели «марксистской археологии», искатели национальных корней, раздвигатели горизонтов, мастера, неконформисты. Эти биографии представляют собой именно очерки, что было отмечено в откликах на две биографии: «Вероучитель и художник в роли археолога. Н.К. Рерих» (спорная фигура) и «Labete noire постсоветской археологии А.А. Формозов» (неконформист).

Особенностью публицистического стиля Л.С. Клейна, характерного и для его научных публикаций, является образность и оригинальность заголовков, острая полемичность, злободневность поставленных

вопросов, что вызывает много откликов и рецензий (более тысячи ссылок на них приведены в его библиографии). В статье в «Википедии» утверждается, что публицистика всегда субъективна. Л.С. Клейн стремился убедительно обосновать свою точку зрения фактами, но полностью избежать субъективности при огромном разнообразии обсуждаемых им тем невозможно. Это давало повод для острой критики, хотя часто авторы критических откликов не приводили фактов в защиту своей точки зрения.

Советский период до перестройки

Во время эвакуации в Йошкар-Олу Л.С. Клейн участвовал в издании школьной стенгазеты «ПУП» («Подпольный Усмиритель Педагогов»), а позднее — в выпуске рукописного журнала «Прометей» с вольнолюбивыми статьями и стихами (Клейн 2010: 27). Только по исключительному везению, вызванному страхом местного начальства получить от московских шефов наказание за несвоевременное разоблачение антисоветской деятельности, это не привело к репрессиям, которые применялись в Советском Союзе к детям и более младшего возраста.

В 1949 году Л.С. Клейн, студент Ленинградского государственного университета, отправил в газету «Правда» статью с критикой учения Н.Я. Марра, считавшегося тогда непререкаемым авторитетом. Статья напечатана не была, а за выступление против марризма ему грозило исключение из комсомола. Спасла его появившаяся в 1950 г. статья И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой вождь подверг учение Марра уничтожающей критике (Там же: 47–51).

В мае 1959 г. в газете «Ленинградский университет» появилась первая публицистическая работа Л.С. Клейна — статья с пророческим названием «Нужна коренная перестройка» (Клейн 1959а). В том же году в этой газете была напечатана еще одна его статья: «СНО — быть или не быть?» (Клейн 1959б), а через три года в двух номерах этой газеты появилась его

¹ Россия, Санкт-Петербург. Профессор, доктор физико-математических наук. Адрес электронной почты: aldoin2@yandex.ru.

статья «Охота на львов. Специальность или специализация?» (Клейн 1962а; 1962б).

После публикации в журнале «Нева» статьи «Археология сегодня и завтра» (Клейн 1961) Л.С. Клейн в те годы регулярно печатается в научно-популярных журналах «Природа» (Клейн 1962в; 1966а; 1966б; 1968а; 1968б), «Вокруг света» (Клейн 1962г), «Знание — сила» (Клейн 1967а; 1970а; 1970б; 1971), «Юность» (Клейн 1967б). Как видно из образных названий перечисленных статей, основная их тема — связь археологии с другими науками, прежде всего с физикой и криминалистикой. Подход, который сейчас называют междисциплинарным (правильнее его назвать полидисциплинарным или мультидисциплинарным), был свойствен научной деятельности Л.С. Клейна с самого начала. Затем в публикации научно-популярных статей последовал почти 10-летний перерыв, зато в предшествующие перестройке 1984–1987 гг. в журнале «Знание — сила» появились пять его статей (Клейн 1984; 1985; 1986а; 1986б; 1987).

Перестройка

В годы перестройки, начавшейся в 1987 г. и завершившейся в 1991 г. распадом Советского Союза, по напечатанным в журнале «Нева» его статьям (Самойлов (Клейн) 1988; 1989; 1990а; 1991) собирались митинги. За первую из них, «Правосудие и два креста», посвященную тюремному и лагерному периоду в жизни Л.С. Клейна, ему была присуждена медаль «Публикация года». Приведу некоторые из откликов читателей: «Спасибо автору за гражданскую позицию. Она вполне тянет на медаль "За отвагу"» (Е.К. Смирнов, Сочи). «Не перевелась еще земля наша светлыми и поистине великими умами» (Ю.Г. Сибирь). «Спасибо за публикацию. <...> Талант и правда на 15 страницах показали больше, чем тонны наших газет...» (М.В. Лысенко). «Спасибо <...> за жуткую правду, за смелость» (К. Всесвятский, Москва).

Становится актуальной тема религии, и в журнале «Знание — сила» появляется статья «Христианство на Руси (круглый стол)» (Клейн и др. 1988). Тюремную-лагерную тему Л.С. Клейн продолжает статьей «Ад глазами француза», напечатанной в том же журнале (Самойлов (Клейн) 1990б). На закате перестройки он печатает короткие заметки в газетах (Клейн 1990; 1991) и статью в журнале «Нева», содержащую «Горькие мысли "привередливого рецензента" ...» о ставшем модным учении Льва Гумилёва (Клейн 1992). Публикуется также ряд газетных и журнальных интервью.

В 1993 г. у Л.С. Клейна наступает перерыв в публицистической деятельности, продлившийся вплоть

до 2003 г., прерывавшийся лишь статьей «Портрет Дориана Грея... без портрета», напечатанной в газете «Смена» (Самойлов (Клейн) 1998), и несколькими интервью. В эти годы он, ставший выездным, преподавал в зарубежных университетах Англии, Германии, Австрии, Дании, Словении, Финляндии и США, выступал с докладами и лекциями во многих научных центрах Европы. Поэтому на публицистическую деятельность времени у него практически не оставалось.

После перестройки

15 августа 2003 г. неожиданно ушел из жизни в возрасте менее 60 лет археолог, доктор исторических наук Глеб Сергеевич Лебедев — один из талантливейших учеников Л.С. Клейна. Некролог о нем Л.С. Клейн публикует 19 августа в газете «Коммерсант». Этот некролог, опубликованный на следующий день и в газете «Невское время», а затем и в других изданиях, написан с такой болью в сердце, что при его чтении на глаза наворачиваются слезы (Клейн 2003а; 2003б; 2003в; 2003г; 2003д).

В 2004–2005 гг. Л.С. Клейн публикует статьи на самые разные темы в «Независимой газете» (Клейн 2004а; 2004б), журналах «Новый мир искусства» (Клейн 2004в; 2004г; 2005а; 2005б) и «Развитие личности» (Клейн 2005в; 2005г; 2005д).

В 2006 г. в журнале «Звезда» (Клейн 2006а) и в сокращенном виде в «Новой газете» (Клейн 2006б) Л.С. Клейн публикует статью «Диагноз». Статья, написанная 79-летним ученым, страдавшим раком с метастазами в позвоночнике и считавшим, что жить ему осталось недолго, содержит глубокий анализ сложившейся тогда в России политической ситуации. В ней содержится предупреждение об опасности русского национализма и с научной основательностью убедительно доказывается, что лозунг «Россия для русских» — путь к «России без русских». А заканчивается статья пронзительным признанием, которое никого не может оставить равнодушным: *«Мне предстоит умереть. Но я хотел бы умереть в сознании, что страна будет жить счастливо и достойно».*

Статья «Диагноз» завершает вышедшую в 2010 г. книгу Клейна «Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах» (Клейн 2010). А начинается эта книга, которую с полным основанием можно считать публицистическим произведением, притом сугубо оригинальным, с беседы автора с издателем С.Э. Эрлихом, состоявшейся в 2005 г. В этой беседе Л.С. Клейн объясняет занятостью свой отказ написать мемуары и предлагает издать книгу, составленную из отрывков жур-

нальных и газетных интервью, статей, писем и других подобных материалов.

Колонка Клейна в «Троицком варианте»

С 2008 г. публицистическая деятельность Л.С. Клейна стала чрезвычайно активной. Он начал регулярно публиковать статьи в газете «Троицкий вариант» — рупоре передовой части российского научного сообщества. Первая его заметка была напечатана в этой газете 29 апреля 2009 г. (Клейн 2008а) и содержала чрезвычайно высокую оценку творчества братьев Стругацких. Вместе с заметками других ученых она вошла в материал «Стругацкие — это наше всё», посвященный 75-летию Бориса Стругацкого. В мае 2009 г. появился раздел «Колонка Клейна», и в течение всего года в каждом номере газеты, выходящей один раз в две недели, появлялась статья Л.С. Клейна, а в 6 номерах по две статьи². Всего с 2008 по 2016 г. в «Троицком варианте» появилось более 160 его публикаций, посвященных самым разным темам, причем не все его статьи были приняты — некоторые показались редакции газеты слишком острыми.

Часть статей, напечатанных в газете «Троицкий вариант», Л.С. Клейн собрал в книге «Муки науки» (Клейн 2017), в которую вошли также несколько неопубликованных статей. К некоторым статьям он дал современный комментарий. Книга состоит из 13 глав. Первую главу он озаглавил «Наука и власть». В том, что эта тема является сейчас самой актуальной, едва ли можно сомневаться. Первая статья на эту тему «Экспертиза разумности» была написана еще в октябре 2008 г., но опубликована не была. Приведу первый абзац этой статьи, который как нельзя лучше описывает отношение к науке в России:

«У нас есть один нечаянный гений — это Черномырдин. Он то и дело произвольно выдавал гениальные афоризмы. Самый классный из них: "Хотели как лучше, а получилось как всегда".

В нашей жизни остро не хватает научного подхода: сначала делаем дело (поворачиваем реки, меняем экономику отсталых народов, усиливаем вертикаль власти), а потом думаем. В основном над тем, почему "получается как всегда". Почему реки затопляют самые плодородные земли, отсталые народы спиваются, а из-под вертикали власти вылезает гидра коррупции. Проблема научной экспертизы — одна из тех, где наука прямо соприкасается с задачами общества, с его выживанием» (Там же).

Обсуждая тему независимой научной экспертизы, Л.С. Клейн приходит к выводу о том, что «потребителя-

ми» группы независимых экспертов будут СМИ. Как он отметил в добавлении к этой статье, сделанном в 2015 г., это предвидение оправдалось. Самым ярким примером эффективности такой экспертизы является деятельность «Диссернета».

Не менее злободневна и тема второй статьи, опубликованной в 2009 г., «Возвышение Европы и притяжения Евразии» (Клейн 2008б), начинающейся фразой:

«Без нормального общения между странами наука развиваться не может» (Там же).

Очень актуальны и другие статьи первой главы, но особо хочу отметить статью «Язык сфинксов, или Мысли между строк» (Клейн 2017: 15), напечатанную еще в 1993 г. в виде главы в книге «Феномен советской археологии» (Клейн 1993), в которой описывается применявшиеся учеными в СССР 12 способов обойти бдительную цензуру. Приведу названия этих способов: 1. Фигура умолчания. 2. Выплата дани. 3. Неожиданные пробелы. 4. Лукавый талмудизм. 5. Безымянная цель. 6. Жаркое под шубой. 7. Подмена мишени. 8. Обстрел через прошлое. 9. Обходной маневр. 10. Истовость Швейка. 11. Показ под предлогом критики. 12. Подражание соцреализму. Заканчивает же публикацию этой статьи Л.С. Клейн следующим грустным комментарием:

«Описывая в 1993 г. приемы чтения между строк, я отметил, что это — исчезающее искусство. Слава богу, исчезающее. В России. Но, писал я, кажется, в некоторых отделившихся частях бывшего Союза описанный здесь опыт еще может пригодиться. Боюсь, что этот прогноз был преждевременно оптимистичным. С тех пор условия сильно изменились, и, кажется, приближаются времена, когда и здесь "ужасному языку сфинксов" придется обучаться заново, а эту мою статью будут внимательно изучать в цензурных комитетах» (Там же).

Приведу названия остальных глав книги: II. Разгром Академии. III. Money, money, money... IV. Образование и культура. V. Brain drain. VI. Ученый и публикации. VII. Наука и публика. VIII. Научная этика. IX. Историческая перспектива. X. Этничность. XI. Личное.

Неслучайно за главой «Наука и власть» идет глава «Разгром Академии». То, что происходит с Российской академией наук в последние годы, другим словом назвать нельзя. Открывается эта глава ответами Л.С. Клейна в мае 2008 г. на заданные редакцией «Троицкого варианта» вопросы: «Нужна ли России Академия наук?», «Какая Академия наук нужна России?», «Какие реформы нужны РАН?», «Какие самые серьезные проблемы стоят перед РАН?». Его ответы на эти вопросы, содержащие нелюбимую критику положения дел в РАН и вывод о необходимости проведения ее

² В настоящей работе даны ссылки на статьи Л.С. Клейна в «Троицком варианте», которые упоминаются отдельно.

реформирования, заканчиваются следующим предупреждением, сбывшемся на 100 %:

«Конечно, проводить такие реформы нужно очень осторожно и продуманно, подготовив условия для работы по-новому, чтобы не навредить — не разрушить работающие коллективы, не заменить их мертворожденными чиновничьими изобретениями. Чтобы не вышло по синдрому Чернобырдина. А то ведь наши правители обрадуются еще одной возможности сэкономить на науке: деньги от Академии отнимут, а в университеты их не передадут. Пусть на новую парадную форму для армии и на умножение "тополей"» (Там же).

В каждой из следующих глав, как видно из их названий, обсуждаются актуальные проблемы российской науки, и в каждой из них содержится и глубокий анализ этих проблем, предлагаются хорошо аргументированные пути их разрешения, которые в большинстве случаев, к сожалению, очень трудно реализовать в современных условиях, т.к. они требуют коренных изменений не только в государственной политике, но и в головах многих россиян, включая ученых.

Итог теме книги и в какой-то степени всей публицистической деятельности Л.С. Клейна подведен в последней главе «Личное». Начинается она параграфом «Итоговый обзор», содержащим интервью, опубликованное в интернетной Газете.ру. В этом интервью он отвечает на разные вопросы: и о путях сохранения культурного наследия, и о будущем гуманитарных наук конкретно у нас стране и в мире в целом.

В 2015 г. в «Троицком варианте» были напечатаны 12 статей Л.С. Клейна. В двух из них, «Знатные предки» (Клейн 2015а) и «На каком языке говорили трипольцы?» (Клейн 2015б), он возвращается к теме ложного патриотизма, заключающегося в старании «ученых-патриотов» доказать как можно более древнее происхождение культуры своего народа, используя при этом археологические источники. Это явление характерно для представителей самых разных национальностей.

Первую из статей Л.С. Клейн заканчивает следующим выводом:

«На мой взгляд, подыскиваем "знатных предков" до самозабвения увлекается тот, кто сам ничего не значит или, по крайней мере, не верит в свою значимость. Это один из признаков *комплекса неполноценности*, имеющего корни в исторической традиции, а главное — в современной ситуации» (Клейн 2015а).

Во второй из этих статей подробно анализируется гипотеза о происхождении украинского языка от трипольского и убедительно доказывается полное отсутствие ее доказанности (Клейн 2015б).

Последней статьей, опубликованной Л.С. Клейном в «Троицком варианте», была «Загадка тохаров и чемурчеки» (Клейн 2015с). Эту статью, посвященную, казалось бы, узкоспециальному научному вопросу о взаимосвязи малоизвестных широкой публике древних культур, посмотрели на сайте более 70 тысяч человек. В этой статье он пишет не о своих работах, а о работе одного из своих учеников — А.А. Ковалева, которому, по словам Л.С. Клейна, «...некогда сделать положенную диссертацию просто потому, что он делает большую науку». Надо заметить, что Алексей Ковалев не только «делает большую науку», но и является авторитетным общественным и политическим деятелем. Он активнейший защитник памятников культуры, а с 1991 г. по настоящее время — бессменный депутат законодательного органа власти сначала Ленинграда, а затем Санкт-Петербурга.

Некрологи, рецензии, комментарии, афоризмы

А.А. Ковалев — не единственный ученик Л.С. Клейна, проявивший себя на политическом поприще. Депутатом Ленгорсовета в 1990–1993 гг., а в 1990–1991 гг. и членом его президиума был Глеб Сергеевич Лебедев, с некролога о котором возобновилась в 2003 г. публицистическая активность Л.С. Клейна. Все некрологи, написанные им, содержат глубокий анализ личности ушедшего человека, для которой он находит нестандартные слова и образы.

В 2014 г. скончался Владимир Еременко, выпускник кафедры археологии Ленинградского государственного университета 1986 г., создатель сайта «Археология.РУ» и основатель движения в защиту археологического наследия «Аматор», выступивший против «черных археологов» и, по выражению Л.С. Клейна, «соблазнивший его» на выступление в «Троицком варианте» в 2013 г. со статьей против «черных археологов», вызвавшей «длительную и ожесточенную дискуссию» (1350 комментариев). Некролог «Владимир Еременко, аматор археологии», опубликованный на сайте «Археология.РУ — Открытая библиотека» (<http://arh2.instarcom.org/>), Л.С. Клейн заканчивает следующими словами:

«Промелькнул на археологическом небосклоне, как метеор. А кратер от взрыва виден издали, и незамеченные следы еще долго будут выявляться».

17 июля 2016 г. Л.С. Клейн написал некролог на похороненного накануне в Киеве украинского археолога Сергея Кончу, умершего от рака желудка в возрасте всего 48 лет (Клейн 2016). Отметим, что в нынешних

украинских условиях дарования Кончи не нашли поддержки властей, он замечает, что Конча

«...был гражданином своей страны, национально-патриотические задачи современности были ему не чужды, но он был по всей предшествующей деятельности прежде всего ученым, больше всего его занимали те традиционные проблемы мировой науки, которые не интересовали почти никого в его институте и вокруг. Да и оттуда его незадолго до смерти уволили, оставив без средств к существованию. Между тем это был ученый, внесший значительный вклад в индоевропеистику. На мой взгляд, поддержка таких ученых и есть национально-патриотический долг страны. Любой страны. <...>

Мы вспоминаем о необходимости беречь лучший генофонд страны только при столкновении с подобными потерями. Мы обеспечиваем возможность избранным футболистам, у которых голова существует только для изящных ударов по мячу, заливать свои поражения шампанским на сотни тысяч евро, в то время как подающие надежду молодые ученые прозябают в нищете и неустроенности» (Там же).

Одним из жанров публицистики является рецензия. С 2011 по 2016 г. в Санкт-Петербурге было выпущено 5 выпусков объемного (от 680 до 800 страниц) «Российского археологического ежегодника», в которых имеется большой раздел «Библиография, рецензии»: из 54 опубликованных в этом разделе статей 25 принадлежат Л.С. Клейну.

Особый интерес представляет обширная (16 страниц) рецензия на двухтомник С.П. Щавелёва «Дань Мнемозине...» (Клейн 2014б). По мнению Л.С. Клейна, критика превращается в критиканство, когда автор

«...становится в позу морального судьи и углубляется в оценку <...> мотивов, целей и поступков <...> и нарекания автора рецензии становятся субъективными придирами» (Там же).

Мне представляется, что Л.С. Клейн, для которого всегда была интересна личность человека, с кем он общался, понимает, что и для него самого существует опасность субъективизма в оценках. Поэтому он старался быть максимально объективным. В любой, даже сугубо критической рецензии он находил то, за что можно похвалить автора, а все свои критические замечания, порой имеющие весьма острый характер, он тщательно обосновывал.

С появлением интернета возник совершенно новый вид публицистики — комментарии к опубликованным статьям. После того, как опубликованная в «Троицком варианте» статья выкладывается в интернете, с ней имеют возможность познакомиться тысячи читателей. Опубликованная в начале 2015 г. статья «ДНК-демаго-

гия Анатолия Клесова» (Клейн, Балановская и др. 2015), подписанная 24 видными учеными (антропологами, археологами, генетиками, лингвистами, этнологами), в написании которой Л.С. Клейн принимал самое активное участие, меньше чем за два года была прочитана более 120 тысячами читателей и вызвала 2355 комментариев, которые по достижении этого числа были закрыты.

Надо заметить, что статьи Л.С. Клейна редко вызвали однозначную реакцию. Это объясняется тем, что часто об истории судят, причем с полной уверенностью в своей правоте, далекие от науки люди, а в ряде случаев и ученые, являющиеся выдающимися специалистами в областях, весьма далеких от истории. Чтобы показать стиль ответов Л.С. Клейна на комментарии, присланные такими людьми, приведу пример ответа на комментарий к статье, опубликованной на сайте «генофонд.рф», ответственным соредктором которого он стал:

«Уважаемый оппонент.

Судить о том, правильно ли этимологизируют крупные лингвисты слова скифских языков или неправильно, Вы не можете. Не Вам судить. Точно так, как не Вам судить, правильно или неправильно нажимает на рычаги летчик, управляющий Вашим самолетом. Или профессор-медик, который Вас лечит. Суди, дружок, не Выше сапога (Крылов).

Современное расположение народов — не аргумент для суждения о том, что было до Великого переселения народов. Турки сейчас живут в Турции, но до XV века их там не было. Мы хорошо знаем, кто там жил, — осталась же масса письменных памятников. Венгры живут в Венгрии, а жили за Уралом. Это прописные истины. Вы не чувствуете, что Ваши аргументы просто смешны? "Иранские народы, безусловно, сохранялись бы на отмеченных территориях..." А вот не сохранились, и точка.

Вы приписываете всем хорошо известным европейским ученым XIX века мышление узкой касты нацистов XX века без всяких оснований. Хорошо изучены их биографии, их труды, Вы всего этого не знаете, а беретесь обвинять.

Единственное, что ясно из Ваших возражений, — что Вам не нравится история, как она предстает в трудах современных ученых. Ученые как-нибудь это переживут. Перестраиваться придется Вам. А можете не перестраиваться. Просто займитесь каким-нибудь другим делом — по Вашей непосредственной специальности и забудьте о науке. Ну, вот такая она неугодная. Рисует не то прошлое, которое Вам бы почему-то хотелось иметь».

Цель любой публицистики — донести до читателя свои мысли. А чтобы этого добиться, публицист должен

обладать умением сформулировать свою мысль кратко и убедительно. Это свойство публицистики называют афористичностью, которая является одной из особенностей публицистических статей Л.С. Клейна, почти в каждой из которых можно найти высказывания, могущие претендовать на статус афоризма. Афористичностью отличается и последняя фраза приведенного выше комментария. Многие афоризмы Л.С. Клейна характерны тем, что в них при объяснении научных терминов и анализе специфики особенности научной деятельности используются аналогии с событиями повседневной жизни человека. Приведу только несколько примеров:

«Пробуй факты не на язык, а на зуб: не ищи вкусные, ищи подлинные. Ведь то, что нужно распознать, — не изюм, а золото.

Классификация — как рояль: не пытайся взять аккорд одним пальцем. Нужен достаточный набор понятий и терминов.

Взвешивай "за" и "против" на одних весах.

Позиция в науке — это не кресло, а редут. Она — позиция, пока ее атакуют и защищают. Потом это уже не позиция, а поза»

(Заповеди для участников семинара (годы чеканки 1964–1995)).

Литература

- Клейн Л.С. 1959а. Нужна коренная перестройка // ЛенУн 16/1089 (11 мая), 2.
- Клейн Л.С. 1959б. СНО — быть или не быть? // ЛенУн 33/1105 (26 октября), 1–2.
- Клейн Л.С. 1961. Археология сегодня и завтра // Нева 12, 153–159.
- Клейн Л.С. 1962а. Охота на львов. Специальность или специализация? // ЛенУн 35/1284 (1 июня), 3.
- Клейн Л.С. 1962б. Охота на львов. Специальность или специализация? // ЛенУн 36/1285 (5 июня), 3.
- Клейн Л.С. 1962в. Из прошлого в будущее (Естествознание и перспективы археологии) // Природа 1, 68–77.
- Клейн Л.С. 1962г. Сказание о невидимом граде Китеже // Вокруг света 2, 33–36.
- Клейн Л.С. 1966а. Археология спорит с физикой. Спор о достоверности и точности радиоуглеродной хронологии // Природа 2, 51–62.
- Клейн Л.С. 1966б. Археология спорит с физикой. Спор о достоверности и точности радиоуглеродной хронологии // Природа 3, 94–107.
- Клейн Л.С. 1967а. Глазами Шерлока Холмса // Знание — сила 12, 15–17.
- Клейн Л.С. 1967б. Археология под золотой маской // Юность 7, 93–98.
- Клейн Л.С. 1968а. Археология и магнетизм // Природа 4, 65–75.
- Клейн Л.С. 1968б. Археология и магнетизм // Природа 5, 49–55.
- Клейн Л.С. 1970а. Остаюсь археологом. Трактат о кризисе гуманитарности в археологии и его связи с методами естественных наук. 1. Археология минус физика // Знание — сила 2, 33–34.
- Клейн Л.С. 1970б. В поисках града Китежа // Знание — сила 11, 27–29.
- Клейн Л.С. 1971. Мы собираем курганы // Знание — сила 9, 46–50.
- Клейн Л.С. 1984. От Днепра до Инда // Знание — сила 7, 17–20.
- Клейн Л.С. 1985. Найдена ли Троя? // Знание — сила 3, 40–43.
- Клейн Л.С. 1986а. Скептический комментарий к началу европейской истории [О мифичности Троянской войны] // Знание — сила 3, 41–44.

«Знания — как вино: первая чара привлекает, вторая — вдохновляет, третья — повергает в уныние.

Кто вошел в науку с черного хода, скатится вниз по парадной лестнице.

Когда осла долго дрессируют, получается ученый осел. Когда ученого долго дрессируют, итог тот же. Мораль: одних дрессировка делает учеными, других ослами.

Гипотеза — прекрасная девица, теория — зрелая женщина. Увы, первую во вторую лишь иногда превращает законный брак с аргументом, чаще — сожителство с авторитетом и нередко — насилие.

Правоверность ученого — все равно что девичья честь: сначала вызывает гордость, потом сожаление и, наконец, смех»

(Афоризмы о науке).

В заключение позволю себе без комментариев привести еще один афоризм Л.С. Клейна:

«Наука противоположна искусству. Искусство ищет необыкновенное в обыкновенном, наука — обыкновенное в необыкновенном. В науке прекрасно то, что доказано; в искусстве доказано то, что прекрасно. В искусстве смел тот, кто не боится ошибаться, в науке — кто не боится исправлять ошибки. Нечто среднее невозможно. Но между ними — гуманитарное знание».

- Клейн Л.С. 1986б. Кто победил в «Илиаде»? // Знание — сила 7, 43–45.
- Клейн Л.С. 1987. Майкоп, Азия, Европа // Знание — сила 2, 66–76.
- Клейн Л.С. 1990. Тень похищенного золота // Смена 236 (10 октября), 4.
- Клейн Л.С. 1991. Археология и рок... // ЛенУн 2/3267, 6–7 (интервьюировал А. Арешин).
- Клейн Л.С. 1992. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева 4, 228–246.
- Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л.С. 2003а. Умер Глеб Лебедев. Некролог // Коммерсантъ 147 (вторник 19 августа 2003 г.), 15.
- Клейн Л.С. 2003б. Прощай, Глеб Сергеевич // Невское время, среда 20 августа 2003 г., 3.
- Клейн Л.С. 2003в. Прости нас, Глеб // Право и милосердие 8 (август 2003 г.), 11 (заглавие дано редакцией).
- Клейн Л.С. 2003г. Ученый, гражданин, викинг // Вести 108/1817 (23 сентября 2003 г.), 6 (заглавие общее для текстов нескольких авторов: С. Окман, Л.С. Клейн, А.Н. Кирпичников, С.В. Белецкий).
- Клейн Л.С. 2003д. Памяти Глеба Лебедева // Посев 9, 48.
- Клейн Л.С. 2004а. Загадочный Леонардо // Независимая газета, приложение: НГ религии 1/131 (21 января 2004 г.), 7.
- Клейн Л.С. 2004б. Хранитель русской иконы. Знаменитый византист боролся против лубка и фабричной кустарщины // Независимая газета, приложение: НГ религии 5/135 (17 марта 2004 г.), 4.
- Клейн Л.С. 2004в. Путь к теории стиля. Рец. на книгу Е.Н. Устюговой «Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля», СПб., 2003 // Новый мир искусства 3/38, 22–23.
- Клейн Л.С. 2004г. Археология и мода // Новый мир искусства 1/36, 49.
- Клейн Л.С. 2005а. Что мы после этого, или дембельский аккорд лорда Кеймсторна // Новый мир искусства 4/45, 48–50 (название дано редакцией).
- Клейн Л.С. 2005б. Вырезанные: Восстановление реальности по фрагментам // Новый мир искусства 5/46, 42–43.
- Клейн Л.С. 2005в. Персонализм: «культура и личность» // Развитие личности 2, 163–170.
- Клейн Л.С. 2005г. Персонализм: «культура и личность» // Развитие личности 3, 137–148.
- Клейн Л.С. 2005д. Персонализм: «культура и личность» // Развитие личности 4, 134–157.
- Клейн Л.С. 2006а. Диагноз // Звезда 9, 142–157.
- Клейн Л.С. 2006б. Мой диагноз: Народ к погрому готов // Новая газета 53/1175 (понед. 17.07–19.07), 10–11.
- Клейн Л.С. 2008а. Стругацкие — это наше всё // ТрВ 2N/807 (29 апреля 2008 г.), 6.
- Клейн Л.С. 2008б. Храм науки и хлам науки // ТрВ 17N/851 (25 ноября 2008 г.), 14 (в разделе «Колонка Льва Клейна»).
- Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С. 2014а. История российской археологии: учения, школы и личности. В 2 т. СПб.: Евразия. 702 + 636 с.
- Клейн Л.С. 2014б. Критика и критиканство. Рецензия на сборник рецензий (Щавелев С.П. Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии: в 2 кн. Курск: Изд-во Курского ун-та, 2013. Кн. 1 — 478 с., кн. 2 — 515 с.) // РАЕ 4, 633–648.
- Клейн Л.С. 2015а. Знатные предки // ТрВ 7/176 (7 апреля 2015), 15.
- Клейн Л.С. 2015б. На каком языке говорили трипольцы? // ТрВ 16/185 (11 августа 2015 г.), 13.
- Клейн Л.С. 2015в. Загадка тохаров и чемурчеки // ТрВ 29/189 (6 октября 2015 г.), 14.
- Клейн Л.С. 2016. Горестная весть. Ушел из жизни историк С.В. Конча // Генофонд.рф, июль 2016.
- Клейн Л.С. 2017. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: НЛО. 576 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
- Клейн Л.С., Вал.А. Булкин, Д.А. Мачинский, М.Б. Щукин. 1988. Христианство на Руси: (Круглый стол) // Знание — сила 8, 36–43.
- Клейн Л.С., Балановская Е.В. и др. 2015. ДНК-демагогия А. Клёсова // ТрВ 1/170 (13 января 2015 г.), 1.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1988. Правосудие и два креста // Нева 5, 150–158.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1989. Путешествие в перевернутый мир // Нева 4, 150–164.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1990а. Страх // Нева 1, 151–170.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1990б. Ад глазами француза // Знание — сила 2, 81–83.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1991. Расправа с помощью права // Нева 2, 120–143.
- Самойлов Л. (Клейн Л.С.). 1998. Портрет Дориана Грея ... без портрета // Смена 77/21949 (8 апреля 1998 г.), 7.
- Клейн Л.С. 1991. Verkehrte Welt. In Breschnews Lagern. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag. 176 S.

ЛЕВ КЛЕЙН КАК ПОЛЕМИСТ

О.Л. Губарев¹

*Чем обоснованнее позиция в полемике,
тем корректнее стиль — и наоборот.*

В. Шендерович

Основы полемики и дискуссии

При научном подходе к общению обычно выделяют два метода ведения спора: дискуссию и полемику. Под дискуссией понимают спор, имеющий целью сопоставление различных точек зрения и скорее выяснение истины, чем победу над оппонентом. Под полемикой обычно понимают спор, целью которого является отстаивать свое мнение и опровергнуть мнение оппонента. В реальности чаще всего спор, в том числе и научный спор, является смесью дискуссии и полемики и включает в себя элементы того и другого.

То, что в споре нельзя переходить на личности и использовать «запрещенные приемы», широко известно и излагается в любом учебнике по ведению полемики и межличностному общению, как и методы научной дискуссии и приемы, рекомендуемые для отстаивания своей позиции и поиска объективной истины (Родос 1989; Бороздина 2006). Тем не менее, глядя на дискуссии в отечественной науке (в том числе в области истории и археологии) в период перестройки и в постсоветский период, мы стали свидетелями частого нарушения этих азбучных истин. Это требует своего объяснения.

Особенности полемики в отечественной науке

Хронологически все дискуссии, видимо, следует разделить на обсуждения и споры, проходившие в советское и постсоветское время. Дело в том, что в советское время для любого ученого в ходе дискуссии или полемики по любому вопросу было необходимо использовать ряд приемов, не зависящих от его личных

взглядов и убеждений, так сказать, отдавать «кесарю кесарево». Необходимо было использовать марксистскую терминологию и в обязательном порядке делать ссылки на В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, а в сталинское время прежде всего на И.В. Сталина. Необходимо было подчеркивать особую роль и значение «советской» науки и превосходство ее над наукой «буржуазной». Постоянно противопоставлять «советскую» науку, как стоящую на передовых научных позициях, науке «буржуазной», отсталой и по своей классовой природе неспособной или нежелающей подняться до понимания основ диалектического материализма.

Я бы назвал такие дискуссии дискуссиями «с петлей на шее». Когда спор шел между официальной коммунистической точкой зрения и любой другой с последующими «оргвыводами» для нежелающих принять официальную точку зрения. Поэтому невозможно осуждать ученых за то, что Л.С. Клейн назвал «маскировкой».

Таковыми были дискуссии 1950-х гг. в области генетики, кибернетики, педологии и др. наук. Такой была и «дискуссия» о роли «безродных космополитов» в науке. Эти дискуссии были своего рода спектаклями с заранее предрешенным сценарием. Кто, когда и как должен выступить, кто на каком этапе должен начать каяться и обвинять себя во всех смертных грехах. И со страшными последствиями (суд, тюрьма, лагерь, расстрел) для тех, кто продолжал упорствовать в своей научной ереси, как и чуть менее страшными последствиями для «раскаявшихся».

Оттепель 1960-х гг. изменила характер репрессий, которые стали мягче (увольнение с работы, исключение из института, предупредительные беседы в КГБ), но не изменила сам характер таких дискуссий. И только после 1991 г. появилась возможность в полной мере, ничего не боясь и не подвергаясь цензуре, открыто высказывать

¹ 197342, Россия, Санкт-Петербург.
Независимый исследователь.
Адрес электронной почты: lvovichg@rambler.ru.

свою точку зрения без вынужденных поклонов в сторону марксизма и господствующей идеологии. И наступило время подведения итогов.

Как мне кажется, здесь нужно учитывать, что помимо чисто научных соображений огромную роль в полемике играет психологический момент. Во время господства в науке официальной идеологии часть ученых вынуждена была маскировать свои настоящие взгляды, зато другие из конъюнктурных соображений возмещали недостаток профессиональных способностей подчеркиванием своей идеологической преданности и делали на этом карьеру. Можно привести множество примеров поломанных судеб ученых, в том числе историков, в основу дел которых ложились мнения «экспертов», т.е. их же коллег, когда расхождения в научных взглядах с официальной линией могли служить достаточным основанием для обвинения и фабрикации дел. И требовалось большое мужество, как показал пример Л.С. Клейна, чтобы преодолеть последствия таких научных «дискуссий». Об этом не любят вспоминать, и только отдельные историки в своих мемуарах раскрывают эту сторону научной жизни 1980-х гг. (Гуревич 2005; Формозов 2006).

Л.С. Клейну приходилось постоянно участвовать в дискуссиях и полемике различного рода на протяжении длительного времени. Для лучшего понимания его как полемиста следует два слова сказать о видах и характере дискуссий, в которых ему приходилось участвовать.

Дискуссии и полемика с участием Л.С. Клейна

Перечислю основные дискуссии из упомянутых в настоящей главе, в которых участвовал и которые вел Л.С. Клейн.

Это дискуссия по «варяжскому вопросу», проходившая в декабре 1965 г., о чем поведал он сам (Клейн 2009). Клейн, тогда еще молодой ученый, осмелился бросить вызов официальному антинорманизму. Мало того что сама организация Проблемного семинара по «варяжскому вопросу» была уже преступлением в глазах партийной науки, читавшиеся Л.С. Клейном лекции подрывали основы официального антинорманизма. Оттепель к тому времени уже закончилась, начинался период брежневского застоя. Партийная организация ЛГУ решила его спровоцировать, заставить раскрыть свои взгляды, чтобы разгромить их на научной основе с последующими, как тогда говорили, оргвыводами. Фактически Л.С. Клейну нужно было высказаться по основному вопросу — по концепции о происхождении Древней Руси как результата социально-экономическо-

го развития восточного славянства. Свое выступление он построил как опытный полемист и ученый. Дискуссия, на которой были еще и другие выступления, как сторонников, так и оппонентов Клейна закончилась совсем не так, как ожидал партком. Фактически это была победа ученых-историков в борьбе с бюрократическим партийным аппаратом.

Следующая по времени острая дискуссия с участием Л.С. Клейна развернулась в 1983 г. по поводу книги «Археологические источники» (Захарук 1983; 1989; Клейн 1986; Генинг 1989). Среди археологов началось обсуждение характера археологических источников, можно ли их рассматривать как исторические. Обсуждение того, что Л.С. Клейн метко назвал «археологической историей», совмещением археологии с историей и необходимостью «рассечь кентавра» (Клейн 1991а). В отличие от предыдущей дискуссии данная полемика носила чисто научный характер. Чисто теоретический спор о фундаментальных основах археологии на практике сводился к вопросу о признании или не признании археологии в качестве отдельной науки. О необходимости профессионального изучения теории и методов археологии как отдельной науки, а не в составе других исторических дисциплин.

«Доказывай искусно и яростно, но помни, что поверят не твоему искусству и не твоей ярости, а твоим фактам» (Клейн 2010: 626).

Непризнание археологии в качестве отдельной науки приводит к тому, что в археологию приходят люди

«с широкими гуманитарными и социально-историческими интересами, но зачастую без достаточной археологической подготовки. Они стремятся решать социально-исторические проблемы, причем простыми приемами, и верят, что это возможно <...> Они хотят ввести в само определение избранной науки свое право на простые методы и широкие выводы, на "дилетантские вылазки" за традиционные границы» (Клейн 1986: 215).

А включение археологических источников в состав исторических ведет к подмене описания и публикации самих археологических артефактов историческими выводами, формируемыми на их основе, которые во многом субъективны и могут меняться со временем.

Кроме того, о роли археологии и критике «советской» археологии Л.С. Клейн вел дискуссию с А.А. Формозовым (Формозов 1995; Клейн 2010; Клейн, Щавелев 2011). В своих оценках А.А. Формозов был более радикален, чем Л.С. Клейн, хотя их взгляды во многом совпадали. Вопрос критической оценки «советской» археологии, ее истории, фундаментальных основ и методологии, был болезненный, что и показали отзывы

коллег на работы А.А. Формозова и, частично, на работы Л.С. Клейна. Хотя Л.С. Клейн «анализировал социальные корни упадка науки, Формозов — этические, с массовым переходом на личности: всем сестрам по серьгам» (Клейн, Щавелев 2011: 25). Актуальность такой критики показывают статьи, в которых поднимается вопрос о реабилитации применявшихся методов и апологии одиозных личностей (см. Крих 2012).

Взгляды Л.С. Клейна на основы и методологию советской археологии нашли отражение в ряде его статей, опубликованных за рубежом и вызвавших большой интерес среди зарубежных ученых. Не последнюю роль в этом сыграла информационная изоляция и политика железного занавеса, делавшая невозможным знакомство западных ученых с состоянием и развитием советской археологии. Таким образом, данная дискуссия относительно роли археологии и ее места в системе наук и особенностях «советской» археологии не ограничилась только отечественной наукой, а имела международный характер.

Кроме того, в разное время в серии статей, а потом и в отдельных книгах Л.С. Клейн изложил свои выводы по вопросу о характере гомеровского эпоса и его авторстве, которые оказались настолько необычны, что вызвали новую дискуссию. На этот раз с учеными — специалистами по античной литературе и истории Древнего Востока (Клейн 2004; Дьяконов 1987; Цымбурский, Файер 2002; Файер 2010). В своем положительном отзыве на работы Л.С. Клейна крупнейший специалист по истории Древнего Востока И.М. Дьяконов отметил, что Клейн

«исходит <...> из тщательного анализа встречаемости обоих топонимов (Троя и Илион) в "Илиаде", а также из распределения эпитетов и эпических оборотов по отрывкам, связанным с употреблением каждого из этих названий города» (Дьяконов 1987: 210).

Подход Л.С. Клейна, естественно, встретил возражения со стороны ученых, защищавших устоявшуюся «унитарную» теорию складывания гомеровского эпоса.

Наконец, многочисленные обсуждения научных вопросов и проблем, которые вел Л.С. Клейн в своей колонке и на страницах газеты научного сообщества «Троицкий вариант». Здесь можно перечислить основные его статьи, вызвавшие ожесточенную полемику между его сторонниками и противниками, в которой вместе с Л.С. Клейном принимал участие и автор работы: «Загадка Льва Гумилева», «Воинствующий дилетантизм на экране», «О норманнах, славянах и ариях (еще раз о фильме Задорнова и не только)», «Археологи против черных», «Судьба Академии и судьба страны».

Приемы полемики Л.С. Клейна

Из приемов полемики, свойственных именно Л.С. Клейну, мне хотелось бы выделить следующие.

1. Он старается говорить с оппонентом на его языке, используя терминологию оппонента и введенные оппонентом понятия. Иногда это происходило вынужденно, как, например, в его дискуссии по «варяжскому вопросу» в декабре 1965 г. Вот как пишет об этом сам ученый:

«...мне стыдно за то, что при этом приходилось прибегать к аргументам, которые в настоящей науке не применяются, которые аргументами были только для моих противников, в рамках советской идеологии. Мне приходилось говорить на языке советской исторической науки — на ее привычном, политизированном, подцензурном, ортодоксальном языке, обставляясь цитатами из классиков марксизма, как шипами. В своих рассуждениях требовалось принять за исходный принцип существование и непримиримую идейную враждебность двух наук — марксистской и всей прочей, при святой истинности марксизма (в его советском толковании) и еретичности всего остального. Точно как в средние века — принимать основные догматы официальной церкви. Только на этих условиях можно было рассчитывать на допущение к аудитории, на опубликование, на то, что ты будешь услышан» (Клейн 2009: 95).

Но по большей части Л.С. Клейн сам использует этот прием для большей убедительности и четкого понимания оппонентом его аргументации. При этом он старается насколько возможно точнее определить понятия, чтобы избежать двусмысленности.

С учеными-археологами в ходе дискуссии о роли археологии и ее предмете среди других наук он использует терминологию своих оппонентов, критикуя ее. В дискуссии с ними он разбирает понятия марксистской истории и социологии, детально объясняя неуместность их использования в разработке научных положений теоретической археологии. Разрабатывая и оттачивая в ходе полемики собственную терминологию вопроса. Например, на использование оппонентами марксистского термина «формация» Л.С. Клейн возражает:

«Археология вообще не изучает формации. Их изучает политэкономика, по ним упорядочивают свой материал историческая социология и в известной мере история» (Клейн 1986: 213).

В научных дискуссиях он использует научную терминологию, свойственную предмету обсуждения, а в полемике с блогерами на страницах и сайте «Троицкого варианта» — больше метафор, стараясь выражаться более простым языком и употреблять термины,

доступные пониманию оппонента, приводя примеры и аналогии из жизни.

2. Особенностью полемики Л.С. Клейна является то, что он точно определял, с кем не стоит вступать в серьезное обсуждение той или иной проблемы. Особенно это заметно на страницах «Троицкого варианта». Среди участвующих в обсуждении там присутствуют все заранее знающие и во всем уверенные люди, для которых существует только их собственное мнение. Есть люди, стремящиеся раскрывать второстепенные вопросы и уводящие обсуждение в сторону от основной темы. Встречаются там спорщики, для которых самоцелью является победа в споре любой ценой. Часто это люди, которые не разбираются в вопросе, но щеголяют терминами, смысл которых сами не всегда понимают.

Л.С. Клейну удается на самых ранних стадиях полемики составить для себя психологический портрет оппонента и не вступать в развернутое обсуждение там, где это не имеет смысла:

«Когда доказываешь, важно — что, еще важнее — чем, но самое важное — как» (Клейн 2010: 627).

3. Во времена СССР полемике Л.С. Клейна была свойственна вынужденная изобретательность, поскольку в условиях, когда говорить открыто было нельзя, приходилось изобретать довольно оригинальные способы сказать хоть что-то.

«Вот еще один способ протащить в печать непопулярную критику. Для этого надо было отыскать среди западных авторов любого, пусть и совсем незаметного, но близкого по своим взглядам к тому, кто и что были неприкосновенны внутри СССР. И обрушиться на такого западного автора с критикой до полного удовлетворения. Все понимали, кто на самом деле имеется в виду» (Клейн 1993: 85).

4. Начиная дискуссию, Л.С. Клейн предварительно тщательно готовился к ней. С точки зрения тактики перед тем, как возразить оппоненту, он старался выделить основные положения оппонента и отвечать именно на них, опуская второстепенные вопросы. Тем самым он давал возможность оппоненту либо подтвердить, что Л.С. Клейн правильно изложил его взгляды, и постараться защитить их, либо вынудить оппонента самого сформулировать свои основные положения. Выделяя основные положения оппонента, он подкреплял свое мнение ссылками на работы оппонента и цитатами из них во избежание обвинений в искажении взглядов оппонента, а также для однозначности понимания обеими сторонами сути спора. Такой прием бывал зачастую необходим Л.С. Клейну, когда оппонент уходил в схоластику, пытаясь за предельно «занаучен-

ной» и расплывчатой терминологией скрыть отсутствие аргументов по существу вопроса.

Примером является дискуссия на страницах «Троицкого варианта» с антинорманистами о роли скандинавов в образовании Древнерусского государства: дискуссия, в ходе которой антинорманисты не захотели, а точнее, не смогли изложить в сколько-нибудь связном виде свою гипотезу о балтийско-славянском происхождении варягов и руссов.

5. Еще одной особенностью полемики Л.С. Клейна является стратегический подход и стремление выделить наиболее важные и актуальные вопросы науки, обсуждение которых может изменить существующую ситуацию, не сосредоточиваясь на вопросах второстепенных. Это характерно как для дискуссий, которые начинались по его инициативе, так и тех, в которые он был вовлечен.

6. Л.С. Клейн четко разделял научные взгляды оппонента и нечестные приемы и уловки, к которым оппонент прибегает в споре, не стесняясь оппоненту на них указать. Особенно жестко он выступал против того, что С.И. Романовский назвал «особостями» советской науки (Романовский 2004). Так, в полемике с В.Ф. Генингом он перечисляет несколько непозволительных с точки зрения честной дискуссии приемов: во-первых, используемое В.Ф. Генингом некорректное изложение позиции оппонента; во-вторых, стремление навесить одиозный ярлык своему оппоненту; в-третьих, стремление навязать оппоненту некую «неблаговидную родословную»; в-четвертых, критику оппонентов за следование зарубежным образцам, в идеализме и отходе от марксистских позиций. Собственно, в том же духе ответил и В.Ф. Генинг, разбирая стиль полемики Л.С. Клейна (Генинг 1992).

7. В ходе полемики у Л.С. Клейна появлялась, может быть, излишняя резкость, насыщенная иронией и сарказмом, когда он сталкивался с упорным нежеланием оппонента воспринять доводы. Именно это ставил ему в вину В.Ф. Генинг, перечислив используемые Л.С. Клейном эпитеты: «коронный аргумент», «приписан убийственный аргумент», «разгромной цитатой», «забавно», «надоело», «злорадство», «что в лоб, что по лбу!» и т.д. (Генинг 1992: 258). Впрочем, грубости тут нет.

Эта особенность полемики Л.С. Клейна часто проявляется на страницах «Троицкого варианта», например в полемике с «копателями», упорно, раз за разом, повторяющими в разных вариациях один и тот же набор аргументов (Клейн 2013).

Часто Клейна спрашивают: а зачем вы ввязываетесь в спор с абсолютными неучами. На это может ответить афоризм Клейна:

«Если золотой звенит о медяк, звон все-таки золотой» (Клейн 2010: 627).

8. Хочется отметить умелое использование Л.С. Клейном броских метафор и аналогий, упрощающих понимание и наглядно поясняющих основную мысль. Так, в известном споре с В.Ф. Генингом и Ю.Н. Захаруком он прибег к метафоре:

«В театре есть такой технический прием. Когда нужно создать на сцене впечатление оживленного разговора, но так, чтобы нельзя было разобрать отдельных речений, всем артистам велят произносить вразнобой одну и ту же фразу: "что сказать, когда нечего говорить?" Мои критики, похоже, оказались именно в такой ситуации. Они хотят создать впечатление ученой полемики, острой борьбы, а сказать им, в сущности, нечего» (Клейн 1991б: 103).

9. В ходе полемики Л.С. Клейну иногда удавалось представить обсуждаемый вопрос в новом, необычном ракурсе, показать скрытую суть, порой и ввести в научный оборот новый емкий термин, например «археологическая история». Этим термином Л.С. Клейн обозначил концепцию, защищаемую его оппонентами (Там же: 106).

10. Способность Л.С. Клейна реально оценить собственную гипотезу и возможную реакцию на нее, использовать ее в полемике, чтобы показать психологические основы возникающего отторжения. В ходе полемики по гомеровскому эпосу он убедительно показал, что, помимо чисто научных возражений, в основе реакции на его работы лежит неприятие профессионалами «дилетанта»:

«Я знал, с чем я столкнусь, выпуская свой труд. Во-первых, я осознавал спорность некоторых положений своей концепции. Во-вторых, я понимал, что, не будучи античником, я вторгаюсь в мир людей, которые всю жизнь рассуждали о гении Гомера, о стиле Гомера, о единстве его великих поэм, — и вдруг на тебе: является современник, который, возобновляя аналитические идеи позапрошлого века, заявляет, что никакого уникального поэта, автора "Илиады" и "Одиссеи" не было, как и Троянской войны, что поэмы эти суть создания многих авторов на протяжении одного-двух веков, а конечный результат — компиляция. Ясно, что у профессионалов это вызовет отторжение, а с энтузиазмом встретят немногие» (Клейн 2004: 207).

Можно спросить, как же Л.С. Клейн, который вел острую полемику с участниками «дилетантских вылазок» в своей профессиональной области, археологии, решился на вторжение в незнакомую ему ранее область — изучение гомеровского эпоса? Во-первых, он пришел к изучению гомеровского эпоса естественным путем во время своих исследований бронзового века,

которыми занимался еще в 1980-х гг. Во-вторых, книги, обобщающие результаты его исследований, — «Бесплотные герои» и «Анатомия Илиады» — увидели свет после длительного периода работ в данной области (к тому же ученый опирался на весь предшествующий опыт исследователей, который постарался учесть), а необычный подход к теме сыграл свою положительную роль.

11. Л.С. Клейн старался объективно оценивать и критиковать других ученых, не обращая внимания на личные отношения. Это показала полемика Л.С. Клейна с А.А. Формозовым, с которым он находился в дружеских отношениях и научный вклад которого ценил (Клейн, Щавелев 2011). Об этом свидетельствуют его публикации по поводу гипотез Л.Н. Гумилёва, к личности которого он относился с большим уважением и сочувствием (Клейн 1992).

«Не спорь до хрипоты. Противника не переспоришь, будь ты трижды прав. Задача всякого научного спора — не переубедить оппонента, а проверить себя, поверить в себя и приобрести сторонников» (Клейн 2010: 627).

12. Полемике Л.С. Клейна свойственно умение признать свои ошибки и исправить допущенные неточности. Например, так произошло с датировкой Кэрбунского клада. При всех достоинствах работы Л.С. Клейна, собравшего все доступные аналогии вещам клада и определившего их ареалы, в вопросе датировки клада он ошибочно высказался в пользу короткой хронологии В. Милойчича. В своих последующих работах Л.С. Клейн признал свою ошибку:

«Каюсь, и я поддавался убедительности штудий Милойчича и выступал против радиоуглеродного метода (я разделял эту ошибку с Иоахимом Вернером). <...> Для меня, конечно, опровержение короткой хронологии было суровым личным уроком. Я долго держался за нее, дольше, чем следовало бы, не только потому, что уважал тщательность построений Милойчича, но и потому, что подсознательно верил в непреложность диффузии с Востока — тем более, чем громче ее у нас опровергали, исходя из марксистских догм. Внутреннее сопротивление догмам вызывало уклон в противоположную сторону. Падение короткой хронологии — урок не поддаваться ни магии безукоризненных построений, ни оппозиционным искушениям, а полагаться только на независимую проверку» (Клейн 2011).

13. Поскольку набор аргументов у антинорманистов, у «черных копателей», у защитников «советской науки» и «патриотов», участвующих в дискуссиях на страницах «Троицкого варианта», беден, за ними следует, как правило, переход на личности. На эти личные выпады он старается отвечать достаточно жестко, но с чувством сдержанного достоинства и с юмором.

Несмотря на то, что иногда выпады на сайтах, да и в печати носят оскорбительный характер (Фомин 2013). В качестве примера можно привести ответ Л.С. Клейна на стихотворное послание блогера в статье «Фингал под левым глазом. Путешествие в девятый век» (Клейн 2013).

Скрытая полемика

Многие книги и статьи Л.С. Клейна содержат скрытую полемику. Как правило, это связано с тем, что его статьи и книги касаются важных вопросов науки, содержат новый, необычный подход к вопросу, отсюда — интерес, рецензии и ответные статьи. И в своих последующих книгах и статьях Л.С. Клейн считает необходимым ответить на наиболее важные аргументы своих оппонентов — начинаются полемика и дискуссии.

Иногда ученый, по мнению рецензентов, продолжает сражаться с тенями прошлого:

«Местами Клейну хочется доругаться — даже с давно почившими оппонентами <...> как-то непонятно, зачем Клейн все-таки с кем-то хочет доругаться. Неужели он так и не простил за все грешки и несправедливости М.И. Артамонова и Б.Б. Пиотровского, а заодно и своих сверстников, уже успевших выпустить мемуары?» (Пономарев 2010: 351).

Л.С. Клейн продолжает полемику с некоторыми ушедшими авторами, потому что написанные ими книги и статьи, как, например, работы Л.Н. Гумилёва или Б.А. Рыбакова, печатаются все новым тиражами и продолжают оказывать влияние на умы. Это продемонстрировала дискуссия на страницах «Троицкого варианта» о творчестве Л.Н. Гумилёва как историка.

Читая полемику Л.С. Клейна с его зарубежными коллегами К. Ренфру, М. Джонсоном, Б. Ольсенем, К. Тилли и другими учеными, нельзя сказать, чтобы она была другой по тональности и резкости научных возражений (Olsen 1991; Tilley 1991; Renfrew 2006; Johnson 2006). Чего стоит одно только название рецен-

зии Клейна на книгу Джонсона: «Ни археологии, ни теории: критика Джонсона» (Klejn 2006). Это все тот же Л.С. Клейн — жесткий и ироничный полемист, когда речь идет о научной теории. При этом, какой бы острой ни была критика оппонента, это всегда критика идей². Меня поразило, насколько эти дискуссии Л.С. Клейна похожи на полемику историков царской России, например полемику А.А. Куника с С.А. Геденовым (Куник 1862). Я бы назвал ее «благожелательной полемикой».

Заключение

Таким образом, когда мы говорим о Л.С. Клейне как полемисте, мы видим ученого — археолога и историка: умного, тактичного, ироничного, понимающего психологию оппонента, способного неустанно повторять и объяснять свои аргументы и взгляды, если есть хоть малейшая возможность донести их до оппонента.

Мы видим ученого, умеющего найти свежий подход даже в ранее малознакомой области за счет трудолюбия и готовности досконально изучать фактический материал, методы и работы предшественников, не догматизируя их.

Мы видим человека изобретательного в отстаивании своих основных положений в условиях цензуры, не гнущегося под давлением и старающегося сохранить объективность оценок в полемике вне зависимости от личных отношений. Ученого, умеющего донести свои взгляды до зарубежных оппонентов и полемизировать на равных, тем самым отстаивая честь российской науки.

И в то же время в Л.С. Клейне мы видим жесткого, саркастичного полемиста, задевающего за живое оппонентов, когда они не способны или не желают воспринимать и объективно оценивать приводимые доказательства и аргументы, оппонентов, упорно отстаивающих устаревшие догмы и, говоря словами Булата Окуджавы, «ненадежные истины».

² «First let me thank Professor Leo Klein for his kind comments on my work, and for his review of *Archaeological Theory: An Introduction*. His comments are thoughtful and serious, even where I disagree profoundly, though his account of the book is in many respects a misleading one. I will respond only to a few aspects of Klejn's arguments». («Сначала позвольте мне поблагодарить проф. Льва Клейна за его любезные комментарии по поводу моей работы и за его обзор книги "Archaeological Theory: An Introduction". Его комментарии вдумчивы и серьезны даже в тех случаях, когда я глубоко не согласен с ними, хотя его обзор книги во многих отношениях ошибочен. Я отвечу только на некоторые аспекты аргументов Клейна» (Johnson 2006: 444; перевод О.Л. Губарева).

Литература

- Бороздина Г.В.* 2006. Психология делового общения. М.: Инфра-М. 224 с.
- Генинг В.Ф.* 1989. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА 3, 215–228.
- Генинг В.Ф.* 1992. О стиле дискуссии Л.С. Клейна. Письмо в редакцию // РА 4, 257–259.
- Гуревич А.Я.* 2005. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.: Изд-во РГГУ, 758–795.
- Дьяконов И.М.* 1987. Местоположение Трои и хетты (По поводу работы Л.С. Клейна) // Народы Азии и Африки 2, 209–211.
- Захарук Ю.Н.* 1983. Об одной концепции археологического источниковедения // СА 3, 72–81.
- Захарук Ю.Н.* 1989. Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА 3, 207–214.
- Клейн Л.С.* 1986. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА 3, 209–219.
- Клейн Л.С.* 1991а. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники 4, 3–12.
- Клейн Л.С.* 1991б. В защиту «чистой археологии» // СА 2, 102–110.
- Клейн Л.С.* 1992. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева 4, 228–246.
- Клейн Л.С.* 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л.С.* 2004. Анатомия Илиады: начало дискуссии // ВДИ 3, 207–214.
- Клейн Л.С.* 2009. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
- Клейн Л.* 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.
- Клейн Л.С.* 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 с.
- Клейн Л.С.* 2013. Археологи против черных // ТрВ 123, 26 февраля 2013 г., «Авторская колонка».
- Клейн Л.С., Щавелёв С.П.* 2011. Александр Александрович Формозов (1928–2009): Послесловие. Курск: Изд-во Курского медицинского университета. 110 с.
- Крих С.Б.* 2012. Быть марксистом: крест советского историка // Історіографічні дослідження в Україні 22, 153–176.
- Куник А.А.* 1862. Замечания А. Куника к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Геденова» // Записки Академии наук I/II. Приложение 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 207–239.
- Пономарев Е.Р.* 2010. Повесть о прогрессоре. (Рецензия на книгу: Клейн Л. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010) // НЛО 10, 350–353.
- Родос В.Б.* 1989. Теория и практика полемики. Томск: Изд-во ТГУ. 55 с.
- Романовский С.И.* 2004. Притащенная наука. СПб.: Изд-во СПбГУ. 344 с.
- Файер В.В.* 2010. Композиция «Каталога кораблей» и проблемы гомеровского эпоса. Высшая школа экономики. Препринт WP6/2010/04. М.: ВШЭ, 19–23.
- Фомин В.В.* 2013. Голый конунг. Норманнизм как диагноз. М.: Алгоритм. 320 с.
- Формозов А.А.* 1995. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // РА 3, 225–232.
- Формозов А.А.* 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историкографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак. 344 с.
- Цымбурский В.Л., Файер В.В.* 2002. Рецензия на книгу: Клейн Л.С. Анатомия Илиады // ВДИ 1, 179–189.
- Johnson M.* 2006. Response // Antiquity 80/308, 444–445.
- Klejn L.S.* 2006. Neither archaeology nor theory: a critique of Johnson // Antiquity 80/308, 435–443.
- Olsen B.* 1991. Excavating the 1970s 10 years after // Fennoscandia Archaeologica VIII, 62–64.
- Renfrew C.* 2006. Brief reply to Leo S. Klejn // Antiquity 80/310, 985–986.
- Tilley Chr.* 1991. Comments on Klejn: “Theoretical archaeology in the making?” // Fennoscandia Archaeologica VIII, 59–61.

THE QUINTESSENTIAL ARCHAEOLOGIST

Ludomir R. Lozny¹

Any intellectual activity derives excitement from the moment it becomes a trail of discovery. In some fields of learning this is the discovery of worlds previously unthought-of and unthinkable. This is the excitement of the scientist expanding the boundaries of the realities that he/she is capable of conceiving. In such discovery, when taken with passion, a widening of awareness, sometimes a veritable transformation of consciousness occurs. And then the universe turns out to be much more wonderful than imagined.

Lev Klejn entered his trail of discovery at the Pedagogical Institute in Grodno, where he studied linguistics. He subsequently transferred to the Department of Linguistics at Leningrad University to continue his studies under world-renown formalist folklorist Vladimir Propp. Because of the anti-Semitic milieu in the Department of Linguistics, Propp suggested Klejn to enroll in the Department of History, where he studied archaeology under the supervision of Michail I. Artamonov. He specialized in the Catacomb Culture of the Early Bronze Age steppe. Unable to pursue his education further, after graduation Klejn took whatever work he could find and enlisted as history teacher in a high school in Leningrad and later in Grodno. There he wrote his (never defended) dissertation on the pedagogy of teaching history. This work probably shaped his views on the significance and role of history in inquiries about human past cultures.² Klejn's archaeological interests cover a spectrum of topics, including the Bronze Age nomads, the Neolithic cultures, and medieval Slavic forts. But Klejn's key interests were in theory and methodology; he was among the early users of quantitative methods in pottery studies and authored major works on theory (Клейн 1993; Klejn 2001; Клейн 2011), among them "Metarchaeology" (Klejн 2001), his most significant theoretical contribution to ar-

chaeology. This is his legacy after he had wandered his path of discovery for more than half a century.

Over 40 years ago, Bruce Trigger (1978) wrote the article *No longer from another planet* in response to the Lev Klejn's (1977) publication of *A Panorama of Theoretical Archaeology*. Trigger noted that the publication of the *Panorama* marked the global entrée of Russian (Soviet) archaeology, which of course was familiar to those scholars of the world who read Russian and had access to original publications. Nevertheless, its publication, no doubt, had fractured the intellectual Iron Curtain, while the political one collapsed 13 years later. By the late 1980s, the political situation in the Soviet Union had changed radically and Klejn was able to teach abroad as visiting professor in West Berlin, Vienna, London, and Copenhagen, and also received invitations from the Sorbonne, the universities at Durham, Cambridge, and Oxford in England, and also universities in Scandinavia, Slovenia, and the United States. He was recognized by his peers as the leading European archaeologists/theoretician and Colin Renfrew acknowledged him as one of a few European scholars who engaged with the intellectual challenges coming from American archaeologists (primarily with Binfordian processualism).

Surrounded by Marxist ideology all his life, Klejn was never a devoted Marxist but used Marxist-inspired dialectics as analytical tool. It seems that his handling of Marxist ideas is rooted in the western approach to Marxism rather than any other "scientific" explanation of Marxism-Leninism-Stalinism. As he puts it in a recent publication (Klejн 2017):

"In the West, I was held for a long time an avowed advocate of Soviet Marxism and they only wondered why I am not a member of the Party. Later archaeologists began to recognise that my Marxism was not completely Soviet, and only after the KGB repressions against me, colleagues started to guess that this was hardly Marxism. In Russia I was never held for a good Marxist and ideologists felt in me for certain deviationist and even not a reliable believer in the Marxist faith at all."

¹ 10065-5085, USA, New York, 695 Park Avenue, Room 723, North Bldg. City University of New York, Hunter College, Department of Anthropology. E-mail: llozny@hunter.cuny.edu.

² A view certainly inspired by the Marxist position of the superiority of history over other sciences.

And in another place, he notes:

“More than that, even after the fall of the Soviet power I have renounced not all the principles and methods of research, applied in Marxism. Marxism has absorbed many components of other teachings, elaborated during the time of its domination various sections of knowledge, sometimes quite nicely — and the farther from political dogmas, the more freely. Why to renounce everything? This would be infantile.”

He also addressed this issue in his autobiography (Клейн 2010; Lozny 2011), where he has suggested that in the Soviet Union Marxism-Leninism was not a theory but dogma. This observation puts some light on the fact that there was so little theoretical discussion in the whole European Soviet Bloc (notable exceptions are St. Tabaczyński in Poland or E. Neustupný in the Czech Republic) as archaeologists were expected to produce evidence to corroborate the dogma (Lozny 2021). Discussing his Marxism, Klejn makes another significant observation that archaeologists do not realize how much they are influenced by ideology and politics in their research. This statement resembles a claim by post-processual archaeology that archaeologists bring their own bias to their studies of the past; all archaeologists can and should do is to act as active mediators between the past and present.

Two key approaches are intertwined in Klejn’s theoretical thinking: one rooted in the use of material culture to reconstruct the past, and the other focused on interpretations to understand it. Both relate to his position on the relationship between archaeology and history that brings him close to the opinion of the British historian Robert G. Collingwood (cf. Leach 2012). Klejn seems to think of archaeology as being a craft and of history as science. As he puts it in a conversation with the British archaeologist and philosopher of science Stephen Leach:

“The archaeologist answers the questions ‘what?’ ‘where?’ ‘when?’ and ‘how?’, whereas the historian asks ‘why?’ Thus, in his view, archaeology concentrates mainly upon ‘what happened?’ whereas history concentrates upon ‘why did the events happen?’ and ‘what were the consequences of them happening?’” (Лич 2011).

In such reasoning, Klejn is, to certain extent, in agreement with Kent Flannery’s (1982) statement that there is no strictly archaeological theory, only anthropological or sociological theories that archaeologists use to explain the past. The following excerpts from the interview conducted by Stephen Leach with Lev Klejn illustrate the point:

(Leach) *Where does the archaeologist get his questions from?*

(Klejn) From history, from sociology, from philosophy, and from general curiosity. Archaeologists have many varied motivations.

(L) *What is your reaction to the post-modern claim that appreciating the role played by context undermines the possibility of objective research?*

(K) I am critical of this claim — although as a historian I am keen to emphasise and to explore the role of context.

(L) *And the archaeologist differs from the historian in this respect?*

(K) By contrast, the archaeologist’s task is to reconstruct artefacts and, at a rudimentary level, past events. Like a detective, the archaeologist reconstructs past events but he has no deep interest in why they occurred. As such, archaeology is not a humanistic discipline; but nor is it a pure (fundamental) science: it is rather an applied science — like forensic science. If an archaeologist is a detective, a historian is a judge.

Klejn, whether he talks of his academic ideas or personal opinions, is a man of integrity. He admits mistakes but stands firmly behind ideas he considers correct, even for a while. Such positions are exemplified by Marxism and especially dialectics he uses in his scholarly analyses, while on the personal grounds, by his position on Jewishness and atheism. After the systemic transition in Russia in the 1990s, he neither rejected Marxism outright, nor declared his affinity to religion (as many others have done). Klejn does not subscribe to the mood of the day; he stands strong on his own.

Klejn is a skilled storyteller and meticulous and precise archivist. He presents himself as an archaeologist, anthropologist, and philosopher, author of 11 monographs, and approximately 350 academic papers. Early in his career, he criticized Nikolay Y. Marr (apparently Stalin liked Klejn’s article sent to *Pravda*) and counted Russian actors, philosophers, and writers among his friends. In his autobiography *Hard to Be Klejn* (Клейн 2010) he sums up his outlook on the grim Soviet reality as follows: “Generally I did not need any artificial mood changers — there were plenty causes for humor and irony, despite the fact that ambient life was often horrifying.” He borrowed the title of his autobiography from the novel *Hard to be a God* by the Strugackiy brothers (Strugatsky and Strugatsky 1975). The novel’s core idea is that human progress is often cruel and bloody, and that religion (ideology) encouraging blind faith can be an effective tool of oppression, working against an emerging scientific discipline and enlightenment. The role of Strugackiy’s protagonist is as an observer (he has far more advanced

knowledge than the people around him), but he is forbidden to actively interfere with the progress of history. Such is Lev S. Klejn; he relishes the irony. Ruminating on his fate, he quotes Pushkin (Клейн 2010: 621): “...черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом” (“...devilish set up, I was born in Russia with soul and talent”).

I never met Lev Klejn personally but we corresponded on various occasions. All I learned about him comes from his writings published in Russian, German, and English. When I evaluate Lev Klejn’s contributions to archaeology, I see him as the quintessential archaeologists and describe him in a similar way to how Peter Berger (1963) described his ideal sociologist (occasionally in the words I borrowed from him).

The archaeologist is the man who must look at the material evidence but keeps people in mind. Although he has no people around, he studies people, not artifacts, thus he is like an anthropologist or sociologist who frequently invades people’s privacy with his questions. He looks at their houses, peeking through a keyhole to their kitchens and bedrooms. He reads their intentions by reconstructing past political or ideological systems, looks at families and other social arrangements, identifies economic and political systems and even tries to identify leaders and guess their decisions. When he has access to written sources, he consults his imagination with often eyewitness accounts.

The archaeologist will occupy himself with matters that others regard as mundane or insignificant to the wellbeing of a modern society. He will consider himself with matters that others might find too boring. But what interests us here is the curiosity that grips any archaeologist in front of a site, feature or artifact behind which are human thoughts, intentions, voices, actions, successes and failures. If he is a good archaeologist, he would try to imagine life from the bits and

pieces he finds and comprehend human actions. And every time he excavates a new site, he will anticipate some new facets of human life not yet perceived and understood.

In these journeys through the world of men’s past, the archaeologists will encounter other archaeologists who might sometime resent his presence, feeling that he is encroaching on their territory. In some places the archaeologist will meet up with the economist, in other with political scientist or ethnologist or historian and geographer, all trying to learn something specific about the human condition. Yet, the questions that have brought all of them to these places make all of them interested in the same subject: human being. In trying to answer these questions in specific instances, the archaeologist will have to deal with economic or political matters, but he will do so in a way different from that of the economist or the political scientist. The scene that he contemplates is the same human scene that these other scientists concern themselves with. But the archaeologist’s angle of vision is different. There are two whose path the archaeologist will cross most often; these are the anthropologist and historian. The archaeologist journey will be much impoverished unless it is punctuated frequently by conversations with those two.

People who feel no temptation before closed doors, who have no curiosity about human beings, and who are content to admire scenery without wondering about the people who live in those houses on the other side of the river, should probably stay away from any social science, including archaeology. Archaeology can only be satisfying, in the long run, to those who can think of nothing more entrancing than to watch men and to understand things human. Archaeology is a passion, but if it is craft, Lev Klejn is its master, if it is philosophy, he is its prominent thinker, and if it is science, he is the creative and innovative scientist.

References Cite

- Berger P. 1963. *Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective*. Garden City, NY: Doubleday & Co., 18–24.
- Flannery K.V. 1982. The Golden Marshalltown: A Parable for the Archaeology of the 1980s // *American Anthropologist* 84, 265–278.
- Klejn L.S. 1977. A Panorama of theoretical archaeology // *Current Anthropology* 18/1, 1–42.
- Klejn L.S. 2001. *Metaarchaeology*. København: Munksgaard. 150 p. (Acta Archaeologica 72/1, suppl. III).
- Klejn L. 2017. Archaeology in Soviet Russia // *Archaeology of the Communist Era. A Political History of Archaeology of the 20th Century* / Ed. L.R. Lozny. New York: Springer, 59–99.
- Leach S. 2012. ‘R.G. Collingwood — An Early Archaeological Theorist?’ // *Proceedings of the twenty first annual Theoretical Roman Archaeology Conference* / Ed. M. Dugan, F. McIntosh & D.J. Rohl. Oxford: Oxbow, 10–18.
- Lozny L.R. 2010. Being Klejn // *Current Anthropology* 51/6, 890–891.
- Lozny L.R. 2021. The political ecology of archaeology under Communism // *The Handbook of the History of Archaeology* / Eds M. Diaz-Andreu & L. Coltofean. Oxford University Press (under contract).
- Strugatsky A. and B. Strugatsky. 1975. *Hard to be a God*. Translated by Wendayne Ackerman. London: Eyre Methuen. 206 p.
- Trigger B. 1978. No longer from another planet // *Antiquity* 52/206, 193–198.

Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.

Клейн Л. 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.

Клейн Л.С. 2011. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 + 626 с.

Лич С. 2011. В беседах с Л.С. Клейном (Стивен Лич) // Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред В.А. Лышша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск: Изд-во Уссурийского государ. педагог. ин-та, 36–44.

The quintessential archaeologist

Ludomir R. Lozny

Lev Klejn was a man of integrity, skilled storyteller and meticulous and precise archivist. He did not subscribe to the mood of the day but stood firmly on his own. When I appraise Lev Klejn's contributions to archaeology, I see him as the quintessential archaeologists who saw archaeology as a craft and history as science. His key interests were in theory and methodology. Surrounded by Marxist ideology, Klejn never was a devoted Marxist but used Marxist-inspired dialectics as an analytical tool. Two key approaches intertwine in his theoretical thinking: one rooted in the use of material culture to reconstruct the past, and the other focused on interpretations to understand it. He was recog-

nized by his peers as the leading European archaeologists and Colin Renfrew acknowledged him as one of a few European scholars who engaged with the intellectual challenges coming from American archaeologists (primarily with Binfordian processualism).

This is his legacy after he had wandered his path of discovery for more than half a century. Archaeology can only be satisfying to those who can think of nothing more entrancing than to watch men and to understand things human. Archaeology is a passion, but if it is craft, Lev Klejn was its master, if it is philosophy, he was a prominent thinker, and if it is science, he was creative and innovative scientist.

Совершенный археолог

Л.Р. Лозны

Лев Клейн был честным человеком, умелым рассказчиком, дотошным и точным наблюдателем. Он не подстраивался под мнение большинства, но твердо стоял на своем. Когда я оцениваю вклад Льва Клейна в археологию, я вижу его как незаурядного археолога, который рассматривал археологию как мастерство, а историю как науку. Его ключевые интересы лежали в области теории и методологии науки. В окружении марксистской идеологии Клейн никогда не был преданным марксистом, но использовал марксистскую диалектику в качестве аналитического инструмента. В его теоретическом мышлении переплетаются два ключевых подхода: один основан на использовании материальной культуры для восстановления прошлого, второй — на интерпретациях для его понима-

ния. Он был признан своими коллегами одним из ведущих европейских археологов, и Колин Ренфру считал его одним из немногих европейских ученых, кто принимал интеллектуальный вызов американских археологов (главным образом бинфордского процессуализма). Научное наследие Льва Клейна — плод его более чем полувекового прогресса на пути своих открытий.

Археология удовлетворяет только тех, кто не может придумать ничего более захватывающего, чем наблюдать за людьми и понимать природу вещей и человека. Археология — это страстное увлечение: если это ремесло, то Лев Клейн был Мастером, если это философия, то он был выдающимся мыслителем, а если это наука, то он был творческим ученым-новатором.

ВОСПОМИНАНИЯ

Дамир Гибадуллин-Клейн¹

«Надо сначала стать мастером, а потом думать, что с этим делать и куда применить» — так Лев Самуилович ответил мне на вопрос о моей учебе, когда мы впервые прогуливались около его дома по Железноводской улице в Петербурге вечером в июле 1997 г. Сейчас, вспоминая эту реплику по прошествии стольких лет, я убежден, что это абсолютная истина.

Лев Самуилович просыпался в 5:30 ежедневно, сам, без будильника. Лежал тихо, понимая, что я еще в глубоком сне. И только в 7 часов утра, будь то солнечная погода или дождь, отчетливым голосом произносил: «Дамир, пора вставать, семь часов». Иногда он артистично цитировал: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Сквозь сон мне было тепло и уютно слышать это, и в хорошем настроении я поднимался. Лев Самуилович в это время делал простую, но эффективную зарядку. Поднимал 1,5-килограммовые гантели и усердно приседал, вытянув руки вперед. Завтрак всегда готовил я. Овсяную кашу, сдобренную клубничным вареньем или медом. Иногда, крайне редко, он готовил завтрак сам, и это было особенно вкусно.

Вкусы его в еде были простыми. Обычный набор из овощей. Мясо он не любил, хотя и просил приготовить его пару раз в неделю. Любил индейку и куриное филе. А главное — томатный суп и куриный бульон были для него всегда желанными. Питался умеренно и не передал. Однако с возрастом порции еще уменьшились. Исчезла соль, сахар, а чай был похожим на лимонад. Наряду с простой едой, Лев Самуилович далеко зашел с сервировкой стола перед трапезой. Красивые и дорогие тарелки, мельхиоровые приборы и всяческие салфетки и подставки в виде бантиков для ножей. На столе всегда все стояло на своих местах: ножи, вилки, приставные тарелки. Любой прием пищи длился около 25–30 минут и всегда сопровождался великолепными рассказами из своей биографии и мыслями

миропонимания. Чем очень меня радовал, и некоторые его рассказы я буду помнить всю свою жизнь. Напутствий в этих рассказах было мало. Он никогда не критиковал меня или тем более не ругал за проступки, а говорил ровно и учтиво: мол, вот это верно, а вот этим ты меня расстраиваешь. И мне моментально все становилось понятным, а из-за стола я выходил не только сытым, но и воодушевленным, перспективным, как после великолепной лекции с любимым преподавателем.

Так проходили месяцы. Я учился в вузе, Лев Самуилович писал книги. Вечерами мы говорили о политике и смотрели новости; когда отходили ко сну, обсуждали эти самые новости, и он забирался глубоко в историю, чем, конечно, настраивал мне очередной красочный сон.

Политика 1990-х и начала 2000-х гг. в России весьма заботила Льва Самуиловича, но по научной ее части. Он бойко критиковал происходящее, что иногда отражалось на его настроении, хотя и не отнимало энергии в работе. Писал он быстро и неистово — и как-то ловко и споро все получалось. Часто просил меня прочесть написанное, понятен ли мне текст. Мы работали рядом, за разными столами. Я рисовал дни напролет, а Лев Самуилович писал и писал. Правда, бывали дни, когда он не садился за компьютер, а находился в кресле рядом и пролистывал прибывшие книги, рецензируя их, подчеркивая слова, их сочетания и даже целые страницы, видимо выявляя таким образом суть. Хлопком закрывал книгу и отбрасывал ее на журнальный столик рядом. И вот с каким усердием это было, я и понимал, хороша книга или нет.

Лев Самуилович вообще был легко читаемым для меня. Я понимал по его движениям и жестам, как он себя чувствует или что его заботит. Что он хотел бы сделать через минуту и будет ли сегодня очередной незабываемый рассказ.

Дома он ходил всегда в сорочке без галстука и в брюках. Тапочки любил замшевые слип-он на плоской и тонкой подошве. Бывало, занашивал их до изменения

¹ Единственный сын Льва Самуиловича Клейна.
Адрес электронной почты: damirgk@gmail.com.

цвета. Имел великолепный аппетит, но вот сорочки от этого страдали: то капелька бульона, то пятно чая.

Каждый день Лев Самуилович ходил за некоторыми покупками в ближайшие магазины. Он любил в них ходить. Продавцы его знали в лицо и знали его вкусы. Старались обслужить особенно, предлагая все самое свежее. Ему нравилось покупать разные продукты, а потом смешивать их, готовя обед. Он прекрасно разбирался в выпечке. Мог одним взглядом в магазине оценить, будут ли эти печенья вкусными, а овощи сочными и ароматными. Уверяю, никогда не ошибался. С течением лет вкусы Льва Самуиловича не менялись, а вот здоровье не позволяло питаться привычно. Помню, как однажды он принес из магазина полено. Развернув его, я понял — это кролик. Меня, правда, смутило, что он слишком большой, и, не будучи знатоком

мяса, я решил, что все в порядке, надолго хватит. В итоге мы варили этого кролика три дня, но он не размягчался. Выкинули. Оказалось, что это кролик-«дедушка» и не очень-то подходит для приготовления в домашних условиях.

Здоровье Льва Самуиловича с годами ухудшалось. Ему становилось сложнее работать непрерывно, но книги его выходили по несколько изданий в год, что очень радовало Льва Самуиловича. Он любил пролистывать их, делая пометки для возможных переизданий в будущем. В последний год жизни, будучи прикованным к постели, Лев Самуилович не оставлял надежды на продление жизни и продолжал работать. 7 ноября 2019 года его не стало. Он умер с книгой в руках.

«...надо быть мастером...» — именно так.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБ ИДЕАЛЬНОЙ СРЕДЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ АРХЕОЛОГИИ¹

Л.С. Клейн²

Нацеленность на идеалы. Кафедра археологии, юбилей которой мы отмечаем, переживает нелегкие времена. Не скажу худшие — бывало хуже. Не скажу и лучшие — бывало куда лучше. Но равняться на прошлое, каким бы оно ни было успешным, не обещает успеха в будущем. Поэтому я, с позиции своих 90 лет и 70 лет в археологии, постараюсь очертить ту идеальную среду, которая, на мой взгляд, нужна для того, чтобы преподавание археологии было наиболее успешным.

Я понимаю, что это вряд ли достижимо в скорости, что идеал очень далек от реальности, что это неосуществимо ни сегодня, ни завтра, что не до жиру — быть бы живу, но идеал всегда нужно иметь перед внутренним взором, чтобы двигаться в верном направлении.

Не стоит бояться забегания вперед. В 1972 г., т.е. почти полвека назад, Всеволод Сергеевич Сорокин, бывший тогда Ученым секретарем ЛОИА, выдал мне такой отзыв на теоретическую работу:

«...работа Л.С. Клейна представляет собой нечто новое для советской археологии. Более того, в настоящее время большинство советских археологов ни по специфике своих профессиональных знаний, ни по психологии, ни технически не готовы к тому, чтобы принять общую теорию археологии, предлагаемую Л.С. Клейном, ни хотя бы оценить ее по достоинству».

Он тогда рекомендовал ее к печати, но она, конечно, не была принята. Мне оставалось ждать, пока советская археология созреет. Она, так и не созрев, почил в бозе.

¹ Это было последнее публичное выступление Л.С. Клейна в СПбГУ 19 октября 2016 г. на Международной научной конференции «Университетская археология: прошлое и настоящее», посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. В настоящем издании текст публикуется как публичное выступление, т.е. без ссылочного аппарата. Печатная версия — см. Клейн Л.С. 2017. Об идеальной среде для преподавания археологии // Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 13–19.

² Лев Самуилович Клейн (1927–2019).

А ее преемница, постсоветская археология, сразу же захотела по крайней мере послушать, что там вещает этот еретик. Насчет же осуществимости витающих в небе теорий — жизнь приносит не только разочарования, но и счастливые неожиданности. Все возможно, но нужно быть верно нацеленным, чтобы в нужный момент оказаться во всеоружии.

Первое, что, на мой взгляд, необходимо для успешного преподавания археологии, — это ее **высокий статус**. Учебная дисциплина не может преподаваться успешно, если соответствующая ей наука не престижна, не привлекает ни талантливых профессоров, ни живую и многообещающую молодежь. Если она не пользуется общественной поддержкой и признанием. Если в стране археология не признается специальностью, не является официально признанной профессией, а считается лишь боковой специализацией истории, если мы не можем стать докторами археологии, а должны стыдливо прятаться за дипломами кандидатов и докторов исторических наук, то это сказывается и на селекции кадров. Моя мать была отличным хирургом и руководителем медицины, но она очень долго стеснялась моего выбора и говорила, что у нее два сына: один удачный, а другой археолог.

Повышения статуса нашей науки можно добиваться как борьбой за законодательные решения, так и нашей повседневной работой. В ней больше места должен занимать разговор с народом, популяризация археологии и приучение народа к почитанию древностей. Возможно, что этому стоило бы уделить специальный курс в программе археологического образования. Не у каждого есть дар к популярному изложению, но азы этого дела помогут каждому археологу, а это внесет свою долю в повышение статуса нашей науки.

Второе, что необходимо, это реальное выделение и **обособление археологии** как науки, теоретически обоснованное и практичное. Конечно, ныне масса открытий осуществляется на стыке наук, а археологу, по самой природе его деятельности, необходимо знать

и овладевать многими методами и знаниями из смежных и далеких наук. Но он их должен объединять на основе задач своей профессии, и прежде всего он должен владеть именно ею. Иначе дифференциация наук, захватывающая все дальше и определяющая высшее образование, не имела бы смысла.

И прежде всего нужно **отграничить археологию от истории**. Не потому, что история ей особенно чужда, а потому, что история по ряду причин наслонилась на археологию, слилась с нею и подменила ее. Она стала выполнять ее функции на ее материалах своими методами, которые для этого не годятся. У нас это по одним причинам, на Западе — по другим, но происходит и тут, и там. И в Англии, Франции и Германии первобытную археологию и зовут-то *prehistory*, *préhistoire*, *Vorgeschichte*. Нужно выделить отдельную науку преисторию, поставить ее в ряд с древней историей, средневековой и т.д., а археологию изучать в одном ряду с этнографией, антропологией, нумизматикой, текстологией и т.д. Многие археологи придерживались этой логики, но зато такие, как Грэйм Кларк, Ирвинг Рауз, Поль Курбэн. В Советской России это был Равдоникас, который создал учебник истории первобытного общества — как синтетической науки.

В ряде работ я отстаивал эту традицию. В своих предложениях я отстаивал ее наиболее последовательно из всех — вплоть до разделения кафедр. Считаю, что кафедра преистории должна оставаться на историческом факультете (надеюсь, что институты вместо факультетов — явление экзотическое и временное), а вот насчет кафедры археологии — это надо думать, на каком факультете ей быть.

Третье, что требуется, это именно **подобрать подходящий факультет** для кафедры археологии. В разных странах аналогичные кафедры находятся на разных факультетах: где — на философских, где — на исторических, где — на антропологических. С одной стороны, свои материалы археологи передают историкам, и, казалось бы, сам бог велел им находиться рядом. Но это в основном археологи-медиевисты, археологи же Востока и античности больше связаны с филологами, а первобытники — с антропологами и этнографами. Если исходить из методов, то по методам, да и по многим знаниям первобытники тесно связаны с геологами и палеонтологами, также с физическими антропологами, а теперь и с генетиками. Вообще, с моей точки зрения, по всей системе методов, включая и методы точных наук, археологи родственны не историкам, а криминалистам, детективам. Археолог — этоследователь, опоздавший на тысячи лет к месту событий. Он отвечает на вопросы что, где, откуда, когда и как. А вот историк —

как судья: отвечает на вопрос «почему» и дает оценку. Поскольку история — наука о причинно-следственной связи событий.

Я считаю, что по всей системе методов, которыми оперирует археолог, наилучшей средой для археологов является *антропологический факультет*. Факультет, на котором с кафедрой археологии соседствовали бы кафедры антропологии (ее в Петербурге вообще нет), этнографии, четвертичной геологии и палеонтологии, теоретической лингвистики, первобытного и древнего искусства, исторической географии и климатологии, культурологии, музееведения. Не думайте, что такой факультет у нас невозможен. Он даже был близок к осуществлению. В 1995 г. в бытность ректором Людмилы Алексеевны Вербицкой я, будучи после длительного отсутствия профессором университета, подал докладную записку с предложением создать такой факультет, а тогда факультеты рождались запросто, и записка была воспринята положительно и рекомендована к исполнению, проректору было поручено принять меры по осуществлению. Однако дело застопорилось из-за трудностей по подбору некоторых руководящих кадров.

Четвертое. Кроме того, я считаю, что такой факультет должен быть **максимально объединен с Академией наук (с ИИМКом) и с Эрмитажем**. Во-первых, лучшие силы науки должны быть привлечены к преподаванию, как это бывало в истории нашей кафедры, а во-вторых, студенты должны быть с самого начала вовлечены в исследовательскую деятельность — и это тоже у нас было. Так что в принципе это вполне реально.

Идеи реализуются. Вообще хочу сказать тем, кто убежден, что это все пустые фантазии, абсолютно неосуществимые. Да, это большой отлет от реальности, а я, конечно, теоретик-фантазер. Но мои фантазии имеют одно странное свойство — они имеют тенденцию реализоваться, сбываться.

Пример. Полвека назад я мечтал написать и издать **целый корпус книг по теории и методам археологии**, а также по истории этой науки, которую я считал отраслью теоретической археологии. При известном отношении в археологической среде к теории и при том, что я не был административным лицом — никаким научным начальником — и не имел надежды им когда-нибудь стать, это было абсолютно несбыточной мечтой. Но вот же они написаны и изданы, изданы у нас, переводятся за рубежом. «Археологические источники», «Археологическая типология», «Принципы археологии», «Введение в теоретическую археологию», «Археологическое исследование», «Новая археология», «История археологической мысли», «История антропологических учений», «Теоретический словарь археологии», «Время

в археологии», «Этногенез и археология», «Феномен советской археологии» и другие. Я вам более того скажу: я вряд ли смог бы осуществить эту масштабную затею за рубежом. А здесь с великими трудностями и задержками, но осуществил.

Другой пример. В самом разгаре перестройки, в 1987 г., прослышав, что в Москве задумали создать Американский университет, я подумал, что в Питере надо бы создать **Европейский университет** — для европеизации нашей науки. Но наступали «лихие 90-е», страна была нищей. А я в это время был уволенным из университета и лишенным степеней и званий отщепенцем; это была, конечно, абсолютно беспочвенная идея неисправимого фантазера. Но я сколотил оргкомитет, зажег этой идеей инициативных людей, помог авторитетным руководителям, возглавившим это дело, получили здание — и вот же работает в Петербурге Европейский университет. Правда, он вышел не совсем таким, каким я его планировал: в нем нет студентов, только аспиранты, и нет археологии. Но университет получился классный!

И еще пример. Я полвека боролся за формирование **теоретической археологии как отрасли**, считал,

что теоретиков нужно готовить особо, вел теоретический семинар. Теоретическая археология сформировалась в середине 1970-х гг. Но ясно, что создать *кафедру теоретической археологии* было абсолютно несбыточной затеей. И вот же она создана! Существует! Правда, в Лондоне, и заведует ею мой друг Стив Шеннан. Но наука не имеет границ. Сегодня в Лондоне (или где-то еще на Западе), а завтра в Петербурге. Как компьютеры, мобильники, джинсы и джаз. Да и те же университеты и академии. И тот же Петербург. И та же археология.

Вот поэтому я и призываю планировать великое будущее, невзирая на убогие сегодняшние реалии и ориентируясь на лучшие мировые тренды. Но не забывать, что в мире, как и у нас, есть не только лучшие. Наша главная задача — верно выбрать и определить свои идеалы. Сегодняшние идеалы — это завтрашние реалии. Я дожил до реализации некоторых своих идеалов. Доживете и вы, но для этого их надо иметь и не упускать из виду.

Есть одна древняя латинская пословица, которую вы не знаете и не можете знать, потому что ее придумал я: «*Auditu aude!*» («Чтобы быть услышанным, дерзай!»)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л.С. КЛЕЙН: СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ¹

1955

Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР // СА. Т. XXII. С. 257–272.

1959

Нужна коренная перестройка // ЛенУн. № 16 (1089), 11 мая. С. 2.

СНО — быть или не быть? // ЛенУн. № 33 (1105), 26 октября. С. 1–2.

1960

Кургани біля с. Троїцького // АП УРСР. Вип. 8. С. 141–163.

Новые данные о хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 144–148.

1961

Археология сегодня и завтра // Нева. № 12. С. 153–129.

Научная деятельность М.И. Артамонова // Исследования по археологии СССР: Сборник статей в честь профессора М.И. Артамонова. Л. С. 5–6. (Автор не указан).

О так называемых ямных погребениях эпохи бронзы катакомбного типа: (К вопросу о происхождении катакомбной культуры) // СА. № 2. С. 49–65.

О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М.И. Артамонова. Л. С. 69–78.

Список печатных работ М.И. Артамонова // Там же. С. 7–11. (В соавторстве с Г.Ф. Корзухиной).

Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным // АСГЭ. Вып. 2. С. 45–56.

Череп, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы // СЭ. № 2. С. 105–109.

1962

Из прошлого в будущее: (Естествознание и перспективы археологии) // Природа. № 1. С. 68–77.

Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА. № 2. С. 26–38.

К определению места курильниц в катакомбной культуре // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д. С. 123–132.

Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 1. С. 74–87.

Охота на львов: Специальность или специализация? // ЛенУн. № 35 (1284), 1 июня. С. 3.

Охота на львов: Специальность или специализация? // ЛенУн. № 36 (1285), 5 июня. С. 3.

¹ В список не вошли многочисленные публикации Л.С. Клейна в периодической печати (в частности, в газете научного сообщества «Троицкий вариант» у него был собственный раздел «Колонка Льва Клейна»), а также статьи и комментарии в интернете.

Садовый курган, новый выдающийся памятник сарматской культуры: (Предварит. сообщ.) // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 164–167.

Сказание о невидимом граде Китеже // Вокруг света. № 2. С. 33–36.

1963

Заметки о зарубежной библиографии по археологии за 1950–1960 гг. // СА. № 2. С. 259–265.

Происхождение скифов царских по археологическим данным // СА. № 4. С. 27–35.

A brief validation of the migration hypothesis with respect to the origin of the Catacomb culture // Soviet Anthropology and Archaeology. Vol. 1(4). P. 27–36.

Bronzkori agyag kerékmodellek a Fekete-tenger északi partvidékéről (Bronze Age clay wheel models from the Northern Black Sea area) // Archaeologiai Értesítő. Kötet 90. Szam. P. 60–63.

1964

Об источниках медного импорта раннетрипольской культуры // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 133–138.

Obecność elementów południowo-wschodnich w późnoneolitycznych kulturach Małopolski: (The presence of South-Eastern elements in the Late Neolithic cultures of Poland Minor) // Archaeologia Polski. T. 9(2). P. 371–399.

1965

К сравнительной стратиграфии эгейских и дунайских теллей // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 57–63.

1966

Археология спорит с физикой. Спор о достоверности и точности радиоуглеродной хронологии // Природа. № 2. С. 51–62.

Археология спорит с физикой. Спор о достоверности и точности радиоуглеродной хронологии // Природа. № 3. С. 94–107.

К оценке прочности и надежности абсолютной хронологии Египта: (Архаический период и Древнее царство) // ВДИ. № 4. С. 94–105.

Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры // АСГЭ. Вып. 8. С. 5–17.

Siedlungsgebiete und Bestattungsart der nomadischen Scythenstamme nach Herodot und nach den archäologischen Quellen // Bibliotheca classica Orientalis. Jg. 11(5). Col. 268–270.

A regeszt vitatkozok a fizikaval // Univerzum. No. 12.

1967

Археология под золотой маской // Юность. № 7. С. 93–98.

Глазами Шерлока Холмса // Знание — сила. № 12. С. 15–17.

Костяной молоточек // НиЖ. № 3. С. 142–143: ил.

A regeszt vitatkozok a fizikaval // Univerzum. No. 1. P. 11–21.

A regeszt vitatkozok a fizikaval // Univerzum. No. 3. P. 22–31.

Reiche Katakombengräber // EAZ. Jg. 8(4). S. 210–234.

Zagadka grobów katakumbowych rozwiązana? // Z otchłani wieków. T. 33(4). S. 212–222.

1968

Происхождение донецкой катакомбной культуры: Автореферат дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. ЛОИА. 19 с.

Археология и магнетизм // Природа. № 4. С. 65–75.

Археология и магнетизм // Природа. № 5. С. 49–55.

Вопросы первобытной археологии в произведениях Маркса и Энгельса // ВЛУ. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 2. С. 38–43.

Выдающийся исследователь скифской культуры: (К 70-летию профессора М.И. Артамонова) // ВДИ. № 4. С. 190–192. (В соавторстве с В.П. Шиловым).

К семидесятилетию М.И. Артамонова // СА. № 4. С. 151–156.

О типичных приемах современной критики марксизма в археологии // СА. № 4. С. 138–150.

О дате Карбунского клада (К проблеме абсолютной датировки раннетрипольской культуры) // Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). // Проблемы археологии. Вып. I. С. 5–74.

От редакции // Там же. С. 3–4. (В соавторстве с М.И. Артамоновым).

Связь археологии и этнографии по К. Марксу и современная наука // ТД годичной сессии ЛОИЭ АН СССР. Л. С. 15–17.

Social responsibilities Symposium: Comment // Current Anthropology. Vol. 9(5). P. 415–417.

Der Ursprung der Königlichen Skythen nach den archäologischen Quellen // Bibliotheca classica Orientalis. Jg. 13(1). Col. 27–29.

1969

К постановке вопроса о происхождении славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л. С. 21–35.

Остаюсь археологом: Трактат о кризисе гуманитарности в археологии и его связи с методами естественных наук. 1. Археология плюс физика // Знание — сила. № 2. С. 26–27.

Arheologia ja fuusika dispuut // Eesti loodus. No. 6.

Arheologia ja fuusika dispuut // Eesti loodus. No. 7.

Characteristic methods in the current critique of Marxism in archaeology // Soviet Anthropology and Archaeology. Vol. 7(4). P. 41–53.

Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur // Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin. S. 192–200.

Towards an economic prehistory of Europe: Comment on F.W. Higham // Current Anthropology. Vol. 10(2–3). P. 303–312.

Zum Problem der Aussonderung und Gliederung des Streitaxtkulturkreises // Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin. S. 143–148.

1970

В поисках града Китежа // Знание — сила. № 11. С. 27–29.

Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. № 2. С. 298–302. (В соавторстве С.С. Миняевым, Ю.Ю. Пиотровским, О.И. Хейфец).

Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С. 165–179: табл.

К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур // СА. № 1. С. 49–57: карт. Рез. фр.

Новочеркасская экспедиция // АО 1969 года. С. 93. (В соавторстве с Ф.Р. Балоновым, Г.Н. Бестужевым, С.С. Миняевым).

Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв. М.; Л. ТЛОИИ. Вып. 11. С. 226–252. (В соавторстве с Г.С. Лебедевым, В.А. Назаренко).

Остаюсь археологом: Трактат о кризисе гуманитарности в археологии и его связи с методами естественных наук. 1. Археология минус физика // Знание — сила. № 2. С. 33–34.

По поводу информации о методике американских археологических исследований // СА. № 1. С. 298–300.

Проблема определения археологической культуры // СА. № 2. С. 37–51.

Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества // СЭ. № 5. С. 20–32.

Archaeology in Britain: a Marxist view // Antiquity. Vol. XLIV(176). P. 296–303.

On Renfrew's reply: A letter // Current Anthropology. Vol. 11(4–5). P. 402.

[On sociological research among CA Associates]: A letter // Ibid. P. 401.

On trade and culture process in prehistory: Comment on C. Renfrew // Current Anthropology. Vol. 11(2). P. 169–171.

Über typische Verfahren der gegenwertigen Kritik an Marxismus in der Archäologie // EAZ. Jg. 11(3). S. 333–350.

1971

- Курганы под Новочеркасском // АО 1970 года. С. 103. (Совместно с В.С. Андреевым, Вас.А. Булкиным, Б.В. Ивановым, Б.А. Раевым).
- Феномен СМ III и вопрос о языке линейного письма А // ВЛУ. Сер. ист., яз., лит. Вып. С. 110–113.
- La arqueología en Gran Bretaña: Un punto de vista marxista // Cuadernos de Antropología Social y Etnología. Año 1(3). P. 25–40.
- Headings // Current Anthropology. Vol. 12(2). P. 70.
- Why not history? // Ibid. P. 170.
- Was ist eine archaologische Kultur? // EAZ. Jg. 12(3). S. 321–345.
- Was ist eine archaologische Kultur? // EAZ. Jg. 13(3). S. 367–368.
- Рец.: Kalitz N. Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn. Budapest, 1968. // СА. № 1. С. 287–291.
- Мы собираем курганы // Знание — сила. № 9. С. 46–50.

1972

- Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО 1971 года. С. 133–134. (В соавторстве с Б.А. Раевым, А.И. Семеновым, А.В. Субботиным).
- О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии // ТД СПИПАИ 1971 г. Археол. секции. М. С. 14–16.
- Die Ausbildung der Archäologen in der UdSSR // EAZ. Jg. 13(3). S. 443–456.
- Die Konzeption des Neolithikums, Äneolithikums und der Bronzezeit in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart // Neolithische Studien. I. (Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg 1). S. 7–30.
- One more idea on current bibliography // Current Anthropology. Vol. 13(3–4). P. 346.
- On the logic of cross-cultural analysis: Comment on Kobben // Current Anthropology. Vol. 13(1). P. 131–136; 138–139. (Ответ: Current Anthropology. 1973. Vol. 14(1). P. 3–4.)
- Zu einigen Begriffen der Archäologie. Berichtigungszusatz zum Artikel «Was ist eine archäologische Kultur?» in EAZ, 12, 1971, Heft 3. // EAZ. Jg. 13(3). S. 367–368.
- Рец.: Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte, Bd. 2. München, 1968 // СА. № 1. С. 278–281.
- Рец.: Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott. Bristol, 1968. // СА. № 3. С. 385–389.

1973

- Археологические признаки миграций. М. 17 с. (IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады сов. делегации).
- Кипр и Крит в «Археологии мира» // ВДИ. № 2. С. 155–163.
- Метаархеология на Западе: (Критический обзор современных представлений ученых Запада о содержании теории археологии) // ТД СПИПАИ 1972. С. 49–52.
- Новочеркасские курганы // АО 1972 года. С. 287–288. (В соавторстве с Б.А. Раевым, А.И. Семеновым, В.С. Суворовым).
- О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии в СССР // ТД СПИПАИ 1972. С. 6–10. (В соавторстве с В.Ф. Генингом, Ю.Н. Захаруком, И.С. Каменецким, В.М. Массоном, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
- Человек, культура и среда в «новой археологии» // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: ТД Всесоюзного симпозиума. М. С. 41–43.
- Archaeoastronomy and ethnoastronomy so far: Comment on E. Ch. Baity // Current Anthropology. Vol. 14(4). P. 433–434.
- A letter to the Editor: [More detailed suggestions] // Current Anthropology. Vol. 14(1–2). P. 3–4.
- Marxism, the Systemic approach, and archaeology // Explanation of culture change: Models in prehistory. London. P. 691–710.
- On major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology: Comment on K.C. Chang // Current Anthropology. Vol. 14(3). P. 311–320.
- Soviet archaeology and the role of Vikings in the early history of the Slavs. Comment on Daniil Avdusin // NAR. Vol. 6(1). P. 1–4.

Рец.: Moberg C.-A. *Introduktion till arkeologi*. Stockholm, 1969 // CA. № 4. С. 294–300.

Рец.: *New perspectives in archeology* / Edit. by S. R. Binford and L. R. Binford Chicago, 1968 // CA. № 2. С. 303–312.

1974

Генераторы народов // *Древняя Сибирь*. Вып. 4. С. 126–134.

Погребения кочевников в курганах под Новочеркасском // АО 1973 года. С. 110–111. (В соавторстве с А.Г. Калмыковым, Е.Я. Роговым, А.И. Семеновым).

Kossinna im Abstand von 40 Jahren // *Jahrbuch für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Bd. 58. S. 7–55.

L.S. Klejn recenserar Moberg (Göteborgs universitet, institutionen för arkeologi sürskilt nordeuropoisk). Göteborg, 1974, 10 S. (För programmet «Samhällsformer i Norden Europa 1500 f – 500 e O»).

Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung. Polemische Bemerkungen zur Integration der Archaologie mit der schriftlichen Geschichte und der Sprachwissenschaft bei der ethnischen Deutung des Fundgutes // *EAZ*. Jg. 15(2). S. 223–254.

Рец.: Nachmann R. *Die Goten und Skandinavien*. Berlin, 1970 // CA. № 3. С. 278–284.

Рец.: T. Sulimirski. *Prehistoric Russia*. London, 1970 // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 40. P. 211–214.

30 небольших рецензий на работы Б.И. Маршака, В.Б. Ковалевской, А.А. Формозова, М.В. Крюкова, Е.В. Антоновой (2 работы), А.М. Хазанова, В.М. Массона, В.И. Сарияниди, Т.Г. Мовши, А.О. Щепинского, З.И. Ямпольского, В.И. Козлова и Г.В. Шелепова, П.М. Кожина и Б.А. Фролова, Ю.И. Семенова, Л.А. Кочи, З.П. Соколовой, Н.Е. Урушадзе, М.Д. Хлобыстиной, Н.Г. Порфиородова, В.И. Гуляева, А.В. Кузы и Г.Ф. Соловьевой, М.Я. Чорефа и П.Н. Шульца, Б.А. Литвинского (2 работы), А.А. Куратова, Ю.Е. Березкина, И.С. Масимова, Е.Е. Кузьминой, Г.Г. Стратановича // *Bibliographie zur Symbolik, Ikonographie und Mythologie*. Baden-Baden. Jg. 7. Passim.

1975

Германцы в «Археологии мира» // *ВДИ*. № 1. С. 197–203.

К разработке процедуры археологического исследования // *Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований*. Л. С. 42–44.

Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // *ВДИ*. № 4. С. 14–27.

О сущности и границах аналитической археологии // *Новейшие открытия советских археологов*. Киев. Ч. 3. С. 19–22.

Проблема смены культур в современных археологических теориях // *ВЛУ*. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 8. С. 95–103.

Social borders: definitions of diversity: Comment on J.-K. Ross // *Current Anthropology*. Vol. 16(3). P. 333.

Socio-archaeology: Comment on G. Gjessing // *Ibid*. P. 333.

Рец.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Одесса, 1970 // CA. № 1. С. 297–303.

Рец.: Horedt K., Seraphin C. *Die prähistorische Ansiedlung auf dem Wietenberg bei Sighisoara – Schassburg* (*Antiquitas*, R. 3; Bd. 10). Bonn, 1971 // *Археология*. № 17. С. 107–109. (В соавторстве с В.А. Дергачевым).

Рец.: Woodall J.N. *An Introduction to modern archaeology*. Cambridge, Mass., 1972 // CA. № 3. С. 267–273.

18 небольших рецензий на работы Ф.Х. Арсланова и А.А. Чарикова, С.Н. Артановского, В.И. Даркевича и Б.И. Маршака, М. Дуглас, Дж. Фернандес, А.А. Формозова, Г.Н. Курочкина, А.И. Мартынова, В.М. Массона, А.П. Окладникова (2 работы), В.В. Отрощенко, С.А. Плетневой (2 работы), Е.А. Поповой, Е.В. Ревуненковой, В.В. Седова, Ю.С. Степанова // *Bibliographie zur Symbolik, Ikonographie und Mythologie*. Baden-Baden. Jg. 8. Passim.

1976

Археология и преистория в системе И. Роуза // CA. № 1. С. 306–315.

Сарматский тарандр и вопрос о происхождения сарматов // *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. М. С. 228–234: ил., карт.

Ямные и катакомбные погребения Калмыкии: культурная детерминация и восстановление социальных структур // *Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: (Неолит и бронзовый век)*. Куйбышев. С. 27–30.

A test of migration hypothesis: Slavic movement into the karst region of Yugoslavia. Comment on y'Edynak // *Current Anthropology*. Vol. 17(3). P. 420–421.

- The behavior of peoples: a review article // *Current Anthropology*. Vol. 17(1). P. 132–136.
- Neolithikum Europas als ein Ganzes // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* (Halle), Bd. 60 (Behrens-Festschrift). S. 9–22.
- Review of: Binford S.R. and L.R. (eds). *New perspectives in archaeology*. Chicago, Aldine, 1968 (transl. fr. Russian 1973) // *Soviet Anthropology and Archaeology*. Vol. 14(3). P. 72–96.

1977

- К оценке эмпиризма в современной археологии // ПАЭ. Вып. 1. С. 13–22.
- Предмет археологии // *Археология Южной Сибири. Известия лаборатории археологических исследований*. Вып. 9. С. 3–14.
- A panorama of theoretical archaeology // *Current Anthropology*. Vol. 18(1). P. 1–42.
- Theoretical archaeology: corrections // *Current Anthropology*. Vol. 18(2). P. 371–373.
- Рец.: Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода). М., 1975 // *СА*. № 3. С. 309–317.

1978

- Археологические источники: Учебное пособие / Л.: Изд-во ЛГУ. 120 с.: ил.
- Археологическая теория (проблема статуса и дефиниции) // *Проблемы археологии*. Вып. 2. С. 8–17.
- Археология и этногенез: новый подход // *Методологические проблемы изучения этнических культур: Материалы симпозиума*. Ереван. С. 25–33.
- Проблема объективности исследования в скандинавской археологии // *ВЛУ. Сер. ист, яз. и лит.* Вып. 2. С. 48–54. Рез. англ.
- Три процедуры археологического исследования // *ВАУ*. Вып. 14. С. 15–24.
- Archéologie, racisme et nationalisme. À propos de l'interprétation des vestiges archéologiques (adapt. et condens. par Millotte J.P.) // *Dialogues d'histoire ancienne*. Vol. 4. P. 377–402.
- On theory of archaeology: a response // *Current Anthropology*. Vol. 19(1). P. 162–164.
- Temporal models in prehistory: Comment on J.B. Stoltman // *Current Anthropology*. Vol. 19(4). P. 732–734.
- Zur historischen Auswertung der Ockergräber: Kritische Bemerkungen zu A. Häusler // *EAZ*. Jg. 19(4). S. 227–242.

1979

- О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // *Античный мир и археология*. Вып. 4. С. 204–221: карт.
- Понятие типа в современной археологии // *Типы в культуре*. Л. С. 50–74.
- Предисловие; Выступление в дискуссии; Заключение // Там же. С. 3–5; 156–173; 174–178.
- Проблема «х» // *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства*. Кемерово. С. 18–22.
- Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы*. ТДК. Донецк. С. 18–20.
- Теории в археологии // *Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск. С. 30–39.
- The social anthropology of Neolithic graveyard in the Netherlands: Comment on P. van de Velde // *Current Anthropology*. Vol. 20(3). P. 53–55, 55–58.
- To the index and the idea of the bimonthly issues... // *Ibid.* P. 658.

1980

- Возникновение кочевого скотоводства // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции*. Кемерово. С. 30–36.
- [Обзор классификационных работ, предмет которых причастен к культуре: Выступление на семинаре 1979 г. в Борке] // *ВФ*. № 8. С. 164.
- Откуда арии пришли в Индию // *ВЛУ. Сер. ист, яз. и лит.* Вып. 4. С. 35–39.

Структура археологической теории // ВФ. № 2. С. 99–115.

Третья гипотеза о происхождении скифов // НАА. № 6. С. 72–74.

Archaeology of the 80-ties through the objectives of the 70ties // NAR. Vol. 13(1). P. 9–13.

On building of a theoretical archaeology: A response // Current Anthropology. Vol. 21(4). P. 521–526.

Panorama de l'archeologie theorique (+ Addendum 1978: Personalite de la France) // L'archeologie aujourd'hui. Paris. P. 262–303.

1981

Археолого-этнографические сопоставления // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск. С. 138–141.

О языке вещей // Там же. С. 16–18.

Проблема преемственности и смены археологических культур // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л. С. 33–38.

Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М. С. 18–23.

Archeologická teorie // Malina J. Archeologie včera a dnes. České Budějovice. Č. 2. S. 221–232.

Ethnogenese als Kulturgeschichte archäologisch betrachtet. Neue Einstellung // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte (Coblenz-Festschrift. Beiheft 16 der Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege). Berlin. Тl. 1. S. 13–25.

"Ethnos" und "Kultur" auf dem Symposium Erevan 1978 // EAZ. Jg. 22(1). S. 85–101.

Panorama teoretske arheologije. D. 1 // Arheo. No. 1. S. 1–16.

[Přehled archeologických teoretických pojmů: (extract z rukopisu 'Archeologické prameny' L.S. Klejna)] // Malina J. Archeologie včera a dnes. České Budějovice. D. 1. S. 677–705.

1982

Archaeological typology. Oxford. 322 p. + Errata and corrigenda in a separate pamphlet, 8 p. (BAR. International Series. 153).

Введение в специальность // Программа спецкурсов по археологии и этнографии. Свердловск. С. 3–7.

Attainments and problems of Soviet archaeology // WA. Vol. 13. P. 272–295. (В соавторстве с Вас.А. Булкиным, Г.С. Лебедевым).

Panorama teoretske arheologije // Arheo. No. 2. S. 1–42.

1983

От Тигровой балки до Матсья-пураны: (Следы неведийских погребальных обрядов у индоариев в свете степной и среднеазиатской археологии) // Бактрия — Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. ТДК. М. С. 47–49.

1984

Археологические следы древнейших индоариев в Причерноморье // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М. Ч. I. С. 32–35.

Корреляция имен в Илиаде // ТД совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М. С. 122–123.

Найдена ли Троя // Тезисы Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ. М. С. 26–27.

От Днепра до Инда // Знание — сила. № 7. С. 17–20: ил.

От Дуная до Индии. Отражение урнового погребального обряда в фольклоре индоариев и проблема фригийской миграции // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М. Ч. I. С. 35–37.

The coming of Aryans: who and whence? // Bulletin of the Deccan College Research Institute. Vol. 43. P. 57–72.

1985

Мёд-пиво народной сказки // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. М. С. 45–47.

Найдена ли Троя? // Знание — сила. № 3. С. 40–43.

Перун на Кавказе // СЭ. № 6. С. 116–123.

Похороны бога и святочные игры с умруном // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. М. С. 48–50.

Русалки и Царь Салтан // Там же. С. 47–48.

Сказание о невидимом граде Китеже // Град Китеж. Горький. С. 211–223.

Рец.: Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983 // НАА. № 1. С. 194–198.

1986

Илион и Троя: (К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса) // НАА. № 4. С. 86–116.

Кто победил в «Илиаде» // Знание — сила. № 7. С. 43–45.

О предмете археологии: (В связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. № 3. С. 209–219.

Скептический комментарий к началу европейской истории: [О мифичности Троянской войны] // Знание — сила. № 3. С. 41–44.

1987

Arheoloski viri. Ljubljana: Studia Humanitatis. 174 s.

Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии: (Круглый стол) // НАА. № 5. С. 63–82, 92–96.

К вопросу о связи культуры и искусства // Искусство в системе культуры. Л. С. 22–29.

Классификация и типология // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. ТД. Ч. I. Омск. С. 33–35.

Майкоп, Азия, Европа // Знание — сила. № 2. С. 66–76.

1988

Arheološka tipologija. Ljubljana: Studia Humanitatis. 582 s.

Правосудие и два креста // Нева. № 5. С. 150–158. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу: (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ. № 4. С. 13–23.

Христианство на Руси: (Круглый стол) // Знание — сила. № 8. С. 36–43. (Совместно с Вал.А. Булкиным, Д.А. Мачинским, М.Б. Шукиным).

Рец.: Кузьмина Е.Е. Древние кочевники от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986 // НАА. № 3. С. 201–207.

1989

Проблема преемственности и погребальный обряд // Археология Восточно-Европейской степи (Рыковские чтения 1984 г.). Саратов. С. 127–129.

Путешествие в перевернутый мир // Нева. № 4. С. 150–164. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Сказание о невидимом граде Китеже // Град Китеж. Горький. 2-е изд., испр. и доп. С. 191–203.

1990

Ад глазами француза // Знание — сила. № 2. С. 81–83. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Ахейские песни Илиады: (К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л. С. 212–231.

Гомеровские названия греков и Древний Восток // НАА. № 1. С. 56–67.

Данайская Илиада: К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса // ВДИ. № 1. С. 222–253.

[Изложение доклада Л.С. Клейна «Этнос и культура» на юбилейной сессии памяти М.И. Артамонова] Смирнова Г.И., Флёров В.С. Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова (Ленинград, 1988) // СА. № 3. С. 291–296. (В частности, с. 291).

О так называемых зооморфных скипетрах // Проблемы древней истории Причерноморья и Средней Азии. ТД. Л. С. 17–18.

Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л. С. 13–26.

Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северо-понтийских степях // Междисциплинарные исследования культурургенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван. С. 162–175.

Страх // Нева. № 1. С. 151–170. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Этнография лагеря // СЭ. № 1. С. 96–108. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Reise in die verkehrte Welt // Lettre International (Berlin). Heft. 10. S. 13–18.

Reise in die verkehrte Welt // Hamburger Rundschau (Hamburg). Nr. 20. Sept. S. 16–17.

Theoretical archaeology in the making: a survey of books published in the West in 1974–1979 // Fennoscandia Archaeologica. Vol. VII. P. 3–15.

1991

Археологическая типология / ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ при АН СССР. Л. 448 с.: ил., карт.

Verkehrte Welt. In Breshnews Lagern. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag. 176 S.

В защиту «чистой археологии» // СА. № 2. С. 102–110.

Расправа с помощью права // Нева. № 2. С. 120–143. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Рассечь кентавра: О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники. № 4. С. 3–12.

Троянская война в эпосе и истории: Послесловие // Кравчук А. Троянская война: Миф и история. М. С. 196–217.

Языческий подход к лингвистике // Советское славяноведение. № 4. С. 88–92.

Russian lesson for theoretical archaeology: reply // Fennoscandia Archaeologica. Vol. VIII. P. 67–71.

Vida y arqueología en San Petersburgo (entrevista) // Arqueología (Mexico). 5. enero — junio 1991. P. 129–132. (Интервьюировал Juergen Brueggemann).

1992

Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. № 4. С. 228–246.

Древнейшие песни Илиады // ВДИ. № 2. С. 15–31.

Методологическая природа археологии // РА. № 4. С. 86–96.

Теоретическая археология и раскопки // Северная Евразия от древности до средневековья. ТК к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб. С. 19–21.

Current political situation in Russia and the position of archaeology in the country // Oxford Magazine. No. 84. Eighth week. Trinity term 1992. P. 26–32.

Lev S. Klejn. Intervju // Arheo. No. 15. S. 52–50. (Интервьюировала проф. Биба Тержан).

Todo arqueólogo tiene algo de teórico... Una entrevista con Leo S. Klejn // Trabajos de Prehistoria (Madrid). Vol. 49. P. 11–25. (Интервьюировали доктор Г. Руис Запатеро и доктор Х.М. Висент Гарсия).

Una conversación con Leo Klejn (entrevista) // Revista de arqueología. Año XII. No. 133. P. 7–9. (Интервьюировали доктор М.-И. Мартинес Наваррете, доктор Г. Руис Запатеро и доктор Х.М. Висент Гарсия).

1993

Археологическая типология: Автреферат докт. дис. / РАН. ИИМК. СПб. 16 с.

Перевернутый мир. СПб.: Фарн. 224 с. (Под псевдонимом Лев Самойлов).

Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.: ил.

La arqueología soviética: Historia y teoría de una escuela desconocida. Con prefacio de G. Ruiz Zapatero. Barcelona: Crítica. 173 p.: ill.

Археология предреволюционной России // Проблемы истории отечественной археологии. ТДК. СПб. С. 4–6.

Збручский идол: интерпретация или языческая теология? // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб. С. 210–221.

Историзм в археологии // АВ. № 2. С. 135–144.

Происхождение Масленицы // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб. С. 104–122.

Conversations with Leo Klein / Taylor T. // Current Anthropology. Vol. 34(5). P. 723–735: ill.

- Exploring the limits: an interview with Leo Klejn (led by Dr. K. Kristiansen, the Editor) // *European Journal of Archaeology*. Vol. 1(1). P. 184–194.
- Is German archaeology atheoretical? Comments on Georg Kossack. Prehistoric archaeology in Germany: its history and current situation // *NAR*. Vol. 26(1). P. 49–54.
- It's difficult to be a God: (Yoffee and Sherratt's Archaeological theory: Who sets the agenda?) // *Current Anthropology*. Vol. 34(4). P. 508–511.
- To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity*. Vol. 67(255). P. 339–348.

1994

- Бесплотные герои: Происхождение образов Илиады. СПб.: Фарн; Художественная Литература. 192 с.: ил.
- Уроки Амалы и Камалы // *Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура*: ТД. Ч. II. СПб. С. 102–104.
- Burström M. (the Editor). An ivory tower in archaeology? A conversation with Leo S. Klejn // *Current Swedish Archaeology*. Vol. 2. P. 7–12.
- Childe and Soviet archaeology: a romance // *The archaeology of V. Gordon Childe. Contemporary perspectives*. London. P. 75–90. Discuss P. 90–93.
- Overcoming national Romanticism in archaeology: [Comment on P. Ligi] // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XI. P. 87–88.
- Russia's archaeology at the turning point // *VI Congreso Hispano-Ruso de historia* (Madrid, 1992). Madrid. P. 193–214.
- Taylor T. Conversations with Leo Klejn // *Current Anthropology*. Vol. 34(5). P. 723–735.
- Time concept in archaeology as seen in the time perspective // *World Archaeological Congress, 3*. New Delhi. Theme papers NS.

1995

- Археологические источники. 2-е изд., доп. СПб.: Фарн. 350 с. (Классика археологии).
- О древнерусских языческих святилищах // *Церковная археология*. Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Псков. С. 71–80.
- Российская археология на переломе // *Церковная археология*. Ч. 3. Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков. С. 86–105.
- Functions of archaeological theory // *Journal of Theoretical Archaeology*. Vol. 3–4 (1993–1994). P. 1–39.
- Metaarchaeology in the West. Current notions of Western scholars on what is theory in archaeology // *Ibid*. P. 59–82.
- Prehistory and archaeology // *Whither archaeology? Papers in honour of Evzen Neustupny*. Praha. P. 36–42.
- Schliemann á Petersburg // *Dossiers d'Archéologie*. Nr. 206. P. 16–27.
- Рец.: Алексеева О.Е., Саввониди Н.Ф. Иллюстрированный англо-русский — русско-английский историко-археологический словарь. СПб., 1993 // *СА*. № 2. С. 249–250.
- Рец.: Лебедев Г.С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии 1700–1917. СПб., 1991 // *Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки*. СПб. С. 173–183.

1996

- Археологическая интерпретация: диалектика принципов // *XIII Уральское археологическое совещание*: ТД. Уфа. Ч. 1. С. 6–7.
- Возможна ли надежная реконструкция? // *Там же*. С. 8–9.
- Глядя на наше вчера (Randall McGuire. A Marxist archaeology. San Diego et al., Academic Press, 1992. 326 p.) // *Archaeologia Petropolitana*. № 1. С. 99–106.
- Грекоарии в Северном Причерноморье // *Україна — Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва*. Мариуполь. С. 19–21.
- Мы кроманьонцы: Дезадаптация человека к современной культуре // *Смыслы культуры: Тезисы докладов и выступлений*. СПб. С. 205–209.
- Районирование ранней культуры металла: российская археологическая традиция // *Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена*. СПб. С. 39–40.

- A börtöntudos (Lev Klein, Varga Anna beszelgettet) // 168 ora, evfolyam 32. VIII. P. 34–35.
- On archaeology theory: Who's who in setting the agenda? // Current Anthropology. Vol. 37(2). P. 366–348.
- On the Bibliographical directory of world theoretical archaeology: A project // Theory and practice of archaeology in Europe (World Archaeological Bulletin. No. 8). P. 30–40.
- History of archaeology before 1900: European archaeology // The Oxford companion to archaeology. New York; Oxford. P. 286–287.

1997

- Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Frankfurt/M: Peter Lang. 412 S. (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel 6).
- Интерпретации, реконструкции и теория: (По поводу статьи А.М. Буровского в РА. 1995. № 3. С. 220–224) // РА. № 1. С. 227–230.
- История антропологических учений (культурная антропология) // Ежегодник: факультет этнологии 1997/98 [Европейского университета]. СПб. С. 39–52.
- Культурная антропология: проблемы, теории, понятия // Там же. С. 24–39.
- Культурно-исторический процесс и теория коммуникации // Грани культуры: ТД 2-й Международной конференции. СПб. С. 107–110.
- Марксизм и культура: поздний роман // Метафизические исследования. Вып. 4. Культура. СПб. С. 82–91.
- От Дніпра до Инду // Индоевропа. Кн. 1–2. Київ. С. 20–27.
- Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Индом и Дунаем // Стратум: структуры и катастрофы. СПб. С. 47–66.
- Российское палеоэтнологическое направление в контексте мировой археологии // Традиции отечественной палеоэтнологии: ТД Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.К. Волкова (Вовка). СПб. С. 49–52.
- «Человек дождя»: коллекционирование и природа человека // Музей в современной культуре. Сб. научных трудов. Санкт-Петербургская гос. академия культуры. СПб. С. 10–21.
- Lejrens etnografi // Nordisk Tidskrift for Kriminalvidenskab. Ørg. 84(1). S. 16–32.

1998

- Анатомия Илиады. СПб.: Изд-во СПбГУ. 556 с.
- Археологическая культура: теоретический анализ практики (вместо рецензии) [на книгу В.Б. Ковалевской. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М., 1995] // РА. № 1. С. 187–193.
- Археология и этнография: проблема сопоставлений // Интеграция археологических и этнографических сопоставлений: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. I. Омск; СПб. С. 97–120.
- Высокие технологии в сфере высшего образования: имитация работы // Применение высоких технологий в науке. Тезисы конференции. СПб.
- Генрих Шлиман в Петербурге // Шлиман, Петербург, Троя: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб. С. 8–15.
- Змей с хоботом: (Фольклор и этнография в работе археолога) // Памятники старины: открытия, концепции, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. 1919–1997. СПб.; Псков. Т. I. С. 289–296.
- Культуролог — это кто? // Культурология: как она есть и как ей быть (Международные чтения по теории, истории и философии культуры, 5). СПб. С. 277–282.
- Место М.И. Артамонова в истории российской археологической мысли // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. ТД. СПб. С. 18–20.
- Обсуждение методики раскопок в Европейском университете Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. № 2. С. 50–51.
- О происхождении героев «Илиады» // Шлиман, Петербург, Троя. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург. СПб. С. 120–155.

- Основной инстинкт в современной мифологии: (К вопросу о загадочности гетеросексуальной ориентации) // Мифология повседневности: Материалы научной конференции. С. 84–101.
- Парадоксы общения: От мужских союзов к Стоунволлу // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации: Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб. С. 307–310.
- «Святылища» языческой Руси // Живая старина. № 1. С. 5–7.
- Святой Августин и Лев Толстой: параллели подсознания // Природа бессознательного: Материалы межвузовской конференции. СПб. С. 84–86.
- Троя, Помпеи и теория археологии // Аничков Вестник. № 6. С. 41–45.
- Archaeologists and migrations: A problem of attitude? Comment on H. Härke // Current Anthropology. Vol. 39(1). P. 30–31.
- Katz Miriam. Til forsvar for den frie tanke // Berlingske Tidende. 4. Sektion, tirsdag 8. december 1998. S. 2–3. [На основе интервью с Л.С. Клейном].

1999

- Афоризмы о науке // Stratum plus. № 3. С. 391.
- Глубина археологического факта и проблема реконверсии // Stratum plus. № 6. С. 337–361.
- Заповеди участникам археологического семинара Л.С. Клейна: (годы чеканки 1964–1995) // Stratum plus. № 3. С. 389.
- Критический комментарий Л.С. Клейна к заповедям С. Велиндера // Там же. С. 390.
- Как писать ясно: (двадцать правил хорошего стиля) // Там же. С. 391–392.
- Концепция времени в традиционной культуре // Время и календарь в традиционной культуре: ТД Всероссийской научной конференции. СПб. С. 3–9.
- Мемуар о работе в археологическом кружке исторического факультета Ленинградского университета // Аничковский вестник. № 11. С. 91–96.
- Миграция: археологические признаки // Stratum plus. № 1. С. 52–71.
- Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. № 5. С. 91–101.
- Познанский труд по теории классификации и типологии: [О книге Д. Минта-Твожовской. Познань. 1994] // Археология Петербурга. № 3. С. 28–32.
- Речь при вручении диплома и мантии доктора Honoris Causa Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдавия) // Stratum plus в интернете: e-anthropology.com/Rezenzii/Lev-Klein.aspx.; также — ant.md/future/Klejn.
- Св. Августин и Лев Толстой: латентная гомосексуальность // Голубой айсберг/L'iceberg bleu (Париж). № 2. С. 32–39.
- Теория и терминология — взгляд из Ньюкастла // Stratum plus. № 1. С. 334–338.
- Философия классификации и археологическая практика в книге Адамсов // Stratum plus. № 2. С. 368–372.
- Функции археологической теории // Stratum plus. № 3. С. 8–25.
- Gustaf Kossinna // Encyclopedia of archaeology: The great archaeologists. Santa Barbara; Denver; Oxford. P. 233–246.
- Heinrich Schliemann // Ibid. P. 109–125.
- Nikodim Pavlovich Kondakov // Ibid. P. 165–174.
- Vasilij Alekseevich Gorodcov // Ibid. P. 247–262.
- The early evolution of dice between the Danube and the Indus: Contributions to the early history of mathematics // Acta Archaeologica. Vol. 70. P. 113–135.

2000

- Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-Пресс. 864 с.: ил.
- Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. Исправленное издание. СПб.: Фолио-Пресс. 864 с.: ил.
- Археологическая периодизация: подходы и критерии // Stratum plus. № 1. С. 485–515.
- Археология в седле: (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus. № 4. С. 88–140.

Инвазия с севера на Среднеминойский Крит: оценка достоверности гипотезы // ΣΥΣΣΤΙΓΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб. С. 98–104.

Каталог кораблей: Структура и стратиграфия // *Stratum plus*. № 3. С. 17–51.

Типология в связи с модерном: (по поводу книги Велиндера, 1991) // *Stratum plus*. № 2. С. 584–589.

Тохарская миграция в свете археологии // Там же. С. 178–187.

2001

Принципы археологии. СПб.: Бельведер 152 с.: ил.

Metaarchaeology. København: Munksgaard. 150 p.: ill. (*Acta Archaeologica*. Vol. 72/1. Suppl. III).

Из статьи Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» // *Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении*. Изд. 4-е, испр. М. С. 366–369.

Etnografija taborišča // *Sprevnjeni svet*. Ljubljana. P. 230–254.

Kulturnozgodovinski razvoj in teorija komunikacije // *Ibid*. P. 264–271.

Mi kromanjonci // *Ibid*. P. 255–263.

Gorodcov, Vasilij Alekseevich: (1860–1945) // *Encyclopedia of archaeology. History and discoveries*. Vol. II. Santa Barbara; Denver; Oxford. P. 589–590.

Kondakov, Nikodim Pavlovich: (1844–1925) // *Ibid*. P. 768–769.

Kossinna, Gustaf: (1858–1925) // *Ibid*. P. 775–776.

Russia // *Encyclopedia of archaeology. History and discoveries*. Vol. III. Santa Barbara; Denver; Oxford. P. 1127–1145.

Schliemann, Heinrich: (1822–1890) // *Ibid*. P. 1150–1152.

2002

Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Русское созвездие. СПб.: Фолио-Пресс. 656 с.

Histoire d'archéologie russe // *Dossiers d'archéologie*. No. 270. S. 4–7.

2003

Гражданин Касталии. Ученый, романтик, викинг: [Г.С. Лебедев] // Санкт-Петербургский университет. № 28–29 (3653–3654). Декабрь 12. С. 57.

Памяти Глеба Лебедева // *Посев*. № 9. С. 48.

Ученый, гражданин, викинг: [Г.С. Лебедев]: Некролог // *Клио*. № 3(22). С. 261–263.

An archaeological dialogue with Leo Klejn // *Archaeological dialogues*. Vol. 10(1). P. 57–75.

Theoretical work in archaeology: how to distinguish a good one from a bad? // 9th Annual Meeting of European Association of Archaeologists: Final programme and abstracts. SPb. P. 182.

2004

Введение в теоретическую археологию: Учебное пособие. Книга I. Метаархеология. СПб.: Бельведер. 472 с.

Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия. 480 с.: ил., карт.

Анатомия Илиады: начало дискуссии // *ВДИ* № 3. С. 207–214.

Археология и мода // *Новый мир искусства*. № 1(36). С. 49.

Гей или не гей, будь мужчиной: [Интервью] // *Квир*. № 4(9). С. 46–49.

Глеб Лебедев: Археология и не только [Некролог] // *Stratum plus*. № 1. С. 552–556.

«Молодой может погибнуть в любой момент» [Некролог: Ал. Марков] // *Наука и власть*. СПб. С. 14.

Мэпплторп: не просто откровенный художник // *Новый мир искусства*. СПб. № 6(41). С. 56.

Не родился женщиной: [Неизвестная жизнь А. Линкольна] // *Квир*. № 5(10). С. 20–22.

Письмо проф. Л.С. Клейна проф. В.Н. Дуденкову; (ответное письмо проф. В.Н. Дуденкова) и Ответ проф. Л.С. Клейна // В.Н. Дуденков. Философские реминисценции. СПб. С. 60–62, 68–71.

Становление гуманитарной традиции: (от первобытности до Возрождения) // *Развитие личности*. № 2. С. 159–168.

- Становление гуманитарной традиции: (от первобытности до Возрождения) // Развитие личности. № 3. С. 128–139.
- Становление гуманитарной традиции: (от первобытности до Возрождения) // Развитие личности. № 4. С. 115–136.
- Типы ученых в истории российской археологии // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета СПбГУ. СПб. С. 230–231.
- Histories of archaeology: The view from Petersburg (Concluding comments) // Histories of archaeology: archives, ancestors, practices. Archives of European archaeology. Göteborg. P. 44–47.
- Рец.: Устюгова Е.Н. Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля. СПб., 2003 // Новый мир искусства. № 3(38). С. 22–23.

2005

- Каталог кораблей: структура и стратиграфия. М.: Эксмо. (Триумвират).
- Археология в Петербурге и Петербург в археологии // Stratum plus. № 5. С. 509–514.
- Византиец // Кондаковские чтения-I. Проблемы культурной преемственности. Материалы I Международной научной конференции. Белгород. С. 5–24.
- Вырезанные: Восстановление реальности по фрагментам // Новый мир искусства. № 5(46). С. 42–43.
- Заповеди семинару: Как писать ясно // Коршунков В.А. История Древнего мира: Учебно-методический комплекс. Киров. С. 105–107.
- Как отличить хорошую теоретическую работу по археологии от плохой? // Stratum plus. № 1. С. 482–486.
- Концепции времени и археология. Структурно-семиотическое исследование // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк. С. 11–64.
- Культура, первобытный примитивизм и концлагерь // Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Международные Лихачевские научные чтения. С. 111–114.
- Об «Археологии и не только...», и не только // Stratum plus. № 4. С. 487–490.
- Обучение археологии в Петербурге: традиции и проблемы // АФ. № 3. С. 38–58.
- Персонализм: «культура и личность» // Развитие личности. № 2. С. 163–170.
- Персонализм: «культура и личность» // Развитие личности. № 3. С. 137–148.
- Персонализм: «культура и личность» // Развитие личности. № 4. С. 134–157.
- Работы по классификации и типологии в отечественной археологии на рубеже тысячелетий: Запоздалая рецензия // Stratum plus. № 2. С. 439–450.
- Что мы после этого, или Дембельский аккорд лорда Кеймсторна // Новый мир искусства. № 4(45). С. 48–50.
- Рец.: Archaeology, ideology and society: The German experience. Frankfurt a. M., 2000 // Stratum plus. № 3. С. 384–389.

2006

- Диагноз // Звезда. № 9. С. 142–157.
- Запятнанная классика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк. С. 107–114.
- Из кладов России: Г.Ф. Корзухина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: ТД Международной научной конференции, посвященной 100-летию Г.Ф. Корзухиной. СПб. С. 7.
- Когнитивная археология и ее теории: обзор новейшей литературы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк. С. 7–20.
- О вкусах не спорят? // Новый мир искусства. № 2 (49). С. 52–53.
- The beginning of university archaeology in Russia // Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach (1890–1930) im europäischen Vergleich. Berlin, Internationale Tagung an der Humboldt-Universität zu Berlin ... März 2003 (Berliner Archäologische Forschungen, Bd. 2). Rahden, Westf. S. 197–208. (В соавторстве с И.Л. Тихоновым).
- Neither archaeology, nor theory: a critique of Johnson // Antiquity. Vol. 80. P. 435–443.
- Figures, figurines and Colin Renfrew // Ibid. P. 981–984.
- Рец.: Trigger B.G. History of Archaeological Thought. Second edition. Cambridge, 2006. 730 p. // European Journal of Archaeology. Vol. 9(1). P. 141–143.

2007

- Из истории научных школ и традиций античной археологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб. С. 121–138.
- Ознакомление с не-археологической не-теорией // АВ. Вып. 14. С. 126–232.
- Рец. на: И.В. Утехин. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. М., 2004 // ЭО. № 6. С. 179–182.
- Археология и идеология: немецкая археология при двух диктатурах. Рец. на сборник Harke H. (ed.) *Archaeology, ideology and society: The German experience*. Peter Lang, Frankfurt a. M. et al. [Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd. 7], 2000 // *Stratum plus*. № 3. С. 384–389.
- Review of Trigger's *History of archaeological thought*, Second edition // *European Archaeological Journal*. Vol. 9(1). P. 141–143.

2008

- Место А.А. Спицына в мировой археологии // История и практика археологических исследований. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рожд. члена-корреспондента АН СССР, проф. Александра Андреевича Спицына. СПб. С. 61–72.
- Облик Косинны на пороге нового века: (новая биография Косинны в труде Г. Грюнерта) // АВ. № 15. С. 234–237.
- The Bronze Age of Europe: Reflections on K. Kristiansen and T. Larsson: *The Rise of Bronze Age Society* (2005) // *NAR*. Vol. 41(2). P. 213–228.
- Bruce Trigger in *World Archaeology* // *Bulletin of the History of Archaeology*. Vol. 18(2). P. 4–12.
- Gustaf Kossinna: (1858–1931) // *Histories of archaeology: A reader in the history of archaeology*. Oxford. P. 312–327.

2009

- Новая археология: (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Изд-во ДНУ. 394 с. (Теоретическая археология; Т. 1).
- Панорама теоретической археологии: русский текст с приложениями: [1977–80 гг., новый текст, предисловие] // *Stratum plus*. № 4. С. 11–116 (Монография в журнале).
- Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия. 400 с.: ил., карт.
- Бронзовый век Европы: Размышления над книгой К. Кристиансена и Т. Ларсона // РА. № 2. С. 169–175.
- Индивидуализация в антропологии // Развитие личности. № 2. С. 26–53.
- Кодекс етики археолога як справа честі країни // Археологія. № 1. С. 100–102.
- Мемуары — парад или карнавал? Переписка с проф. А.В. Добролюбским // Добролюбский А.В. *Одессея одного археолога*. Одесса. С. 453–466.
- Полевой дневник археолога (памятка) // *Stratum plus*. № 4. С. 517–525.
- Расизм и «психология народов» // Развитие личности. № 4. С. 56–90.
- Сановный ученый Алексей Николаевич Оленин // Развитие личности. № 1. С. 121–147.
- Смена поколений и проблема преемственности // АФ. № 11. С. 57–63.
- Собаки и птицы в эсхатологической концепции ариев // *Stratum plus*. № 3. С. 185–194.
- Перегляд катакомбної спільности: (про дискусійну працю С.Ж. Пустовалова) // Археологія. № 4. С. 90–103.
- Review of: David Anthony. *The horse, the wheel and language*. 2007 // *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 36(3–4). P. 464–480.
- Рец.: Сухачев И.Л. Перспектива истории в индоевропеистике: К проблеме «индоевропейских древностей». М.: URSS, 2007 // ВЯ. № 4. С. 143–147.
- Рец.: [Энциклопедия трипольской цивилизации. Киев, 2004. Т. 1–2]. Украинское освоение триполья: энциклопедия — справочник или памятник? // *Stratum plus*. № 3. С. 593–600.
- То же // Археологія. № 1. С. 109–116.

2010

- Время кентавров: Степная прародина ариев и греков. СПб.: Евразия. 496 с.: ил., карт.
- Перевернутый мир. 2-е изд. Донецк: Изд-во ДНУ. 406 с.: ил.

- Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История. 730 с.: ил., карт.
 Формула Монтелиуса: Шведский рационализм в археологии Матса Мальмера. Донецк: Изд-во ДНУ. 260 с.: ил.
 Воевода советской археологии // Технология власти. Вып. 2. (Нестор № 14). С. 223–237.
 Дилетантизм в археологии // Здравый смысл. № 2 (55). С. 22–26.
 Еще раз о так называемых зооморфных скипетрах: Полемиическая заметка о книге В.А. Дергачева «О скипетрах, о лошадях, о войне» // Stratum plus. № 2. С. 315–321.
 Из кладов России: Гали Фёдоровна Корзухина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. С. 14–23.
 Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе // Человек и древности. С. 112–122.
 Ключевые понятия археологии в британском представлении // АВ. № 16. С. 223–226.
 Красный демон археологии: сага о Равдоникасе // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М. Т. I. С. 372–384.
 О степном происхождении индоевропейцев: (по поводу книги Дэвида Энтони «Конь, колесо и язык») // Кони, колесницы и колесничьи степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк. С. 167–181.
 Поборник дохристианской «славянщины» Зориан Ходаковский // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 464–473.
 То же // Развитие личности. № 2 С. 125–146.
 Пути ариев: Полемиические заметки о книге Е.Е. Кузьминой // РА. № 3. С. 171–173.
 La arqueología soviética // Istor: revista de historia internacional. Vol. XI(43). S. 127–147.
 Autobiografia // Ibid. S. 148–166.
 Рец.: Палеолит на четырёх языках. [Четырёхязычный (русско-англо-франко-немецкий словарь-справочник / РАН. ИИМК; авт.-сост.: С.А. Васильев, Л.Б. Вишняцкий и др. СПб., 2007] // АВ. № 16. С. 206–207.
 Про степове походження індоєвропейців (з приводу книги Девіда Ентоні «Кінь, колесо й мова») // Кам'яна доба України. Вип. 13. С. 291–299.
 Рец.: Gero von Merhart. Daljoko: Bilder aus siborischen Arbeitstagen. Wien, 2008 // European Journal of Archaeology. Vol. 13(1). P. 141–144.
 Revue of a «splendid idiosyncrasy»: prehistory at Cambridge 1915–1950, 2009, by Pamela J. Smith // Cambridge Journal of Archaeology. Vol. 20(3). P. 449–451.

2011

- История археологической мысли. СПб.: Изд-во СПбГУ. Т. I–II; Т. I. 688 с.: ил.; Т. II. 626 с.: ил. Библиогр.: с. 492–550.
 Александр Александрович Формозов (1928–2009): Послесловие. Курск. 110 с. (В соавторстве с С.П. Щавелёвым).
 В беседах с Л.С. Клейном (Стивен Лич) // Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск. С. 36–44.
 В катакомбах истории: Интервью С.В. Белецкому // Город 812. № 25(134). С. 36–37.
 Гипотеза в археологии // РАЕ. № 1. С. 56–69.
 Дальние корни погребальных традиций ариев // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V. С. 110–113.
 Долгожданный «Стратум» // РАЕ. № 1. С. 661–668.
 Еще раз к вопросу о тохарской миграции // Stratum plus. № 2. С. 183–186.
 Исследование истоков интеллектуальной империи Кембриджа в археологии // РА. № 1. С. 177–182.
 Молдова в зеркале Китая. (Послесловие Л.С. Клейна) // Боршевич В. Молдавский иероглиф. Кишинев. С. 641–644.
 Научные школы в российской археологии // История археологии: личности и школы. СПб. С. 65–69.
 Одинокий воитель: (Памяти И.С. Кона) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIV. № 2. С. 211–214.
 Памятники как источники и археология как источниковедение // Археология Южной Сибири. Вып. 25. С. 15–17.
 Пересмотр катакомбной общности: (о дискуссионном труде С.Ж. Пустовалова) (Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ, 2005) // АВ. № 17. С. 302–315.
 Печальный отклик на Послание от Марка // Петербургский апокриф: Послание от Марка. СПб.; Кишинев. С. 15–16.
 То же // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Шукину. СПб. С. 16–18.

Рациональный взгляд на успехи мистики // Здравый смысл. № 2(59). С. 11–21.

Рец.: Археология, подпорченная в начале [Фаган Б., ДеКорс К. Археология. В начале / Пер. с англ. М.: Техносфера, 2007] // РАЕ. № 1. С. 598–601.

Рец.: Изучая методологию археологов сталинской эпохи [Свешникова О.С. Советские археологи в поисках первобытной истории: Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск: Наука, 2009] // Там же. С. 617–619.

Рец.: Колесный транспорт и философия исследований [Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (Палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007] // Там же. С. 620–624.

Рец.: Крепости двух индийских цивилизаций: теория и факты [Eltsov P.A. From Harappa to Hastinapura: A Study of the Earliest South Asian City and Civilization. Boston; Leiden: Brill, 2008] // Там же. С. 625–631.

Рец.: Сибирское воспитание Мерхарта [Merhart G., von. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau] // АВ. № 17. С. 299–301.

Рец.: Снова о системе трех веков [1. Rowley-Conwy P. From Genesis to Prehistory: The Archaeological Three Age System and its Contested Reception in Denmark, Britain and Ireland. Oxford, 2007. 2. Бочкарев В.С. Система трех веков // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. СПб., 2009] // РАЕ. № 1. С. 613–616.

Рец.: Современное введение в археологию [Gamble C. Archaeology: the basics. 2nd ed London; New York: Routledge, 2008] // АВ. № 17. С. 292–298.

Рец.: Труды Питтсбургского симпозиума по степной преистории. [Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility / Eds V.K. Hanks, K.M. Linduff. Cambridge: Cambridge University Press, 2009] // РАЕ. № 1. С. 632–640.

2012

Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк: Изд-во ДНУ. 623 с.: ил. (Теоретическая археология; Т. 3).

Incorporeal heroes: The origins of Homeric images. Newcastle: Cambridge Scholars publishing. 176 p.: ill.

Soviet archaeology: trends, schools, and history. Oxford: Oxford University Press. 456 p.: ill., maps.

Археология: разговор с народом // Евразийский археолого-историографический сборник: К 60-летию С.В. Кузьминых. СПб.; Красноярск. С. 188–193.

Будущее гуманитарных наук в России. Доклад на годичной конференции СПб Союза ученых. [Пересказан в статье: Ельяшевич А.М. Будущее России во многом зависит от будущего российской науки и российского образования] // Родник знаний. № 1(7). С. 8–9.

Дмитрий Алексеевич Мачинский: (1937–2012) // РАЕ. № 2. С. 791–792.

Мысли о двух карикатурах: Теоретическая археология на пути становления // РАЕ. № 2. С. 8–11.

Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древнейшими цивилизациями: Материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб. С. 25–34.

Normanism and Antinormanism in Russia // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen.

Der Schatten des geraubtes Goldes // Archaeology and Heinrich Schliemann. A century after his death. Assessments and prospects. Myth — history — science. Athens. P. 416–420.

Russia: Pre-Revolutionary Russia; Soviet and Post-Soviet eras // The Oxford companion to archaeology. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press. Vol. 3. P. 61–64; 64–69.

The Russian controversy over the Varangians // From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea. Aarhus. P. 27–38.

Рец.: К истории археологической мысли в России: Вторая половина XIX — первая половина XX века [Платонова Н.И. История археологической мысли в России. СПб.: Нестор-История, 2010] // РАЕ. № 2. С. 758–764.

Рец.: К обзору анатолийской преистории [Düring B.C. The prehistory of Asia Minor from complex hunter-gatherers to early urban societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2011] // Там же. С. 729–733.

Рец.: Коллектив Ходдера о религии в раннем неолите. [Religion in the emergence of civilization. Cambridge: Cambridge University Press] // Там же. С. 723–728.

Рец.: Этнография русских и некоторые ее проблемы: Об учебнике В.С. Бузина. [Этнография русских: Учебное пособие. СПб., 2007] // Вестник СПбГУ. Сер. 2. № 4. С. 230–234.

2013

Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк: Изд-во ДНУ. 600 с.: ил.

Гармонии эпох: Антропология музыки. СПб.: Евразия. 224 с.: ил.

Этногенез и археология. Т. 1. Теоретические исследования. СПб.: Евразия. 528 с.: ил.

Этногенез и археология. Т. 2. Арии и *varia*. СПб.: Евразия. 528 с.: ил.

Концепции времени в их последовательности: социальная психология эпох, отраженная в археологии // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского симпозиума. СПб. С. 15–21.

Откуда Перун у чеченцев — из Ирана или Руси // *Stratum plus*. № 5. С. 237–238.

Ученый, учитель, ученик // *Stratum plus*. № 4. С. 361–364.

Figurative activity in the evolution perspective // *Human Expeditions inspired by Bruce Trigger*. Toronto; Buffalo; London. P. 192–208.

Teoretyczna orientacja polskiej archeologii // *Przegląd Archeologiczny*. No. 61. S. 243–248.

Рец.: Археология двух городов [1]. Добролюбский А.О. Археология Одессы. *Optimum*, 2012; 2.) Ситник О. Археологічна наука у Львові: Перша половина ХХ століття. Львів; Жешів, 2012] // *РАЕ*. № 3. С. 661–668.

Рец.: К столетию Уолтера Тейлора [Maca A.L., Reyman J., Folan W.J. (eds.) *Prophet, Parian and Pioneer: Walt W. Taylor and Dissention in American Archaeology*. Boulder, 2010] // Там же. С. 669–675.

Рец.: Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011 // *Вопросы языкознания*. № 1. С. 125–129.

Рец.: Полное издание Новочеркасского клада [Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач: Новочеркасский клад. СПб., 2011] // *РАЕ*. № 3. С. 634–636.

Рец.: Сравнительные археологии в красной обложке [Losny L.R. (ed.) *Comparative Archaeologies: A Sociological View of the Science of the Past*. New York, 2011] // Там же. С. 676–684.

Рец.: Теоретическая ориентация польской археологии [Tabaczynski St., Marciniak A., Cyngot D., Xalewska A. (red.) *Przestosc spoleczna: proba konceptualizacji*. Poznan, 2012] // Там же. С. 685–691.

Рец.: Философия истории по Коллингвуду [Leach S. *Foundations of history: Collingwood's analysis of historical explanation*. Exeter, 2009] // Там же. С. 692–695.

2014

Время в археологии. СПб.: Евразия. 382 с.

История антропологических учений. СПб.: Изд-во СПбГУ. 744 с.

История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия. 702 с.: ил.

История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия. 636 с.: ил.

Расшифрованная «Илиада». СПб.: Амфора. 574 с. (Новая Эврика).

Теоретический словарь археологии. Донецк: Изд-во ДНУ. 280 с. (Теоретическая археология; Т. 4).

Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. 2-е изд., испр. и доп. Донецк. 736 с.: ил. (Археолог и культура; Т. 2).

Археологическая периодизация в новом тысячелетии // *РАЕ*. № 4. С. 57–60.

Была ли гаплогруппа R1a1 арийской или славянской // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и сопредельных территориях. Сборник памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул. С. 534–540.

Владимир Евгеньевич Еременко: (1963–2014) // *РАЕ*. № 4. С. 663–664: портр.

- Еще один сказ о лехитских варягах: Продолжение спора // *Stratum plus*. № 5. С. 335–343.
- Кого изображали чемурчешские статуи // *РАЕ*. № 4. С. 226–235.
- Кодекс этики археолога как дело чести страны // *Этика в археологии*. Уфа. С. 58–82.
- Норманизм и антинорманизм в России: свидетельство очевидца // *Vers l'Orient et vers l'Occident*. Caen. S. 407–415.
- Озарение под нарами: (воспоминания и размышления о Льве Гумилеве) // *Культурное наследие Российского государства*. Вып. VI. Ч. 2. С. 326–346.
- «Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина // *Stratum plus*. № 6. С. 283–286.
- Археологическая песнь о Нибелунгах: [Рец.: Headeager L. Iron Age myth and materiality: Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London; New York, 2011] // *РАЕ*. № 4. С. 582–588.
- Великий соблазн генеральной хронологии: Запоздавая рецензия на мотив «Пиковой дамы»: [Рец.: Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: Хронология, периодизация, теория, модел. 2-е изд., доп. М., 2010] // Там же. С. 589–595.
- Вокруг истории археологии: [Рец.: История археологии и принципы субдисциплины: Материалы круглого стола. / НАНУ. ИА; Ред. Д.Л. Тесленко. Киев, 2013] // Там же. С. 595–597.
- Контрапункт в археологии: юбилейный сборник в честь Кристиана Кристиансена: [Рец.: Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen. Oxford, 2013. (BAR IS 2508)] // Там же. С. 598–610.
- Критика и критиканство: Рецензия на сборник рецензий: [Рец.: Щавелёв С.П. Дань Мнемозине: рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. Кн. 1–2. Курск, 2013] // Там же. С. 633–648.
- Снова диффузия под окуляром: [Рец.: Панченко Д.В. Диффузия идей в древнем мире. СПб., 2013. 320 с.: ил.] // *ВДИ*. № 4. С. 192–197.
- Фо па антинорманиста: [Рец.: Фомин В.В. Голый конунг: Норманизм как диагноз. М., 2013. 320 с.] // *РАЕ*. 2014. № 4. С. 649–659.

2015

- Гаплогруппы, норманны и Рюриковичи: (Рецензия: Клёсов А.А. Коллегия двух парадигм? Переписка с Л.С. Клейном // *Вестник Российской Академии ДНК-генеалогия (Boston, Moscow, Tsukuba)*. 2011. Т. 4. № 2; Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М.: Алгоритм, 2013) // *АВ*. 2015. Вып. 21. С. 410–415.
- Культурогенез как понятие и концепция // *ЗИИМК*. № 11. С. 168–179.
- Ленинградский неонорманизм — в самом деле? // *Stratum plus*. № 5. С. 345–350.
- Об индексе Хирша и проделках с ним // *Грани гуманитарного знания*. Курск. С. 618–621.
- Соображения предшественника о рецензии преемника на историю антропологических идей [О рецензии Ю. Березкина на «Историю антропологических учений»] // *АФ*. № 26. С. 312–321.
- History, archaeology and source-studies. A letter from a subject matter to a researcher // *The European Archaeologist*. Vol. 46, Autumn. P. 24–26.
- In conversation with Leo S. Klejn (by Stephen Leach, Keele, UK) // *Archaeological Dialogues*. Vol. 22(2). P. 171–185.

2016

- Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия. 221 с.: ил.
- Классы и типы в археологии: размышления о книге Е.М. Колпакова // *РАЕ*. № 5–6. С. 24–30.
- К юбилею Юрия Евгеньевича Березкина // *АФ*. № 31. С. 307–308.
- Назад в Ренессанс? Маниловские мечты гарвардского профессора // *Археологическая наука: Практика, теория, история*. М. С. 279–282.
- Проблема археологической идентификации тохаров // *Культурные взаимодействия, динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры*. Кишинев. С. 293–320.

Ямная, буджакская и ДНК // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Материалы Круглого стола, посвященного 80-летию С.Н. Братченко. 14–15 ноября 2016 г., Санкт-Петербург. СПб. С. 6–13.

Раев, курганы, города // *Tyragetia*. Vol. X[XXV]. Nr. 1. С. 383–385.

Чайлд и коллизия с Плетневой // *Stratum plus*. № 5. С. 385–389.

Размышления о теоретической работе в археологии: (Отклик на ст. Я.А. Шера: Нужна ли теоретическая археология? // *Археологическая наука: практика, теория, история*. М., 2016. С. 346–354) // *РАЕ*. № 5–6. С. 6–16.

Польско-украинский сборник о погребальных традициях: (Рец.: Культові та поховальні пам'ятки у Вісло-Дніпровському регіоні: Проблеми інтерпретації. Львів; Вінники, 2014. 472 с.) // Там же. С. 226–232.

Происхождение славян, версия биохимическая: (Рец.: Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманской теории». М., 2013) // Там же. С. 233–246.

Сборник памяти Е.Е. Кузьминой: (Рец.: Арии степей Евразии: эпохи бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. 600 с.) // Там же. С. 220–225.

2017

Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: НЛО. 576 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

Долгожданное пособие по археологическому рисованию (Труфанов А.Я. 2015. Археологический рисунок. Опыт методологического анализа. Екатеринбург, АВ КОМ «Наследие», Караван, 220 с.) // *Stratum plus*. № 1. С. 341–349.

Неоконченная симфония // С. Конча. Індоевропейці: познання преісторії. Київ. С. 7–8.

Об идеальной среде для преподавания археологии // *Университетская археология: прошлое и настоящее*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. СПб. С. 13–19.

Ямная, не ямная: (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья) // *Stratum plus*. № 2. С. 361–376.

Современные идеи западной археологии в новом учебнике археологической теории: (Рец.: Harris O.J.T., Cippola C.N. *Archaeological theory in the new Millennium: Introducing current perspectives*. London; New York, 2017) // *Stratum plus*. № 5. С. 403–409.

Indo-Europeans origins and archaeology // *Archéologie européenne: Identités et Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule*. Paris. P. 439–458.

Archaeology in Soviet Russia // *Archaeology of the Communist Era. A Political History of Archaeology of the 20th Century*. New York. P. 59–99.

Do the Indo-European languages of Europe stem from the steppe people of the Yamnaya culture? Is Yamnaya migration to Central and Northern Europe genetically confirmed and does this explain the origins of Indo-European languages? (Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West?) // *European Journal of Archaeology*, 1–15. doi:10.1017/ea.2017.35 (В соавторстве с Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Reich D., Kristiansen K., Sjögren K.-G., Allentoft M., Sikora M., Willerslev E.).

2018

Диалоги. Теоретическая археология и не только. СПб.: Евразия. 368 с.

Культура и эволюция: Теоретические исследования. СПб.: Евразия. 316 с.

Троянская война: эпос и история. СПб.: Евразия. 192 с.

Концепция времени в их последовательности: социальная психология эпох, отраженная в археологии // Принципы и методы датирования в археологии (неолит — средние века): коллективная монография. СПб. С. 9–29.

Археологические теории третьего тысячелетия // *Camera praehistorica*. № 1. С. 150–158.

2019

Гомеровские штудии. СПб.: Евразия. Т. I–II.; Т. I. 608 с.: карт. Т. II. 608 с.: ил.

Спор о варягах как пережитое // *Земля наша велика и обильна... 90-летию А.Н. Кирпичникова посвящается*. СПб. С. 183–200.

Ученый, создавший учение: [Слово о В.С. Бочкарёве] // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб. С. 7.

Место палеолитического искусства в эволюции изобразительной деятельности: (Рец.: Шер Я.А. Доистория искусства. Происхождение и начальная эволюция. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 217 с.) // ПАЖМИ. № 2. С. 117–121.

Страдфордские беседы об археологии: (Archaeology in the Making Conversation Through a Discipline. New York & London: Routledge, 2013. 418 p.) // Там же. С. 122–125.

Литература о Л.С. Клейне

Список печатных работ Л.С. Клейна // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. СПб., 2004. С. 5–26.

Боршевич В.И. Феноменология Клейна // Stratum plus. 2011. № 2. С. 281–288.

Вишняцкий Л.Б., Щеглова О.А., Ковалев А.А. [О Л.С. Клейне] Предисловие // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. СПб., 2004. С. 3–4.

Вишняцкий Л.Б., Раев Б.А. Предисловие: [О Л.С. Клейне] // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017. С. 5–6.

Дувакин Е. «Наука — это трижды борьба...»: К 85-летию Л.С. Клейна // Традиционная культура. 2012. № 4(48). С. 168–169.

Ельяшевич А.М. Увеличение жизни // ТрВ. 2012. Вып. 3(107). С. 12.

Кирсанов В. Лев Клейн не гей, но мужчина // Кирсанов В. Плюс 31: Русские геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы. М. 2007. С. 66–73.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. СПб: Нестор-История, 2010. 730 с.: ил., карт.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. 2-е изд., испр. и доп. Донецк, 2014. 736 с.: ил. (Археолог и культура; Т. 2).

Л.С. Клейну — Учителю и Другу // АВ. 2017. Вып. 23. С. 432: портр.

Козинцев А.Г. Клейн и мы // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017. С. 9–12.

Лапшин В.А., Щавелёв С.П. К 90-летию Льва Самойловича Клейна // РА. 2017. № 4. С. 181–182.

Лебедев Г.С. К 70-летию Льва Самойловича Клейна // Археология Петербурга. [№] 2. 1998. С. 5–9: портр.

Лебедев Г.С. Л.С. Клейн и петербургская школа российской археологии // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. СПб., 2004. С. 29–42.

Лич С.Д. В беседах с Л.С. Клейном // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 36–44.

Лич С.Д. Международная конференция 2011 г. в Бирмингеме: Вклад Л.С. Клейна в археологию // АВ. 2013. № 19. С. 268–269.

Лич С.Д. Л.С. Клейн и Р.Дж. Коллингвуд об истории, археологии и криминалистике // Ex ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017. С. 13–23.

Лынша В.А. Клейновская критика «новой археологии» // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 18–35.

Мосионжник Л.А. Большой Клейн // Public. 2008. Июнь. С. 106–111.

Отрощенко В.В. Феномен російської археології: (до 90-річчя Лева Самойловича Клейна) // Археологія. 2017. № 2. С. 118–124.

Пустовалов С. Эпоха Л.С. Клейна // Bulletin of Kyiv National University of Culture and Arts. Series in Museology and Monumental Studies. Vol. 2. No. 2. Kyiv, 2019. С. 167–171.

Сюткина А., Игнатъев Р.Н. Антропология археолога: интервью с Л.С. Клейном // ЭО. 2017. № 1. С. 196–206.

Тихонов И.Л. Л.С. Клейн как историк археологии // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017. С. 24–37.

Щавелёв С.П. Участь прогрессора // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб.; Красноярск, 2012. С. 193–201.

- Щавелёв С.П.* Славный юбилей профессора науки и культуры: к 90-летию Л.С. Клейна // АВ. 2017. Вып. 23. С. 433.
- Basile Jos.J.* Klejn Leo S. (1927 –) // Ellis L. Archaeological method and theory. New York, 2003. P. 322–323.
- Burstrom M.* An ivory tower in archaeology? A conversation with Leo S. Klejn // Current Swedish Archaeology. 1994. Vol. 2. P. 7–12.
- Djurič B.* Arheološka sistematika L.S. Klejna // Klejn L.S. Arheološka tipologija. Ljubljana, 1988. P. 565–572.
- Immonen V.* The stratigraphy of a life: An archaeological dialogue with Leo Klejn // Archaeological dialogues. 2015. Vol. 10(1). P. 57–75: ill.
- Kristiansen K.* Exploring the limits: An interview with Leo Klejn // Journal of European Archaeology. 1993. Vol. 1. P. 184–194.
- Leach S.D.* A Russian Perspective on Theoretical Archaeology: The Life and Work of Leo S. Klejn. Wanut Creek: Left Coast Press, 2015.
- Lesman Y.M.* L.S. Klejn and the development of theoretical archaeology // Fennoscandia Archaeologica. 1992. Vol. VIII. P. 65–66.
- Marciniak A.* Klejn, Leo // Encyclopedia of Global Archaeology. New York; Hedelberg; Dordrecht; London. 2014. P. 4293–4295.
- Rajakylä M.* Neuvostoarkeologiasta ja toisinajattelijasta: Lev S. Klejnista // Muinaistutkija. 2009. No. 3. S. 46–56.
- Ruiz Zapatero G., Vicent Garcia J.M.* Todo arqueólogo tiene algo de teórico: Una entrevista con Leo S. Klejn // Trabajos de Prehistoria. 1992. Vol. 49. S. 11–25.
- Taylor T.* Conversation with Leo Klejn // Current Anthropology. 1993. Vol. 34(5). P. 723–735.
- Tilley C.* Comments on Klejn: «Theoretical archaeology in the making» // Fennoscandia Archaeologica. 1992. Vol. VIII. P. 59–61.
- Trigger B.* No longer from another planet // Antiquity. 1978. Vol. 52(206). P. 193–198.

CentralTAG Birmingham. The 33rd Annual Conference of the Theoretical Archaeology Group. 2011:

**Debating principles of archaeological interpretation.
An examination of the work of Leo S. Klejn**

(URL: <https://centraltag.wordpress.com/call-for-papers/debating-principles-of-archaeological-interpretation-an-examination-of-the-work-of-leo-s-klejn/>)

- Sergii Paliienko* (Kiev University). What is archaeology? Paradigm shift in the USSR.
- Valery A. Lynsha* (Far Eastern Federal University). Leo Klejn's criticism of New Archaeology.
- Nadezhda I. Platonova* (Russian Academy of Sciences) & *Mikhail V. Anikovich* (Russian Academy of Sciences). Debating the nature of historical sources: A.S. Lappo-Danilevsky, R.G. Collingwood, L.S. Klejn.
- Vladimir Ja. Petrukhin* (Russian Academy of Sciences). Leo S. Klejn & the Normanist controversy in Russian archaeology.
- Piotr Jacobsson* (University of Edinburgh). The necessity in theory: Klejn–Johnson argument.
- Visa Immonen* (University of Helsinki). Debating Leo Klejn's Metaarchaeology: its intellectual background & contemporary problems.
- Anna Zalewska* (Polish Academy of Sciences) & *Dorota Cyngot* (Polish Academy of Sciences). Leo Klejn's Concept of Theoretical Archaeology Seen through the Prism of Thomas Kuhn's Paradigmatic Matrix.
- Stanislaw Tabaczyński* (Polish Academy of Sciences). Paleosociology in the theoretical writings of Leo Klejn.
- Evgeny M. Danchenko* (Omsk State Pedagogical University). On Leo Klejn's contribution to study culture change.
- Ludomir R. Lozny* (Hunter College, CUNY). Ethnogenesis: chasing the imagined world.
- Stephen Leach* (Keele University). In Conversation with Leo S. Klejn.
- Elena Nazarenko* (Saint-Petersburg State University). From theory of knowledge to archeology and back. Leo S. Klejn on the human condition.

Составители:

Л.С. Клейн², Л.М. Всевиов³

² Лев Самуилович Клейн (1927–2019).

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Библиотека. Адрес электронной почты: bibl_mem@archo.ru.

Список сокращений

АВ	—	Археологические вести. Санкт-Петербург
АН	—	Академия наук
АО	—	Археологические открытия. Москва
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург
АФ	—	Антропологический форум. Санкт-Петербург
ВАС	—	Всероссийский археологический съезд
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ВЛУ	—	Вестник Ленинградского государственного университета. Ленинград
ВФ	—	Вопросы философии. Москва
ВЯ	—	Вопросы языкознания. Москва
ВятГГУ	—	Вятский государственный гуманитарный университет. Вятка
ДНУ	—	Донецкий национальный университет. Донецк
ДНЦ РАН	—	Дагестанский научный центр РАН. Махачкала
ЗИИМК	—	Записки Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИА	—	Институт археологии
ИКАКемГУ	—	Известия Кафедры археологии Кемеровского государственного университета
КемГУ	—	Кемеровский государственный университет. Кемерово
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Ленинград / Москва
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград
ЛенУн	—	газета «Ленинградский университет». Ленинград
ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ	—	Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение Ленинградского филиала Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив при АН СССР. Ленинград
ЛОИА АН СССР	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград
ЛОИЭ	—	Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР. Ленинград

ЛФ ЦЭНДИСИ	— Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности исследований и социальных инициатив. Ленинград
МГУ	— Московский государственный университет. Москва
НАА	— Народы Азии и Африки. Москва
НЛО	— Новое литературное обозрение. Москва
ПАЭ	— Проблемы археологии и этнографии. Санкт-Петербург
РА	— Российская археология
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
ПАЖМИ	— Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. Санкт-Петербург
РАН	— Российская Академия наук
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
СА	— Советская археология
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
СЭ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск
ТД	— Тезисы докладов
ТДК	— Тезисы докладов конференции
ТД СПИПАИ 1972 года в СССР	— Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973
ТЛОИИ	— Труды Ленинградского отделения Института истории РАН. Ленинград
ТрВ	— «Троицкий вариант», газета научного сообщества. Троицк
УССР	— Украинская Советская Социалистическая Республика
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва
EAZ	— Ethnographische-archäologische Zeitschrift. Berlin
JIES	— The Journal of Indo-European Studies
NAR	— Norwegian archaeological review. Oslo
WA	— World archaeology. London

Научное издание

Лев Клейн. [Путеводитель]

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Редактор *М.Т. Кашуба*
Верстка и художественное оформление *И.Н. Лицук*
Корректор *Л.А. Виноградова*

Подписано в печать 07.08.2020. Формат 60×90¹/₈.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 29,7. Печ. л. 30.
Тираж 300 экз. Заказ 200807

При поддержке Научно-исследовательского центра
«Актуальная археология» в рамках проекта
«ARCHAEOLOGIA LIBERA»

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-7950. E-mail: spbcolor@mail.ru

Сборник посвящен памяти выдающегося ученого-гуманитария, археолога Льва Самуиловича Клейна (1927–2019). Краткая биография отражает основные вехи жизни Клейна и этапы его становления как ученого, педагога и публициста. Статьи охватывают широкий круг научных интересов Л.С. Клейна: отражены его основные теоретические положения в археологии, вклад в историю науки и в изучение отдельных археологических культур от энеолита до средневековья; показана его деятельность как полевого археолога; представлены его разработки в филологии, культурологии, семиотике, искусствоведении. Важную часть составляют статьи, посвященные его педагогической и общественной деятельности. В книге имеются краткие воспоминания приемного сына Дамира. В приложении публикуются полный список работ Л.С. Клейна и основная литература о нем.

